

А. Зарубин

КУЛЬТУРНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ

Планета, похожая на рай. Ее пейзажи вешают в рекрутинговых пунктах — вступай во флот, парень, служи — и попадешь в мир зеленой травы, моря, джунглей и яркого солнца.

Ненадолго. На пару недель.

Отпуск в раю, отдых от казенных стен и корабельной рутины.

Очередной корабль, очередная партия отпускников спускается вниз — и выясняет, что человек, тварь такая, и в раю сумеет устроить себе ад крошечный.

От теплых пляжей — на север, к далеким скалистым горам. Сквозь джунгли, где живут драконы. Пасторы крестового бога. Черные лесные колдуны. Воины с крестами на плоских лицах. Идем. Сквозь копоть и дым, в паутине лжи и загадок. Бьют барабаны. Кто-то здесь очень хочет войны. Что же, этот кто-то ее получит.

Пролог. Прибытие

Стыдно было признаться, но капитан Блейк любил солнечные паруса. Молва и обычай не позволяли суровому капитану любить что-нибудь, кроме тягучего тарианского рома, водки и портовых шлях — и то и другое лишь за количество. Но даже зелёный ром портовые скоты умудрились испортить, девчонок — тем более, а паруса не портились никогда. Пять лепестков, пятьсот метров тонкой пленки силового поля растягивались от кормы его старого, потрепанного жизнью грузовоза. Поток энергии от короны свирепой звезды бился о них, разгоняя корабль. Бился, мигал искрами и всполохами света — зелёными, как леса тары, жёлтыми и оранжевыми как солнечный восход и ало-багровыми — как текущая по ножу струя крови. Пляска энергий трепетала, узор искр не повторялся никогда — и с каждым уловленным полем фотоном, с каждой яркой, переливающейся искрой энергия скользила по кабелям вниз, в накопители транспорта.

— Красиво, однако, — сказал сам себе капитан, отведя глаза от ярких сполохов на унылые зелёные огни корабельного пульта. Ползунки индикаторов зарядки уверенно ползли вверх.

— Хорошо, — подумал он ещё раз, — звезда сейчас злее обычного.

Это и впрямь было хорошо. Для его старого транспорта, загрузившего полный трюм на луне Геллера и набравшего разбег, чтобы уйти прочь — подальше от унылой шахтерской базы, к холодному блеску внешних планет. Набрать скорость, поймать ледяной гигант за юбку гравитационного поля, развернуться — изящно чиркнув краем паруса об атмосферу — и уже на инерции уйти домой. Ближе к теплу и солнцу. На горящую колдовским огнём жизни планету со звучным названием "Счастье".

К орбитальным станциям, серым стенам, рому, измотанным шляхам и одинаковым кабакам... Капитан щёлкнул костяшками пальцев, потянулся в кресле и подумал, что будь его воля — умник, так назвавший планету, лишился бы кой-чего важного в организме. Чтобы не издевался так над людьми. Да и девчонкам с того радость будет.

Впрочем, умник сидел в высоком кабинете на далёкой Земле и достать его капитан не смог бы и при желании. Так что капитан Блейк щёлкнул костяшками ещё раз и усилием воли вернул мысли в круг более приземлённых вещей. Например, к вопросу, включать ли бортовой радар сейчас или погодить. Космос вокруг был черён, как душа таможенника и пуст, как карман после его визита. И энергия в накопителях лишней не бывает никогда. Но... Тут капитан вспомнил последнюю стоянку, ром в стакане, тусклый свет лампы под потолком, компанию за столом напротив — вроде бы случайные люди, но... больно уж рожи невинные для случайной встречи. Вспомнил — и вдавил большим пальцем кнопку пульта. Зажёгся обзорный экран, полосы индикаторов дёрнулись, прыгнули вниз — радар заработал, забирая энергию накопителей. И — почти сразу — раздирающая нервы трель. Тревожный зуммер. Контакт. Капитан подобрался в кресле — рывком, вмиг. Сдёрнул ноги с пульта. Пальцы обеих рук пробежали по кнопкам — легко, как маэстро по клавишам.

Предчувствие не соврало. Свою энергию радар отработал. Массивная и — по засветке видно — тяжёлая тень шла позади, параллельным грузовику курсом.

— Внимание, — проскрипел механическим голосом бортовой компьютер, — радаром обнаружен неизвестный объект. Идёт параллельным курсом.

Новый зуммер. На экранах, за точкой объекта — всполохи, тонкие будто кометный

ХВОСТ.

Уточнение расчётов... Объект увеличил скорость, дистанция сокращается.

На обзорном экране мелькнул яростный, злой огонёк. На объекте включили движки, щедро окатив космос потоками плазмы из главного двигателя. Зуммер противно заверещал. Капитан вдавил кнопку внутренней связи и коротко, на выдохе, рявкнул:

— Моли, у нас проблемы.

— Айе, сэр, — протяжно отозвалась бортстрелок. Гортанный, на вдохе, голос, странный акцент. Не человек — тусклая тень на в углу экрана. Золотые глаза, зрачок вытянут, по кошачьи, в нитку. Точёное лицо. Будто земной скульптор резал его ножом по белой, слоновой кости. Чёрные спирали и молнии татуировок по щекам. Та, что на левой означала плодородие, на правой — страсть, но этого капитан ещё не имел случая проверить. Ещё была алая точка на веках, в углу — заклинание на верный прицел. Вполне рабочее, в этом капитан давно убедился.

Взвыли моторы — люк на корпусе транспорта ушёл вниз, выпуская на волю турель тяжёлой плазменной пушки. Поле погасло, солнечный парус свернулся вниз, открывая Моли сектор обстрела. Через полуоткрытые двери в рубку влилось запах дыма и монотонный звук сверху, с орудийного пульта — три ноты на мелодичном чужом языке. Туземка со Счастья завела свою песнь, как всегда перед боем. Среди её татуировок был и христианский крест, но капитан не думал, что это молитва.

Зуммер запел опять. Из динамиков — кашель и хрип. Передача.

— Эй, на торговце. Говорит капитан Хетч. Отстрели трюм и никто не пострадает...

Капитан усмехнулся. «Ищи дураков в другом месте, парень»...

— Слушай меня, Хетч, — проговорил он в ответ. Медленно, чётко, зная как коверкает и крутит голос связь на таких дистанциях, — теперь слушай меня.

На борту пятьсот, повторяю, пятьсот тонн прометиума. Общей стоимостью пять лимонов в федеральной валюте. Сдать такой куш без боя — меня звезды засмеют.

Из динамиков — ругань и лающий хрип. Передача оборвалась. Компьютер монотонно пищал, сыпал цифрами — скорость, курс и опознанные параметры пирата.

— А он большой, сволочь, — медленно, задавая ритм стуком пальцев по пульта, думал капитан, — Куда больше нашего кораблика. Пушек, наверное... Впрочем, ему придётся бить только наверняка, ракетами в стык между корпусом и трюмом. А то бабахнет груз — и все. Я сижу на облаке и ржу, а у мастера Хетча не рейд, а одни убытки. Так что ракетами и только в упор. Ну, пусть сперва подойдёт.

Монотонное пенье тянулось из оружейки, лилось, обещая пирату что угодно, кроме легкой прогулки. Нота, другая, опять. Ритм повторял себя раз за разом, компьютер уныло пищал, время тянулась по капле, медленно, как перед взрывом. Капитан коснулся пульта — бережно. Чуть повернул корабль вокруг оси. Энергии ушло — чуть, но стрелку так будет удобнее. Песня дрогнула, зависла на одной ноте. Они с Моли летали долго — достаточно, чтобы знать как выглядит "спасибо" на боевом диалекте туземцев. С пульта — короткий писк и мигание. На экране — новая точка в углу. Контакт. Опять. Ещё один корабль попал в луч радара.

Капитан глянул — и выбросил новую метку из головы. Слишком далеко и идёт не параллельным — пересекающимся курсом. Под острым, к ним с пиратом углом. Даже если это брат-каботажник — слишком далеко и вмешаться не сможет, если захочет. Не стоит корпоративная премия за доброе дело энергии на разворот, не говоря уже о перегрузках.

— Нет уж, здесь сам на себя, — сказал себе капитан, прикидывая, под каким углом пройдет бой и как ловчее встать, когда придёт его черёд — крутить корабль вокруг оси и жечь пиратские ракеты ударами двигателей. Но до этого ещё...

Дикарский напев взорвался, взлетел ввысь короткой, трепещущей нотой. Дёрнулись полоски индикаторов, завывла турель.

— Моли, хурасдоч, заряд побереги, — рявкнул было капитан, — далеко, слишком...

Моли так не считала. Явно. Турель выплюнула три залпа — два коротких, пристрелочных, на минимальной мощности и тут же — на полной. Ярко-алой, режущий глаз струёй плазменного огня.

— Курвасса... — прохрипел ругательство капитан. И осёкся. Россыпь алых точек по тактическому экрану. Россыпь искр — по силуэту пирата. Россыпь вторичных взрывов. Прямое попадание.

— Моли, ты молодец.

В ответ — короткий, варварский клич и серия яростных залпов. Попадание, ещё одно. Пушка грузовика слишком слаба, чтобы пробить броню, но на пирате сейчас горел и плавился в плазменных вспышках весь наружный обвес. Антенны, кабели, люки торпедных шахт. Кометным шлейфом — россыпь огней за кормой. Хетч, или как там его, не выдержал, добавил ускорения своему кораблю. Хочет выскочить из-под обстрела, пират. Капитан ухмыльнулся и дал осторожный импульс на тормозные. Чуть-чуть, авось враг увлечётся и проскочит точку контакта.

Из оружейки — протестующий вопль и вполне человеческое, земное, ругательство. Моли не успела перевести прицел, залп ушёл в пустоту. Капитан извинился. Зуммер завыл. Резким, скребущим по нервам звуком.

Капитан дёрнулся и перевёл взгляд на экран. Третий, чужой корабль сменил курс и шёл на них. Пулей, по немыслимой дуге, стрелой в оперении ракетного шлейфа.

— Он охренел, — прошептал капитан, не веря глазам. На его глазах в соплах чужака сгорело топлива больше, чем он тратил за рейс. Да что топливо — на такой дуге корабль размажет перегрузкой. То есть уже размазало... Но нет, чужой корабль завершил разворот. Невозможно. Разве что у чужака гравиакомпенсаторы на борту. Но их каботажникам не дают, только...

— Всем тихо, мальчики. Убрали пушки и спать, — внезапно ожила радиосвязь, — Майор Пегги Робертс, федеральный флот. Всем тихо, пока я не расстроилась.

Экран задрожал и сменил картинку. На связи — пилот чужака. Десантный скафандр, зеленый мундир. Смятые длинные волосы, красные с перегрузки глаза.

— Видать хреновые у них компенсаторы, — сказал сам себе капитан, вдавливая вниз кнопку отбоя. Быстро, пока Моли от пушек не успела возмутится, что-то сказать, или, не дай бог, выстрелить. Нервы пирата оказались не столь крепкими.

— Пошла ты в задницу, сука, — глухо взревел тот. Вспыхнул ракетный шлейф. Пиратский корабль рванулся вперёд, набирая ускорение.

— Куда? — оскалилась с экрана федеральный майор. Дёрнула лицом. Потрепанным, в складках, острых как зазубрины на обухе мачете. Связь оборвалась. Корабль федералов пролетел мимо. Капитан на миг разглядел его контуры в оптике грузовика. Короткие крылья и острый нос — клюв хищной птицы. Десантный челнок "сорок на сто", рабочая лошадка регулярного флота. Давненько они на Счастье не заглядывали. Мелькнула вспышка на пульте, завыл зуммер — пиратский корабль открыл огонь. Это было впечатляюще, чтобы не

сказать больше — к челноку рванул сверкающий меч горячей, ослепительной плазмы. И следом — дымной короной — ракетный залп. Стена огня. Челнок прошёл сквозь неё, качнув крыльями, в вираже, изящном, как балетное па. Капитан — теперь уже зритель — бессильно выругался.

— Были бы у меня компенсаторы — я бы тоже так смог. Наверное, — подумал он. Пластик пульта обиженно хрустнул под кулаками. Моли из башни запела опять — песнь лесистых равнин, гортанную песнь ножа, прощания и смерти. Челнок на экранах прошёл вдоль борта пирата, развернулся и открыл огонь. Россыпь коротких искр под крылом. Облако взрывов по борту цели. Разворот, вспышка тормозного импульса. Капитан подумал, что не хочет гадать, сколько топлива спалили сейчас безумные федералы. Экран мигнул. Опять пилот челнока — как там ее, Пегги Робертс? — Теперь она откровенно скалилась.

— Уточните, я сюда должна была идти?

Челнок на миг завис — носом к хвосту пирата. Залп. Взрыв. Белое, огненное колесо, только что бывшее пиратской посудиной. Тяжёлой, хорошо вооружённой, мощной, но — против федерала — всего лишь посудиной. Не помогли Хэтчу броня и пушки. Капитан моргнул раз, другой, пока не ушли с глаз ослепительно-яркие миражи. Вспышка погасла. Космос опять стал черён и пуст, лишь обломки и газ парили облаком на месте взрыва. Даже Моли в оружейке затихла. Умолкла песнь. На миг. А потом экран зажегся опять, зуммер взвыл и капитан Блейк услышал вновь голос федерального офицера.

— Валите отсюда. Полный газ, все что есть — на дюзы и чтобы я вас здесь не видела. Быстро.

Под крыльями челнока мелькнули огни — багровый росчерк прямо по курсу. Предупредительный залп. "Черт, она серьёзно", — прошипел под нос капитан, прикидывая варианты. Их не было. Совсем. Из оружейки донёсся шёпот. Вдруг. Горячий, сухой, не похожий на дикую песню. Капитан вздрогнул. Не для красоты его бортстрелок выжигала христианские кресты на запястьях.

Капитан мотнул головой, прогоняя ненужную сейчас мысль, и ответил

— Тогда стреляй. Сейчас. У меня компенсаторов нет, развернуться корабль не может. Только в гравитационном поле планеты, а на полном ходу мы пролетим мимо него. Так что стреляй и будь проклята.

— Давным — давно, капитан. И, по уставу, стрелять обязана. Но жалко. Так что не дури. Полный на тридцать секунд, потом — двенадцать секунд торможения и стоп. Инерция вынесет прямо к внешней планете. Далеко, но жив будешь. Звезда сейчас злая, без энергии не останешься.

— Топлива не хватит.

— У тебя прометиума полные трюмы. Сам в эфир орал, я слышала. Дороговато, зато живой...

Капитан прикинул. В уме, потом на экране бортового компьютера. Да, получалось. Круг через всю систему, месяц в железной банке, псу под хвост — но получалось.

— У меня есть выбор?

— Нет, — пушки челнока мигнули опять. Под кормой, опять предупредительным. Капитан помянул по матери всю федеральную власть, ввел курс, проверил расчёт ещё раз и вдавил кнопку запуска. С кормы — рев дюз, перегрузка — бешеная, до кровавой пелены и — в ушах — хрустального звона. Грузовик рванул вперёд, оставив далеко за кормой место схватки. Динамики щелкнули, полилась гортанная речь — Моли из оружейки перехватила

связь, спросила о чем-то челнок. По-своему, капитан не понял ни слова. К его удивлению ответ пришёл — короткий, словно печальный. На том же наречии, что и вопрос. И все. Экраны погасли, связь оборвалась. Рёв дюз умолк, в отсеках заплескалась тишина — непривычная на слух тишина, лишь из полуоткрытых дверей полились опять звуки чужого языка — протяжная, тоскливая песня.

— Что это с ней? — подумал капитан. Пожал плечами и щёлкнул пультом, гоняя, от нечего делать камеры наружного наблюдения. И обомлел. Во мраке и тьме, забывая свет редких звёзд, сквозь пространство ломилось нечто. Длинный, узкий, вытянутый угольно-черный силуэт. Широкий в корме, к носу — сужается в зазубренное, острое лезвие. Дуги антенн, тонкий шпиль мостика, портики грузовых люков, исполинские кольца дюз на корме. И главное. Он был огромный. Капитан прикинул расстояние, потом размеры пришельца — и выругался. Не выбирая слов, громко и от души. Так вот кому расчищал путь федеральный челнок. Вот за что дрался безумный майор десанта. На «счастье» прибыл корабль достопочтенной корпорации. Нет, не так. Его грузовоз — тоже корабль, но пришельцу он без проблем влез бы в грузовой трюм. Один из многих. Сквозь пространство ломил "Их величество корабль", тяжёлый межзвёздный транспорт федерации. Единственный класс межзвёздных кораблей, способный пройти сквозь ад от Земли сюда и вернуться. Такие корабли приходили на Счастье раз в год. Выгружали новости, начальство и ссыльных, загружали полные трюмы нежной, зелёной "тари" и улетали. Раз в год. Строго говоря — прилёт корабля и означал здесь, в колонии начало года. Иногда они на Счастье случались длинные... Но этот кончился. Теперь будет праздник, салюты, поздравление губернатора, торговля — легальная и не очень, миллионные сделки и пьяная десантура по кабакам. А по милости судьбы и этой безумной с челнока — капитан все пропустил.

— Впрочем, ладно, — подумал он, щёлкая костяшками пальцев, — не жил богато — и не придётся начинать. Улыбнулся вдруг. Вспомнилось детство, тёплое лето и в небе — огни. Тёплые огни в теплом, синем небе над горами и шпилями дворца. Салют.

— Зато новый год, есть с чем Моли поздравить, — подумал он, вставая с капитанского кресла, — надо же когда-то узнать, что значат все эти её татуировки...

**

Корабль. Тот самый. Если бы оптика старого грузовика капитана Блейка была бы мощна настолько, чтобы передать картинку сквозь мили пространства и метры адамантиевой, тяжелой брони — на верхней палубе гигантского корабля, в каютах старших офицеров увидела бы весьма странную пару. А если бы она еще и звук принимать умела — услышала бы один любопытный диалог. Станный, под стать собеседникам.

— Флот подтверждает — пиратские силы здесь уничтожены. Все, — невысокий, лысеющий и слишком прямой для пятидесяти лет человек улыбнулся и выпустил из руки белый лист. Бумага прошелестела в воздухе, перевернулась и упала — прямо на широкий стол, точно в отведённое ей место в стопке таких же белых, еще пахнущих краской листов. Архаизм, причуда, но господин генеральный комиссионер "Объединённых исследований" мог позволить себе чудачество. Небольшое и не в ущерб бизнесу.

— Вы в это верите? — усмехнулся с другой стороны стола его собеседник. Тусклым золотом сверкнул золотой крест и браслет на широком запястье. Корабельный капеллан в черной, глухой, предписанной саном рясе. Полная противоположность невысокому комиссионеру — высокий, большелобый, с длинной, вьющейся бородой. Упрямые, злые глаза. Комиссионер усмехнулся

— Пираты уничтожены. Система чиста. В это поверили пилоты, в это поверил и капитан. Даже штатного корабельного параноика — монсеньёра навигатора убедили. Иначе он не дал бы «добро» на подход к планете и стоянку. А для команды это отпуск, ром, контрабанда, и прочие береговые радости...

Капеллан поморщился. Чуть-чуть. На слове «береговые» Комиссионер слегка поднял верхнюю губу. И добавил:

— Люди верят, когда хотят верить...

— А вы?

— Что, я? Верю ли я в это? Я верю в документы. Отчётность. Бюрократию. В архивы что лежат там, в подвале дворца губернатора. Или в сейфе одного из чинов помельче. Два дня перекрёстной проверки... — комиссионер невольно провёл рукой по столу. В пальцах скользнули листы. С тихим, приятным слуху бумажным шелестом, — и проблема действительно будет решена. Нет бандитов без крыши. А крышу эту я поймаю за руку, дайте срок. И тогда она будет вежливой, тихой и готовой к сотрудничеству. А потом флот пойдет и зачистит пиратские базы. Как надо, а не как сейчас. Но для этого мне нужно быть на планете, а не здесь. Так что пусть десантники полируют медали, капитан радуется успеху а команда — отпуску. Это полезно. Им всем.

— Что же, господин бюрократ, по вере вашей вам да воздастся, — задумчиво проговорил капеллан. Браслет сверкнул на его руке. Комиссионер поморщился. Немного. Часы-коммуникатор, модель безумно дорогая и до жути безвкусная. Настолько, что комиссионеру казалось иногда, что агент святой церкви на борту таскает её лишь для того чтобы лишний раз задеть тонкий вкус служителя корпорации. Поднял глаза, чтобы лишний раз не встретаться взглядом — и словно укололся о ледяной, яркий свет. Звезды, казалось, плыли в оптике обзорного экрана легко, как облака по синему небу. Затмились на миг, спрятались за переливающимися всеми цветами радуги шлейфом тормозного выхлопа. А потом на экран неторопливо, как королева, вышла планета. "Счастье", яркий оранжево-белозелёный шар, весь в нежной фате облаков, светлый и переливающийся. Как игрушка на елке. Дорогая, штучной работы игрушка. Пальцы господина комиссионера невольно сжались в кулак. Тишину прервал рев сирен. Глухой и чуть слышный здесь, на "чистых" верхних палубах и оглушительно-резкий — на "грязных" внизу. Два длинных, резких гудка, потом три подряд — длинных, скребущих. Самый редкий на флоте сигнал. Самый ожидаемый. Его звук вставляли в вербовочные ролики, далеко на Земле. Служи, новобранец, будешь достойным — услышишь заветное:

"Всем постам — команде приготовиться к сходу на берег".

— Что за хрень, — невольно вздрогнув, прошептал под нос Эрвин Штакельберг, волонтер флота. Внизу, в полутемном, сыром коридоре нижней палубы рев сигнала оглушал, бил в уши, выворачивал мозг. Мигнул свет — красноватые аварийные лампы вспыхнули на миг, погасли, плюнув на стены чернильной тьмой. Зажглись опять. Вой затих — на миг, чтобы вернуться. Приятель Эрвина, невысокий чернявый паренек в потрепанной синей куртке с нашивками матроса первой статьи вздрогнул и замер на полушаге, прислушиваясь. Даже рот открыл. Это было внезапно, настолько, что Эрвин запнулся, не успев сдержать шаг. Их плечи столкнулись, из рук матроса вырвался тяжелый, обмотанный веревкой, пакет. Полетел было вниз, прямо в лужицу темной воды у забитого стока.

— Смотри, чего творишь, — зашипел на приятеля Эрвин, подхватывая ношу в миллиметре от края чернильной воды, пахнувшей острой химической дрянью с моторных

отсеков. Ценную ношу. Черный табак, настоящий. Еще вчера с плантации. Эрвин сильно подозревал, что с его личной плантации, поэтому ломать трюм полез с легким сердцем. В конце концов... Вой повторился. Еще и еще. Матрос замер, раскрыв рот. Пальцы его загибались — паренек считал гудки. Смешно шептал что-то под нос и ерошил на голове черные, торчащие в разные стороны волосы.

— Эй, это что за хрень? — Толкнул его Эрвин слегка. Дождался ответного взгляда, и повторил вопрос: — Слушай, я такого сигнала раньше не слышал...

— Ты что, — глаза у того расширились было от изумления, потом опали. — это же лучший на флоте сигнал. Отпуск, парень. Гуляем...

— Серьезно?

— Ну, да... Тебе что, вербовщик не говорил? — выпалил было матрос.

И ойкнул, невольно поднеся руки ко рту. Но Эрвин в ответ лишь согнул руку. Капелькой крови — нашивка на рукаве. Потертый красный квадрат. "Волонтер флота", знак, означающий, что владелец одного однажды не сумел удрать от рекрутеров. Навсегда. Или, в случае Эрвина — на рейс до Земли. Пассажиров штаткой не предусмотрено а бездельник на борту страшной ядерной бомбы.

— Не говорил. Они вообще ребята молчаливые... Давай ты за него скажи...

Отпуск. Корабль в док, на орбиту, нас вниз, на солнышко. Всех. Это... Заботятся, вроде как, чтобы мы в этой коробке за год мозгами не съехали, да не сгрызли важного кого. Так что — гулять скоро будем, братан.

Эх небо синее да морда красная

я лежу бухой, а жизнь прекрасная...

Парень оскалился, хлопнув ладонями по коленям. Дернулся на горле острый кадык. Эрвин замер, заметив вдруг, сейчас, в красноватом свете аварийной лампы — до чего бледная у того кожа. До синевы, под цвет форменного мундира.

— А сейчас что... — спросил он. Осторожно, больше чтобы скрыть неожиданное смущение.

— Сейчас, — парень задумался, — сейчас, чую, будет большой аврал. Уборка и драйка всего, что блестеть может... Включая...

— Погодь, — остановил его Эрвин, прежде, чем парень успел уточнить, что конкретно предстоит драить бравым морякам в порядке предотпускного аврала, — это нас пока подождет. Перекурим?

И, не дожидаясь ответа, полез за трубкой в карман. Флотской, железной, обмотанной изолентой у мундштука. Точенного на краденом станке, из краденного на дежурстве черного эбонита... Осторожно присел на кабель у стены. Распотрошил пакет, ухватил, размял в пальцах щепотку. Скатал в шарик, забил, зажег. По коридору, перебивая затхлость и острый химический дух, поплыл сладковатый, тяжелый, кружащий голову запах... Матрос сел рядом. Щелчок зажигалки, светло-серый, струящийся кверху дымок.

— Слушай, брат. Отпуск... Планета эта — Она на что похожа? — спросил Эрвин вдруг, разрывая молчание.

— На рай, — непривычно-тихо ответил матрос не отрывая глаз от медленно плывущей ввысь струйки дыма

— 1 Высадка

Глава 1

— Если это рай, то спасибо, я лучше в чистилище, — шипел волонтёр флота Эрвин Штакельберг себе под нос. Спустя неделю, когда пришел их, волонтёрский, черёд спускаться вниз в объятия райской планеты. Неделю, забитую беготней, хаосом и бесконечным авралом. Разгрузка, прием топлива, разгрузка опять. Сирены, темные коридоры, неподъемные ящики, матросская ругань и офицерский мат.

— Корабль, красotka наша худеет к лету, — шутили девчонки из трюмной команды — операторы грузовых кранов. Тяжело, устало, смахивая со лба мокрые от соленого пота волосы.

Упругие, выворачивающиеся из рук брандсбойты, пар и струи воды — потоком по серым адамантиевым стенам. Дезинфекция палуб.

— Марафет наводит, красавица, — шутила, вторя подругам, команда очистки. А у самих слезы — потоком из глаз, воспалившихся от едких химикалий.

Эрвина за каким-то лешим погнали в открытый космос — выправлять антенны, никак не хотевшие вставать под уставным углом. Выправил — при помощи лома, кувалды и ядерной матери, вернулся, и, поддавшись общему потоку, на вопрос — "ну как?" — ответил дурацкой шуткой:

— Теперь и ресницы подвела.

Ряд длинных антенн действительно загибался от люка вверх, подобно томным женским ресницам

А потом взвыли ревуны, и по громкой связи пришла команда — "Работа закончена, командам готовится к высадке на берег". Эрвин сперва не поверил.

Правильно сделал — внизу их встречал космопорт, построенный, за каким-то чёртом в полярной зоне. Райский мир встретил Эрвина снегом в лицо. И новой работой — стоять в оцеплении, охранять поле и ждать. Непонятно чего. Ветер крутил над полем тонкие, сверкающие полосы и круги — вихри позёмки. Над взлётным полем — серым и чёрным ковром. Один край тонул во тьме, на другом тянулся бетонный пирс, а за ним — свинцовое, кипящее море. Пенные волны ревели и бились в причал, оставляя клубы пены на сером камне. С диспетчерской башни метался огонь прожекторов — яростно-белые, слепящие столбы рвали тьму, гоняли пятна света взад-вперед по полю. Искрилась позёмка, снежные кольца извивались, будто плясали джигу в их свете.

— Чертовы федералы, гхалас через колено их мазер, нашли место для космопорта, — выругался парень ещё раз, стряхнул снег с волос — упали и прилипли ко лбу намокшие светлые пряди. Оглянулся и стиснул зубы. Крепко. Кое-кому эти ругательства слышать совсем не надо. И вообще, когда юный Эрвин гостил у дяди в Скалистых горах — далеко дома, на родном Семицветье — вот там был настоящий холод и снег. И ничего.

В ухе дёрнулась, запищала гарнитура приёмника.

— Внимание, говорит диспетчер Лоуренс. Эрвин Штакельберг, волонтёр флота — строгий выговор. Не забивайте канал связи. И... — бусинка в ухе была битая, звук немилосердно хрипел и трещал коверкая интонации — от шипения до ехидной издёвки — ... Напоминаю, что уставным языками на территории корпорации являются русский, английский и испанский.

Ветер взвыл, напрочь забив воём остаток фразы. Эрвин мотнул головой и выдал:

— Ты, гхала`с фили, Вайя то мамо. И тех курвасса мит орен что здесь космопорт построили с собой возьми. И что в этой фразе не на уставных языках сказано?

— Второе, третье и девятое слово, волонтер. Гаэльский, португальский и финский к уставным никак не относятся. Кончай языком трепать, парень, пока не узнал, что такое церковное покаяние. И оскорбление федерации заодно... — по ушам, молотом, хлестнул суровый рык. Корабельный капеллан отец Игнатий влез в перебранку, — отставить, я сказал. Во первых — диспетчерская служба это наземный персонал и флотским вы здесь ничего не сделаете.

— А вы, молодой человек, — Это уже к Эрвину, — имейте в виду — здесь не ваше захолустье, здесь люди говорят на одном языке а не на всех и сразу. Привыкайте, раз попали на флот.

Эрвин просто взял и отключился. Позёмка — витая, серебристая плетть прошелестела змеёй мимо глаз, заставив парня сморгнуть от льдистого блеска.

— Я и говорю на одном. На человеческом, — выругался Эрвин ещё раз в отключенный динамик. Ветер ударил опять, залепив снегом рот и вернув мысли прочь от короткой перебранки.

— Все таки тут, по сравнению с нашими горами, — аккуратно подумал он, переминаясь и перехватывая в руках дробовик, — не мороз а фигня. Ноль градусов. Стандартная флотская куртка шутя выдержит.

Стандартная флотская куртка Эрвина сейчас кутала плечи Ирки... То есть Ирины Строговой, тоже волонтера из Эрвинова десятка. Не к чему ей слышать эти матюги. Ещё возмутится, куртку назад отдаст да сдуру простудится. Вон сидит у огня — тут Эрвин украдкой обернулся, посмотрел назад, в полутьму. В дырявой бочке трепетал огонёк. Обильно политый бензином моток украденной проволоки чадил изоляцией, немилосердно плюясь дымом и рисуя копотью узоры на лицах матросов его отделения. Вот и Ирка — сидит, повернувшись спиной, прячет уши от холода. Ледяной ветер треплет капюшон, мотает и рвёт сбежавшие из под шапки чёрные пряди. И рука придерживающая воротник — уже белая вся. С моря — рокот моторов, шорох и плеск широкой волны — тупоносый, серый транспортный экраноплан, сложив крылья, упал на воду и замер, покачиваясь на волне у пирса. Люди развернулись к нему, загомонили — все вдруг и разом. Ирка вскочила на ноги, куртка сползла с плеча, с головы слетел капюшон — снежинки, играя, вспыхнули блёстками на ресницах, чёрной косе и короткой чёлке.

— Это за нами? — спросила она. Слова сорвались с губ и улетели — с паром дыхания. Чёрное небо расколосось надвое плазменным вихрем. Звезды померкли. Сразу и вдруг, спрятались от ревушей стихии. В уши ударил гул и рёв раздираемого воздуха. Короткокрылая хищная тень шла круто вниз, верхом на столбе дымного пламени.

— Еще нет, — рявкнул Эрвин. На поле садился корабельный челнок, — что за черт, мы же все уже выгрузили?

Когда их команда улетала — грузовые трюмы уже были пусты. Челнок замер, на мгновенье завис, качнув крыльями в воздухе и — в облаке пара — коснулся земли.

Огни прожекторов забегали по полю, засуетились, выстраивая коридор белого света к пирсу. Широкие решетчатые трубы поднялись, как грибы, развернули книзу лепестки воздухопроводов. Поднялась метель, взметнул туманную пелену поток воздуха от тепловых пушек. Охрана космопорта — две линии в полном боевом, две стены гротескно — тяжёлых,

чёрных фигур со стволами наизготовку. Полозья челнока ударились о бетон, рёв затих. С протяжным скрипом откинулись люки. Наружу вырвался красноватый, неровный свет и клубы пара. А потом крик. Протяжный, скребущий душу звук, сплетённый из гула сотни голосов, ругательств, окриков и стопа. Взвыли тепловые пушки, гоня поток воздуха вниз, на бегущих людей. Неровной, раздёрганной толпой, ковыляющей, под ругань охраны, из люков челнока прочь — к морю, в трюмы экраноплана.

Эрвин только сейчас сообразил, что под разгрузку последней всегда стоит эмигрантская палуба.

— Опять каторжники, — кто-то громко выругался за спиной.

— Понаехали тут, — прохрипел голосом диспетчера включенный динамик. В лицо ударил поток тёплого воздуха — один из грибков — тепловых пушек заклинило на обороте, обдав людей Эрвина потоком затхлого, сырого тепла.

— Давно бы так, — просипел под ухом простуженный голос. Пабло ДаКоста, длинный, тощий матрос, тот самый, что ходил с Эрвином воровать табак с грузового трюма, — задолбали экономить.

— Перебьемся, — прошептал Эрвин в ответ. Осторожно, стараясь не лязгать зубами. Эмигрантской палубе стандартных курток не полагалось. Им вообще не полагалось ничего, кроме воздуха, жратвы и кубического метра пространства от щедрот корпорации — на троих.

— Бесплатный проезд, мать его в душу... — Эрвин договорить не успел. Цепочка стражи дрогнула впереди. Кто-то из встал слишком редко или поскользнулся на гладком снегу. Оглушённые перелётом, ослепшие люди попёрли напролом. В уши — рев сирен, свистки капралов и крик. Слитный, тоскливый стон раненного зверя. Эрвин сорвался на бег. Укорочённый флотский дробовик сам собой сорвался с плеча, удобно скользнул ребристой рукояткой в ладони.

— Черт, — прошептал он уже на бегу, — черт побери...

Толпа уже проломила цепь и рванулась — в мороз, ночь, никуда. Мутный, рычащий клубок — протянутые худые руки, всклокоченные головы, искажённые лица — мертвенно-бледные в свете прожекторов. Из глоток рвался пар, выходил, улетал в небеса с каждым криком. звон в ушах. Эрвин на бегу потрянул головой. Нет, это звенят о бетон каблуки самодельных ботинок. Пять шагов. Наперерез. Вытаращенные, горящие безумным огнём глаза. Измотанные, оглушённые свободой люди тупо не представляли, что делали.

— Они же помёрзнут насмерть

Предохранитель под пальцами — тугой и промёрзший стальной рычаг. Выстрел. Оглушительно-громкий, уши заложило на миг. Струя огня из ствола. Первый патрон, Картечь. Россыпь искр, снега и льда — в землю, людям под ноги, почти у носков сапог. Кто-то закричал. Огромный, бородатый мужик впереди замер, качнулся, машинально вытер кровь с лица и удивлённо посмотрел на руку — дробина прошла рикошетом, распоров щеку. Кто-то упал. Серая тень скользнула мимо Эрвина, в темноту за спиной.

— Назад, — заорал он. Щёлкнула скоба, досылая в патронник новый патрон. Второй — резиновая, останавливающая пуля. Вроде. Палец на миг застыл на крючке спуска.

— Надеюсь, я не ошибся при зарядке, — Эрвин поднял ствол и выстрелил ещё раз — в самого громкого. Прямо в заросшее, изломанное яростью лицо. Человек упал. Толпа качнулась. Щелчок скобы. Третий заряд — снег под ногами людей опять взорвался россыпью искр. Картечный залп. Шаг вперёд. Левая рука стиснула ложе ружья. Истоиво, до

побелевших пальцев. Правая толкнула скобу вниз, до щелчка и вверх с точностью метронома. Заряд ушёл в ствол. Третий.

— Назад, — заорал Эрвин, шагнув прямо на толпу. Над головой — оглушительный треск и скрип ржавого железа. Тепловая пушка развернулась наконец. В лица людям ударил, закружил волосы холодный ветер. Толпа замерла. Попятилась. Запах пропал — Эрвин видел, как люди начали переглядываться недоуменно — на поле и друг на друга. Будто спрашивали — куда их вдруг занесло и что они сейчас только что натворили...

Завыла сирена. Из-за спины — лязг затворов и топот шагов. Протяжный голос спросил:

— Эрвин, все ли в порядке? — голос, звенящий весенним ручьём. Стало даже теплее. Немного. Ирина Строгова. Эрвинов десяток подоспел. Парень тряхнул головой и вдруг понял, что схватка заняла секунд тридцать, от силы.

Толпа, глухо загудев, развернулась и побрела обратно — к берегу, к чёрной, блестящей в свете прожекторов воде, в трюмы экраноплана.

Человек, сбитый второй Эрвиновой пулей благополучно встал и побрёл, запинаясь, за прочими. "Слава богу" — выдохнул парень, до смешного обрадовавшись тому, что не ошибся накануне утром, забивая патроны в дробовик. Чётные — резиновая, нечётные — картечь, все по уставу. На сером бетоне осталась чёрная тень. Лежала неподвижно, кулём, как мешок сброшенный пьяным грузчиком. Эрвин шагнул вперёд, осторожно наклонился. Девчонка, маленькая совсем. Смятые волосы — во все стороны, торчком. Ран не видно, должно быть просто затоптали. Присел, осторожно тронул за плечо — жива ли. Будто шокером коснулся — она дёрнулась, вскочила, будто ужаленная. Попыталась закричать. Ветер налетел, забил крик назад, обратно в бледные губы.

— Тише, все будет хорошо, — прошептала ей Ирина, осторожно боясь спугнуть. Та, опять дёрнувшись, перевела глаза на неё. Дикие пустые глаза. Эрвин невольно сморгнул. У него дома работала такая, из социально-адаптирующихся. Вечно дрожащая тень, с такими же вечно круглыми глазами. Отец запретил с ней общаться. Строго-настрога. Тогда юный Эрвин не понял, почему...

Завыла сирена. Подъехал патруль. Глухие шлемы, чёрная броня, на плечах — гербы и нашивки портовой стражи. Старший высунулся из кабины и заорал — слова сквозь шлем звучали невнятно и глухо. Понятно, что ругань, но какая — не разберёшь. Эрвин вскочил на ноги, ощерился, заорал в ответ. ДаКоста скинул с плеча дробовик — невзначай. Щёлкнул скобой. Завыла сирена. Грузовик дал газ. Патруль исчез, подобрав с земли оглушённую эмигрантку. Потом с моря пришёл гул моторов, рокот и плеск волны.

Экраноплан убрал сходни и взлетел, с трудом оторвав от воды широкое брюхо.

— Ты как? Не холодно? — спросила Ирина, осторожно коснувшись руки.

— Нет, совсем, — ответил Эрвин, умудрившись не стукнуть при этом зубами.

А вот корабельный челнок не торопился улетать. Погасли огни — вначале ярко-желтый курсовой, чуть погодя — зелёный и красный на крыльях. Зелёный никак не хотел гаснуть, мелко дрожал, словно подмигивал на прощание. Потом все-таки погас. Захлопнулись люки. Заурчал тягач, подхватывая под нос грозную птицу. Приглядевшись, Эрвин заметил фигуру у хвостовых дюз — высокую, тонкую, в пластинах десантной брони. На его глазах тень откинула шлем, разом, на глазах, став похожей на человека. Ласково погладила ладонью в тяжёлой перчатке обгоревший бок челнока. И пошла прочь. А Эрвин махнул рукой и пошёл ей навстречу.

— Привет, — окликнул Эрвин, когда фигура вышла на свет. Знакомая, даже в броне,

фигура.

— Привет, малыш, — ответила Пегги Робертс, пилот челнока. Майор десантных войск, если судить по порыжевшим нашивкам, — куда намылился?

— На кудыкину гору. Не в курсе, нам долго ещё тут мёрзнуть?

— Неа, это был крайний рейс. Совсем, теперь точно все выгрузили, — десантница говорила, лениво шевеля челюстью. Слова растягивались, лениво плыли над мёрзлым бетоном. Луч прожектора скользнул по её лицу. В морщинах и рытвинах, похожих на годовые кольца — "медалях за беспорочную службу", как шутили на флоте. У Ирины таких нет. Пока нет, они с Эрвином на флоте недавно. Ветер ударил в лицо, смешал волосы, вернув мысли на место:

— Понятно. Раз так — вопрос следующий. Не знаешь — где тут склад?

— А склад тебе на кой?

— Если вся планета такая холодная — я лучше шубу сейчас отожду, не дожидаясь.

Позёмка хлестнула по ногам. Эрвин обернулся. Ирина спрятала лицо за воротник, только курносый нос торчал наружу. И мелко дрожала рука без перчатки.

— Две шубы. Три... Десяток, на отделение. Прикроешь?

— Не парься, малыш, не понадобится. Не врут, планета на самом деле ласковая, — десантница усмехнулась в ответ, дернув лицом. Тонким лицом, холодным и острым. — это космодром здесь засунули в самую холодную дыру. Не просто так, парень, а по науке. Умники корабельные ночи не спали, гадали на розе ветров, да ничего, кроме этого ледника не нагадали. Единственное, как говорят, место где моя птичка может сесть, не поставив местным на уши всю экологию.

— С чего такая забота? У нас, на Семицветье вы не шибко церемонились, видел. Как сядете — пыльная буря от моря до моря...

— Сравнил. Счастье же, не рядовой мир, вроде твоего родного шарика. Стратегический. Тут штормит — до самой Земли пеной брызжет. И обратно, кругом, к Семицветью твоему. Не дай бог чего с экспортом случится — приложит всех, мало никому не покажется.

Рация ожила, прохрипев вдруг голосом капеллана:

— Спасибо за лекцию, Пегги. Кстати, твоего бластера это тоже касается.

— Но падре... — обиженно взвыла та, инстинктивно дёрнув руку вверх, за плечо, к прикладу.

— Быстро, Пегги. Транспорт подходит. Я слежу.

С моря донёлся знакомый утробный рёв. Очередной экраноплан заходил на посадку. С виду — поновее, чем те, что везли эмигрантов. Белый, сияющий в свете прожекторов. На пузатых бортах в две краски нарисована буква V, летящая под парусами. Корпоративный герб. Экраноплан снизился, выключил моторы и сел на воду тяжёлым брюхом. Плеснула вода. Прожектора описали дугу, выстроив перед ним триумфальную арку из белого света.

— Этот наш. Быстрее, парень, надоело мёрзнуть... — и Пегги скрылась из глаз. Эрвин махнул своим — идем, мол.

— Спасибо, — прошептала Ирина, пытаясь вынуть руки из рукавов. Эрвинова куртка была на три размера больше, руки безнадежно запутались в рукавах. Ирина шёпотом выругалась, смешно сморщив нос. Эрвин невольно улыбнулся, протянул руку и рывком вернул куртку назад, Ирке на плечи.

— Потом. Ещё добежать надо...

Как чувствовал — у моря ветер задул всерьёз, выдувая остатки тепла из одежды. Холод

пробирали до костей, чёрная волна плескалась и била о пирс, заливая посадочный трап хлопьями белой, пузырящейся пены.

— Наверное, скользко тут, — мельком подумал Эрвин, глядя на шатающийся настил. Подхватил Ирину под локоть. Качнулся под ногой трап. Нога поехала было по влажной стали. Упёрся в заклёпку каблук. Эрвин устоял. С другой стороны его подхватил ДаКоста, дёрнул. Все втроем разом ввалились в люк. В тепло и мягкий ласковый свет пассажирского салона.

— Вот теперь все. Точно отпуск, — прошипел, встряхивая головой Пабло ДаКоста.

— Ты как? — спросила Ирка, Протянула руку, придержала Эрвинову ладонь, — холодный совсем.

— Нормально, — ответил было Эрвин, пытаясь понять, шевелятся ли ещё у него пальцы. Зубы выдали предательски — громкую дробь, Ирка охнула. Потом — на счёт раз Эрвина втокнули в куртку, на счёт два — Эрвина, вместе курткой — в кресло. По салону вихрем — стук каблуков, из подсобки долетел укоризненный Иркин голос, и в руки Эрвину втиснулась дымящаяся кружка. Стандартный, безвкусный, но восхитительно-горячий чай. Под ногами мелко задрожал пол, чуть слышный гул движков долетел, ласково вкрался в уши. Башня космодрома в иллюминаторе мягко поползла назад и скрылась из глаз. В стекло плеснуло серым туманом и чёрной водой. Экраноплан оторвался и взлетел, скользя низко над пенными волнами. В салоне приглушили свет. Эрвин сидел неподвижно, чувствуя, как мороком расплзается по телу тепло и усталость. Потянулся оправить куртку, дёрнул на себя. Ткань пахла потом и гарью, холодом космодрома и острым, химическим духом корабля. И ещё одним, тонким непередаваемым. За воротник зацепился чёрный волосок. Длинный и чёрный как ночь, извивающийся. Эрвин вдохнул щекочущий ноздри запах ещё раз, спрятал нос в воротник и старательно запретил себе думать, о чем бы то ни было. Получилось. А потом он заснул, чтобы проснуться от бьющего в глаза слепяще-яркого света. Рассвет. В иллюминаторе скользили назад волны и берег — поросший лесом, зелёный и тоже яркий, такой что заболели глаза. Экраноплан прорвал туман и шёл над водой — низко, на юг, навстречу солнцу.

От иллюминатора и проплывающих за стеклом чудных пейзажей Эрвина оторвал взрыв хохота за спиной. Парень оглянулся, окинул взглядом салон, ряды кресел и сидящих людей. Заметил красную, как рак Ирину, матроса Пабло ДаКосту, худого и взъерошенного куда больше обычного и бравую Пегги, лениво развалившуюся в двух креслах зараз, закинув за голову стальные, бронированные руки. Та ухмылялась, щеря жёлтые зубы в потолок. Хохот затих, Эрвин дернул лицом. Похоже, пока он спал, прочие пассажиры отмякли, отогрелись в тепле салона и начали развлекать себя, как могли. Извечной забавой людей, оставленных по недосмотру начальства без дела.

"Разберись, кто круче в этой песочнице", именно она. С постоянным составом команд — флотские, против десантуры и полугражданские волонтеры впридачу. Судя по взъерошенному куда больше обычного Пабло ДаКосте и довольно скалящейся Пегги — утихший хохот означал конец первого раунда. Который флот с треском проиграл. Но не расстроился, огляделся и заметил рядом нового противника.

— Ира, вытри лицо, у тебя все щеки в разводах... — улыбнувшись, сказал он с притворным сочувствием. Ирина, приняв это все за чистую монету, благодарно кивнула. И впрямь, та гадость, что Эрвин жёг для тепла на вымороженном поле космопорта, осела на лбу и щеках разводами серой сажи. Ирина, конечно, в порядок себя привела, насколько

позволял примитивный санузел экраноплана, но полностью горелую дрянь не одолела — копоть въелась в лицо тонкими, затейливыми полосами. Флот понял что новая жертва заглотила крючок и выдал подсечку:

— А лучше не надо. Разводы у тебя — класс, прямо, как у туземной красотки. Один в один.

— Точно, — подхватил другой, — на левой щеке спиралька, на правой — треугольник. И круг. Да ты у нас горячая штучка...

— Чего? — взревела Ирина, разом вспыхнув. Руки невольно дёрнулись в поисках что-нить тяжёлого в ладони. Не нашли, а то шутникам пришлось бы туго. Но те отлично знали, что ничего убийственного в экраноплане нет и выдали добивающий:

— На левой щеке спиралька — точь в точь страсть на местном языке, а треугольник — нежность... Судя по линиям ты у нас не девка а клад...

Ирка замерла, старательно делая вид что её здесь нет и вообще. Но «Не кормить тролля» — тактика хорошая лишь если тролль один. Несколько вполне могут прокормить сами себя синергетическим эффектом. Хохот продолжился. Эрвин встал с кресла. Рывком. Ковровое покрытие на полу — старое, грязное, протертое, но звук шагов прятало хорошо. ДаКоста сидел к нему спиной, ничего не замечая, и разливался. Как глухарь на току...

— Совсем туземочка. И полоска на лбу...

Короткий сухой лязг. Флотский складной нож клацнул пружинами над ухом матроса. Щёлкнул, блеснул на миг тусклым лезвием и спрятался обратно, в роговую рукоять. ДаКоста вздрогнул и подскочил. Майорыша засмеялась в кресле. Звук был каркающий, злой хотя улыбалась Пегги вполне добродушно.

— А полоса на лбу означает, что у девки есть парень. А точки там же — это, ребята, глубина в метрах. На которую он тебя, ДаКоста, зароет, если не заткнёшься. И одно без другого не рисуют никогда, так что вы, парни там осторожнее на берегу... — Пегги хохотнула еще раз... — Знаки разглядывайте.

Хохот замолк, лишь ДаКоста — как с гуся вода — оскалился. Весело, унывать он, похоже, совсем не умел. и переход разборки «кто круче» со слов на ножи никому тут не нужен. А то с ножей до стволов недолго, а там и ядерная бомба недалеко. Или что покруче, вроде корабельных ударных торпед «свет разума».

— Брейк, парни, — подвела итог Пегги, махнув бронированной рукой, — замолкли.

Замолкли и вправду все. Даже Ирина забыла сердиться. Моторы выли, пол под ногами чуть слышно дрожал. Берег скользил в иллюминаторах назад и вниз — зеленые пятна леса, охряно-желтые — пляжей и коричневые — скал. Ирка разъяренно фыркала под нос, сводя с лица символы местного алфавита. ДаКоста словно сообразил, что зарвался и украдкой сунул ей тряпочку. Мятую, но чистую. Эрвин перехватил, смочил водкой из фляги, подал Ирине. Та кивнула, достала зеркало и начала яростно тереть лоб и щеки. Спиралька на левой немного поддалась, превратившись в мятую восьмерку. "Интересно, а это что-нибудь значит?"

— Эрвин, распишись, — голос Пегги оторвал его от размышлений.

— В чем? — озадаченно спросил тот. В руки сунули планшет. Тяжёлый корпоративный планшет в футляре из белого дерева. Вспыхнул экран, мигнув Эрвину в глаза заставкой — пикирующий ворон и буква V, плывущая вдаль под белыми парусами. Гербы Федерации и «объединённых исследований» сплелись в нерушимом единстве.

Потом экран мигнул еще раз и пошел текст:

«Я, Эрвин Штакельберг, волонтер флота федерации, вступая на территорию планеты «Счастье», осознаю, что нахожусь на территории принадлежащей объединённой исследовательской корпорации и законы принятые для защиты и благоденствия этой территории распространяются на меня в полной мере...»

— Что за ерунда? — спросил он, пытаясь в уме перевести юридический крючковатый язык в понятные мозгу выражения.

— Ерунда и есть. Подпиши, а то не выпустят.

«обязуюсь бережно относиться к собственности, правам и интересам корпорации в этом регионе. По отношению к туземному населению обязуюсь нести рыцарский дух цивилизованного человека, проявлять толерантность и уважение к законным правам и культурным особенностям местного населения...»

— Что за чушь?

— Перевожу. Устроишь войну — сошлют за шкуру то курца... подальше куда.

— Дальше Семицветья не пошлют. А я там родился, — усмехнулся Эрвин. ДаКоста опять заржал, что твой конь. Эрвин щелкнул в экран, открыв новую страницу:

"Матрос, чт и уважай обычаи коренного населения Аборигены — народ древней культуры, живущий в мире и единении с природой своей планеты..."

— Дикари то бишь, — усмехнулся Эрвин и расписался. Но планшет не отдал, сел поудобнее и ткнул в кнопку "справка".

Вначале открылась карта планеты — синие пятна морей, северный материк — береговая линия тянулась от полярных льдов к югу. Изломанная дуга, полная шхер, мысов, архипелагов и одиночных островов. Вдоль берега стена зеленой шприховки — леса или джунгли. Потом желтые пятна равнин и коричневые — горных хребтов. Маркеры человеческих поселений. Корпоративные поселки и станции, помеченные буквой V, жались к берегу, облепив острова и одинокие мысы. Зато россыпь христианских крестов — везде, на островах, в лесу и на равнине. Эрвин скосил глаза вниз, на легенду карты — те, что поменьше — миссии, побольше — полноценные поселки а то и города. Даже название, перечеркивающее дугой континент, было церковным: "Диоцез Утика".

— Территория корпорации, как же... кто кого дурит, интересно знать? — подумал Эрвин и перевернул страницу. Потом шли несколько страниц экономики — это Эрвин пролистнул не читая. Про то, что "Счастье" планета важная, он знал и так. Из уроков в школе и из хриплых радиопередач дома, на Семицветье. Монсеньор губернатор все обещался догнать и перегнать соседа по галактике. Если не по прибыли, то хотя бы по объему экспорта. Не выходило... что тот каменный цветок. Эрвин усмехнулся и перевернул страницу.

Фотографии туземцев. Картинка откровенно слабая, края фигур смяты и смазаны, будто снимали на битый аппарат. Контурь едва различимы и то хлеб. Вполне человеческие контурь, даже пол можно на глаз различить. Мужчина и женщина. Две руки, две ноги, широкие лица, черты — тонкие, правильные. Надеть флотскую стандартную куртку вместо широких вышитых бисером рубах с бахромой — и не отличишь от человека. Но лучше не надо. Однотонный флотский мундир до смерти надоел, а на рубашках узоры, бахрома и вышивка красивая. По белому полотну — изломанные, тонкие черные линии. Плавно перетекающие с ткани на ладони и лица. Эрвин сморгнул. Танец точек и дуг завораживал, чтобы не сказать больше.

— ДаКоста трепло, конечно, но тут не соврал, — узоры на фото действительно

походили немного на завитушки сажи на Иринеом лице. Чья-то рука толкнула его в плечо. Эрвин вздрогнул. Гул моторов затих. Земля в иллюминаторе перестала бежать назад и стояла, лениво покачиваясь туда и сюда. То есть качался экраноплан, осевший на волны прибоа.

— Прибыли, парень, — заорал ДаКоста, оскалив в потолок обломанные зубы. Заскрипел люк. В проем ударил солнечный свет — невообразимо яркий, желтый, до боли в глазах. И запах — круто-соленый от моря и пряный, кружащий голову — чужой земли. Зазвенело в ушах. Так, что парню на миг показалось, что он оглох. Но нет, в ушах — плеск волны и шорох листвы под ветром — вместо гула и лязга моторов. Эрвин успел отвыкнуть от этих звуков за перелет. Салон загудел — сотней голосов одновременно. Ирина встала, шагнув было к выходу. Девушек, конечно, положено пропускать вперед. Но Эрвин решил, что это не тот случай, отстранил Ирку и шагнул в люк первым.

Как выяснилось — был прав. Трап немного не доставал до берега. Полоса серой стали зарылась в воду, немного не доходя до кромки песка. Мокрого, белого песка усеянного зелеными водорослями и ракушками, вынесенными прибоем на берег. За полосой пляжа — лес, глухой, невообразимо зеленый и шелестящий. И синее, теплое небо вверху. Прокричала, захлопала крыльями птица. Подвернулась нога. Эрвин покачнулся и шагнул мимо сходни — по колено в зеленую теплую воду. Набежала волна, окатила парня брызгами от колен до макушки. С противоположной стороны трапа — бульканье и радостный вскрик — ДаКоста прыгнул в воду прямо от люка, нырнул с головой и вынырнул, весь мокрый, с зеленой ниткой водорослей за ухом, но с пьяной от неба и свежего воздуха головой. А за ним скользнула наружу Ирина Строгова, простучала каблуками по трапу, поймала протянутую Эрвином руку и прыгнула — легко и изящно перескочив полоску воды. Ветер вскрутил и раздёрнул знаменем черную косу, плеснула к ногам волна. Брызги вспыхнули на солнце радугой всех цветов, взлетели, окатив синюю ткань. Затежелела, прижалась к ногам форменная синяя юбка. Ирина отдернула ее на ходу и пошла куда глаза глядят, оставив волну за собой — смывать следы. Других человеческих следов этот пляж пока еще не видел.

**

Окружение поменялось — вместо серой стали, фальшивых экранов-иллюминаторов и клепанных стен — стрельчатые окна, пропускающие солнце и прохладный ветерок, резные ставни, деревянные панели на стенах — полированные, с нарядным узором прожилок и годовых колец. Вместо зала собраний в глубине корабля — кабинет его превосходительства, монсеньора губернатора планеты "Счастье". Вместо холодной черноты космоса за окном солнечный день, светлый и яркий.

А вот люди внутри кабинета — те же. Отец Игнатий, корабельный капеллан и господин генеральный комиссионер, брезгливо морщащийся всякий раз, когда из-под груды бумаг случайно показывалась блестящая серебром столешница

— У Вас что-то есть уже? — окликнул его капеллан, смотря сверху вниз в окно, на шумящий город, порт, корабли и птиц, скользящих над кромкой прибоа.

— Ничего пока... то-есть, стандартный набор — неисполнение, ненадлежащее исполнение в крупных... или особо крупных, пока не пойму, мало данных... но серьезного ничего. Хотя, чувствую, где-то оно здесь есть. Обязано быть. А у Вас?

— У меня от Адама-праотца ничего не меняется. Ложь, гнев, похоть и так далее....

— А разгильдяйства в вашем списке нет? Жалко. Портовые власти умудрились потерять экраноплан. Ненаш, один из транспортов со ссыльнопоселенцами. Ничего серьезного, но

неприятно...

Речь шла о транспорте № 182Б, толстобрюхой старой машине, что ушла от пирса, приняв на борт последнюю партию ссыльных. Предпоследний рейс, как раз перед тем, что забрал с космодрома Эрвина и Ирину.

Старая колымага, потрепанная и самортизирована почти в ноль, но все же

— Впишите уж в заповеди, господин капеллан. Надоело. И кто-то должен за это ответить, — прошептал господин комиссионер, вписывая круглое число в графу "Убыток"

**

Ответить за этот убыток, по идее, должен был местный чиновник, забывший про новомодные правила и впихнувших ссыльных в необорудованный трюм — гуртом, не разбирая статьи, пола и возраста. Или толстый Хьюго — здоровенный громила из Ливерпульских трущоб, решивший воспользоваться ситуацией и вознаградить себя за долгие месяцы вынужденного воздержания. Или Эмма Харт — та самая девчонка едва не затоптанная толпой на вымерзшем ледяном поле. Намерения толстого Хьюго она прочитала едва ли не раньше, чем они пришли в его толстую башку и поступила, как велит инстинкт — скрылась из глаз. Скользнула охраннику за спину, дворовой кошкой — бесшумно растворилась в тенях. Нырнула в люк. Ржавый технический люк, в нарушение правил — распахнутый настежь. Предательски затрещала дырявая рубашка. Над головой загремели, забухали сапоги. Потом в спину полетели ругательства и громкое сопение. Глухой лязг — охранник застрял, технический ход был для него слишком узок. И, к ужасу Эмми, заканчивался тупиком. Клепанной железной стеной, Над головой — сломанные кожухи, толстые, пульсирующие огнем жгуты энерговодов. Холодным лиловым огнем, в такт сердцу. В уши — треск, звон металла и ругательства. Равнодушные, даже не злые. Охранник лез вперед, ругаясь и зовя — вернись по хорошему, жить будешь.

"После толстого Хьюго не выживают" — с холодной яростью подумала она, подпрыгнула, подтянулась и — слабо понимая что делает — полоснула ножом сплетение энерговодов. Взрыв отбросил ее назад. Лиловая, холодная вспышка. И рев. Оглушительный рев, лязг и скрежет. Скрежет металла и рев воды. Транспорт был старый, резервный канал не работал уже пять лет. Потеряв два двигателя из четырех, экраноплан закрутился волчком, взвыл и упал, ударившись с маху о черную, холодную воду. Сталь переборок разорвалась, волна ворвалась внутрь, рыча. Рев заглушил крики, пенный поток пролетел по коридорам, сметая с дороги все — контейнеры, ящики, легкие переборки. И людей. Эмми повезло — поток подхватил ее, закружил и пронес через пробоину в стали противоположного борта. Наружу, прочь, к недалекому берегу. Всем остальным, включая толстого Хьюго, повезло куда меньше.

Эмми поднялась, шатаясь на дрожащих ногах. Тряхнула головой, смахивая со лба мокрые, обрезанные тупым корабельным ножом волосы и долго, пристально взглянула назад. Экраноплан догорал — из серой, пузатой туши транспортника плыли вверх клубы черного дыма. Шипела вода, заливаясь сквозь дыры в проломленный борт. Нос гиганта почти скрылся под черной волной, поник черный хвост, бессильно опали крылья.

— Скоро совсем уйдет под воду. И все. Свобода... — подумала она, невольно переведя глаза вниз, на правую руку. Пальцы еще сжимали универсальный, многолезвийный нож. Крепко, до белых костяшек.

— Свезло мне с тем морячком, — глупо усмехнулась она, вспомнив космопорт, дурацкий рывок и бледного волонтера — при дробовике, но без шапки и куртки. Он так

смешно переживал, не покалечилась ли она тогда на поле. И волосы у него — светлые, пшеничные волосы на лбу растрепались и стояли так, что Эмма едва не рассмеялась в голос, сломав себе притворный обморок. Но не рассмеялась, она молодец. Еще и универсальный нож у морячка вытащила, пока он пульс ей щупал. А уж с универсальным ножом лучшая воровка нового Ливерпуля была способна на многое, пилот экраноплана подтвердил бы. Или толстый Хьюго... — воспоминание отдалось спазмом в глотке и судорогой — внизу живота... — если бы скот остался живой. А пока...

Эмма оглянулась опять и, невольно замерев, поняла, что понятия не имеет, что делать дальше. Арест, суд и эмигрантская палуба высосали ее, мысли высохли в голове, схлопнулись в одну точку. В одно слово, точнее — свобода. И вот она, пожалуйста. Волна с рычанием набежала, разбилась о темный песок, обдав Эмму с головы до ног струей белой, искрящейся пены. Справа шумел лес. Высокие, переплетенные друг с другом стволы, мясистые зеленые листья, шелест и крик — кто-то кого-то жрал, там, вдали, во тьме под зелеными ветками. Это были настоящие джунгли, а не бетонные, где она была как дома. А пока... Эмма поехала. Невольно шагнула назад. Волна налетела опять, толкнула в спину. Закружила. У ближайшего дерева — толстого, зеленого исполина, у самых корней — глаза заметили какое-то движение. Неверное, робкое, похожее на дрожание воздуха. Дома, в трущобах так дрожит газетный лист, смятый и брошенный в решётку воздуховода. Эмма шагнула, не зная куда.

— Эми! Изандла нгемува экханда! — чужой крик хлестнуло ножом по ушам. Повелительно, резко, как свисток охранника, далеко на борту корабля.

Она обернулась. Тень отделилась от дерева, сгустилась, обрела форму. Человек — или нет — не поймешь. Фигура тонкая, куда выше человеческой, обычной. Две руки, две ноги, но кожа просвечивает и переливается, как стекляшки в витринах.

— Эми! Изандла нгемува экханда! — повторила тень. Опять. Слов Эмма не поняла. Но звук последовавший дальше был понятен без перевода. Клац-клац. Лязг стали о сталь. Звук передернутого затвора.

Эмми выдохнула, подняла руки — за голову, медленно, осторожно и побрела. Но украденный у Эрвина нож спрятать успела. Пригодится.

— 2 Размещение

Глава 2

Первые — минуты? часы? эпохи? непонятно, время растворилось, растаяло сосулькой под яростным солнцем — Эрвин брел и брел по песку. Бесцельно, бессмысленно, куда глаза глядят. Кружилась от света и воздуха голова. Ноги, привыкшие к палубам, дрожали и оскальзывались на чёрной, округлой гальке. Шуршал, засыпался в ботинки мелкий песок. Уши невольно искали знакомый ритмичный гул корабельных механизмов, а находили плеск и шум. Море, мягкий шелест листвы и птичьи протяжные крики — непривычные, плавные звуки отдавались звоном в ушах. Вместо красноватой полутьмы отсеков — яркое, до слез, белое солнце, небо над головой — выцветший высокий полог. А плечи по старой памяти вжимались вниз — берегли голову.

Ещё была жара. Тяжёлая, влажная, пропахшая йодом и солью жара, мигом заставившая Эрвина расстаться с курткой, рубашкой и майкой. Пара шагов по песку — и ноги едва не отправили Эрвина в полет. Только сейчас он почувствовал, как давит на плечи стандартная флотская униформа. Ещё шаг. Набежавшая волна плеснула, обдала прохладой сапоги. Эрвин, сощурился, посмотрел на солнце, подумал про себя, что дурак, и нацепил рубашку обратно. И майку вокруг головы обернул, а то солнечный удар словить недолго. Ветер накинута с моря, налетел, закрутил ткань — на арабский манер, тюрбаном. Словно обрадовался новой игрушке. Хрустнула галька под сапогом. Эрвин повернулся к морю спиной и шагнул в лес, шелестящий изумрудно-зеленой листвой по правую руку.

Первые сотню шагов Эрвин прошёл по вымытому водой сухому руслу. Под ногами хрустел слежавшийся белый песок, над головой смыкались аркой зелёные листья и ветки. Деревья — коленчатые, толстые стволы, шелестящие листья — мясистые, напитанные соком. Больше хвощи, на вид, чудные даже для Эрвина, уроженца лесов Семицветья. По стволам зелёный мох клочьями. Русло дало поворот. Узкий, заваленный валежником. Полые, высохшие сучья хрустели и с треском ломались под сапогом. За завалом — пара толстых, перевитых узлами стволов, чёрные ветки и мягкая хвоя. Стало светлее даже, повеяло знакомым, мягким запахом прелой листвы. Деревья вокруг похожи на знакомые по родному Семицветью. Такие же секвойи и высокие лиственницы — исполинские, заросшие мхом великаны. Мягко пружинил под сапогом ковёр палой листвы. Наверху закричала вдруг, забила крыльями птица. Эрвин поднял голову и увидел крикунью в ветвях — чёрные крылья, лохматой радугой — перья хвоста. Длинный, устрашающий клюв, полный — тут он пригляделся — маленьких острых зубов. «Нет, не птица, — подумал он, осторожно опуская руку вниз, к костяной рукояти ножа, — чудо-юдо какое — то». Чудо-юдо устало вниз красный глаз, сморгнуло — Эрвин замер, стараясь не злить беду лишней раз — и, тяжело хлопнув крыльями улетело прочь. То ли невкусным показался ей волонтёр флота, то ли слишком здоровым для клюва-пасти.

В уши вкрутился знакомый, чуть слышный звук. Корабельная сирена. Должно быть, звали назад. Эрвин тряхнул головой, огляделся — вокруг лес, прямой, зелёной стеной на четыре стороны света. Запыхал на звук — влево, лоя шум моря. Из зарослей — громкий, гипнотический стрекот. Монотонный, ритмический, так стучит на малых оборотах коленчатый вал. На деревьях — кусачие лианы и пахучие, яркие цветы. Бутоны поднимались, раскрывали при шаге нежные алые лепестки — большие, беззубые пасти.

Пахло от них... — Эрвин поморщился и решил что этот райский цветок он дарить Ирине не станет. Разве что высушить и спиртом запах отбить. Под ногами — радуга, брызги и радостный звон. Широкий ручей, поток воды срывается вниз со скалы, бьётся о камни, радугой солнечных брызг и, наигравшись, течёт сквозь лесную тишь к морю. Скала — мшистый серый гранит, высокая, залитая солнцем верхушка. Промоины и трещины в скале — удобные, однако. Это Эрвин подумал, оглядываясь уже на вершине. Зачем залезал — непонятно, из чистого озорства. Сбил дыхание, исцарапал ладони в кровь, зато пейзаж вокруг красивый до комка в горле.

Изумрудно — зелёный, переливающийся лес стелился мягким ковром вокруг, драгоценным камнем в короне белого прибоя. Вокруг, сколько хватало глаз, на четыре стороны света. Штормило, ветер пенил шапки на асфальтово-черной воде. На западе, далеко у горизонта — серая туманная полоса. Должно быть, тоже земля, другой берег пролива. Снизу долетел протяжный гудок. Ещё один. Эрвин пригляделся — в месте высадки, на пляже, у кромки воды, пристал тупоносый грузовой экраноплан, сложил крылья и, неторопливо ворочая стальными лапами кранов, выгружал на берег тяжёлую технику. И гудел, надрывно, словно ругался на своём железном языке.

Эрвин вспомнил, что дел ещё невпроворот, развернулся и полез вниз, к своим.

Успел как раз сказать «да» на недоуменный вопрос лопухого матроса ДаКосты:

— А нас что, правда на остров высадили? Необитаемый?

— Абсолютно, — кивнула парню бравая майор, лениво двинув вверх-вниз тяжёлую челюсть. Скрипел под ногами песок. Гудела толпа. Краны вываливали контейнер за контейнером на белый, песчаный пляж — место высадки. Ветер дул от леса, пряный, тягучий запах зелёной травы мешался со знакомым, химическим — грузовик чадил движками на малом ходу. Эрвин невольно чихнул и отвернулся — корабельный дух ему надоел.

ДаКоста хлопнул себя по щеке, округлил глаза, протянул — детским, обиженным тоном.

— А как же... Цивилизованных мест не нашли?

— Надо было меньше пить в прошлый раз. Сейчас начальство решило, что цивилизация нас испортит. Или мы — цивилизацию. Тот городишко так и не восстановили с тех пор, говорят. Ладно, матрос, отдыхай, раз сказано...

— А где жить? — хлопнул себя по затылку матрос, недоуменно оглядывая шелестящую лесную стену.

Но тут их строгим голосом окликнули — Ирина Строгова уже отловила старшину саперов, построила, сурово отчитала за бардак и недостатки по хозяйственной части. Похоже, говорила по делу — седоусый ветеран соглашался, кивал и чесал затылок, Ирина хмурилась, смешно морщила нос и тыкала тонким пальчиком тому в грудь. Потом обернулась, позвала остальных — помогать. Ветер играючи скинул ей с плеча длинную косу.

Место для дома искали долго — в одной точке Ирине не понравилась сыпучая почва, в другом — до пляжа слишком далеко, в третьем — ветер не с той стороны. «Нехорошо, сырость по утрам будет», — выговаривала Ирина. Морской ветер игрался, крутил ей косу. Сверкали суровые карие глаза из-под чёлки, складка меж точёных бровей — смята и озабочено сморщена. Матрос ДаКоста крутил головой, ничего не понимал, нервничал, поминутно оглядываясь на саперов и на шелестящий вдали лес. Пегги скалилась и шутила — раз, другой, третий. Потом Ирине это надоело и она попросила майоршу заткнуться. Тихо и

вежливо. Та заткнулась — неожиданно для себя. Даже не вспомнила, кто здесь начальство. А Ирина ткнула пальцем и сказала "здесь". Эрвин не особо понял, чем это место отличается от другого, но кивнул.

Сапер огладил бороду, одобрительно хмыкнул, махнул рукой своим. Пробежали рядовые, таща на руках длинный, тяжёлый ящик. Со знаком "Строгов компани" на пластиковом боку. Знакомый знак. Тарканский текучий пластик... Тут Эрвин вытаращил глаза, судорожно пытаюсь понять, что творят федеральные сапёры.

Те подошли, кинули ящик на землю, растянули провода, рывкнув, велели всем отойти подальше. Эрвин послушался, слабо понимая, зачем. Тарканский пластик был штукой знакомой. На его родном Семицетье его и добывали — точнее зачерпывали дронами из верхних слоёв атмосферы газового гиганта. Потом доставляли на землю в специальных контейнерах высокого давления и строили — чего только из него не строили. Дома, в хозяйстве только отцовский дом был деревянным, все остальное — амбары, конюшню, барак для социально-адаптирующихся — Эрвин построил сам. Из таких вот контейнеров. Делов на полдня — поставить проволочные направляющие, включить силовое поле, аккуратно, по миллиграмму пустить сверхактивную жидкость, подождать... Но федеральные сапёры такой ерундой не занимались.

Они просто бросили ящик на землю, закрепили взрыватель и отбежали подальше. Старшина махнул рукой, Эрвин представил, что сейчас будет и бросился на землю. Вжавшись, ничком, ногами к ящику. И Ирку рукой к песку прижал, хотя кому, как не ей, знать, что сейчас будет.

Взрыв ударил так, что заложило уши. Даже не взрыв — свист, тонкий, протяжный свист раздираемого воздуха. Рванула за волосы ударная волна. В песок у щеки вонзилась, дрожа и вибрируя, лохматая, острая щепка. Потом — шлепок, яростный вопль "курвасса мит орен" и ядрёный десантный мат. Пегги доспех не помог — с ног сбило даже бронированную до глаз десантницу.

Эрвин поднял голову. Медленно и осторожно. Второго взрыва быть не должно, но кто этих безумных саперов знает. В ушах — звон. В глазах — туман и слепящие белые полукружья. Ирина вскочила на ноги — рывком, в один жест одёрнула юбку, прошипела под нос — яростно, голосом обиженной кошки — "федералы, мать их". Эрвин поднял глаза. И обомлел.

Таркианский пластик, освобождённый взрывом из тюрьмы контейнера высокого давления, рванулся на волю — сметая все, во все стороны разом. И, соприкоснувшись с воздухом, мгновенно застыл неопишуемой словами фигурой. Словно волшебник взял и пошутил, заморозив поток воздушных пузырей, рвущихся вверх с трубочки — детской игрушки. Серо-зеленых, мерцающих воздушных пузырей. Горкой мыльной пены, размером с трехэтажный дом. Старшина достал сканер, поколдовал, посмотрел на экран и удовлетворенно хмыкнул.

— Самый маленький пузырь — два метра диаметром, самый большой — десять, в среднем — пять. Точно, как доктор прописал. Ваш дом готов, распишитесь.

— А оно не рухнет? — спросил ДаКоста, подгибая голову и опасно косясь на переливающиеся над головой пузыри, — на вид, хрупкие.

— Нет, — хором сказали Эрвин и Ирина. Сапер усмехнулся в усы:

— Окна и двери сами прорежете.

И ушёл, торжественно вручив молодым одноручную пилу. Старую, заржавленную, без

половины зубьев. ДаКоста сник. Эрвин хлопнул его по плечу:

— Чего стоишь, приступай, — и усмехнулся, глядя на растерянное лицо. Маленькая месть за представление в эраноплане. Пилить таркианский пластик можно было до второго пришествия — на любые механические воздействия он с присвистом чихал. Зато плавился на раз. Что Эрвин и показал — достал из контейнера лазерный резак, в два взмаха проделал дверной проем в ближайшем пузыре, шутовски поклонился и сказал дамам:

— Прошу...

— Эй, вначале надо бы кошку запустить, — подал голос кто-то из задних рядов. Ирина не услышала. Просто шагнула вперед. Музыка прозвенела по пластику флотские каблуки. По точеным коленям хлестнула юбка — ласковой, синей волной. Сверкнули карие глаза.

— Сгодится, — довольно хмыкнула Пегги и толкнула Эрвина — не зевай мол. Работы еще...

За следующие пару часов Эрвин в конец замаялся. В комплекте с контейнером должны были быть три резака. Работал один. Второй был без батареи и ствола, зато с аккуратно наклеенной биркой — «исправность проверена». Подпись, число, круглая печать. Вместо третьего — пустое гнездо. Одно пропито, другое — разломано "то курца", по любимому Пеггиному выражению. Флот берег традиции свято. А может — армия, на ящике хищно скалила пасть эмблема десантной бригады.

Но, неважно. Важно, что махать резак Эрвину пришлось одному, под чутким Ирининым руководством — типа: "Режь здесь. Здесь Эрвин — это здесь, а не там. Я имела ввиду — на два пальца ниже. Маленькую. Маленькую, я сказала, не как сейчас. Что ж ты у меня такой непонятливый. Теперь переделывать все". И так три часа, постепенно перемещаясь из одного пузыря в другой. Резали двери, окна, какие-то совсем мелкие дырки под полки, шкафы и проводку. А резак, сволочь, тяжелый, руки ныли нещадно. Эрвин устал и начал огрызаться. Но тут Ирина тряхнула головой, огляделась и сказала что пока хватит. И вообще она молодец. Эрвин подтвердил. Не сразу, вначале закинув куда подальше тяжелую ношу. И собрался было на выход. Но у свеженавешанной двери его поймали и опять попросили. Вежливо, с тихой улыбкой:

— Раз уж все равно на воздух идёшь — поищи душевую кабину. По описи — должна быть, в ящиках флотского имущества, ящик тридцать четыре. Хорошо?

Солнце успело хорошо прогреть пузырчатый дом а ветер — ещё не успел разогнать духоту сквозь только что вырезанные окна. Да и резак добавил жары. По лицам — тонкой струйкой пот, скользит крупными каплями по щекам и по виску. Свалилась, смялась мокрыми прядями, прилипла ко лбу Иринина чёрная чёлка. И разводы сажи на щеке — так и не отмылись, заразы.

Эрвин кивнул прежде, чем подумал.

Вот только душевой кабины Эрвин не нашёл. На пляжу, в импровизированном складе можно было искать до бесконечности. Ящики с флотским имуществом — под деревьями, в три ряда, одинаковые серые квадраты, каждый с двумя гербами и порядковым номером в одну краску через трафарет. Номера по описи, а опись...

Из пузыря-дома долетел звон, оправдания и Ирнин усталый крик:

— Я что, одна здесь работаю? — голос держит ровно, но дрожь слышна, и тон чуть выше обычного — тоже устал человек донельзя.

Эрвин щёлкнул замком контейнера номер тридцать четыре. Толстые стальные цилиндры, лоснящиеся смазкой бока. Гранаты. Зажигательные, судя по маркировке.

— Пойдёт, — сказал сам себе Эрвин, сгребая сразу десяток.

Душевой кабиной парень, не мудрствуя лукаво, назначил звенящий в лесу водопад. Из куска пластика и пары хвощей — толстые, пустые стволы ломались в руках на раз — соорудил запруду, подождал, пока разольётся озером звенящая, чистая вода, примотал на палку гранаты и закинул подальше, на середину. Сразу три. Рвануло знатно, в небо ударил струёй горячий пар. Вода в озере вскипела мгновенно. Эрвин подумал и кинул ещё парочку в бурлящий котёл, для верности. Если и было в воде что кусачее и опасное — хрен оно выживет в кипятке. А новая вода падала и падала со скалы, разбиваясь на радужные, звенящие брызги. Эрвин и там импровизированную решетку соорудил из двух хвощей, размолоченных сапогами. Потом и Ирина подошла.

Точнее подбежала на звук взрыва. Быстро, опрометью, хрустели ветки под башмаком. Сбила дыхание на бегу, да и тяжёлый шотган оттягивал руки. Патронная лента через плечо. А волосы растрепались, облепили мокрыми прядями щеки и лоб.

— Что происходит? — резко, на вдохе спросила она, и замерла, переводя дыхание

— Душ делаю. Из того, что есть, — виновато пожал плечами Эрвин, тряхнув связкой гранат.

— Дурак... Я... — слова на её губах сбились, замерли — не хватило дыхания. Высокая грудь поднялась, набирая воздух. Ворот белой флотской рубашки — смят и уехал в сторону. Обрывки ниток на белом хлопке. Третья пуговица с мясом оторвалась. Из-за спин долетел хриплый смех, дёрнул за уши, заставив Ирину осечься на полуфразе.

— Да, парень, хорошо хоть тебя не за туалетной бумагой послали... — Пегги, мать её. Не может без шуток. А еще в уши влетел плеск воды, шорох и радостный визг. Это девчонки с экипажа успешно ввели импровизированный душ в эксплуатацию.

А Эрвину торжественно сунули шотган в руки и попросили посторожить. А то мало ли. Заросли вокруг, конечно, густые, надежные но побережья стоит. Точнее, побережь. Вот и застыл парень, статуей. Стоп-кадром из рекрутерского ролика "Враги не пройдут". И морда, как у тамошнего героя — зверская. Ибо жарко, ноги гудят, руки тоже и настроение соответствующее. Кричали в вышине птицы, шелестел листьями ветерок, гнал ароматы — тонкий дух хвои, прелой листвы и местных цветов — пьяный, дурманящий. Алые лепестки качались на длинных ветвях, поворачивая на шорох шагов лица-бутоны. В алой тени лепестков — жёлтые точки. Неприятно, будто глаза следят за тобою. А из-за зарослей — веселье и плеск. Белым пятном на зелени — аккуратно развешенная на кусту флотская стандартная рубашка. Шея как-то вмиг затекла. Хрустнул под ногою валежник. Эрвин развернулся — с трудом и, больше забавы ради, тронул стволом подобранный близко цветок. Лепестки дрогнули, сомкнулись как пасть. Проскрежетали по стали шипы — маленькие, острые.

Эрвин аккуратно шагнул назад, освобождая ствол и опасно косясь на хищное растение.

— Спасибо, — окрикнули его со спины. Неожиданно даже. Ирина вышла из-за кустов, расчесывая на ходу длинные мокрые волосы. Рука с расчёской ходит вверх-вниз, чёрная смоляная волна мягко ложится на грудь и плечи. Озорной искрой сверкают глаза. Форму простирала прямо на себе, мокрая ткань облепила, сморщилась на высокой груди. Юбка смялась, облепила точёные ноги. Эрвин сморгнул. Раз, другой. Третий. Солнце ослепило глаза. По щеке — шорох. То ли лист с дерева упал, то ли... Тут он встряхнулся, напомнил себе что дел еще... Он еще помнил, что много, но никак не мог вспомнить — каких. Но

много и важных. Куда важнее, чем стоять столбом и пялиться на заходящее солнце. Дел невпроворот. Если бы еще помнить — каких... А разводы на Иркином круглом лице так и не смылись, заразы...

Эрвин махнул рукой, насухо вытер шотган — вороненое дуло в зеленом, липком, как патока, соке — и пошел. К солнцу спиной, сквозь лес, на шум моря. Споткнулся о камень, покачнулся, но устоял. Перед глазами закачалась кармино-алая, пятилепестковая пасть, запястье обожгло. На миг, потом лепестки дрогнули и развернулись. Поцелуй цветка был жгуч, но жить можно. Зато боль прочистила мозг, Эрвин встряхнул головой и огляделся. Море шумело рядом, сквозь треск цикад и лесные шорохи рвался и пел рокот волн гоняющих по пляжу круглую гальку.

Там стояла Пегги Робертс. В полном боевом. Она так и не сняла с себя пластинчатый десантный доспех, стояла железной статуей. Лишь шлем сброшен, открыто лицо и ветер треплет и мнет выбеленные космосом волосы. Статуя самой себя. Волна билась о латные сапоги, пенилась и кружила водовороты. Прошуршала галька под каблуком. Пегги обернулась — по-кошачьи, всем телом.

— Привет, малыш. Выглядишь неважно.

— Устал — пожал плечами Эрвин, подходя. Глупо отрицать очевидное.

— Да ладно, — шаг навстречу, оборот, ещё шаг. Здесь лесная стена совсем близко от моря, деревья шумят, листья кружатся и падают в волны — россыпью зеленых точек по чёрной воде. Плывут, кружатся, скользят с гальки на волну. И вылетают обратно в пене прибоя. Алый цветок раскрыл лепестки, потянулся навстречу, почуяв движение. Пегги ткнула ладонью, позволила лепесткам захватить бронированные пальцы. По перчатке потёк сок — зелёным вязким потоком. Пегги придержала цветок второй рукой — осторожно, у стебля, сорвала листья. И отступила, облизывая испачканную соком руку. Улыбка до ушей. Как у ребёнка, при виде мороженого. Эрвин невольно сморгнул. Пегги протянула ему сорванные листья.

— Пожуй-ка, парень.

— Что это?

— Ешь, давай...

Эрвин попробовал. Лист буквально взорвался на язык, обдав небо потоком сладкого сока. Пряный, вязущий вкус — на миг запершило в носу. Потом по телу прошла волна — мелкая дрожь сверху вниз от макушки до пяток. И усталость исчезла. Вмиг, будто сегодня он весь день не махал резакон, а в койке валялся неделю минимум. Эрвин потряс головой, осторожно покосившись на собственную руку. С зелёным листком. Маленьким, в длину — чуть больше пальца. А по стоимости...

Эрвин сморгнул ещё раз, сообразив, что только что сожрал новенький трактор. Это если по ценам родного Семицветья судить. Листья алых цветов — те самые листья тары, на которых стоит вся эта планета. Да и федерация — тоже вся. До Семицветья они добирались уже высушенными, в коричневых, безвкусных таблетках. Дома их берегли, покупали два раза в год, в страду. Чтобы можно было пахать неделю кряду, не отвлекаясь на сон. Юный Эрвин ещё ворчал, что вместо одной таблетки проще лишний трактор купить. А тут... Эрвин мысленно прикинул, сколько таких тракторов цветёт вокруг в диком виде. Потом прикинул, сколько сумеет высушить и протащить контрабандой на борт и сколько — сохранить до дома. И махнул рукой. Все равно, шансов нет, и беспокоится не о чем. Сжевал ещё один лист, сказал "спасибо", набил трубку и пустил колечко дыма в зенит. Базовый лагерь шумел

за холмом. Дым вился, улетал вдаль, через море, к туманной полосе берега напротив. Трубка обожгла пальцы. Эрвин выругался. И вспомнил, о чем думал недавно.

— Пегги, а тут опасные хищники есть?

— Есть. Я, — ответила та, лениво смотря вдаль, вдоль полосы прибоя. Серьёзно или шутя — не поймёшь. Впрочем, правду сказала.

— Лагерь без охраны, так что я серьёзно.

— И я. Мы при посадке такой подняли шум, что все большое и хищное схоронилось в канаве, как те слоны...

— Какие? — удивился Эрвин.

— Забей, у нашего комбрига шутки глупые, — ухмыльнулась Пегги в ответ, щёлкнув по рукаву с тараканьей усатой мордой, — я поставила датчики и охранную систему, так что отдохни. Лучше скажи — обед скоро, чего жрать будем?

— А пайки разве не выгрузили?

— Выгрузили. Утопила. Не люблю жрать дерьмо без надобности.

— Лихо... Тогда — что?

Неуловимое движение рукой. Щелчок раздатчика на поясе. Кругляш сорвался с Пеггиных рук, описал параболу в воздухе и упал в воду. Короткий бульк, всплеск воды. А потом взрыв, такой, что заложило уши. Вода рванулась вверх столбом белой пены, хлестнула по ногам оскорбленная волна. Пробежала по пляжу, высокая, пенная, обиженно гремя галькой. Из моря высунулась длинная узкая голова. Поднялась над головами людей, закачалась на длинной шее, уставив на Эрвина маленькие любопытные глаза. Эрвин прикинул, какое тело должно быть под водой, чтобы уравновесить в воздухе трехметровую шею и ему поплохело. Слегка. Уж больно легок висящий на плече шотган. Совсем невесом, как детская резная игрушка. И бластер у Пегги забрали. Рука скользнула вниз — медленно, по миллиметру. Легла на цевье. Глаза морского зверя — красные, что угольки. И брови, костистые как полка камина...

— Чем я заряжал? Картечь или пуля? — пытался вспомнить он, аккуратно кладя палец на предохранитель. Щелчок...

— Не надо, парень. Он несъедобный, проверено, — остановила его Пегги. Морской зверь словно кивнул. Голова — маленькая, треугольная с большими ушами мотнулась вниз, зарылась в воду на миг. И вынырнула с пучком водорослей в пасти. Пегги размахнулась, подкинула вверх зеленую ветку. Зверюга поймала её на лету. Кивнув головой, как показалось вдруг — благодарно.

Пегги улыбнулась. И ткнула пальцем себе под ноги, вниз, на мокрую от воды гальку.

— Этот красавец несъедобен. А вот эти крошки — да. Тоже проверено.

Пляж под ногами усеяло белыми и розовыми раковинами. Выбросила на берег взрывная волна. Много, очень...

— А как же экология? — удивился Эрвин, вспомнив лётное поле, холод и инструктажи.

— Забей. На урожай тари не влияет, — хмыкнула Пегги, ткнув бронированным пальцем себе за спину, назад, в пасть алому цветку тары, — лучше распорядись насчёт обеда.

И Эрвин распорядился. То есть поймал вначале Ирину — рассказал что и как, потом ДаКосту и ещё с десятков человек, снарядил собирать белые раковины. Добрым словом и обещанием «по шее», то есть — как всегда. Ирина тем временем мобилизовала женскую половину лагеря, реквизировала на складе котёл — то есть большую цинковую бочку из-под спирта. Пустую само-собой, флот хранил традиции нерушимо. А Эрвин ещё раз убедился.

насколько удобен лазерный резак — и дрова валил на раз, и разжечь костёр с его помощью получилось. И голодных матросов шугануть, когда закипела вода и поплыли над лагерем полузабытые за полет вкусные запахи. Последнее — с трудом, день был долгий, а запах плыл над лагерем — вкусный. Совсем. К счастью, Ирина, нацепившая по случаю на голову красный, в белый горошек платок, решила что все и — звоном половника по сковороде — дала отмашку к обеду.

Пегги была права. На фоне того, что сварилось у Ирины в котле, стандартный флотский рацион иных эпитетов не заслуживал... И дымилось на сытый желудок хорошо. Эрвин забил трубку, зажёл. Сизый дым колечком уплыл в небеса, пустая бочка удобно уткнулась в лопатки. Облака — сизые комья в небе над головой. Парень сидел, вытянув ноги, бездумно. Впервые осознав что не нужно что-нибудь делать и куда-то бежать. Солнце перевалило зенит, ползло книзу. Лениво, как мысли в голове. Как звук осторожных шагов под ухом. Поворачивать голову было почему-то лениво. Но все-же повернул. Матрос ДаКоста...

— Слушай, — прошептал он, зачем-то подмигнув, смешно дернув глазом, — умеешь водить БТР?

— Умею, — ответил Эрвин, выпустив струю дыма сквозь ноздри. Медленно, — зачем? ДаКоста хохотнул, будто бы Эрвин сказал что смешное.

— Тебе не кажется, что чего-то нам здесь не хватает?

Глава 3

Технику укрыли рядом, за пляжем, в зарослях туземного камыша. Или того, что на "Счастье" заменяло камыш: Высокие, выше головы стволы, тонкие зелёные листья. В тени, под листьями — грустные морды грузовиков. Исполинские машины дремали, грелись, щуря на солнце глаза — фары. Камыш гнулся под ветром, шумел. Белые семена осыпали дождём клёпаные, тупые капоты.

Крайний в ряду БТР — "транспорт, вездеходный, легкобронированный серия 80", в просторечии бэха, оказался Эрвину машиной знакомой. Восьмиколесный, приземистый, остроносый грузовик, списанный из десанта в гражданку — крыша спилена вместе с башней, кузов открыт, уцелели борта и кабина. И пулемёт наверху, сдвоенный "кольт-браунинг спарка" на турели. Казалось, тоже дремал, уставив в небо тупые стволы. Короба охлаждения на дулах — все в белых, нежных цветах. Эрвин хотел было удивиться — откуда здесь такое старье, но вспомнил порт, экологические законы и Пеггины матюги по поводу сданного бластера.

— Экологически чистый, небось, пулемёт. А машина хорошая, — подумал Эрвин, запрыгивая внутрь. Нагретые солнцем борта отозвались теплом на прикосновение ладони. Управление знакомое — ребристый руль, рычаг передач, три педали — ничего лишнего. Все, как дома, у них на Семицветье тоже был такой красавец вместо грузовика. Только дома кабина глухая и с подогревом а здесь простор — борта откидывались на шарнирах.

— По жаре — хорошо будет, — подумал Эрвин, ища ключи зажигания. Нашёл. В замке и примотан проволокой, во избежание утери флотским стандартным способом.

— Куда едем? — спросил он, вдавив педаль и прослушав ровное урчание ожившего двигателя.

ДаКоста начал было объяснять, то и дело размахивая руками и поминутно косясь в стащенный где-то планшет. Эрвин ловко выхватил его у матроса из пальцев — борта острые, разбить недолго. Посмотрел на карту. Знакомый остров, пролив, кромка берега. Зелёная штриховка джунглей, голубая река. ДаКоста перегнулся через плечо, ткнул пальцем в точку на плане. Почти у берега, чуть вдалеке от воды.

— Город. Деревня, то есть, — пояснил он, улыбаясь.

— И зачем он нам?

ДаКоста щёлкнул ногтем по горлу. Ногтем указательного, чуть выше и левее кадыка. Универсальный жест, хорошо знакомый парню, в детстве мотавшегося на таких бэхах за речку, к соседям на Новую Лиговку. На миг Эрвин задумался, даже в затылке почесал, решая несложную, на первый взгляд задачу. На острове — сотня "отдыхающих" с корабля. Минус Ирина, плюс много — Пегги и прочий десант. Сколько это будет в бочках, чтобы не мотаться второй раз? И в деньгах? Ладно, ДаКоста здесь уже был, ходы-выходы знает. Наверное. Эрвин скосился, посмотрел спутнику на длинную, втянутую в предвкушении рожу и решил держать ухо востро. Приглядывать надо. Но и съездить — тоже, интересно посмотреть, чем планета живёт. Последнюю мысль Эрвин додумал, уже вдавливая педаль. Движок довольно взревел, ДаКосту мотнуло — матрос взмахнул руками, еле удержавшись на ногах. Бэха, как застоявшийся конь, рванулась вперёд, по широкой плавной дуге выехала из камыша и пошла вдоль кромки прибоа. Ветер ударил в лицо, сдул зной, взъерошил и

разметал Эрвину волосы. Левая пара колес чиркнула по воде, подкинув с брызгами в небо семицветье радуги.

Проехали холм. Над кабиной вздыбилась, закачалась знакомая длинная шея и узкая голова. Давешнее морское чудовище. Эрвин невольно пригнул голову, снял с руля руку, развернул к себе пулемёт. ДаКоста помахал твари рукой — как старому знакомому, размахнулся, швырнул что-то в небо по пологой дуге. Обёртка сверкнула в воздухе серебром — флотский пищевой концентрат. Морской зверь, лязгнув зубами, поймал на лету, разгрыз, закивал, щуря на солнце довольную морду. Берег уходил вправо, бэха неслась. Взрытый колёсами песок взлетал вверх и дождём ложился в морскую воду. Справа шумел зеленью лес, в ветвях кричали и бились испуганные рокотом птицы. В проливе ходила крутая волна, ветер скользил, срывая с валов пенные, белые шапки. Противоположный берег тонул в солнечном свете. Маревом, зубчатой, хрустальной стеной, растущей из белой пены прибоя. Эрвин скосил глаза на планшет, потом на волну, прикинул, до отказа развернул руль и с маха вогнал БТР — носом в чёрную воду.

В последний момент, когда вздыбилась раздавленная тупым капотом вода — бэха издала тупой, резкий щелчок. Острый нос волнореза поднялся над капотом, раздвигая в стороны волну, рокот моторов стих, потом завелся обратно — на другой ноте. Перестали вертеться колеса, сзади заурчал, выбрасывая столбы воды в небо водомет — бэха была машиной универсальной, оснащённой движками на все случаи жизни. Только летать не могла. Потому её с десанта и списали.

Эрвин крутанул рулём туда-сюда, принаравливаясь к новому управлению, выжал газ и направил импровизированный катер к другому берегу.

Волны толкались, били бэху в скулу, кидая Эрвину в лицо брызги и струйки воды. Ветер свежел, солёный, пахнувший йодом и солнцем. Эрвин довернул руль носом к волне и добавил газ — теперь бэха не плыла — почти летела, скользя плоским днищем с одного пенного вала на другой. Солнце слепило, било прямо в глаза, раскидывая по морю яркие полотнища дорожек и отблесков. Эрвин щурился, ругая себя, что не захватил очки. ДаКоста махал руками, показывая на берег — не туда, мол, плывём, левее бери. Волна подкралась, плеснула воды через борт, вымочив того до нитки.

От солнца, прямо из огненно-рыжей, слепящей голубизны выплыла чёрная точка. Эрвин довернул руль. ДаКоста крикнул, показывая в небо руками. Точка — уже не точка, полотнище, хлопая крыльями, шло — пикировало — прямо на них. Приглядевшись, Эрвин увидел кожанные, когтистые крылья, узкую морду и длинный, зубастый клюв. Родственник птицам в лесу, но больше, много и много больше.

— Здоровая тварь, нападёт — мало нам не покажется, — подумал Эрвин, уводя бэху в вираж, подальше от острых когтей и крыльев. Промажнувшись, крылатый зверь на мгновение завис, раскинув в воздухе крылья. Как дракон с иллюстрации. Парил сверху, в синем мареве неба, косил красным глазом свысока на людей. Должно быть, решал — съедобна ли ползущая по воде железяка.

Издали донёсся ещё один звук — тягучий, испуганный рёв. "Дракон" хлопнул крыльями, набирая высоту. Развернулся в воздухе, сложил крылья, ушёл в вираж. Эрвин проследил взглядом полет и увидел на воде — слева от них — знакомую длинную шею. Морской змей ревел, подняв голову, словно предупреждая своих об опасности. Теперь тварь пикировала на него, разинув клыкастую пасть. Бились о ветер, трепетали огромные крылья.

— Должно быть, знакомая добыча, — мельком подумал Эрвин, кладя бэху в крутой

разворот. Руль на борт, нога — в пол, до отказа, ревущая стена чёрной воды — в небо, почти перпендикулярно борту. ДаКоста шатнулся и закричал. Эрвин в полете поймал его за шиворот свободной рукой, подхватил, толкнул к пулемёту. Лихорадочно защёлкал затвор. В небе — россыпь оранжевых, ярких огней. Трассера. Короткая, патронов на семь, очередь. ДаКоста понял все правильно. Крылатая тварь, получив росчерк бронебойного в морду, обиженно взвыла и полетела прочь — жаловаться на слишком наглых людей. Морской змей поднял голову, рявкнул ей вслед. ДаКоста рассмеялся и отправил ещё пакет в полет — прямо в треугольную пасть.

— Прикормили зверя — теперь вроде как наш. Флотский. Кушай, Чарли, — смеясь, проговорил матрос, отправляя третий пакет вслед за предыдущими. Новокрещенный Чарли довольно урчал, кивая им вслед любопытной донельзя мордой. Бэха качнуло, в колеса ткнулся песок. Эрвин дал газ. Над головами — скалистый, до неба кряж. Короткий щелчок, потом рёв. Машина качнулась, зарываясь колёсами в грунт противоположного берега.

— Доплыли, — выдохнул ДаКоста, оглядываясь и по-собачьи трясая головой. Брызги летели с черных волос, курчавых и блестящих от морской соли. Ровно урчал движок. Шумел тёмный лес — на скалах, вверху, над головами людей, касал ветвями, сыпал сверху на воду зелёные листья. Эрвин привстал, огляделся и погнал машину по узкому пляжу вперёд, ища место, где можно подняться на скалы. Прибой набегал, струи воды качали машину, били в борт, пенясь и закручивая меж колес узлы и спирали водоворотов.

Переключатся с колес на воду пришлось ещё дважды — огибали длинные, торчащие в море каменные мысы. Хитрая прибрежная волна налетала, казалось, со всех сторон, обдавая борта потоками терпкой, солёной влаги. Скалы над головой — массивные серые валуны, охра и камедь гранита, в трещинах — зелёные деревья и потоки воды. За третьим мысом — широкий пляж и промоина. Разрыв в гранитной стене, вроде ущелья или русла реки. Узкий, заросший, но лучше, чем ничего. Эрвин, щуря глаз, примерил высоту, воткнул первую и повёл тяжёлую машину вверх, под рев, птичий гам и шорох вылетающей из-под колес гальки. Ровно урчал мотор. Ломались под бампером стволы — не то деревьев, не то грибов, не поймёшь, высокие, коленчатые, пустотелые. Без листвы, лишь моток сухих, серых жгутов на макушке. Когда очередное дерево падало — резко, с сухим щелчком — с вершины сыпались дождём мелкие белые споры. На парашютах, как земные одуванчики. Исполинские белые одуванчики, клубились и били метелью в лобовое стекло. А потом земля перед глазами мотнулась вверх, вниз, опять вверх. За стеклом — синева неба, охра и зелень земли. Взревел мотор, бэха перевалила кряж и вышла на ровное место.

Белый вихрь утих. Эрвин откинул стенки. Вокруг опять — зелень леса и шорох листвы. И дорога нашлась — не дорога, но хорошо протоптанная тропа, БТРу в обрез — протиснуться между стволами. ДаКоста погадал на планшете, ткнул пальцем налево — нам, мол, туда, почти на месте. Эрвин повернул руль, вдавил газ и бэха — осторожно, на малом ходу — поползла по лесной дороге. Вверх по холму. Потом вниз, по руслу реки. Опять вверх. Дорога расширилась, меж узловатых стволов качались на лианах знакомые алые цветы тары. Раскрывались, поворачивали головы, щеря вслед кусачие пасти соцветий. Кричали птицы.

С ветки, размотавшись на длинном стебле упал пятипалый цветок. Перед носом машины, прямо людям в лицо. Эрвин отшатнулся. ДаКоста протянул руку через его плечо, ткнул ладонью прямо в алые лепестки.

— Не бойсь, не вредно. Наоборот, — подмигнул он, слизывая с пальцев пятна жёлтого, тягучего сока. Глаза его затуманились, голос поплыл...

Слева, от тропы — мелодичный, переливчатый звук. Словно звон колокольчиков. Или смех. Эрвин повернул голову и увидел. Слева от дороги, в тени, под шелестящими на ветру ветками исполинской секвойи...

Фотография в планшете не врал. И сделана была вполне качественно, зря Эрвин ругался тогда на размытые контуры. Просто — женская фигура под деревом размывалась и дрожала в глазах, пропуская свет. Будто кожа её из хрусталя и прозрачного, колдовского тумана

— Нет, — Эрвин невольно потряс головой, — тогда черь-и-что было бы видно.

Туземка словно закручивала свет. Ловила, скручивала, играла — так, что Эрвин смотрел ей в лицо, а видел солнце. Яркий луч разбежался волной по высоким скулам, переливался, дрожал на веках и лучился озорной серебристой искрой в глазах. Царской короной — лесной цвет на ресницах, алым, зелёным и охряным ожерельем, диадемой во лбу. Парень моргнул раз, другой. Опять — мелодичный звук, похожий на звон колокольчиков. Теперь понятно, что смех. Глаза освоились, привыкли к чуду. И Эрвин сумел — таки рассмотреть её. Именно её — под кожаной курткой высокая грудь, тонкие руки, чёрной волной — длинные, прямые волосы, на висках — жемчужные перья незнакомой птицы. Куртка и юбка — длинные, увитые бахромой. И россыпь точек по лицу и рукам — густо, на лбу и щеках. Вьются, сплетаются в хитрый узор — от лба, по скулам и вискам — изломанной, яркой спиралью.

Опять вспомнился экраноплан, дурацкие шутки и Пеггина вводная. "А росчерк на лбу — это длинна ножа ее мужа". И точно — над бровями волнистая полоса, кривая, как лезвие флотской навахи.

Удар был такой, что бэxu почти развернуло вокруг оси. Руль, как живой, прыгнул в руках. На губах — солёная кровь, в глазах потемнело на миг. Движок, захлёбываясь, обиженно взвыл, истошная ругань ДаКосты слилась, смешалась с рёвом мотора. Эрвин мотнул головой, машина лязгнула передачей и замерла. Стало тихо — вдруг, только звенел в ушах мелодичный смех. Туземке было над чем смеяться — бэха, под мудрым руководством заглядевшегося Эрвина свернула с дороги и с маху врезалась в дерево, почти своротив бампером могучий ствол. ДаКоста ругался, потирая ладонью ушибленный лоб. Скрипела над головой могучая ель, белый древесный сок сочился и капал из надрубленного ствола на крылья и бампер машины. Эрвин выругался. Лязгнул под рукою рычаг. Бэха отпрыгнула назад, Эрвин выпрыгнул, на звенящих от долгого сидения ногах обошёл машину, глянул — повреждений нет. Лишь стесалась краска на броне, да в решётку радиатора набились лохматые, белые щепки. Потом запрыгнул обратно, сунул ДаКосте индивидуальный пакет и сказал, виновато пожав плечами:

— Извини.

— Ладно, проехали, — махнул рукой тот, поднимая голову. Сморгнул и уставился, вытаращив глаза, в одну точку — вдали, за деревьями.

— Точнее, приехали. Глянь...

Эрвин глянул. И впрямь, за пологом зелёных, колючих кустов — ровные, залитые солнцем поля. И холм, пологий, полукруглый холм, заросший высокими, прямыми, как мачта соснами. Широкие кроны трепетали высоко в синей вышине. А между деревьями — деревянные стены, какие-то колья — густо, частоколом и невысокие дома, под крутыми остроконечными крышами. Над крышами — тонкий, серебристый дымок. Город. Точнее деревня...

— Та самая, — медленно, ухмыльнувшись во весь рот проговорил ДаКоста. У его плеча

закачался алый цветок. Матрос ткнул ладонью соцветие, слизнул с пальцев тягучий сок, ухмыльнулся и медленно проговорил.

— Обожаю эту штуку...

**

Эмме Харт хватило половины дня, чтобы понять — алый цветок тары она ненавидит. Всем, что осталась от потрепанной жизнью души. Хищный, отвратительный глазу цвет, пять лепестков, щерящихся на человека зубастой пастью. Слепые жёлтые глазки, на шипах — сок, жёлтый, тягучий и страшный настолько, что Эмму передёргивало от одного только вида. Люди, захватившие её, не церемонились. И на разговоры время не тратили. Просто ткнули стволом в спину и повели. Два изнурительно-долгих часа ходьбы, сквозь шумящий, полной неведомой жути лес, потом низкий барак, частокол и какой-то важный тип у ворот — как все туземцы полупрозрачный, раскрашенный дикарь во потрепанной форменной куртке, с эполетом но без штанов. И со стеклом в руке, тонкой белой тростью. Набалдашник в форме драконьей головы, вырезан искусно и зубы роговые, острые. Это Эмма на собственной шкуре узнала, когда погнали в барак. Без лишних слов, которых она все равно не понимала. Накормили хоть, и на том спасибо.

А потом в лес — с длинной палкой в руке и корзиной на шее. Листья тары собирать. Свежие, зелёные листья, гроздьями — у основания алых цветов. Ткнуть палкой в раззявившие пасть лепестки, перехватить стебель свободной рукой, оборвать, кинуть в корзину, повторить. И так — весь бесконечно длинный день. Болела спина, исколотые колючками руки, ноги, сбитые и изрезанные о траву. Кружилась голова — не от усталости, её листья тары растворяли надёжно а от общей безнадеги. Корзина понемногу заполнялась, ремень натирал и стал резать плечо. Эх, ей бы дома, на земле такую корзинку. Хватило бы и дом в нормальном районе купить и судью-собаку, что приговор читал. Купить, да швейцаром поставить. Или ещё куда, куда госпоже Харт будет угодно. Эх, панели резные, потолки, лепнина и зеркало в прихожей — высокое, в её рост. Эмма такое однажды видела — за стеклом, в дорогом магазине. Высокое, золоченое с завитушками и ящиками по бокам — подробнее она разглядеть не успела, охранник прогнал. Дотащить корзинку с содержимым до земли — как раз хватит на такое. И на господина собаку, то есть судью, пусть стоит в прихожей да кланяется, открывая перед госпожой дверь.

Боль полоснула руку, словно ножом. Эмма отпрыгнула, баюкая руку и чертыхаясь. Замечталась, задумалась — и лес свое не упустил, вогнав в ладонь острую, кривую колючку. Солнце нещадно палило сквозь листву, яркое — безумно. Пот заливал глаза, тек противной струей по спине и ладоням. Да, это не Земля.

Там, дома Эмми знала ходы и выходы а здесь — что делать, куда бежать? Лес вокруг шелестел, заставляя сердце биться от каждого скрипа, соседки по бараку — сплошь туземки, высокие, статные, полуголые, тянули унылую, пробирающую до костей песню. Три ноты много-много раз, в такт монотонной работе. Поймать цветок, ткнуть палкой, оборвать листья, повторить. Охранники стояли рядом — молчаливые великаны, бесстрастные. Не люди — статуи, с винтовками на плече. Лишь трепещет по ветру перья и бахрама на рукавах длинных рубашек.

Эмми их видела до этого — в кино, куда их банда однажды забралась, сломав на чердаке решётку. Фильм был дешёвый, дрянной порнухой. С крашенными серебрянкой актёрами, изображавшими дикарей. А вот винтовки там были похожие. И фраза «стреляют без промаха» звучала слишком часто, чтобы Эмма запомнила.

Под ухом — лязг. Осторожное звяканье стали. Обернулась, вздрогнула — испуганно. Один из охранников вдруг обернулся, посмотрел на неё. Пристально, сердце глухо бухнуло в груди, забилось попавшей в прицел птицей. У него были широкие скулы и кошачьи глаза — нечеловеческие, зрачок вытянут в нитку. Опасно смотреть... Но и отвести глаз она не смогла.

— Хай, — сказал он вдруг. Гортанно, лишь дёрнулся на шее кадык, да губы слегка шевельнулись. Потом еще пару слов — их Эмма не поняла. Тогда тот показал себе на плечи — раз, другой. И протянул руку с зажатой в ней тряпкой.

— Я не понимаю... — прошептала она, мотнув головой. Невольно сделала шаг назад, втянув голову в плечи. После этих слов ей и влетело стеклом.

Но воин лишь показал на плечо. Раз, другой, вначале на одно, потом на другое. Сунул в руки ткань. Так, что Эмми машинально взяла. Охотник отвернулся. Ветер взметнул бахрому на его рукавах. Эмми подумала вдруг, что парень ещё очень и очень молод.

А ткань пригодилась. Солнце в зените злое, плечи покраснели и уже начали гореть... Под плащом стало немного, но легче...

Глава 4

Эрвин понял вдруг, что больше не в силах удивляться. Деревне, высоким соснам, шелестящим ветвями над головой, невысоким домам, просвечивающим, плетённым из сушёной жёлтой лозы стенам. Густо, в ряд, без просвета. Кое-где поверх плетёнки натянута полинявшая шкура или пёстрая ткань, кое где — нет. Сквозь щели просвечивают лавки, огни очагов, полуголые матери, кормящие младенцев.

Они замирали на миг, поворачивали головы, провожая равнодушным взглядом ползущую по улице бэу. Звенел ручей. Под колёсами бтр-а, прямо по утопанной босыми ногами земле. Над головой, чуть выше человеческого роста — пучки лиан, перевиваются, тянутся в беспорядке от дерева к дереву, от дома к дому. Висячие мостики, канаты, развешанная на просушку ткань — длинные полотнища, пёстрые, словно флаги. Капнула за шиворот струйка воды. Кричали дети — стайка мальчишек, полуголых, блестящих в закатных лучах сорванцов, гортанно крича, бежали наперегонки с бэхой, на спор касаясь руками клёпаных бортов. Когда удавалось — крики радости были звучны и веселы, голоса переливались и звенели — будто сорванный с места птичий базар. Эрвин за рулём мгновенно взмок — не наехать бы на сорванцов ненароком. Улица дала поворот. Плетёные, ниже борта, стены смыкались здесь в два ряда — тесно, будто лабиринт. Зелёный, пахнущий свежей лозой, острым соком тари, дымом костров и тысячею пряностей.

За поворотом была площадь и частокол. Высокий, затейливая резьба вьется по обтесанным бревнам. На верхушках каждого — фигурки зверей. Эрвин вдавил тормоза. Фыркнул напоследок мотор, отдыхая от долгого марша.

— Приехали, — весело крикнул ДаКоста, прыгая через борт. С маха, сверкнули на солнце подковы сапог. Ворота частокола разошлись, навстречу шагнул туземец — высокий, статный, полноватый человек с плоским степенным лицом в обрамлении головного убора из перламутровых перьев и алых лент. Важным, полным достоинства лицом. По виду — начальство, местный вождь, в окружении свиты. Поднял руку, начал говорить — медленно, мерно, с чувством. Звуки чужого языка смешались в ушах. Эрвин обозвал сам себя идиотом, бросил руль и полез в ящик с н.з. — по уставу там должен лежать универсальный, флотского образца, переводчик.

Прибор нашёлся и даже работал — бусинка в ухе и коробка ларингофона на горле синхронно кольнули кожу, сообщив о готовности. Вместе с гортанными птичьими словами чужого языка в уши полился синхронный перевод неживым, механическим голосом. Заболела с непривычки голова. Впрочем, толку — чуть, из всех слов, что обменивались важный деревенский вождь и истово размахивающий руками ДаКоста переводчик понял одно — обмен. И ещё универсальный жест — ногтем указательного по кадыку. Это было понятно и без машины в ушах. Люди спорили долго. ДаКоста кипятился, махал руками навроде мельницы, вождь отвечал степенно, скупое роняя слова, изредка помогая речи жестами — короткими, как выпад.

Переводчик в ухе хрипел, кашлял, но ничего толкового не переводил. Числительные разве что — но их и так дублировали на пальцах. Эрвин заскучал и оглянулся на свиту вождя. Воины, как на подбор. Такие же, как и вождь, высокомерные, плосколицые, невозмутимые. В кожаных куртках, босые, но с грозно выглядывшими винтовками на плечах.

Длинные стволы, полированные ложа, воронёная сталь. "Похоже, они умеют ими пользоваться", — подумал Эрвин, рассматривая крайнего воина в упор. Куртка с бахромой, перья на голове, за плечом — ствол, длиннее его роста. Механизм проверен и прост, металл лоснится от смазки. Шарик на рукояти затвора — гладок и истёрт ладонью до льдистого, злого блеска...

Воин поймал его взгляд, повернулся, оглядев в ответ и Эрвина и Бэу. Эрвина — сверху вниз, короткий флотский шотган — с усмешкой, холодной, презрительной. И с неммым уважением посмотрел вверх, на турель с дремлющим на солнце "кольт-браунингом спаркой".

Эрвин намёк понял, потянулся, пересел с места водителя на место стрелка. Задел плечом ствол, спаренные толстые дула повернулись на оси. Как бы случайно — к вождю. Тот и глазом не повёл, лишь следующая фраза прозвучала на полтона ниже. Воин дёрнул лицом, Эрвин усмехнулся, пересчитал глазами воинов с винтовками, понял, что пулемёт если что — не поможет и расслабился, как умел.

То есть достал трубку, кисет, размял в пальцах чёрную, пахучую щепотку. Втянул запах. Воин — тоже. Подошёл поближе, показал на пальцах — меняемся, мол. Переводчик в кои-веки помог, а может жесты оказались выразительные. Пол — кисета чёрного, душистого табака Семицветья — на кукурузную, колючую трубку с коротким, прямым чубуком.

ДаКоста и вождь ударили по рукам. Из бэхи вытащили на товары на обмен — мешок табака, ящик патронов, жёлтый парашютный шёлк, гладкий и блестящий на сгибах. Вождь присел, пощупал мягкую ткань. Защёлкал вдруг языком. Махнул рукой — две высокие, татуированные до глаз женщины вынесли из-за частокола плотные, булькающие на ходу бурдюки. Пару, потом ещё и ещё. ДаКоста поминутно нагибался к их ноше, пробовал, нюхал бесцветную, терпкую жидкость, в немом восторге закатывая глаза. Воины пальцами мерили ткань, негромко спорили гортанными, звонкими голосами. Мешок табаку с поля исчез. Вдруг, Эрвин не успел увидеть — куда. Да и замечать не хотел, вместо этого шагнул к очередному бурдюку, перехватил, отлил немного, в стограммовый стаканчик. И поджог, с одного щелчка зажигалки. Жидкость загорелась синим, чадящим огнём, по деревне поплыл плотный, щелочащий нос спиртовой запах. ДаКоста хлопнул Эрвина по плечу, поднял большой палец вверх — все, мол, хорошо, братан, жизнь прекрасна. Улыбка плясала у него на лице, глаза — большие и пьяные. Жидкость в стакане погасла, прогорев почти на две трети — и впрямь хорошо, для деревенского аппарата. Женщина с тихим плеском закинула в кузов бурдюк.

— Последний, — мотнув головой, крикнул ДаКоста. Эрвин взглядом пересчитал булькающие в кузове бурдюки — вышло прилично, даже с учётом десанта. Хватит... ДаКоста заговорил опять, замахал руками — прощался, наверное. Потом поклонился и ловко запрыгнул в кузов. Заурчал, оживая, мотор. Эрвин потянулся с места, толкнул приятеля в бок — завязывай с вежливостью, мол, братан, нам до темноты назад надо.

ДаКоста обернулся и кивнул. Солнце померкло — сразу и вдруг, грязной полосой легла серая тень на поле, капот и лица. Сверху — хлопанье крыльев, оглушительный клёкот. Эрвин невольно поднял голову. На деревьях запела труба. Клёкот перешёл в визг. Яростный, раздирающий уши визг ложащегося на боевой курс дракона.

Тварь спикировала на деревню из синевы неба — огромная. Кожистые, чёрные крылья закрыли солнце на миг. Сверху, с деревьев, закричали, запели рожки и трубы. Над деревней пронёсся тревожный, переливчатый крик. Жёлтой костью сверкнули когти — на лапах и

кончиках крыл — кривые, зазубренные, острые пилы. Распахнулась пасть, обдав людей на земле затхлым кладбищенским духом.

Эрвин прыгнул у пулемёту. С места водителя, вмиг, перескочив меж сидениями. Задрались в небо тупые стволы.

ДаКоста ударил его по руке:

— Не лезь. Местные сами разберутся.

— Курвасса мит... — огрызнулся Эрвин, ругаясь на сбитый прицел.

— Не лезь, тебе говорю, брат. Культурные... эта... особенности, подписку забыл?

Какой-то туземный замут с этой птичкой, влезешь — хлопот не оберёшься. Местные знают, что делают...

Оглянувшись, Эрвин понял, что ДаКоста прав. Атака крылатой твари особой паники не вызвала. Запели, заорали сигнальные трубы с площадок на ветвях мачтовых сосен, погасли огни. Плетёные щиты стен упали вниз, схлопнулись, накрывая детей и женщин — быстро, но без лишней суеты. Вокруг по площади — дружный, синхронный лязг. Воины слитно скинули винтовки с плеча, передернули затворы и замерли, выжидая. Плоские лица смотрели ввысь, на пикирующую тварь, спокойно, будто на муху. Босоногий мальчишка подбежал, протянул вождю ружье — длинноствольный автоматический карабин, с золочёным прикладом.

Хлопнул выстрел, в небо, навстречу твари поднялся дымок — не с площади, с южного края деревни. Почти тут же — гортанный клич и новый выстрел. С северного. Пуля чиркнула, выбив искры из костяного гребня на голове. Тварь взмахнула крыльями, заревела, упала вниз — грудью и лапами на кроны деревьев.

Деревню строили с умом. Высоченные, мачтовые сосны согнулись, но выдержали удар крылатой туши. Тварь ревела, тянула вниз клюв, скребла и рвала когтями сплетённые толстые ветви. Выстрелы хлопали снизу — строго по одному, каждый предварялся коротким, гортанным кличем в три ноты. "Будто и впрямь ритуал, — подумал про себя Эрвин, убирая руки с пулемёта, — похоже на то". Воины вокруг вождя так и не сделали ни единого выстрела, хотя позиция их — прямо под впалым брюхом — была, на Эрвинов взгляд, лучше не придумаешь. Винтовки били с краёв, часто, но точно — пули рвали перья, щёлкали, вспыхивая искрами попаданий на гребне вокруг головы. Тварь била клювом, рычала, косила вниз багровые, безумные от ярости глаза. Сосны скрипели и гнулись, но держали надёжно. Толстая ветка под лапой сломалась вдруг, полетела вниз. Перевернулась в воздухе, с треском упала, разбилась. Освободившаяся тварь взревела, взлетела назад — ввысь, обратно в бездонное небо. Пули рванулись ей вслед. Одно выбило перо из хвоста.

— Вот видишь... — протянул ДаКоста на ухо и осёкся. Вдруг. Тварь заложила в небе крутую дугу, рванулась, хлопнула в воздухе крыльями и пошла в новую атаку. Стремительно, тень крыльев мятой тряпкой пробежала по земле, деревне, лицам людей. Закрыла солнце на миг и упала на поле. Ровное, зелёное поле недалеко. Эрвин, сморгнув невольно, увидел там с полдюжины бегущих к деревне фигур. Тень накрыла их чёрным плащом, забились в воздухе когтистые крылья. Клёкот из пасти — злорадный, рвущий уши голодный рык.

Воины дали залп. Дружно, уже без ритуалов. Десяток татуированных рук синхронно вскинули ружья, десяток стволов рявкнули в голос, десяток пуль рванули воздух, пропели в унисон, разбившись о костяную башку искрами прямых попаданий. Прицел был хорош, но угол стрельбы теперь неудачен — все десять пуль без толку боднули костяную башку. Дракон лишь помотал головой, не свернув с курса. В уши Эрвина — слитный лязг десятка затворов. А с поля — человеческий крик. Слишком высокий и тонкий для мужской глотки.

— Эрвин, не лезь, — запоздало крикнул ДаКоста, глядя, как разворачивается пулемёт, — культурные...

— То курца, — прорычал Эрвин короткое, злое ругательство. В прицельной сетке — крылья и хищный клюв-пасть. Кнопка предохранителя под пальцем — тугая, до крови под сорванным ногтем. Фигуры на поле заматались, крича, кинулись в разные стороны. Тварь, хлопнув крыльями, зависла на миг, выбирая добычу по вкусу.

— ...кон диос.

Беззвучно вдавилась скоба. Пулемёт согласно взревел, вокруг двух стволов вспыхнули столбы злого, безумного пламени. Перед хищной мордой — стена огня. Жёлтых, белых и алых шаров. Трассера. И тварь, курлыкнув, влетела в них на полном ходу, разом словив с десяток прямых попаданий.

Первые лишь чиркнули рикошетом по бронированной морде — без толку и смысла, тварь даже не повернула головы. Потом ярко-белый, фосфорный цветок зажигательной пули вспыхнул под глазом. Тварь дёрнулась, мотнула в полете крылом. Кожистый треугольник развернулся на миг, встал к Эрвину в профиль. На миг. Этого хватило. Тварь закричала, перевернулась в воздухе и кулем упала в траву, корчась и баюкая крыло, перебитое в трёх местах бронебойной, вольфрамовой пулей.

— Ха, — вскрикнули все. Даже воины на миг утратили холодное самообладание. «кольт-спарка» умолк, стволы опустились — устало, курясь в небо белыми струйками порохового дыма.

Рано. С поля донёсся клёкот и девичий крик. Сбитая тварь, качаясь и утробно рыча, поднялась во весь рост. Люди на поле кинулись бежать. Зря. Обезумевшая от боли и ярости тварь, кинулась на них, по птичьей курлыкая и припадая на лапу. Раненное крыло торчало вверх под углом, клюв-пасть щёлкала, разеваясь на близкую добычу. Эрвин развернул пулемёт. И бросил — тут же. Угол не тот, с такой дистанции очередь скосит всех подряд — и бегущих и зверя. Пасть его — багровая с алым. ДаКоста взмахнул руками, не удержал равновесие и упал с борта в траву.

Движок взвыл, хрустнул в ладони рычаг передач, лязгнули шестерни. Бэха рванула с места, в облаке дыма из выхлопной трубы. Пулей, под визг резины и истошный, пронзительный вой. "Сирену — на полный, — подумал Эрвин, зажимая рычаг, — не дай бог кто под колеса попадет по дури".

БТР пролетел деревню насквозь и, под оглушающий рёв, вылетел на ровное поле. Твари наперерез. Та развернулась, завидев нового врага, поднялась на лапах, разинула пасть. Оглушительный клёкот ударил, заглушил рёв мотора на миг. Бэху мотнуло на повороте. Эрвин вздрогнул, заметив, как течёт слюна по алому языку и зубам — острым, маленьким, треугольным. Смрад от неё... в последний момент Эрвин подумал, что останавливаться и прыгать обратно, за пулемёт, уже глупо. Тварь взревела. Эрвин вдавил педаль в пол, лязгнув застёжкой ремня и бэха, истошно завывая движком, врезалась прямо в зубастый клюв, в последний момент подняв над капотом стальной тесак волнореза.

О том, что было дальше, Эрвин мог бы и вспомнить. Потом, когда все закончилось, движок заглох и усталая машина качнулась и замерла на изумрудно-зеленой траве. Мог бы вспомнить, наверное. Но не захотел. Неинтересно ему гадать, почему теперь бэха красная — вся, от колес до антенны, обо что погнут стальной волнорез, и что за тошнотворная, лиловая хрень намоталась узлом на колеса и оси. Воняла она... Эрвин сглотнул, с трудом держа желудок в узде. Зато на поле, за спиной — тишь да гладь, трава на ветру колыхается,

солнышко светит. И никто больше не ревет, не машет крыльями. Не разевает на людей клыкастую пасть. Осколок той самой пасти валялся под днищем. Зубищи там... жуть... но ценный груз в кузове цел и живительно булькает. И трубка в кармане — тоже цела. Сладковатый дым зацепил на языке, в носу, взвился в небо сизым колечком. Вонь отступила. Дрожь в руках улеглась. Эрвин завёл мотор, прогнал усталую машину по ручью назад — вперёд пару раз, смыл грязь с бортов, развернулся и поехал — на малом ходу — к деревне, назад, подобрать потерянного ДаКосту.

Вот только деревня его встречать не спешила. Ни хлебом-солью, вообще никак. У деревенских были другие дела. Женщины сутилились, поднимали плетёные щиты и крыши, восстанавливали дома. А воины собрались у околицы немалой толпой. Встали в круг, говорили о чем-то, в упор не замечая бэу, ползущую к ним на малом ходу. Эрвин заметил вождя в середине толпы. Тот говорил, долго, поднимая руки вверх, ладонями — в синее небо. На птичий манер, бахрама на вышитых рукавах трепетала на ветру, подобно перьям. Перьям с хвоста дракона, недоброй памяти жертвы недавнего ДТП. Чужие слова звенели и пели, сшибаясь щелкающими согласными звуками и длинными гласными в безумный, для уха Эрвина, марш. Бэха мерно урчала на малом ходу. Переводчик в ухе хрипел и давился, вылавливая в хаосе звуков отдельные слова — "закон", "дети", "долг". Потом ещё раз "закон" в обрамлении звенящих и щёлкающих звуков. Два каких-то старых хмыря в толпе — по обе руки вождя — согласно, в такт, трясли головами. Слово "закон" повторялась часто, деда при его звуках кивали, трясли головами. Сморщенные, похожие на резные игрушки. Воины откровенно ухмылялись. При слове "долг". Напоследок вождь поднял руки, пролаял "закон" ещё раз. Солнечный луч скользнул, кинул кровавый след на протянутые небу ладони. Толпа раздалась и Эрвин увидел — к кому обращалась данная речь.

К стайке девушек — плотной, сжавшихся в комок в кольце из недобрых взглядов. Трое или четверо — не поймёшь, стоят густо, спиной к спине. Оборванные по подолу юбки, спутанные волосы, взмыленный, запыхавшийся вид — похоже, те, что бежали от дракона по полю. У Эрвина глаза распахнулись, парень замер, даже забыв на миг про педали и руль. Машина и так ползёт, а там впереди... Вождь повернулся к спасённым, что-то проговорил, сурово нахмутив брови. Согласно закивали головами старики. Механически, подобно игрушкам-болванчикам. Кто-то заплакал. Навзрыд. Одна шагнула вперёд — резко, вдруг, брызгами ливня разлетелись по плечам смоляные чёрные волосы. Заговорила — быстро, глотая слова. Чертов переводчик в ухе выдал беспомощный хрип — Эрвин, не глядя, смахнул его с уха. Чужой голос метался, звенел и бил в уши крыльями вспугнутой птицы. Вождь засмеялся. Хриплым, лающим смехом, массивная челюсть мотнулась вверх, потом вниз. И ударил. Несильно, лениво шевельнув рукой. Белая трость описала в воздухе полукруг. Девушка упала. Колокольчик затих — оборвался всхлипом на переливе.

— Ты что творишь, урод! — Эрвин заметил вдруг, что кричит. Резко, не выбирая выражений. А ноги выжали одновременно сцепление и газ, движок бэхи взревел в тон словам — лютым, яростным зверем. Вождь отшатнулся. Мелкой дрожью — перья на его голове. Дернул челюстью, будто собираясь что-то сказать. Эрвин еще подумал, что челюсть у того знатная, бить будет удобно, не промахнешься. Что с правой, что с левой, а лучше с обеих. Ибо... Из задних рядов — короткий, сухой стук. Металл о металл. Передернутого затвора винтовки — сдали нервы у воина в задних рядах. Глухо взревел движок. На соснах — снайперы, в драке — шансов нет, но напугать, может быть, удастся. Рычащая, упрямо ползущая вперед бэха, вся, от колес до антенн — в черной драконьей крови напугать могла.

**

Миа, дочь охотника из дома туманного леса. Планета Счастье

Говорят, когда драконы были большие, а люди — маленькие, давно, до тех времён, когда крестовые ещё не пришли со звезд и воины ходили на охоту с луками, вместо винтовок — при великом предке законов было всего три. И дедов-законников не было, столб посреди деревни стоял, а на нем три закона великого предка рунами вырезаны. И место на том столбе оставалось, иначе Уго-воину негде было бы имя любимой вырезать. Рассердился великий предок тогда и столб на небо забрал, чтоб неповадно было. И законов с тех пор развелось столько, что все вырезать — деревьев в туманном лесу не хватит, одни пеньки останутся. И все, что ни возьми — древние, да справедливые, старейшины, вон, даже кивать устали, вождю вторить, «да да» говорить. А тот и рад — льет речь, заплетает. Если бы он так прицел брал, как слова складывает — не летать дракону над деревней. Курец он драный, как крестовые люди говорят. Надо было к ним уходить, когда звали.

А теперь...

А теперь в петлю те речи сливаются. Мне. Да подружкам моим. Если послушать что вождь говорит, я закон нарушила. Древний да справедливый, старейшины подтвердят, если не устали. Нельзя, де в полдень по полю ходить, под солнцем, беду искать да тварь крылатую на деревню приманивать. А как не ходить, если надо? Да и драконы те уж и не летают почти. Вот, как крестовые люди винтовки нашим воинам продали — так и не летают. А теперь, я с подружками, виновата кругом, выходит. Ой, как люто виновата, вождь говорит. Кругом.

А вождь, собака, руки к небу поднял, предком великим поклялся, да приговор объявил. Штраф. Сотня крестовых лаков. Воинам, стае его верной, на патроны. Не позднее вчерашнего дня.

"Да он ополоумел, курец драконий, столько люди не зарабатывают", — дёрнулась было я поругаться, а потом глянула — на руки его поднятые, все в солнце закатном — будто в крови, в глаза наглые да улыбающиеся, да рожу — спокойную слишком. Глянула, да поняла. Какой закон, к предку великому, древний, если лаки крестовые люди вместе с винтовками сюда принесли?

Чушь это. То есть, не чушь, совсем не чушь. Понятно, теперь, откуда у вождя ружье золочёное, хитрое, почему клуши его в шёлк непромокаемый обрядились.

Продал ты меня, вождь, продал, вместе с Лианной — гордячкой, да Маарой — хохотуньей маленькой. И даже догадываюсь, куда... К мужу тысячи жен — тысяча первой. На плантацию, алый цвет собирать...

Не хочу...

И Лианна — красивая она. Красивая, да упертая, убьют её там. Просто убьют. И Маар — маленькая совсем...

Не хочу...

Что-то течёт по лицу. Густое, липкое. Противное, как... Кровь. Даже не заметила, кто и как ударил. Просто, толкнулась вдруг в спину земля. И мир вокруг затянуло пеленой. Соленой и горькой. Слезы в глазах. А вождь стоит, зубы скалит, ухмыляется. Видел бы это отец покойный — жить вождю ровно миг. Два — сколько надо, чтобы ружье с плеча скинуть да передёрнуть затвор.

А теперь и не заступится никто. Разве...

Голодный, злой рёв раскидал толпу. Вмиг и не заметила, как стало просторно и пусто

вокруг. Ревел зверь. Дикий, страшный зверь. Будто дракон. То есть, нет. Машина со звезд, стальная, рычащая, вся, от шипастых колес до штырей на крыше — в крови. Черной, драконьей крови. И крестовый внутри — непривычно-бледный, взъерошенный парень за рычагами. Синяк во весь лоб. Побился, должно быть, когда таранил дракона.

**

А Эрвин, вздрогнул и оцепенел. Как во сне, липком, тягучем сне. Дурной вечности за миг до пробуждения. Сбитая с ног девчонка вскочила, поднялась и — в один неуловимый взгляду прыжок — встала на пути БТР-а. Встала, протянула руку, крикнула что-то неуловимое на щебечуще-звонком языке. Эрвин, не мигая, смотрел на остроскулое, тонкое лицо, развевающиеся волосы и горящие, внимательные глаза. Смотрел и понимал, что развернуть машину уже не успеет. Ничего не успеет. Совсем. Замер, смотрел, как дурак, глядя, как шевелятся губы на тонком лице. Над тупым капотом — нож волнореза, кривой, обоюдоострый тесак. Качался, деля надвое тонкую фигурку. Истошно взвыли тормоза. Ноги Эрвина сообразили раньше головы, с маху вогнав в пол педаль. Машина вздрогнула, взревела и замерла, качнувшись взад-вперед на рессорах. Капот задрожал, коснувшись протянутой руки на мгновение. На одно.

Девчонка обернулась, подняв руку — изящная ладонь черна от масла и драконьей крови — и крикнула что-то. Тонким, певучим голосом, колокольным звоном. Вождь крякнул и отступил на шаг.

— Что происходит? — за спиной лязгнули сапоги. ДаКоста нашёлся, лез через борт, шатаясь.

— Откуда мне знать? — сердито рявкнул Эрвин, вслушиваясь в щебет и рев чужих голосов, — садись и переводы давай.

— Сейчас, — протянул матрос. Еще раз лязгнули сапоги. Заскрипел развернувшись на турели, пулемет. Эрвин скосил глаза и понял, что ДаКоста пьян. В стельку. То есть в дюзу, по флотской традиции.

**

Лианна, дочь кузнеца из дома туманного леса. Планета Счастье

Великий предок меня побери, это все Маар-чертовка мелкая виновата. Отсиделись бы тихо, так нет: "Пойдём, давай поближе" Любопытно видите ли ей, чьё имя кричали воины, лоя дракона в прицел. Как будто не понятно, чьё. Мое, конечно. Или Мии, тут надо честно признать. Вот только моё — больше. Предком клянусь, провалиться мне... а Маар я уши надеру как-нибудь, за любопытство её неуёмное. То есть нет, уже не надеру.

Сгубило нас её любопытство. Да что я вру — не только Маар, но и моё.

Приятно же... Только толку с тех криков — ни один не попал. Горе-воины, только и хороши, что нос задирать, да затворами лязгать. Вот Уарра бы попал, обязательно. И было бы по-другому, все. Только Уарра по весне к Золотому Отцу ушел. Тайно, в ночи, с винтовкой отцовской. Жди, говорит, до лета, побьем крестовых — вернусь. Не дождалась, выходит...

.. или...

.... что же это...

Поверить не могу, но у Мии получилось. Получилось, да. Встать у зверя на пути и спросить. У страшного, неживого зверя крестовых. А он склонил морду перед этой задавакой. Ответил, вроде как... Небывалое, конечно, но... получается, что бывает. Вон, драконья кровь с железной морды течёт, густая, чёрная — и ей на ладони. Вопрос задан,

ответ получен. За нас троих, включая любопытную Маар. Вождь и поспорил бы, да страшно. Зверь грозный, сам по себе, да пулемет на загривке двуствольный стоит, на вождя глаза косит. Черные у него глаза, глубокие да страшные. Вождь и боится и вся стая его. Трусы. Уарра не испугался бы.

Вопрос задан, ответ получен. За всех, включая Маар-мелкую. И меня. Эх, Уарра-воин говорила тебе — не ходи, возьми и не дождусь. В шутку. А получилось, что всерьёз. Жалко. Он бы точно дракона убил, он хороший.

ДаКоста захохотал. Пьяно, заливисто, шатаясь и задирая к небу худой, острый кадык. И умолк — так же вдруг, Эрвин не сдержался, припечатал его ладонью по затылку. Обернулся и заметил, что гвалт на поле утих, все замерли и смотрят на него. Три девчонки — с робкой надеждой, вождь — зло, остальные — лениво, выжидающе. Винтовки — через плечо, ладони на влажной стали затворов. Солнце сверкнуло, на миг ослепило глаза. По затылку и дальше за воротник — липкая струйка пота. Вождь поднял руку и что-то спросил. Требовательно и непонятно. ДаКоста захохотал опять, хлопнув по коленям руками.

— Что за хрень? — рявкнул Эрвин, встряхивая горе-напарника.

— Дай ему стольник, — с трудом ворочая языком ответил тот.

— Зачем?

— Не бойсь, брат. Тебе понравится... — шатнулся и упал спиной назад, так и не стерев с лица пьяной, дурацкой ухмылки.

Эрвин огляделся, пересчитал глазом воинов с винтовками — жаль, много, в одну очередь не положишь. Потом сжавшихся перед капотом девчонок — как-то не по себе их здесь оставлять. И напоследок — широкую, квадратную челюсть вождя. Просит доброго кулака — теперь, даже больше, чем прежде. Ждёт. Эрвин порылся в карманах, нашёл хрустящую, мягую бумажку, протянул. Как раз местный стольник, мятый и жёванный. Случайно в карман завалялся. Вождь важно кивнул. Толпа разошлась, разом потеряв интерес к Эрвину и бэхе. А девчонки полезли внутрь, уверенно, будто имели на это право.

— Что за хрень?

— Культурные особенности... — пробормотал ДаКоста во сне. Будто это что-то объясняло.

Первая девчонка — черноволосая и высокая встала на трапе, примериваясь, не зная, куда ступить. Застыла, сверкнула на Эрвина тёмными, большими глазами. Рука в ладони Эрвина — крепкая и тонкая. Сильная. По коже — колдовским потоком — солнечный свет, дробится и плывёт в тонких линиях татуировки.

«Миа» — сказала она, сверкнув на Эрвина ресниц — лукаво и весело. То-ли представилась, то-ли послала подальше. Не поймешь.

Вторая — гибкая и тонкая, руку Эрвина проигнорировала. Взлетела — кошкой — наверх, уселась, сложив руки, фыркнула недовольно. Большие лиловые глаза — красивы и злы. И зрачки, тоже как у кошки — в нитку. Золотую, тонкую нить.

«Лианна» — сказала первая, показывая на вторую. Видимо, все-таки имя. Очень приятно, конечно. Лилогоглазая так не считала, явно, но и бог с ней.

За ухом — лязганье, стук металла и радостный визг. Эрвин обернулся — рывком, на месте. И замер. В лоб ему смотрел кольт-браунинг, обеими своими дулами, точно глазами. Третья девчонка лихо вскарабкалась по броне, уселась турель и увлеченно крутила рычагами. Предохранитель на кольте — для детских пальцев слишком тугой. Наверное.

Эрвин осторожно выдохнул. Миа погрозила малышке пальцем, рассмеялась и сказала "Маар".

— Должно быть, так зовут мелкую бестию — подумал Эрвин, осторожно снимая ту с огневой точки.

Эрвин потряс головой, но ничего умнее, чем «валить прочь отсюда» не придумал. От посапывающего в углу ДаКосты толку мало, от электронного переводчика — ещё меньше. Язык жестов ничего не дал — то-ли Эрвин махал руками неправильно, то ли девчонкам было все равно куда ехать. Не совсем все равно — предложение вернуть всех назад встретило строгий отказ. Немой, но очень выразительный.

Миа достаточно похоже изобразила вождя, с его челюстью, назвала его "курец" — трижды, для верности. Мелодично и звонко, Эрвин не сразу узнал земное грубое ругательство. Потом — ладонью по горлу. Тоже три раза, для верности. Универсальный жест, Эрвин его узнал и больше глупостей не спрашивал.

Вместо этого попробовал спросить — а что, собственно, надо? В ответ Миа рассмеялась и ткнула пальцем. Лианна фыркнула рассерженной кошкой. Линия от тонкого пальца проходила Эрвину через грудь — в бесконечность. Эрвин решил, что это означает "пора валить" и сел за руль машины.

В переводчике есть запись, на базе можно расшифровать. Там будет видно. Движок взвыл, машину качнуло — слегка. Обалдевший Эрвин слегка не вписался в поворот, наехал колесом на смятую драконью тушу. Колеса чавкнули — глухо, как по болотной траве.

— Уступайте дорогу спецтранспорту, — злорадно ухмыльнулся Эрвин, нажимая на газ. Машина летела от деревни прочь — через поле, к берегу и морским волнам. К своим. Мотор тихо гудел, корпус плавно качался. Эрвин аккуратно скопился назад — не выронить бы нечаянных пассажиров. Нет, сидели крепко, все, даже мелкая. Странные они... Эрвин пригляделся и понял, что ещё было странной в этой троице — все видимые им туземцы были татуированы до глаз а у этих все руки в тонкой вязи, а лица чистые. Совсем. Алые точки у глаз и все.

— Странно, — подумал было он, но тут машину тряхнуло и сильно — поле кончилось, бэха въехала в лес и Эрвину волей-неволей пришлось схватить руль покрепче.

**

Маар, дочь травницы, дом туманного леса. Планета Счастье

— Ух ты! Сколько раз крестовых просила покатать — ни разу не брали...

Эрвин Штакельберг, волонтер флота. Новая Лиговка, планета Семицветье.

— Вот тебе и сгоняли за водкой по-быстрому.

Глава 5

Будь это Земля — Эмми сбежала бы уже в этот день. Сделала бы ноги, ушла, растворилась в бетоне, стекле и камне. И вдоволь посмеялась бы над страшными, но бестолковыми дикарями с винтовками — из безопасного укрытия на нулевом этаже где-нибудь под теплотрассой. Но вокруг была не Земля. Тропический лес, влажный, зелёный и гремящий на тысячу незнакомых голосов. И каждый пугал до ужаса. Пугал алый цвет тари, щерясь пятилапой оскаленной пастью. Пугали сверчки — невидимые, неуловимые взгляду насекомые, зелёные на зелёной листве. Твари гремели и стрекотали так, что Эмми шарахалась поначалу от каждого куста — казалось, гремел броней неведомый хищник. Потом из леса донеслись шаги — мерные, тяжёлые шаги, под хруст и скрип ломаемых веток Эмми вначале просто замерла. С надеждой, даже не поняв, что нужно бояться. Для её ушей в лесу шумел портовый погрузчик. Мирная, неповоротливая, смешная машина о трёх железных ногах, забрédшая по какой-то надобности в джунгли. Заблудилась, наверное. Сейчас появится из за кустов, водитель высунется и спросит дорогу. Только по тому, как резко все побежали вокруг — мужчины вперёд, на звук шагов, на ходу срывая винтовки с плеча, женщины с корзинами — назад, им за спины, Эмми поняла, что происходит что-то не то. Воины упали на одно колено, прицелились. Грянул залп, потом слитный стук затворов — и рёв. Оглушительный, рвущий душу звериный рёв. Стена ветвей разорвалась, и Эмми, все ещё ожидавшая увидеть мирный погрузчик — увидела высоко, меж листвы оскаленную, клыкастую морду. Зелёную, вытянутую, всю в бородавках. Клыки у неё... Новый залп. От курящихся ружей — облаком белый дым и пронзительный запах сгоревшего пороха. Тварь скрылась в листве, ревя и оглушительно топая ногами. Эмми содрогнулась ещё раз, выдохнула и решила держаться поближе к человеку с винтовкой. Полупрозрачному, татуированному дикарю. Тому самому, что дал ей кусок ткани — прикрыться. Не гнал, и то хорошо. Так было спокойнее, пусть и не намного. А потом от бараков донёсся металлический звон, женщина рядом подмигнула, показал руками на рот — обед, мол. И Эмми увидела, чего здесь действительно стоит бояться.

За частоколом, у плетёной стены — весы. Старые механические весы, на которые женщины по очереди вытряхивали сбор из корзины. Зелёные, нежные листья тари крутились в воздухе с тихим шелестом ссыпаясь из корзин на заржавленный лоток а с него — в мешки с непонятными надписями. Кружились, просыпались мимо, на землю. Под ноги двум типам, лениво надзирающим за процессом. Эмми вначале обрадовалась когда увидела их — в отличие от татуированных, холодных как статуи воинов, эти были похожи на людей. Цивилизованных, в смысле. Тоже босые, но в человеческой одежде, без лент и бахромы. Рубашки и шорты, широкие шляпы с загнутыми полями. Мощные руки и лица — чистые, без татуировок. Широкие лица, скрытые почти полностью за чёрными стёклами солнцезащитных очков. Один повернул к ней голову, посмотрел — лениво, нехотя. Эмми вдруг вздрогнула опустила глаза. Поспешно, под этим взглядом ей почему-то захотелось стать очень — очень маленькой и незаметной. Из — за спины — сухой, отрывистый лязг. Затвор винтовки. Воин — тот самый — перекинул ствол с плеча на плечо, как бы случайно задел железом о дерево. И получил длинный, певучий разнос от старшего.

«Очкастый» видя это все усмехнулся и сплюнул под ноги — зелёным от сока тари

плевком. Ухмыльнулся, ощерив рот в похабной ухмылке. На поясе у него — новёхонький, с матовым длинным стволом пистолет и нож — длинный широкий клинок. Зазубренное, изрядно побывавшее в деле мачете. Ворота захлопнулись с протяжным, пронзительным скрипом. Эмми аккуратно шагнула назад. Потом еще, за спины других, подальше от этих парней в очках. Татуированные воины остались снаружи. А внутри — Эмме внутри оставалось вжимать голову в плечи и смотреть в пол — так, чтобы взгляд из под чёрных очков скользнул мимо.

Эмме повезло. Скользнул мимо.

На крайнюю в очереди. Схватили без лишних слов, вытащили и увели. Недалеко, за ближайшую загородку. И, судя по долетевшему оттуда через миг отчаянному крику — дикарке сильно не повезло.

— Кто это? — прошептала Эмма, и только потом сообразила, что понимать тут некому. Но соседка по очереди поняла. Почему-то. И показала — знаками, но выразительно. Ребром ладони — на горло, потом на землю. Потом, пошевелила пальцами, будто ходит кто...

— Ходячие мертвецы, — и впрямь похожи. Бледной кожей, очками, за которыми не видно глаз. Только, судя по плачу и крикам из-за стены — вполне живые.

А еще Эмми поняла, что зелёных, нежных листьев тари здесь завалились, а значит надежды, что эти двое устанут да спать завалятся нет. А ночь длинна, и краденный нож не поможет, нет здесь темноты коридоров, плохо закреплённых кожухов, пульсирующих лиловым светом энергопроводов, нечему взрываться и гореть. Оставалось держать голову ниже и надеяться... Странная тварь — надежда, даже корабельной торпедой ее не убить...

**

Пока тяжело урчащая двигателем бэха медленно и осторожно протискивалась сквозь лес — могучие, перевитые узлами зеленых веток стволы стояли густо — план в голове у Эрвина почти сложился. Простой, как прикрученный к борту лом из нержавеющей стали и столь же надежный — в теории. Довезти девчонок до базы — бросать как-то страшно, а дома можно сдать Ирине Строговой под команду, не забалуют, да и готовить будет кому. Не самой же Ирке кашу варить, в самом деле. Кое-кому из команды взять и набить превентивно морду, а потом сесть и расшифровать запись с переводчика. Хочется выяснить в чем вождь его наколол. Наколол обязательно — просто обязан с такой-то рожей. А значит — надо наказать. Собрать парней с базы и съездить в деревню ещё раз. И аргументы с собой прихватить соответствующие

"То есть, не аргументы, — грустил Эрвин, вспомнив, что тяжёлый МК-45 "Аргумент" сдан Пегги под роспись во избежание экологической катастрофы, — К таким ходить с «добром» надо. Вроде бы лежало где, на складе с флотским имуществом. Всё посерьёзнее, чем антикварный пулемёт"

Бэху трянуло, закрипело и треснуло дерево под колесом. Эрвин выругался про себя, выкрутил руль. Пьяный ДаКоста в углу повернулся и захрапел, девчонки в кузове — заохали, залопотали. На своём, мелодичном и звонком, но непонятном, от слова совсем. Сидят, косятся на Эрвина. Старшая, высокая и прямая, освоилась уже, сидит вполне по хозяйски. Развернулась, смотрит уже не таясь, золотые, кошачьи глаза — лукавы и веселы. Та что потоньше да милевидней — Лианна, вроде, или как там её — пристроилась рядом, к Эрвину в пол-оборота, смотрит через плечо — сердито и зло блестят глаза из под чёлки. Жаль, фигура у неё — загляденье. Тонкая, гибкая — струной. И перья в чёрных, как ад волосах — блестят и переливаются. Бэху трянуло ещё раз, движок взвыл, скорость упала.

Забурлила, брызнула фонтаном из-под колес вода. Река. Жёлтая широкая река медленно катила волны, поперек их курса.

"А где река — там и море", — подумал Эрвин, переключил двигатели и загнал машину в ленивый, мутный от ила поток. Затарахтел водомёт, бэха качнулась и поплыла, обгоняя щепки и упавшую в воду листву. Девчонки замолкли, подвинулись ближе друг к другу, косясь на вековые стволы и торчащие прямо из воды зелёные, мшистые корни. Ветви смыкались над головой — низким, словно коридор, сводом. Алые цветы тари яркими пятнами свисали с тонких лиан над головой, раскрывались, поворачивая на звук мотора лепестки-пасти. Река раздалась на два рукава, потом ещё на два — Эрвин чуть приглушил движок, не зная, куда свернуть в этом царстве затхлой, зеленой воды, мха и неяркого света. Сзади — тихо, даже мелкая перестала галдеть. Лишь стучал на малых оборотах движок, да — в такт ему, механически, густо звенели из леса цикады. Как — то стало не по себе. Даже воздух с трудом скользил в лёгкие — неподвижный, густой и влажный — хоть выжимай. Эрвин протянул руку, покопался в приборной панели, повернул рычажок. Приемник засипел, свистнул и запел под переливы гитары...

— Shootgun boogy...

— all i need, is one shoot, — прохрипелоподухом. Вдруг. Эрвин аж вздрогнул. ДаКоста, гад, очнулся и подпел, хриплым, глухим с похмелья голосом. Приподнялся, встряхнулся. Увидел девчонок на корме. И сразу — улыбка до ушей, аж торчат из под губ жёлтые, длинные зубы. Шатнулся. Лианна фыркнула, подняв губы — сердито и зло. Эрвин не сдержался, дал матросу по шее. От всей души. Приёмник тренькнул, свистнул и замолчал.

И вдруг рядом, в протоке — забулькала, взбухла, пошла кругами вода. Будто там, под зелёной тиной проснулось что-то большое. Эрвин поёжился, поняв что рулить он ещё может, а вот стрелять некому — ДаКоста опять вырубился, гад. Зелёный мох перед глазами закачался. Повевало солью. И ветром. Слева. Вода забурлила опять — уже ближе. Эрвин дал газ, выворачивая бэху туда, откуда ветерок нёс свежесть и шум прибоя. Сзади — протяжный, певучий крик. Эрвин едва успел пригнуть голову — сплетённые, низко висящие ветви, пролетели над головой, едва не чиркнув корой по макушке. В глаза ударил свет — багровый закатный луч, ослепительно яркий после зелёного полумрака дельты. И тягучий, размеренный рёв, плеск и шорох катаемой прибоем гальки. Бэха, едва касаясь днищем воды, под гул и скрежет, пролетела устье реки и с маха зарылась носом в волны прибоя. Волна закружила, подхватила бэху под днище, закачала и понесла Брызнуло, омыло лицо кипящей солёной пеной. И закат. Багрово-алое, круглое солнце уходило в волну, расплёскивая полосы света по черной воде. Девушки сзади заговорили — разом. Пойманной птицей, звенели и пели в тон голоса. Эрвин расстроился вдруг — невольно ждал в небе яркого, трепещущего полота радуги. Той, что дало имя его родной планете. Но Семицветье осталась далеко. Бэха зарылась носом в волну, хлебнула воды, поднялась, вспарывая волнорезом багровый полукруг местного солнца.

Мимо проплыла туземная лодка — о двух корпусах, под треугольным, развёрнутым парусом. Под ухом — зевок, кашель и фыркание. ДаКоста очнулся, огляделся, посмотрел вокруг расплывшимися, косыми глазами. Увидел девчонок на корме, изумлённо протёр глаза, охнул, хлопнув себя по щекам. Затих, только руки шевелились, то и дело приглаживая на голове упорно стоящие торчком светлые волосы. Эрвин щёлкнул приёмником, из динамика понёсся незатейливый звон струн.

"I'm coming home"...

Солёный ветер смял и унёс прочь переливы гитары. Скалистые берега по левую руку уносились прочь, изломанной тёмной стеной, почти чёрной в свете заходящего солнца. Горизонт за спиной — глухой и почти чёрный, тьма ползла по небу, накатываясь, догоняя стремительно летящую по волнам бэу.

"Как я найду лагерь во тьме?" — мельком подумал Эрвин, глядя как летят мимо заросшие, одинаковые берега. Сзади — ойканье и испуганный вскрик. ДаКоста выругался, Эрвин обернулся, посмотреть — ничего серьёзного. У средней — Лианны ветер вырвал перо из волос. Перламутровое, мерцающее багровым светом заката перо из причёски. Оно взлетело, перевернулось в воздухе раз, другой. Отражённый луч блестит и переливается — яркая точка на тёмном. Эрвин почему-то рассмеялся и вывернул руль, бросая в крутой поворот юркую бэу. Движок взвыл, чёрная вода забурлила, встала стеной, распоротая ревущими винтами. Ветер сдул назад волосы, хлестнул брызгами по лицу.

Сзади — девичий визг, из приёмника рвутся, звенят гитарные переливы. Беглое перо вьётся уже над головой, яркое пятно в тёмном небе. ДаКоста подпрыгнул с места, ловко схватил его в воздухе, упал вниз, ногой — на стальную кромку фальшборта. Взмахнул руками, закачался, балансируя над чёрной водой. Эрвин бросил руль и — за ворот, одним коротким рывком — втащил его обратно. Лианна фыркнула — под нос, по кошачьи, но из рук ДаКосты перо обратно приняла. А Миа, старшая, поблагодарила — наверное, звучали напевные переливчатые слова именно так. Почему-то Эрвина, сверкнув озорными глазами. Эрвин кивнул в ответ, глядя в зеркало на то, как бьются тёмные волосы на ветру. Солнце почти зашло, последний луч вспыхнул огнём её плечах, пробежал багровой змейкой по шее, щекам и высоким скулам. Отразился, мигнул лукавой искрой в глазах. Эрвин только спустя пару минут сообразил, что они летят по воде совсем в другую, от базы, сторону.

Опомнился, развернул бэу — уже осторожно, не дай бог выронишь кого, огляделся — берега тонули во тьме, сливались с небом. Тёмным, глубоким небом. Белой тускнеющей полосой кое-где — кромка прибоя. Только она и разводила небо, воду и землю позади. Впереди — скалы, закат бьет в глаза, вода и скалы — одинаковы и черны в неровном свете. Нога невольно вдавила газ. Ночевать на воде не хотелось.

— Глянь, брат, где мы? — крикнул Эрвин.

ДаКоста пожал плечами в ответ, покопался в планшете, чертыхнулся пару раз и виновато развёл руками

— Нет связи.

Солнце скрылось уже, нырнуло под воду. Небо на западе ещё горело — неярким, оранжевым, последним на сегодня светом. Как пеленой. И, в этой пелене, над водой — тонкая линия. Изогнутая, знаком вопроса.

«Может это наш Чарли? — подумал Эрвин, вспомнив прикормленного утром морского змея, — тогда и база должна быть рядом»

Бэха, стуча двигателем, свернула к берегу, за пологий мыс. Полоска прибоя отступила назад. Девчонки позади заговорили — на три голоса, все сразу. Звонкие голоса задрожали и взвились ввысь, подобно испуганной птице. Эрвин повернул голову. И не сразу понял, что он видит — за полосой прибоя, на берегу. Это было похоже на стайку невесомых, воздушных шаров, прилёгших на пляж — отдохнуть в тени, меж зелёных пальмовых веток. Тёплый, домашний свет мерцал, струился, тёк сверху на листья и на белый песок, ложился полоской на шумящую воду. Шелестели деревья. За верхний шар зацепилась луна. Эрвин сморгнул ещё раз, протёр глаза, Все не мог понять, почему она здесь треугольная. Потом хлопнул себя по

лбу — догадался.

«Это же старина «Венус» висит на орбите. У него тоже отпуск, как и у нас. А шары — Ирка молодец, провела в наш временный дом электричество».

Эрвин повернул руль, выгнал усталую за день машину на берег, подальше от надоевшей за день воды. Заглушил двигатель, спрыгнул через борт, потянулся, разминая усталые ноги. Посмотрел в небо над головой. Чёрное, звёздное небо. Шумел камыш, тонкие стебли раскачивались, гнулись под ветром над головой. Мягкий, щекочущий уши звук, такой приятный после гула и рокота мотора. Рокот волн — прилив с тонким шорохом катал по пляжу крупную гальку. С белой табличкой на палке, крепко вбитой в песок.

«Чарли не кормить. Обожрался»

Морской змей Чарли смотрел на это все с высоты, высунув из воды длинную, тонкую шею. Грустно качалась в воздухе треугольная гребенчатая голова. Видимо, примерял на зуб рукописное безобразие. Эрвин подошёл, посмотрел — внизу размашистая подпись — И.Строгова, волонтёр флота.

Заскрипели по песку сапоги. То есть не сапоги — форменные дамские ботинки. Синей, в цвет морю, волной плещется над коленями форменная юбка. Ирина Строгова вышла навстречу.

— Привет, — машинально сказал Эрвин, опомнился и стёр с лица самую глупую из улыбок

— Привет. Слушай, а это кто?

За спиной — испуганный писк. Эрвин обернулся. Девчонки с деревни старательно прятались ему за спину. Все, кроме мелкой Маар, уставившейся, раскрыв рот, на диковинного морского змея.

— Эрвин, кто это?

— Культурные особенности, хура их дочь, помнишь — подписку давали? Старшую, вроде, Миа, зовут, если я правильно понял. Сеть не включили ещё?

— Нет, пока, — машинально ответила Ирина, глядя во все глаза. Обе «Культурные особенности» отвечали ей тем же... Насторожено, что в их положении понятно.

Эрвин пожал плечами и пояснил:

— Там какая-то заваруха у них в деревне случилась, какая — не понял. Переводчик с собой был, но стандартная прошивка ничего, кроме «Аздарг капут» переводить не хочет. Сеть дадут — скачаю нормальную, просмотрую запись и разберусь, а пока — пригляди за ними, ладно?

Ирина кивнула. Машинально. Мелкая Маар явно нацелилась нарушить строгое письменное предписание. То есть морского змея покормить...

«Черт, как бы Чарли её саму за пищевой концентрат не принял», — подумал Эрвин, срываясь с места на бег. Вслед за Ириной, она успела чуть раньше. И туземной Мией, со всех ног рванувшейся туда-же. Чуть не столкнулись в итоге, еле устояли на ногах. И долго смотрели, как улыбающаяся во весь рот малявка гладит и чешет за гребнем рогатую голову. Зверь прикрыл глаза и тихо заурчал. Миа засмеялась. Эрвин пожал плечами:

— Ну, не в лесу же их оставлять...

— Ладно. Найду ведомости, оформим этих, как вспомогательный персонал.

Ирина махнула рукой. Эрвину, в стиле — ну что с вами, обалдуями недисциплинированными делать. Потом — туземкам: пошли, мол. Покажу куда.

И все четверо пошли. Маар, правда, пришлось отрывать от рогатого Чарли. А Эрвин

остановился, поглядел им вслед, прикидывая, что раз информационной сети еще нет, надо идти к следующему пункту плана. То есть, к превентивной чистке флотских морд, чтоб не думали лишнего.

— Пегги надо будет сказать, И к парням с реакторного зайти, чтоб руки при себе держали...

Это ДаКоста подошел. Эрвин усмехнулся — похоже, они с матросом в одну сторону думают. Хлопнула пробка, в ночном воздухе поплыл тонкий, пряный аромат. Тросниковая туземная бутылка. ДаКоста поднес было горлышко к губам, потом на миг замялся:

— Слушай, брат, а какой сегодня день?

— Вроде, суббота.

— Ну, тогда, For our Wives and Sweethearts, (за жен и любимых — традиционный субботний тост королевского флота)

И поднял к горлу бутылку. Традиционный флотский тост.

— and may they never meet (и пусть не встречаются), — по традиции ответил Эрвин и отхлебнул в свой черед, глядя как Ирина с черноглазой Мией, Лианной и малышкой Маар идут к сияющему мягким светом дому. Судя по жестам, три девушки уже общались вовсю, и языковой барьер помехой им не был.

Глава 6

Миа, неприкаянная дочь Туманного леса

Когда зверь железный в реку нырнул — испугалась я не на шутку. Думала, вверх по течению повернём, к городку крестовых. Была я там — безопасно, скучно, дома каменные, кресты вокруг да слова непонятные. Только и радость, что поют красиво. Только мы не туда повернули, а вниз. В дельту, в пасть тварям речным. Наши туда не ходят, а кто ходит — тот не возвращаются. Маар — мелкую дома ещё пугали, чтобы лучше спала. «Не ложись, де, на бочок». А теперь мы и сами перетрусили. Но обошлось, зря твари речной водой булькали да к нам жвалы тянули — крестовый воин им не по зубам оказался. Орёл. И сам — орел и машина его рычащая, ладная. Ой, и звонкий же рык у нее. Грозный, да стройный, уверенный я аж заслушалась. А потом мы на море вышли, она под нами и лодкой обернулась, опять зарычала да поплыла. Куда — не знаем, вода чёрная за бортом бурлит, на небе закат огнём плещет, звезды над головой мерцают да в ожерелье богини складываются. И — гляжу — крестовый паренёк впереди на небо косится, да голову в плечи вжимает. Невольно, но явственно. И лицо у него — в стекло хитрое видно — белое все. Лианна нос кривит да посмеивается, а я смотрю и от страха холодею... Ошиблась я, не только крестовый это. С небесного корабля человек, слышала я — это они звёзд и неба боятся.

— Как так? — Лианна спрашивает. Не верится ей. Как бояться, если оттуда пришли, едва ли не руками звезды щупали? Вон корабль их в небе висит, жёлтым светом горит, невесть как с богиней ночью не сталкивается.

Паренёк на носу оборачивается на нас, смотрит. Глаза большие — видно, не понимает он нас, просто голоса слушает.

— Да так, — отвечаю Лианне я, — слышала я про корабль тот: ящик то железный без дверей, без окон. Крестовый бог туда своих людей запикивает, в небо швыряет — себя славить, слова непонятные по миру разносить. А может, на богиню ночную взелся, с неба сбить хочет, ожерелье звездное рассыпать — кто их, богов этих знает, зачем дерутся и чего не поделили.

Говорю, подружек успокаиваю, а у самой руки трясутся. Ой, плохо мне. Звёздные — они такие, в ящике по небу лететь — с умом расстаться недолго.

Как бы ни пришлось нам с Лианной обратно бежать.

Но обошлось.

Уберёг великий предок, обошлось. Оклемався парень, собрался, зверя своего железного по воде погнал. Ведёт, зверь ревет, парень вперёд смотрит, ветер в лицо — лишь пена летит, да волосы развеваются. Видно, не паренёк уже — воин, не хуже наших, цацками увешанных. Абы кто дракона не убьёт. А Лианна-чертовка ещё и перо с волос на воду уронила — достал. Он, да приятель его мелкий, он еще чуть не убился при этом. У меня аж сердце заколотилось, а Лианна знай себе, фырчит под нос.

А там мы и до берега доплыли. На дом звёздный посмотрели, из пузырей сверкающих сделанный, на чудо морское, к рукам приученное, да на машины странные — я от удивления и забыла, что бояться надо. И правильно сделала — встретили там нас хорошо. Может случайно совпало, может великий предок подсобил — но как раз к ужину прибыли. Огонь горит, котлы булькают, женщины звёздные вокруг суетятся, и тут мы. Вовремя, чтобы

показать, как Ур-раковину от скорлупы чистить, да в котле варить. Вкусная штука, если уметь. А я, слава предку — в этот раз не великому, папе моему — умею. И Лиианна умеет, хоть и хуже, чем я. А звёздные не умели, да теперь научились. Хоть и без языка, на одних жестах — но не глупые они там, поняли, что к чему. Освоились и мы заодно, огляделись и на чужих людей посмотрели.

Люди, как люди, хорошие. Высокие, низкие, кто бритый, кто с бородой. Одежка простая — наши вояки морды бы покривили — да удобная. А кожа на лицах тёмная, мутная, в складках вся — густых, что татуировка, только без смысла. И вечно красные глаза — видать плохо им там, наверху, в железной коробке. Я бы, наверное, вообще померла. На шум и старшая звёздных пришла — тоже девка, только в железе. Видно, что воин и мужики её слушаются. Лиианна когда её, в броню закованную, увидела — опять фыркнула под нос, совсем по кошачьи, да сказала, что у звёздных ум от тряски поехал, когда бог крестовый их ящик в небо швырял. Где это видано, мол. А я ещё подумала — хорошо бы нашу деревню так запустить, может у вождя и его своры ум от тряски на место встанет. Поговорили мы. Немного, по-нашему, по-человечески она едва десяток слов знала, а я по-ихнему и того меньше. Так что руками помахали и разошлись.

А там и ур-раковина в котле созрела, над деревьями запах поплыл — острый, вкусный, аж в животе заурчало. Ужин подоспел. И парень светловолосый, что нас от деревни вёз, обнаружился — подошёл, есть позвал. По чину, вежливо, как полагается. На пальцах, конечно, на нашем он вообще ничего не умел. Но руками махал забавно, грех отказать. Огонь горит, люди вокруг сидят — не как мы, без порядка. Сидят, ур-раковину в пальцах щёлкают, едят, нахваливают. А там и брага привезённая подоспела. Выпили они по одной, потом следующую...

Огонь на камнях горит, дрова смолою трещат, языки пламени под ветром трепещут и гнутся. А песни у звёздных — длинные, тягучие, звук за звуком плывёт, на руладах — звенит ручейком, с ветром ночным перекликается.

— Нас извлекут из-под обломков... — песня плыла над лагерем, тягучая, протяжная песня нижних отсеков. Народ вокруг Эрвина опьянел — резко, как — то сразу и вдруг. В шуме ветра тонули негромкие голоса, стук стаканов и ложек. Огонь плясал тенями на грубых, усталых лицах. Парни с реакторного сидели перед огнём в кружок, вытягивая грубыми голосами свою тоскливую бесконечную песню.

«And there's that photo on the bookshelf
Among the yellow book for dust
In uniform, with shoulder-boards on...
And he will not her love...»

«Один бог знает, каким зигзагом пробрался сюда этот мотив — с равнин старой Земли, через грязь и полумрак нижних палуб — сюда, на шелестящие галькой пляжи иной планеты» — лениво думал Эрвин, оглядывая людей. Потом долго и мучительно пытался понять — что ещё за дела у него остались на сегодня. Сеть дадут не раньше утра — раньше некому, саперы гуляют вместе со всеми. Вон, их старшина уже заснул на песке, голову — на бревно, клочковатая борода торчит в небо. Ирина давно ушла и, получалось, дел для Эрвина на сегодня нет. Совсем. Стоило так подумать — усталость тут же взяла своё, подкралась на мягких лапах, оглушила, отдавшись звоном в голове и ватной мягкостью — в теле. Стакан в руке опустел — давно плескалась в животе прыная местная самогонка. Звезды сияли на

угольном ночном небе — неправдоподобно — большие, яркие. Мерцающие разноцветные огоньки, складывавшиеся на глазах в колдовские узоры. Шумело море, волны шипели вдали, катая по берегу крупную гальку. Шелестел ветер, гремели цикады — мерно, аккомпанементом ударных к тягучей земной песне. Туземки — Эрвин вздрогнул и повернул голову, невольно ища их глазами.

«Ответственный теперь за них, вроде, раз привёз»

Прислушался — в мелодию песни вплетаются гортанные звуки чужого языка. А чуть погодя нашел их и глазами. Все трое сидят чуть в стороне, благоразумно. Но тоже подпевают, пусть и не зная слов. Красиво получается. Мелкая уже заснула, средняя трепалась о чем-то с рыжеволосой растрепанной Лизой — крановщицей из третьего грузового. Без языка, на одних пальцах, свет от костра танцует джигу на лицах у обеих. Старшая из всех трех, Мия — вроде бы так ее имя — посмотрела Эрвину в лицо и улыбнулась. Льдистый небесный свет растекался, плясал под черными волосами — на щеках и высоких скулах, мигнул, отражаясь звездным огнем в широко распахнутых глазах.

Эрвин встал. Нога подвернулась, закачалась, дрогнула под подошвами, ставшая вдруг мягкой земля. Деревенский самогон оказался куда крепче, чем Эрвин думал. А в глотку тек так легко. Собрался, сделал шаг, потом другой. Вышел на пляж. Умылся, поймав в ладоши убегающую меж камней струйку воды. Волна разбилась о камни невдалеке, обдав Эрвина потоком брызг и соленой пены. Рубашка намокла, зато прочистилась голова. В деревьях за спиной закричала ночная птица. В пузырячатом доме дрогнул и погас свет в одном из шаров — темное пятно на мерцающем желтом фоне.

"Должно быть, это Ирина. Спать легла, — подумал Эрвин, глядя, как гнутся и дрожат на ветру желтые от света листья деревьев, — пора и мне".

Эрвин шагнул было к дому, оскользнулся на гальке и вспомнил, что забыл занять себе квартиру в одном из пузырей. Не до того было. Под ногами зашипела волна, обдала сапоги белой, сверкающей пеной. Ветер задул с берега — несильный, теплый и ласковый, шелестящий листьями ветерок. Эрвин махнул рукой и решил, что будить Ирину из-за такой мелочи глупо. Развернулся и зашагал — по пляжу, мимо длинношеего Чарли, увлеченно закусывающего строгой табличкой. Походя потрепал морского змея по голове и свернул в камыши, к припаркованной бэхе.

Достал брезент из Н.З., кинул на землю и улегся сверху, бездумно глядя, как трепещут и гнутся камыши под ветром. Ярким, сверкающим обручем — звезды, их свет струился, плыл сквозь тонкие, шелестящие листья. Узор созвездий — странен и дик. Эрвин нашел желтую большую звезду, мерцающую, словно опаловая бусина. Вроде, Солнце. То, вокруг которого бежит Земля. А рядом мерцающий алый гигант — мятежный Аздарг, если память не забыла школьную программу.

— А Семицветья отсюда не видно, — Эрвин еще успел этому огорчиться. Ненадолго, прежде, чем его веки сомкнулись...

**

Миа, непутевая дочь Туманного леса.

Врать не буду, сама не знаю, зачем я тогда встала и пошла прочь от костра. Крестового парня разыскать, да спросить про место ночлега. Вроде бы — это я так Лиianne сказала. В первой половине даже и не наврала. А вот во второй — ночь теплая, ветер мягкий, переночевали бы так. Сама не знаю, зачем. Или знаю, да не скажу.

Вот богиня ночная — она знает, с неба видела, да бог крестовых — его ящик железный

как раз над головой проплывал. Треугольный, большой, сияющий — звезды меркнут. Я ему еще украдкой язык показала — пусть знает, как людей по небу швырять.

Показала, да и свернула в камыши. А там зверь-машина, да парень, что нас привез. Не утерпела, подошла, села рядом. Гляжу — спят. Оба. Дремлют. Машина на колесах, как ей и положено, парень рядом, на траву прилег. Утомились за день, забегались, одну непутевую дочь леса спасая. Теперь у машины скула набок, железо порванное блестит, да клык драконий в колесах застрял. А парень — лежит, кулак под голову закинул, лицо расслабилось, совсем другой вид приняло. Истинный, как мама моя говорила. Видно, теперь что доброе. Днем был упрямый да злой, а сейчас... Под глазом — синяк, да губы в кровь съедены.

А звезды с неба мерцают, Мие дурной подмигивают, словно видят все...

**

А Эрвину снилось родное Семицветье, закат — нормальный закат родной планеты. Семь цветов — семь полос на полнеба. В ряд, как на флаге. Стук каблуков, тень плывет навстречу — зеленая и голубая полоса заката делят ее надвое, кутают в свет, словно в плащ, играют в волосах. Лица — Эрвин во сне смотрел против солнца, не шурясь — не видно. И не нужно. Он и так знал, кто там идет.

Ирина Строгова.

Это Эрвину снился день их отлета. Три- или пять месяцев назад. Забыл. Неважно. Важно, что сейчас солнце на небе мигнет и скроется за борт висящего на орбите корабля. На его мир ляжет тень. Тогда он и разглядит ее. В гражданском, строгом костюме, на плече — черная, смолой, коса, тонкие пальцы рассеянно крутят и теребят бантик на кисточке. Через мгновенье. А пока тягучий закатный свет кутал ее фигуру в радужное сиянье. И стук каблуков. Изящных длинных каблуков. Модельные туфли, странные на грубом бетоне летного поля.

— Привет, я тебя не знаю, — прозвенел голос в ушах. Тенью, воспоминанием. Эрвин кивнул. Скоро померкнет свет, они с Ириной скажут друг другу пару незначащих слов и разойдутся. Стук каблуков. Сейчас...

Мгновенье прошло. Свет не померк, наоборот — вспыхнул ярким, ослепительным блеском. Сияющим облаком, радужной короны в черных как ночь волосах. Прозвенели по бетону каблуки — близко, почти у уха.

"Тогда, в реальности, этого не было" — успел подумать Эрвин, прежде чем свет коснулся его губ. Ласково, мягко и одновременно — требовательно. Мир во сне вспыхнул, поплыл, закачался перед глазами. По губам растекся огонь. Сладкий, кружащий голову огонь, пахнувший дымом костра, корицей и пряным соком листьев тари.

«Этого не было»... — успел подумать он. Отстранился, насколько хватило дыханья, и прошептал:

— Ира, не надо, — уже понимая, что это не сон.

И открыл глаза. И увидел высокие скулы, лоб под затейливой челкой. Глаза — озера ясной воды. Широкие, полные озорной усмешки губы.

— Ирина не надо, — прошептал он еще раз. Звездный луч скользнул по ее щеке, вспыхнул на лбу диадемой алмазного света. И еще один — на шее, между ключиц. Эрвин сморгнул, уже поняв, что ошибся. Не Ирина. Туземка, как там ее...

— Не... — начал он. Слово слетело с губ — и кануло, растворилось в шорохах ночи.

— Ангиконди — ответила она. Мелодично и непонятно. Звездный свет задрожал на

ресницах, губах вкуса теплой ночи, перца и пьянящей тари. Задрожал, вспыхнул костром, пробежал слепящей волной от ее губ по венам. Мысли смыло и унесло прочь из головы. Миа прервала поцелуй, откинулась, рубашка с тихим шорохом поползла с ее плеч. Эрвин затаил дыхание, сморгнул дважды, глядя, как мерцает и горит колдовским светом кожа. Серебряная диадемой на лбу вспыхнул далекий Архенар, берилловой искрой разметалась между острых ключиц таинственная голубая Спика. И алый, зловещий Аздраг — прицельной точкой под налитой грудью.

Эрвин содрогнулся от нехорошего знака. Рука дернулась ввысь, поднялась, отгоняя морок, накрыла ладонью злую звезду. И замерла. Будто обожгло огнем — так странно было ощутить под пальцами упругую кожу, жизнь и тепло, вместо привычного холода переборок. Под кожей, под его пальцами — биение, нетерпеливое, яростное. Стук ее сердца. Такое, что в его груди сердце дрогнуло и забилось в унисон. Лязгнула пряжка ремня. Миа приподнялась, закинув тонкую руку на борт спящей бэхи. Опустилась обратно. И земля под Эрвином вздрогнула и пошла вскачь. Бешено, в такт крови, звенящей в ушах, мерцанию звезд и рвущемуся ввысь хриплому дыханию. И крику, смятому, утонувшему в шорохе камыша и скрипу гнущихся на ветру деревьев.

— 7 Пространство

Глава 7

Корабль был красив — солнечный парусник, радужный, восьмилепестковый цветок, Осколок солнца — отраженный парусом поток излучения рвался, будто протуберанец, бил погоне в глаза. Ослепительно, даже сейчас, сквозь фильтры экранов.

— Опять ушел, — выругался Арсен Довлатов, пилот федерального челнока и в сердцах стукнул ладонью по пульта. Скрипнул зубами, не поймешь от ярости или от восхищения болтающейся в прицелах парусной скорлупкой. Это казалось невозможным, но это было — ветхий кораблик сумел увернуться от них в третий раз, опять подставив федералам корму и зеркало паруса. Сигналы челнока: "именем власти остановиться и принять досмотровую группу на борт" рассеивались, тонули в потоке отраженного парусом света. Формально — все маневры случайны, экипажу парусника нечего предъявить и все же...

— Да пристрели ты его, — лениво бросил второй пилот. Арсен пожал плечами — мысленно, не отвлекаясь. Парусник шел совсем рядом, пушки челнока достанут его без проблем. Одно нажатие на гашетку — и все, можно развернуться и лететь домой, оставив позади обломки и облако пара — все, что останется от беглеца. Радужно-яркой, изящной, солнечной бабочки.

Арсен сердито мотнул головой, присвистнул и вогнал челнок в новый вираж прежде, чем перед глазами разошлась тень перегрузок от старого.

Под его пальцами челнок чуть сбавил ход, потом ускорился — резко, до кровавой пелены в глазах. Беглец увидел его и начал разворот, удерживая челнок в потоке отраженного парусом света. В прошлый раз это ему удалось. Сейчас Арсен дождался, когда все восемь лепестков паруса придут в движение, и довернул руль на себя. Резко, до звона в ушах. Компьютер тревожно запищал, замигал алым тревожный сигнал "Предельный угол маневра, опасная перегрузка". По потолку — зеленый, мерцающий свет. Остаточное излучение гравипоглотителя, знакомое пилоту до боли, непонятное и опасное. Сейчас хитрый прибор впитывал губкой кинетическую энергию, давая федеральной машине выполнить невозможный, с точки зрения физики, разворот. Если накопитель переполнится, машина взорвется — такое бывало. От Арсена тогда останется пепел и тень на стене. Плевать. Движок челнока ревел. На экранах заднего вида — сплошная стена огня. Дюзы — на полный. Ползунки индикаторов на панели стремительно ползли вверх — от зеленого сектора, через желтый, подбираясь ближе к красной черте — опасно! Звон крови в ушах. Но огненная спираль парусов, мигнув, схлопнулась на глазах в иглу и исчезла с экрана.

Арсен проводил ее криком — ахой. Радостным, даже сквозь кровавую пелену. Челнок сбросил скорость, огонь погас. Перед носом у парусника вспыхнул багровый росчерк предупредительного. В ответ погасли радужные огни парусов, звездная птица послушно свернула крылья. На остром носу замигал белый огонек — сигнал сдачи. Арсен на своем месте у пульта выдохнул, встряхнул руками, разгоняя нервную дрожь. Удалось. С третьего раза Арсену все-таки удалось подрезать беглецу нос. Сказать кому — не поверят.

Но он был рад, что не пришлось стрелять. Понравился федеральному пилоту маленький дерзкий кораблик.

А вот его капитан — нет.

Это Арсен понял спустя двадцать минут, когда они поднялись с досмотром к нему на

борт. Слишком высокий, слишком прямой, слишком — Арсен на миг замялся, подбирая определение — слишком гладкий для пространства. Конечно, каботажный грузовик — не их штурмовая птица, летает спокойно, даром крутится не любит и перегрузками лица экипажу в лепешку не мнет, но все равно — слишком гладкий у корабля капитан. И, для человека только что взятого на abordаж, слишком уверенный.

— Если мы пропустим маневр — я буду жаловаться, — говорил он, ровно, глядя Арсену в глаза. Пластинчатый десантный доспех и угловатый шлем за спиной добавлял десантнику и роста и ширины в плечах. Арсен возвышался над капитаном, как башня, но не похоже, чтобы это его беспокоило. "Странно", — думал Арсен, оглядывая гладкого, явно уверенного в себе капитана. Белый китель, потертый на локтях, но чистый реглан, дурацкая фуражка на голове. Командная зала мостика — капитану под стать. Надраенные, сияющие тусклым металлическим блеском стены, сводчатые, низкие потолки Эхом, в такт словам, мигали огоньки на брошенном пульте.

— Вы ответите. У нас не ваше корыто, мы не можем пропустить поворот по федеральной милости.

— Не пропустите, капитан. Просто дежурный осмотр, — отвечал Арсен, невольно дернув лицом на слове "корыто", — назовите груз.

— Ничего незаконного, федерал. Извольте.

Пискнул, принимая данные, тяжелый командный планшет. На экране развернулись в ряд зеленые и черные буквы. Глаза Арсена полезли на лоб.

— Что? — прохрипел он, не веря написанному, — если это шутка, то...

— Это не шутка. Груз законен. Жены господина Жан-Клода Дювалье...

— Какого черта они числятся в грузе?

Теперь удивился уже капитан — закашлялся, слегка поднял бровь при ответе:

— А где еще? Сто гол...

И осекся, не закончив фразы. Свинцовой дробью пронесся по мостику стук. Это Арсен машинально сжал пальцы в кулак. Бронированные, стальные пальцы.

— ...Человек, — поправился капитан, отступив на шаг. Сморгнул и добавил:

— Все законно, пилот. Жан-Клод Дювалье здесь, на Счастье большой человек, "шай-а-кара"...

Переводчик, помедлив, выдал в ухо перевод с туземного языка. Арсен удивленно сморгнул и переспросил, думая, что машина глючит:

— Муж тысячи жен?

— Да, — подтвердил капитан и, с похабной улыбкой, добавил, предвосхищая Арсенов вопрос: — не волнуйтесь, не треснет.

— Он сейчас здесь? — переспросил Арсен, тяня время — данные коносаменты ушли с его планшета в комп челнока, подтверждение должно прийти с минуты на минуту.

— Разумеется, нет. Не задавайте глупых вопросов, федерал, время дорого.

Пискнул в ладони планшет. Подтверждение пришло — комп челнока обработал накладные, сверил с базой приказов и актов в своем мозгу и выдал зеленый вердикт — Законно. Точка. Потом экран мигнул и выскочило обоснование решения:

Приказ "Объединенной исследовательской корпорации"

Дата

Именем федерации и совета тринадцати директоров.

Всем службам федерации и компании, военным и гражданским — оказывать полное

содействие господину Дювалье в его делах — служебных и личных.

Подпись.

Господин генеральный комиссионер. Не нынешний, с "Венуса" а старый, прошлого рейса.

Напоследок, печать. Электронная, длинный ряд цифр и штрихов, глухих, как тюремная решетка.

Арсен невольно сглотнул. Капитан улыбнулся — слегка, наблюдая за его замешательством. Помощник капитана — татуированный местный дикарь простоявший весь разговор неподвижной статуей в углу мостика — переступил вдруг с ноги на ногу. Лязгнула на его поясе сталь. Багровым огнем — татуировка на лбу. Не поймешь, что за знак, вроде молнии, перечеркнутой сверху вниз.

— Воняет, — прилетел голос из-за Арсеновой спины. Ровный, неживой голос без интонаций. Капитан сдернул фуражку с головы и вытаращил глаза, вмиг заметно бледнея. Арсен дернул лицом — настал его черед усмехаться:

— Мой заместитель, старшина Богомол. Седьмая десантная.

Уточнять дальше Арсен не стал. Пусть помучаются. Было с чего. Ольга Богомол маленькая, изящная даже в латном доспехе блондинка с сизой, выцветшей челкой. И лицом, которое хирурги флота в свое время буквально собрали по кускам. Аздаргская нейроплеть, прямое попадание. Кожу и кости врачи восстановить сумели, нервы — нет. Опытное ухо Арсена поймало тонкий, чуть слышный звон — латными пальцами по бедру. Недоумение. А капитан побледнел — неподвижное, без тени эмоций лицо десантницы могло напугать. И пугало. Арсена спрашивали втихомолку, не раз, вправду ли Богомол — только фамилия.

Она шагнула вперед, на середину мостика. Замешкалась на миг, переводя взгляд с капитана — под взглядом неживых глаз, тот рефлекторно шагнул назад — на помощника, убравшего руки на пояс. Обернулась и повторила свое:

— Воняет...

Арсен втянул воздух носом — на мостике не пахло ничем, лишь неизбежным для корабля острым химическим запахом дезинфекции. Дешевой и едкой. Заслезились глаза. Помощник в своем углу тряхнул головой. Капитан сделал еще шаг назад, откашлялся и произнес:

— Время, федерал. Поворот... — голос его дрогнул. Чуть. Рука сжала фуражку. Арсен заметил, как побелели костяшки на этой руке, помотал головой и сказал:

— Я хочу осмотреть груз.

Капитан издал протестующий возглас. Лязгнула сталь. Помощник скользнул куда-то из своего угла, попал под холодный, немигающий взгляд Ольги Богомол и замер на полушаге.

— Быстрее, — рявкнул, теряя терпение, Арсен. Капитан скосил взгляд на него, на помощника, замершего статуей в углу, опять на него, вздохнул и сказал:

— Прошу, — показывая на дверь в углу мостика.

Ольга, в одно короткое движение головы показала помощнику капитана — иди, мол вперед. Татуированный дикарь замер на миг, опустил было руку на пояс, потом раздумал и подчинился. За ними шагнул в люк капитан, Арсен замыкал строй. Служебный коридор был темен и пуст. И потолок невысок, десантникам пришлось вбирать головы в плечи.

Поворот, лестница вниз, еще поворот. На стенах — решетки, их тусклая сталь, мерцала и переливалась в огне редких ламп. Шли в молчании, лишь эхом звенел стук шагов, да Арсен чихнул пару раз — так лезла в ноздри химическая, едкая вонь дезинфекции. Шагавший

впереди помощник фыркнул под нос так, что качнулись в стороны сплетенные на затылке косы. Потом пришел стук. Глухой смутный стук, четкий, но с рваным, раздражающим ритмом. Поворот. Ольга на миг замерла — здесь странный звук бил в уши сильнее. Арсен невольно собрал пальцы в кулак, гадая, что за механизм там впереди может стучать, словно биться в падучей. За углом — железная, толстая дверь. Капитан шагнул вперед, повернул тяжелую рукоять, поклонился и сказал — прошу. Дверь открылась.

Странный стук усилился, расцвел, ввинтился в уши басовой россыпью музыкального ритма. Всего лишь музыка. Двери и переборки глушили все, кроме низких нот, опознанных ухом Арсена как биение механизма. Теперь он узнал мотив — старый земной хит, уже пару лет, как сошедший с танцполов.

За дверью — шелест и полумрак, раздираемый музыкой и вспышками яркого, неверного света. Одна из вспышек попала Арсену в глаз — тот невольно сморгнул, шагнув внутрь. Открыл глаза. За дверью был зал, полутемный и длинный. Крышкой надгробья — низкий, глухой потолок. Завывающий музыкальный центр в углу. А посередине — бьющиеся в странном, изломанном танце фигуры. По виду — туземки. По зеркальной коже струились, плясали огоньки ламп.

"Застряли в музыке, бьются как мухи в паутине"- невольно подумал Арсен, шагая вперед. Еще раз чихнул — вонь дезинфекции смешалась с острым запахом пота. Зарябило в глазах. Танец был резкий, неправильный, больной какой-то. Движения не попадали в ритм, плавные при резких ударах и рваные, взлетающие — под гитарный, густой перелив.

— Что за черт? — рявкнул Арсен, недоуменно повернув голову.

— Что видите, — равнодушно пожал плечами капитан, — жены господина Дювалье изволят развлекаться.

Щелкнул динамик. Хрипло запел певец — сладким, искусственным голосом. Туземки начали подпевать, резко, как по команде. Без смысла, не попадая в такт. Каменные лица, слова — пустая, дежурная пошлость. Дрожащие, испуганные глаза. Ольга внезапно шагнула вперед. Зачем — Арсен вначале не понял. Поймала одну из танцовщиц за руку, дернула — резко, та вскрикнула в голос. И кивнула Арсену — смотри, мол.

На предплечьи танцовщицы красовался выжженный крест — четырехконечный, латинский. Вполне узнаваемый.

— Христиане... — хрипло выговорил Арсен. Непонятно было — вопрос это или нет. Но туземка кивнула вдруг, и начала говорить. Быстро, захлебываясь в словах.

— Наш капеллан должен узнать об этом, — проговорила Ольга. Арсен, соглашаясь, кивнул. Он еще не успел поднять головы, как понял, что только что совершил ошибку.

Большую. Смертельную.

Воздух вскипел над виском, обжег кожу, оставив боль и огненную дугу в глазах. В нос ударил щекочущий, острый запах озона. Беззвучно упала Ольга — как стояла, с места завалилась назад. На виске задымилась дыра сгоревшей, обугленной плотью.

"Лазерный луч, прямое попадание", — отметил краем сознания Арсен, поворачиваясь — мгновенно, как большая дикая кошка. Истошно закричал задетый вскользь капитан.

Забывтый Арсеном на миг за спиной татуированный дикарь-помощник выстрелил еще раз. Лазерный луч прошел капитана насквозь, разом оборвав дикий крик. И впустую сгинул, разбился о наплечник брони. Еще один выстрел. В Ольгу, добивающим. Ненужным уже. На голове у Арсена глухим стуком захлопнулся шлем — вытянутый, шипастый шлем брони высшей защиты.

Лязгнул, покидая ножны на поясе, десантный штык-нож — однолезвийный широкий клинок с шипами на обухе. В предплечье ударила винтовочная пуля. Прозвенела, чиркнула, выбив искры из полированной стали и рикошетом ушла в сторону, разнеся вдребезги музыкальный центр. Звук в динамиках захрипел и умолк. Девчонки, взвизгнув, прижались к стенам, попадали на пол, открывая Арсену противника.

Врагов было десять — суровых, плосколицых дикарей с перечеркнутой молнией на лицах. Хорошо вооруженных — воздух вскипел, в броню Арсена ударили еще две пули и пять лазерных лучей. Вспыхнула, зазмеилась по полу ослепительная зеленая молния — нейроплеть. И умерла. Тут же — Арсен одним коротким рывком ушел из-под удара, развернулся и перерубил клинком огненную змею. Лазерный луч разбился о шлем. Новый прыжок, лязг стали и короткий хруст — оператор нейроплетети упал с разрубленным горлом. Новый залп.

"Квакхо конке", — звенел в ушах гортанный боевой клич. Дикари дрались с холодной, расчетливой яростью. И бесполезной — лучи лазеров не брали десантную броню, пули звенели впустую, рикошета от кирасы и шлема. Дважды Арсена сбивали с ног, дважды он поднимался — огромный, страшный, неимоверно-быстрый для своей тяжелой брони. Прямой десантный клинок взлетал и падал в руках, рвал воздух, метался алой от крови рыбкой. Девять взмахов — коротких, быстрых и четко рассчитанных. На десятом Арсен с немим изумлением заметил, что вокруг тишь. Стрельба улеглась, бой умер, вместе с последним из противников.

— Вот тебе и оказали содействие, — ошалело прошептал он, тряся головой. Десантный нож нырнул вниз, лязгнув на прощание о медную оковку ножен. Зашипел сжатым воздухом шлем, откидываясь назад с головы. Из другого конца зала — причитание и мелодичный, тоскливый звук. Убитая Ольга Богомол так и лежала смятым кулем, там где упала в начале боя. Уцелевшие туземки поднимались, собрались вокруг нее в кружок, причитая тоскливыми голосами. Чужая речь звенела, сплетаясь в протяжный, странный мотив. Арсен решил было — в плач, потом подумал, что в песню. Тоскливую погребальную песнь на чужом языке.

Одна из них поднялась вдруг, заговорила, обращаясь к Арсену. Слов он не понял, знакомыми был только "Патер", "Мария" и еще несколько. А потом перекрестилась в конце. Слева-направо, на латинский манер, торжественным, узнаваемым жестом.

— Все будет хорошо, сестра, — так же торжественно, на полном серьезе ответил Арсен, гадая, как теперь этого добиться.

**

План в его голове сложился через пару часов, когда все, что могло ходить убралось с проклятого корабля. Домой, на десантный челнок, зависнувший рядом. Освобожденных спрятали в пассажирский отсек, тела убитых вынесли тоже. Ольгу надо было похоронить, капитана и прочих, татуированных — изучить, может найдется зацепка. Живых — разместить благо трюмы челнока позволяли, и успокоить. Экипаж челнока был, по отпускному времени, урезан, работы хватило всем. А потом отработали маневровые, челнок отошел от пустого, брошенного в пространстве, корабля и у Арсена появилось время развалиться за пультом управления челнока и подумать.

Думалось, почему-то, о странных вещах. Вроде "почему я полез в драку с ножом, если уставное "Добро" болталось на поясе?" Арсен на полном серьезе думал об этом минут эдак пять, потом вспомнил чудовищный танец, кресты на руках, дрожащие, испуганные глаза. Махнул рукой и решил, что так было правильно. "Добро", в конце концов, у Арсена казенное

а вот ножик — свой. Отцовский, фамильный, с гравировкой на лезвии. Большеглазая, кривая морда с вытянутыми глазами. Надпись — Призрак — по обуху славянской причудливой вязью. Четыре цифры.

"2014".

Как раз по профилю ножу такая работа. Потом Арсен долго ковырял броню, пытаясь понять, что свихнулось в ее электронных мозгах, и почему тестировщик сообщает о пробитиях, которых быть не могло. Глюка не нашел, плюнул, отключил надоевший сигнал и подумал, наконец, о важном:

"что со всей этой хренью делать?"

Арсен примерно представлял, что делать нельзя. Нельзя делать то, что требовал устав — то есть посылать рапорт по стандартным каналам. Так он уйдет капитану корабля, флотским — а эти пьют с рук гражданских властей и поют с голоса господина комиссионера. Приказ о содействии, высший уровень, суровая печать — гражданские власти заставят Арсена девчонок вернуть и еще извиниться перед неведомым господином Дювалье.

"Муж тысячи жен", — вспомнил Арсен вдруг, усмехнулся и решил — нафиг. Пусть алименты заплатит сперва. Но тогда... впрочем, перед смертью Ольга сказала правильно — корабельный капеллан должен узнать об этом. Отец Игнатий был крут, и руки у него — едва ли не длиннее, чем у гражданских. И еще непосредственное начальство десантной бригады — генерал Музыченко, комбриг семь. Стружку он, конечно, с Арсена снимет, мало не покажется, но и не сдаст. Раньше никогда не сдавал, мужик серьезный.

А официальный рапорт подождет, пока челнок на малой скорости доползет до базы — авось к тому времени большому начальству будет не до господина Дювалье. Арсен присвистнул, приняв решение, и набрал на клавиатуре первое сообщение — генералу. Зашифровал, развернул челнок антеннами к базе и отправил. Со вторым пришлось подумать, выходов на церковные власти флот абы кому не давал. Впрочем — кроме официальных каналов всегда есть и неофициальные, небыстрые но надежные. Второе сообщение ушло через полчаса когда в зону видимости челнока влетел подломанный саперами "на всякий случай" гражданский ретранслятор. Короткое сообщение открытым текстом — на поверхность, старому товарищу.

Оставалось последнее дело. Арсен развернулся, тронул пульт. Замер на миг, глядя в экран. Брошенный парусник парил в космосе — изящная, острокрылая птица. Красивая, переливающаяся огнями в отраженном свете звезды. А носу бился и трепетал белый сигнал. Бортовой компьютер беспокоился, звал, предупреждая мертвый уже экипаж о пропущенном маневре. Корабль был красив — даже сейчас, со свернутыми парусами.

— Не повезло тебе с экипажем, кораблик. Извини, — прошептал Арсен, вдавливая гашетку. На экранах — короткий огненный росчерк, из трюмов чуть слышный лязг. И слепящий плазменный взрыв размазал по пространству ставший вдруг вещественным доказательством парусник.

Челнок развернулся и улетел. Сообщение с его борта улетело тоже. Через космос, на орбиту планеты Счастье. Подломанный десантными саперами гражданский ретранслятор поймал его, перевел в нули и единицы сетевого кода и отправил вниз — на поверхность планеты, на базу отпускников, Пегги Робертс, майору десантной бригады. Старой подруге Арсена. И — после ряда инцидентов — хорошей знакомой отца Игнатия, корабельного капеллана GS Venus

— Пегги. У нас проблемы...

— 8 Особенности

Глава 8

Ирину Строгову разбудил звон дождя за окном. Мерная, весёлая дробь по стеклу и игривое журчание воды в стоках. Знакомый, родной звук — спросонок Ирина подумала, что она дома, на Семицветьи. Отцовское поместье в Скалистых горах, высокий бревенчатый терем с резными, всегда распахнутыми окнами. Сейчас с недалёкого космодрома долетит глухой рёв, раскрасит небо сполохом огня десятичасовой почтовый транспорт и старенькая фрау в белом переднике позовёт маленькую Иру на завтрак. За окном звенел дождь. Транспорт так и не заревел. Ирина проснулась.

Дождь падал на "Счастье" серой косой волной, звенел барабанной дробью на крыше, играл, змеился струйками воды на песке. База отпускников тонула в звенящей воде, мокли под струями забытые краны, контейнеры и тупоносые, кургузые бэхи. Ирина распахнула окно — не сразу, свеженавешенную ставню слегка, но заело, криворукому Эрвину досталась пара ласковых слов — и замерла. Капель прозвенела по подоконнику, брызги коснулись лица — словно умыли, нежно и ласково. И вода тёплая, как в бане у отца. С дождём в распахнутое окно ворвался ветер, ворвался, скрутил и смешал волосы, переворошил бумаги на столе, и ушёл, оставив Ирине в комнате пряный запах чужого леса и свежий — дождя и палой листвы. Косая пелена разошлась, показав Ирине на миг чёрное море, белый прибой и длинную, качающуюся над водой шею с маленькой головой, украшенной высоким гребнем. Шея изогнулась на миг, лязгнула треугольная пасть. Морской змей Чарли подхватил что-то невидимое с земли, подкинул в воздух и с хрустом сожрал. Ирина улыбнулась. Она уже проверила прикормленного зверя по энциклопедии — безопасен. Безобидный травоядный зверь, отравивший длинную шею, чтобы было удобнее собирать листья с веток на берегу. На кровати пискнул забытый планшет. Чарли повернул голову, кося одним глазом на окно. Ирина улыбнулась непонятно чему ещё раз, отвернулась и подхватила планшет. Дали сеть. Закипел чайник. Ирина, выругала ещё раз Эрвина про себя — не там, мол, приварил розетку, неудобно — налила кофе и села разбирать текущие дела.

Таких набралось немало. Начальство из столицы разродилось серией приказов по личному составу, десантная Пегги не мудрствуя лукаво, переслала их Ирине — с пометкой "разобраться и доложить". "Как самой умной", — фыркнула Ирина под нос и разобралась одним росчерком пальца — то есть отправила в мусор. Потом залезла в сеть и шутки ради вбила приказ в базу данных — дата, номер дела, подпись десантной Пегги. Позаимствованная как раз на такой случай электронная печать. Морской змей Чарли в момент обзавёлся местом работы, табельным номером и должностью "эксперта по утилизации бытовых отходов". Судя по хрусту за окном — зверь уже всю приступил к выполнению служебных обязанностей. То есть ещё что-то сожрал. Строго в соответствии с уставом. Пусть теперь разбираются.

Дождь хлестал за окном, звенели струи по пластику стен. Кофе в кружке остыл. Дела кончились. Как-то вдруг, Ирина даже не поверила сразу, пару раз ткнув пальчиком в иконку почты — но новых сообщений "важно, секретно, не позднее вчерашнего дня" больше не падало. Отпуск. Это было непривычно до звона в ушах и лёгкого хаоса в мыслях. Глаза невольно пробежались вокруг, по обустроенной вчера комнате — мерцающие круглые стены, досчатый пол, полки — их Эрвин сбил на совесть, как надо. Бумаги, синяя флотская

форма — все сложено в аккуратные стопки и лежат в ряд. Лишь на столе — куске срезанного со стены пластика — небрежно валялся брошенный вчера вечером прибор. Ирина нахмурилась было, узрев непорядок, потом вспомнила — электронный переводчик из н.з. бэтээра, Эрвин его оставил тут. Вчера, когда они с ДаКостой вернулись из своей дурацкой поездки. Ещё и туземок привезли, два обормота.

"Интересно, во что он влип?" — подумала Ирина, подцепила к планшету прибор и начала разбираться.

Видео схватки с "драконом" Ирину впечатлило, чтобы не сказать больше. Хорошее было видео, качественное. Девушка даже побледнела слегка. Потом ещё раз, слазив в местный вариант "красной книги" и убедившись, что крылатый кошмар там есть. В качестве особо охраняемого объекта природы.

"Эх, Эрвин, не можешь не накуролесить", — с грустью подумала Ирина, освежая в памяти компа установленные законодательством пределы самообороны. Потом перемотала видео чуть вперед. Экран мигнул, картинка прыгнула, показав Ирине морду туземного вождя, его поднятые руки, сжавшихся девчонок и стек с головой дракона.

"Эрвин, во что ты влип", — прошептала Ирина, невольно закусив губу и гоня картинку взад вперед по экрану. Из динамиков колокольным звоном летела чужая, незнакомая речь. Слова звенели и падали — мерно, в тон журчащей воде за окном. На экране мелькнул стек, трость с головой дракона взлетела вверх, описала круг и упала Мие на плечи. Ирина свернула окно, открыла опять список приказов, внесла, яростно стуча тонкими пальцами по экрану, еще два — о приёме туземок на работу. Вспомогательный персонал.

"В конце-концов, надо честно сказать — с их помощью ужин стал куда лучше обеда, — сказала она себе, успокаиваясь. Палец запнулся на миг, — Черт, мы даже имён их не знаем. Надо разобраться".

И с этими словами полезла на в сеть, искать нормальную прошивку под переводчик. В пределах военного разговорника — бесполезно. Там все больше про танки да артиллерию, за жизнь много не наговоришь.

Вот только в сети Ирину ждал неприятный сюрприз. То что лежало в открытом доступе, на серверах гражданской службы — было даже беднее куцевого военного варианта. А полный отсутствовал, страничка от лица администрации извинялась и посылала пользователя на церковные сервера. А те встречали гостей латинским крестом, иконой и строгим предупреждением:

"Во имя господа, неавторизированным пользователям вход воспрещён". Для гостей на сервере лежал катехезис, своим — предлагалось ввести пароль. У Ирины загорелись глаза. Отцовскую систему безопасности папина дочка случайно взломала в шесть лет. Отец шалость заметил, строго отругал и стал давать мороженное за каждую найденную брешь в корпоративном файрволе. Мороженное было вкусное, фабричной работы, на палочке. Церковный сервер не устоял. Ирина поблагодарила сама себя за хорошо проделанную работу, сглотнула слюну, выгоняя из памяти белое, тающее на языке воспоминание и поставила на прошивку. По экрану пробежал индикатор — жёлтая полоса. За окном звенел дождь, капли бились о подоконник, взлетали брызгами и стекали по стеклу. Вода билась и журчала в водостоках. Неторопливый, успокаивающий звук. Ирина переплела волосы, оделась. Неторопливо, ловя отражение своего лица в мареве дождевых капель. Эрвин обещал найти зеркало и забыл. Скотина. База спала, укрытая с головой пеленой косоного дождя. Морской змей Чарли качал в воздухе головой, чесал шею о стрелу портального крана.

Железяка гнула и трепетала в ответ на ласку.

"Нашёл подружку", — невольно улыбнулась Ирина и вздрогнула. В звон дождевых капель вплелись голоса. Гортанные, мелодичные голоса из-за двери.

"Эрвиновы туземки, наверное, — подумала Ирина, доплетая косу, — дождь загнал их под крышу"

От стола — короткий, сдавленный писк и мигание экрана. Прошивка окончена, прибор доложил о готовности.

"Вот и проверим", — сказала себе Ирина, нацепила динамик на ухо, накинула на плечи форменку и шагнула за дверь.

Туземки обнаружили в коридоре, под лестницей. Все мокрые — дождь и впрямь загнал их под крышу. Но не похоже, что это их беспокоило. Сидели, все трое на полу в закутке, огородившись куском ткани от чужих глаз. Переговаривались чуть слышно, мелодичными, звенящими голосами. И — Ирина невольно затаила дыхание, замерла, пытаясь понять, что они делают. Зрелище было странным, по меньшей мере.

Старшая из всех троих — Миа, Ирина запомнила её имя ещё вчера — сидела на полу подогнув под себя ноги. Неподвижной статуей, мерцающей в полумраке. Странно для недавно весёлой, широкоскулой и улыбчивой девушки. А две остальные крутились вокруг, негромко переговариваясь звенящими в тишине голосами. Движения рук плавны и торжественны, словно непонятный ритуал. Даже мелкая, подвижная как ртуть Маар сидела тихо, лишь руки подрагивали — видно, как ей тяжело усидеть на месте. А средняя, тонкорукая и изящная, хлопотала вокруг подруги, прикладывая к её лицу алые, длинные полосы. Осторожно, завивая в хитрую спираль. Осмотрела, замерла на миг, любуясь узором. Прогладила ладонью. Багровыми искрами брызнула кровь. С краев алой ленты щерились, впиваясь в кожу маленькие, игольной остроты когти. Сорванные лепестки цветка тари — Ирина опознала их, приглядевшись.

"Наверное, это больно", — подумала она, невольно поёжившись. Но туземка сидела ровно, лишь веки дрожали слегка, когда очередной острый шип протыкал кожу. Потом лепесток свернулся и отлетел, оставив на память ровную дорожку кровавых следов на шее. Та улыбнулась, провела по шрамам пальцами, смазанными тёмным, густым, резко пахнущим зельем. Точки уколов почернели на глазах, свиваясь в завораживающий узор татуировки. «На счастье» — переводчик в ухе сработал, переведя в живые слова мерный речитатив чужой речи. На глазах у Ирины шёл ритуал, загадочный и непостижимый. Уже давно — знаки свивались, ползли, покрывали узором ещё вчера чистое лицо. Шея, звёздочка на висках, на лбу — Ирина сглотнула, распознав в линиях поверх тонких бровей драконье крыло и сильно стилизованный, но различимый контур федерального бэтээра...

"А линия на лбу — длинна ножа её мужа", — вспомнился вдруг инструктаж. Ирина невольно шагнула назад. Глухо стукнул каблук. Туземки обернулись, вздрогнув, как испуганные птицы. Лента выпала у Лианны из рук.

— Доброе утро, — сказала Ирина, вспомнив, что шла испытать переводчик. Ларингофон уколол кожу, из коробки на горле полилась чужая речь. Туземки поняли, поклонились в ответ.

— Доброе... госпожа, — слово было более длинным, звенящим и щёлкающим, но поклонились туземки почтительно и Ирина решила, что это верный вариант. Очень хотелось спросить, что здесь происходит, но... слова почему-то замерли в горле. Словно она ненароком увидела запретное. Шаг вперёд. Улыбка — вежливая, Ирина вспомнила советы

отца. Пара пустых вопросов. Переводчик работал. Разговор потёк. Кое-как, ручьём в пустыне, мутной, норовящей пересохнуть струйкой. Недомолвка давила в уши, висела камнем над головой. Наконец Ирина не выдержала и спросила — вежливо, как бы невзначай, кивнув на багровую, в капельках, ленту

— Что это?

— Аршах-на, — ответили ей. Хором, на три голоса. В глазах неподдельное удивление — как будто взрослая тетка спросила у школьника, сколько будет два плюс два. Переводчик подвис, кашлянул и выдал в ухо короткое "непереводимо". Из ладони донесся короткий писк. Умная машина подумала, нашла и скинула на планшет ссылку на этнографический справочник. Ирина подумала, что если не посмотрит сейчас — умрёт от любопытства. Коротко кивнула, собираясь прощаться. Старшая, Мия, взмахом руки остановила её.

— Госпожа...

Ирина обернулась, внимательно посмотрела в глаза. Любопытные, большие, тоже удивлённые. Золотой нитью на карем фоне — неземные, кошачьи зрачки.

— Госпожа, — продолжила Мия, запнувшись, — что на вашем языке, означает слово "Иэрей-на"

В три слога, а между — звенящий, непроизносимый для горла звук. На вдохе. Звучало странно, чтобы не сказать больше. Ирина задумалась.

— В нашем языке таких слов нет, — сказала было она. Туземка покачала головой, явно не веря.

— Не может быть, госпожа, — тут Миа невольно коснулась ладонью щеки — там, где среди узоров оставалось чистое место.

— Повтори ещё раз. Ты уверена, что это наш язык?

— Да, госпожа, — Миа повторила. Звук был такой же странный, как и в прошлый раз. Разве что...

— Вроде бы "Надёжная", но не уверена, — ответила Ирина, гадая, кто в экипаже может говорить на греческом диалекте.

Миа поклонилась в ответ. Две прочие заговорили — хором, переводчик в ухе захрипел и завис. Ирина кивнула и шагнула за дверь. За её спиной Лианна взяла ленту в руки опять, целясь на чистое место на щеках старшей подруги.

Удивление Ирины возросло до небес, когда она открыла ссылку на планшете. Тут же, едва свернув за угол. Загадочная «Аршах-на» оказалось деталью обряда. Свадебного. Дела...

«Когда успела только», — прошипела Ирина под нос, разглядывая статью — нет ли ошибки. Нет, автор знал, что писал. И рисунки ритуальной татуировки расшифровывал — обереги здоровья на шее, терпенья и мудрости — на висках. На лбу — действительно роспись мужа. Точнее, количество забитых в процессе ухаживания драконов, козлов и мамонтов. И — кратко — символ его оружия, чтобы прочие знали, что теперь даму есть кому защитить.

«И кто же это у нас такой быстрый? — прикинула Ирина, пролистывая страницы, — из реакторного кто, они там все на голову больные?»

«Да нет, — чуть позже подумала она, вспомнив вчерашний вечер. Лиза — крановщица похвалялась проверить вчера, после третьего стакана — правда ли реакторные такие звери, что светятся в темноте. Перейти ей дорогу...

«Тогда бы туземки сейчас не рожи красили а волосы выдранные на место вставляли». Следующая страница. Образцы рисунков на щеках. Краткое пояснение. Тут полный разброд.

То есть не полный — на щеках по обычаю рисовали комплименты сделанные мужем. В процессе. Иные образцы «нащечной» туземной живописи заставили Ирину сильно покраснеть. Носить на лице такое... Впрочем, щеки при пустом лбе никогда не татуировались. А всё вместе обычаем складывал во фразу «завидуйте молча».

«Умно, — подумала Ирина, заходя к себе, — не татуировка а паспорт, трудовая книжка и запись актов гражданского состояния. Все в одном, всегда на виду и носить не надо. Вот только кто у нас в экипаже быстрый такой? До гражданского состояния? Я ему...»

Ирина не успела додумать мысль. В дверь постучали. Аккуратно и вежливо. Щелкнул замок. Солнце ударило в глаза. Яркой, ослепительной вспышкой. Просто закончился дождь за окном. Ирина сморгнула, невольно поправив косу на плече. Мягким, игривым котёнком ткнулся в пальцы бантик на кисточке.

— Привет, — невольно сказала она.

— Привет. Я зеркало принёс, — кивнул ей с порога Эрвин Штакельберг, волонтер флота. Мокрый, не утерпел парень в укрытии, промок под дождём весь. Рубашка — хоть выжимай, смоклись, прилипли на лбу недлинные светлые волосы. И лиловый синяк на лбу — побился вчера, в поездке в деревню на бетезэре.

«На бетезэре», — Ирина отступила на шаг. Вспомнился вчерашний вечер и Эрвинов рассказ. И ещё рисунок на лбу у чертовой туземки...

— Эрвин... — начала она. Не окончила, дыхание перехватило.

— Куда вешать? — спросил он, оглядываясь. Зеркало в его руках — не зеркало, полированный металлический лист, свинченный тайком с какой-нибудь секретной железяки.

— Погоди...

Верить случайному предположению не хотелось. Совсем. Почему-то. Видеофайл, покадровая перемотка. Сердце почему-то ударило Ирине в грудь. Глухо так. Зря.

— Эрвин... Ты кольцо забыл одеть... — сказала она, гадая, почему так дрожит и ломается голос.

— Какое?

— Смотри...

Из динамика — грохот и лязг. Грохот движка и лязг железа. Ползущий по полю БТР. Изображение качается и дрожит, экран делит почти пополам выступающий над капотом тупой клинок волнореза. Синее небо и зеленая трава. И Миа, застывшая на пути машины. Волосы вразлет-смоляной волной на ветру, безумные кошачьи глаза, и рука — тонкая ладонь, поднятая в останавливающем жесте. Губы на экране шевельнулись, звонким колокольчиком прозвенел голосок:

— Крестовый, ты женишься на мне? — равнодушным, неживым голосом перевела машина. На экране качнулась, задралась кверху земля. Визг тормозов. Стальной капот замер и задрожал, на миг коснувшись тонкой ладони.

— Я так понимаю, это было «да», — сказала Ирина. Безразлично. Внешне. Только сердце заколотилось вдруг, отчего — непонятно.

— Это шутка?

Ирина просто сунула ему в руки планшет с этнографической статьей.

— Сходи, посмотри. У твоей... жены, — голос опять дрогнул почему-то, — у твоей жены на лице все написано. Удобные здесь... «культурные особенности»

Эрвин взял. Машинально. Так же машинально посмотрел. Хмыкнул что-то

неразборчивое. По скулам прокатились упрямые желваки. В глазах — недоверие, упрямый блеск, сменившийся запоздалым узнаванием. Ирина поняла, что права. А ещё поняла, что это её почему-то бесит. Не то слово, как. Хотя...

— Эрвин, скажи хоть, что ты ей наговорил? — спросила она, сгоняя из рук непонятно откуда взявшееся напряжение. Бедный бантик на косе — совсем в мяч превратился.

— Прости, я не понимаю.

Глаза у него были дикие-дикие, будто и впрямь не понимал ничего. Ирина ткнула пальцем в планшет — в статью и схемы татуировок. Тех, что на щеках. Compliments, сделанные в минуту страсти. Измятый бантик лопнул, сорвался с косы и улетел в угол.

— Я тоже... греческого...

"что у меня с голосом, — вздрогнув, подумала она, — я же не говорю а шипю, как дикая кошка"

Хлопнула дверь. Опять. В проеме, мерцающей тенью в полутьме — старшая из туземок, Миа. Татуированная уже вся, включая щеки. Поняв, что невовремя, она вздрогнула испуганной птицей, сделала шаг назад. И замерла, застыла, пригвожденная яростным взглядом к месту.

— Я насчет кухни спросить, — начала она, сбившись при виде Эрвина, — госпожа, простите, не знаю вашего имени...

— Ирина

— Иэрей-на? — свежетатуированные брови взлетели вверх, — Иэрей-на... изумленно повторила она, переводя взгляд с одного землянина на другого.

Ирина узнала слово. И вдруг поняла, что хочет кого-то убить. То есть не кого-то. Эрвина, остолопа, чтоб его. И туземок. Всех трех. Старшую, с ее рожей — за дело, двух остальных — превентивно. И закопать. Вместе с татуировками. Лопата внизу. Истертая ладонями рукоять, полукруглое стальное лезвие. Всех. Земля здесь мягкая, как...

— Что со мной? — прошептала она, недоуменно — самой себе.

Ой, странное это было чувство...

Глава 9

Только в этот раз Ирина никого не убила. Вначале остолбенела, а потом не смогла — на шум явилась десантная Пегги и разогнала всех по углам. Обалдевшего Эрвина — следить за разгрузкой контейнеров, туземок на кухню, Ирину, ещё трясущуюся от непонятно откуда взявшейся ярости — приводить себя в порядок. На базу обещал заявиться туземный поставщик, Ирине было строго поручено поговорить и проследить, чтобы федеральный флот в их лице не попал на деньги. Ирина разом собралась, подобрала с пола измятый бантик и пошла готовиться.

И Эрвин пошёл... куда глаза глядят. А глаза глядели, как на грех, в никуда, примечая всякую чушь вместо дела. Например то, что ливень утих, ветер смял тучи над головой, разорвал на клочки и погнал от прочь, во все стороны сразу. Небо — опять голубое, выцветшее до синевы. Под ногой хлопнуло, в ботинок полилась вода. Ливень кончился, а лужи остались.

— Пить надо меньше, — выругался Эрвин сквозь зубы, выдёргивая подошву из липкой, черной грязи. Размокшая земля пузырилась, булькала, но добычу отдавать никак не хотела.

— Надо меньше пить, — чертыхнулся он ещё раз, освобождая сапог. Над головой — скрежет и металлический лязг. Портальный кран над головой повернулся на оси, захватил манипулятором макушку дерева, поднатужился и вырвал из земли. За шиворот Эрвину посыпалась листва и мелкая соломенная крошка. Морской змей Чарли довольно лязгнул зубами. Покачал головой, благодарно потёрся гребнем о серую лапу. Из кабины крана — весёлый смех. Присмотревшись, Эрвин увидел рыжее пятно за стеклом. Лизка, крановщица с третьего грузового трюма кормила морского зверя с механических рук и беззаботно смеялась.

Эрвин вогнал ногой в землю некстати подвернувшийся камень. Сильно, так, что жалобно хрустнул каблук. Солнце появилось из-за туч и начало жарить, так, что заболела голова. Рубашка высохла мгновенно. От луж поднимался пар, воздух — влажный, густой и пряный до боли в лёгких. Мягко шелестел вдали лес, голова кружилась, под сапогами хлопала и хрустела сбитая ливнем листва. Ленивая волна пенилась, катала гальку по пляжу.

Впереди качались на ветру камыши, гнулись, шелестели толстыми, порыжевшими на солнце листьями. В тон шелесту — гул голосов. Спереди, из зарослей камыша. Эрвин присмотрелся — и выругался в голос. Матерно, страшно, на аздаргский похабный манер. Туземок за каким то чёртом (по прямому приказу Пегги, как выяснилось впоследствии) понесло мыть бэтээр. Тот самый, будь он неладен. Зачем — непонятно, море и так отмыло машину до блеска. Но девушки старались, работали тряпками, мелодично напевая под нос. Солнце забралось повыше на небо, палило вовсю, от джунглей плыла жара — влажная, удушливая жара. Курились паром стальные борта. Миа с Лианной работали. Не глядя по сторонам, без лишней суеты, медленно. Торжественно даже, на привыкший к авралам Эрвинов взгляд. Солнце палило и жгло, девушки скинули все, вплоть до рубашек. Промокших и мало что скрывающих рубашек тонкой ткани. Выглядело это... Посмотреть на такое чудо собрался весь реакторный отсек. И половина грузового — мужская, само собой, половина. Стояли, переговаривались, лениво шевеля бородами. Плыли по воздуху грубые голоса. Миа наклонилась через борт — выплеснуть из ведра грязную воду Сверкнули на

солнце высокие скулы. В свежей татуировке — чёрной, паучьей вязи. Эрвин до боли сжал кулаки.

— Черт, приключений им мало, — прорычал он под нос и шагнул вперёд, плечом раздвигая толпу. На глаза попался ДаКоста.

"Вот кому надо по морде дать", — подумал Эрвин, но, приглядевшись, остыл немного. Матрос уже обзавёлся роскошным синяком под глазами. Вид взъерошенный, в руках — шотган. Дулом на толпу, как бы случайно. А Лианна забралась на крышу и чистила пулемёт. Влажной тряпкой, аккуратно и даже нежно. Тонкие руки поднимались, скользили по холодному металлу кожухов. Медленно. Волосы Лианна закинула назад, чёрная волна скользила вниз по плечу, играя. словно лаская воронёную сталь. Ворот рубашки разорван, в прорехе сверкнула округлая, налитая грудь. Белая, на фоне воронёной стали.

О том, что оружие надо вначале разрядить и закрепить "на ноль", стволами в небо дикарка просто не знала. Кольт-браунинг крутился в руках, разгоняя взглядом дурные мысли. Взглядом двух стволов калибра 12,7, непроглядно-чёрных, бездонных как девичьи глаза. Толпа опасливо пятилась. Эрвин шагнул вперёд. Непонятно зачем. Все остальное произошло слишком быстро, чтобы можно было описать словами.

Миа как раз протирала приборную панель. Аккуратно. Бережно. Не глядя по сторонам. Дотянулась до руля, села — так ей было удобнее — на кресло водителя. Наклонилась вперёд, прошлась тряпкой по пыльному стеклу. Ногу при этом невольно вытянула, коснувшись педалей. И обернулась. Увидела толпу. И в ней — Эрвина, чёрного, злого как смерть. Нога дёрнулась. Сама собой, невольным, паническим жестом. Чуть слышно щёлкнул рычаг. БТР был, пусть и списанной, но военной машиной. Ключ из замка Эрвин вчера вытащил — по привычке, но аварийный пуск в машине остался. И сработал под ногой Мии сейчас. Просто так, от случайного нажатия. Зашипел сжатый воздух, со скрежетом провернулись валы. Миа вздрогнула с ног до головы. Движок взревел раненым зверем, бтр взрыл колёсами землю. Толпа шарахнулась, машина прыгнула вперёд, не разбирая дороги. Вильнула кузовом. Лианна с визгом вылетела из кресла стрелка — прямо в руки ДаКосте, от изумления уронившего на ногу шотган. А Эрвин понял вдруг что бежит. Со всех ног. БТР, истошно ревя движком нёсся по пляжу вперёд, на холм.

— Черт, там обрыв, — вспомнил парень, добавляя ходу.

Обрыв Миа видела. Качающийся в лобовом стекле зелёный холм, дерево, неровный ряд серых, щербатых камней. И море за ними — синее до черноты. Ногу с педалей она давно убрала — на инстинкте, взвизгнув, подняла колени до подбородка. Не помогло. Электронные мозги бэхи интерпретировали резкий сброс газа как "аварийная ситуация номер 27 — водителю отстрелило ногу." И активировала режим выхода из под обстрела. То есть добавила оборотов на вал. Движок взревел, щербатые камни впереди запрыгали в глазах и побежали ещё быстрее. Миа истошно взвизгнула. Не помогло. Попросила у ревущей машины прощения. Вежливо. А потом сделала как учил отец — усмирять взбесившихся животных. Рванула на себя. Со всей дури, резко, до боли в руках. То, что в бэхе напоминало поводья. Рулевое колесо. БТР затрясся и взвыл. В глазах у Мии перевернулись, пошли кубарем небо и земля. А Эрвин с немым изумлением увидел, как машина развернулась на глазах — резко, на пяточке, чуть не опрокинувшись на бок. На миг зависли в воздухе четыре тяжёлых, бешено вертящихся колеса. Из восьми. Чёрная грязь — фонтаном из-под шипастых покрышек. Потом опустились, бетээр замер на миг, скрипя и качаясь. Выпустил облако дыма

из выхлопной трубы. И ринулся вперёд, истошно ревя. На Эрвина. Как на дракона вчера — целясь в грудь ножом волнореза.

Миа внутри прошептала "пожалуйста", погладила ребристые рукояти и дёрнула руль ещё раз. Уже не так сильно, но достаточно, чтобы бтр вильнул, подставившись бортом. Эрвин прыгнул. С маха, не разбирая куда. Ладонь зацепилась, парень с рывка забросил себя в кузов, собрался и встал, с трудом веря, что живой. Настил под ногами дрожал и качался. Подковы сапог лязгнули о решётку. Миа обернулась. Выпустила руль. БТР вильнул, ногу повело. Эрвин упал, взмахнув руками — неловко, зацепив головой пулемётный приклад. И потерял сознание. Миа взвизгнула, всплеснула руками. Машину тряхнуло, с-под колес донёсся скрежет и хруст. БТР врубился в лес на полном ходу и попёр напролом, рубя и сминая корпусом молодые деревья.

Миа взвизгнула и хотела было кинуться к Эрвину. Сперва, но срубленная волнорезом ветвьхватила её по лицу и заставила сжаться в кресле. В лобовом стекле — зелёная хмарь. Машина под ней — качается и ревет, отдаваясь дрожью в сжатых на баранке руля девичьих пальцах. Впереди, прямо — древесный ствол. Корявый, поросший мхом исполин, куда шире несущегося на него бтр-а. Миа шевельнула белыми губами, сказала "пожалуйста". Руль в руках задрожал, Она его и потянула, неловко перебирая руками, направо. Осторожно, девушка уже поняла, что страшный зверь резких движений не любит. Бэха рыкнула и плавно вошла в поворот, сбив скулой мох с коры.

"Спасибо", — сказала Миа, на полном серьёзе погладив ладонью панель. БТР заурчал, как ей показалось — довольно. О лобовое стекло разбился алый цветок. Новый ствол впереди. Поворот руля — нежный и даже ласковый. Бэха вильнула, гигантское дерево плавно ушло вбок и назад. С руля била в пальцы мелкая дрожь. Будто и впрямь под ней зверь, живой и норовистый. Новый поворот руля. Под колёсами — хруст веток и лязг. Зелёная стена кустов трещит и ломается под ножом волнореза. Миа осторожно потянула руль. Машина, зарывчав, свернула направо. И впрямь зверь, но уже немного ручной, послушный маленькой Мие. Слева, в стене деревьев — просвет. Синева моря и плеск воды. Миа выдохнула, погладила панель, назвала машину трижды "мой хороший" и повернула туда — уже осмысленно.

Машина вырвалась из леса на пляж, большая, страшная, вся в зелёном соке, листьях и древесной щепе. На ровном месте прибавила хода, рванулась по гальке, на Миино счастье — параллельно полосе воды. С моря бежала волна, билась о колеса, бросалась пеной в лицо. Луч солнца пробежал по лицу, вспыхнув огнём в зеркалах. Уколело болью бедро — занули ноги, поджатые в неудобной позе. Миа вытянула их, потянулась, садясь поудобнее. Правой случайно вдавив педаль газа. Движок взревел, оглушив Мию, лязгнула коробка передач, ветер ударил в лицо — БТР прибавил ход. Миа дёрнулась, но, в этот раз, ногу сразу не убрала. Запомнила уже, что грозный металлический зверь резких движений не любит. Вцепилась в бьющийся будто в падучей руль, помолилась великому предку, попросила прощения у машины, крестового бога и ночной — заодно. И медленно, плавно, оттянула с педали ступню — назад и вверх, с педали газа. Электронные мозги бэхи констатировали "ситуация 257 — водитель принял на себя управление" и с чувством выполненного долга отключились. Откуда у водителя взялась отстреленная, согласно логам, нога — их не интересовало, от слова совсем. БТР рыкнул напоследок, встал и заглох, напоследок слегка покачав ошеломлённую Мию на рессорах.

Миа замерла, тряхнула головой, пытаясь понять, что делать дальше. Солнце смотрело на

нее сверху вниз — равнодушно-яркий огненный шар. Мерцали, переливались на гребнях тёмной волны ярко-белые, слепящие блики. Шумел лес на ветру. После оглушительного рёва движка — тихо, будто сквозь одеяло. Миа огляделась, потрясла головой — базы не видно, вокруг лишь море да лес. Чёрные волны, зелёные ветки. И полоска песка и камней — пляж между ними. Миа вспомнила, что они на острове. Значит — если долго ехать куда-нибудь по этой узкой, каменистой полосе — рано или поздно сделаешь круг и приедешь на базу. Оставалось завести. Других идей, кроме: "вежливо сказать машине "пожалуйста"" у Мии все равно не было. Она попыталась. Честно, три раза, вежливо поклонившись приборной панели. Датчики на ней — круглые, мерцающие, словно большие глаза под веками индикаторов. Блик пробежал по стеклу — подмигнул словно. Девушка протянула руку — погладить руль. Осторожно. И услышала сзади резкое:

— Отойди.

Вздрыгнула всем телом, повернулась. Медленно. И застыла, не зная куда бежать. Это Эрвин сзади очнулся. Встал, качаясь, рука — белая на костяшках сжатых в кулак на станине пулемёта. На лбу — синяк, кровь ползёт по виску. Лениво так, нехотя. Чёрной, густой каплей. И лицо... Миа взглянула и ей очень захотелось спрятаться или убежать. Сжаться, как в детстве, стать маленькой — маленькой. Не смогла. Ничего не смогла. Просто кивнула и сползла с кресла водителя в сторону. Сжалась в углу. Эрвин и не посмотрел. Сел за руль, потянулся, щёлкнул ключом. Воткнул передачу — с маха, под обиженный хруст шестерней.

"Машину-то за что? Ей же больно..." — мельком подумала Миа. Глухо закашлял движок, бтр взвыл, прыгнул на воду и понёсся по морской глади вперёд. В никуда. То есть... Миа осторожно скосилась на солнце, потом на Эрвина — на закаменевшие скулы и белое от ярости лицо — и поняла, куда они едут. В деревню, назад. Вождю в лапы. Бежала навстречу морская гладь. Солнце слепило, выжигая глаза. Миа уронила голову на руки и разрыдалась.

На самом деле Эрвин гнал машину действительно — в никуда. Просто так, разогнать ветром плескавшуюся под черепом чёрную ярость. Чёрную, злую, застилающую глаза пеленой. Хотелось кого-нибудь убить. Остро, до боли в костяшках. Все равно — кого, хоть того вождя из деревни. Слева, в челюсть — и чтобы не встал. Как на грех, рядом никого подходящего для драки не было. Не на этой же, деревенской, срываться — в сторону Мии Эрвин старался лишней раз не смотреть, чтобы в запале не наворотить лишнего. Жалеть потом... Трещала, шла ходуном голова. Рука на руле — стиснута до белизны. Лишь бы не чувствовать предательскую дрожь в пальцах. Ветер в лицо. Солнце бьёт в глаза, слепит, выжимает слезу из-под век. Мотор бэхи урчал Эрвину в тон — сердито и зло, стариковским отрывистым кашлем.

"Загоняли его сегодня", — подумал Эрвин вдруг, остывая. Сбавил обороты. Сквозь рокот — отрывистый, тихий плач. Из за плеча. Миа — вон, сидит рядом, уронив голову на тонкие руки. Неподвижно, лишь плечи подрагивают в такт мотору. Эрвин осторожно снял руку с руля. Поправил в бусину переводчика в ухе.

— Хоть Лианну оставь, — проговорила Миа вдруг, шмыгнув носом.

Эрвин изумлённо сморгнул. "Если скажет, что красивая и так далее — точно прибью. Всех. Устроили тут", — подумал он, опять закипая. Но Миа протёрла глаза — аккуратно, ладошкой — и добавила.

— Убьют ее там

— Там — это где? — спросил Эрвин, не понимая. Ничего. Рука соскользнула с руля, бтр чихнул мотором опять, теряя скорость.

— На плантации... Алого цветка. Нас туда вождь продать хотел... Я там была уже... Не хочу больше...

— На какой... — начал Эрвин. И не договорил. Миа так и сидела, сгорбившись, уронив голову на руки. Разметались волосы по плечам. Рубашка на спине — скаталась и лопнула по шву. По белой мерцающей коже — почерневшие, неровные полосы, наискось. Эрин сморгнул раз, потом другой, убеждая глаза, что это всего лишь татуировка. Миа всхлипнула. Чёрная полоса на спине зашевелились. Гибкой гремучей змеей. Такой шрам оставляла аздаргская нейроплеть. На родном Семицветьи её владельца повесили бы без лишних разговоров. Было бы дерево... А тут, выходит, они в ходу... Миа подняла голову, заметила его взгляд и дёрнулась, попытавшись прикрыться.

— Какая сволочь это сделала? — прорычал Эрвин. Не проговорил, именно прорычал — зло, сквозь сжатые зубы. Руль — до упора влево, мотор взревел, за кормой — столбом взбитая винтами вода. Бэха вошла в поворот, круто, с креном на левый борт. Черпнула воды. Выровнялась. Миа выдохнула, широко распахнув глаза. Эрвин потряс головой. Бэха летела назад, скользя с волны на волну. Их остров рос на глазах — зелёная стена обрамленная белой каёмкой прибоя. Континент тонул позади, весь в дымке, в серой, тягучей хмари. Миа вытерла лицо рукавом, протёрла глаза, сказала вслух — тихо и жалобно.

— Прости.

— Это ты меня прости, — отозвался Эрвин. Тоже тихо. Протёр глаза, прогоняя остатки чёрной пелены. Достал брезент, прикрыл Мие плечи. Осторожно. Кивнул на шрам и добавил:

— Кто это сделал? Я его убью, — прозвучало просто. Не угроза, так — зарубка на память.

— Ты не сможешь. «Шай-а-кара» большой человек здесь, на Счастье. Он обидится, если...

— «Шай-а-кара» — это кто?

— Муж тысячи жён. Плантации тоже его. И ваши вожди поют с его голоса. Наши тоже... Только он не настоящий муж, не подумай, просто... так говорится

«чтобы не дразнить совесть местных властей неприятным словом «работоторговля»», — Эрвин додумал остаток фразы за неё. Хрустнул пальцами, разминая костяшки. Улыбнулся, кивнул Мие:

— Все будет хорошо. Ничего не бойся.

Мотор бэхи взвыл, будто соглашаясь. Заскрипел над головой пулемёт провернувшись в станине. Машина дёрнулась, выползая обратно на сушу. Эрвин заглушил мотор. Стало вдруг тихо — совсем. Ветер спал, застыли, лениво покачиваясь в воздухе порыжевшие на солнце широкие листья. Белокрылые толстые птицы бродили по пляжу, осторожно перебирая нежно-розовыми тонкими ногами. Одна взлетела, тяжело хлопая крыльями. Ввысь, в синее небо. Эрвина передёрнуло:

"Этот мир слишком красив для такого..."

Солнце накрыла тень. Серой полосой пробежал по земле полумрак. Эрвин вначале подумал на тучу, потом поднял голову, хмыкнул, оскалив белые зубы. E.S Венус пересекал солнечный диск. Огромная чёрная тень в короне трепещущего рыжего света. Миа тоже посмотрела вверх. И замерла, раскрыв рот. Даже забыла мигать своими кошачьими, большими глазами. Золотой нитью — зрачок, янтарная полоса на карем фоне. Эрвин осторожно тронул ее за плечо.

— Садись за руль.

— Как? Я же...

— Плохо мне. А у тебя получится...

Поймал взглядом взгляд удивлённых донельзя глаз, кивнул и добавил:

— Сюда привезла, значит и отсюда сможешь. Поверни ключ. Вот так, видишь — ничего страшного. Теперь нащупай — чувствуешь три педали внизу? На правую...

Бэха взревела, лязгнула и прыгнула вперёд. И застыла, пропахав в песке полосу. Мотор заглох. Миа ойкнула, всплеснув тонкими руками — виновато и жалобно.

— Нежно... — запоздало добавил Эрвин, вытирая кровь с прокушенной губы, — ничего, все получится.

Все получилось. С третьего раза. А с десятого даже тронуться удалось. И проехать. Недолго, через сто метров Миа запуталась в рычагах и заглушила машину. Ойкнула, церемонно сказала "Простите" — один раз Эрвину и дважды — бэхе и завела опять. Снесла бортом дерево. Увернулась от другого. Ахнула — невольно, но искренне. Эрвин рассмеялся, махнул ей рукой с заднего кресла: давай, мол, у тебя получается. Миа улыбнулась и задрала нос. И в самом деле — получалось для первого раза неплохо. А потом и совсем хорошо. А потом бэха перевалила холм, провезла задремавшего Эрвина и гордую Мию по базе — под удивлённые взгляды крановщиц и одобрительный свист парней с реакторного. Проехала мимо дома — пузыря, завернула в камыши — назад, на колею, пропаханную недавно. Миа вывернула руль, развернула машину носом, сбросила газ.

"Приехали. Пора бы и остановиться", — подумала Миа и нажала педаль.

"Ой, не ту", — подумала она ещё раз. Чуть позже, когда бэха взревела и закрутилась, снеся мордой зелёные стебли. Эрвин проснулся. Мотор заглох.

— Приехали

Миа оглянулась — ещё гордая донельзя, что сумела приручить такую машину. Почти приручить. Все равно. Видела бы её гордячка — Лианна сейчас... Улыбка сползла с лица. Медленно. Навстречу бэхе шла, оперев руки в бока Ирина Строгова. Быстро, решительно, мелкая галька так и брызгала в стороны из-под каблуков. А у Эрвина на лице налились, закаменели упрямые скулы.

"Ой, и натворила я делов", — подумала Миа, опять мечтая, как в детстве, стать маленькой-маленькой.

За те часы, что Эрвин бродил неизвестно где — Ирина остыла немного. Выгладила зачем-то и так чистую форменку, переделалась, прошерстила сеть. Как оказалось, Эрвин был далеко не первый дурак, влипший по уши в "культурные особенности" туземного населения. Нашла культурологическую статью, полюбовалась на фотографию местной ночной богини — то есть статуи, само собой. Искусно вырезанной по дереву, хотя — на Иринин вкус ума у богини могло быть и побольше. Одежды тоже. Впрочем, что с неё взять — деревянная, ей все равно. Ещё в сети бродила куча советов в стиле "куда матросу деть временную жену на время отлёта". Церковные для такого дела держали аж целый монастырь у стен планетарной столицы.

"Сан-Магдален-УльтраСтелла"

Ирина полюбовалась на фотки каменных стен, уходящих в небо резных крестов и чёрных, глухих одеяний местных насельниц — за тканью не различишь ни возраст ни пол. Поёжилась, решила держаться от этого места подальше. Нашла контору, принадлежавшую какому-то Жану-Клоду Дювалье. «Шай-а-кара» — бог его знает, что значило на местном

языке. Какому-то местному шишке и филантропу. Направила запрос. В обтекаемых выражениях, без имён — просто запрос, укажите, де, условия. Перечитала, подписала, минуту думала — отсылать или нет. На улице завизжали тормоза. Ирина выглянула. Катил Эрвин на бэхе. Со своей, татуированной, за рулем. Ирина вздрогнула вдруг и пошла наружу — разбираться. Небрежно бросив планшетку на стол. Экраном вниз, ластик случайно вдавил кнопку «отправить».

Ирине было не до того. Вылетела на двор — опрометью. Солнце укололо глаза. Повело каблук. Ирина отряхнулась, вспомнила, что торопиться не надо. И вообще... Его личная жизнь, пусть сам и разбирается. Уставом, конечно, запрещено, но кто его читал, этот устав. Но все таки, если парню надо помочь...

И услышала в ответ категорическое.

«Не надо».

Сердце ухнуло в груди. Опять. Туземка за спиной Эрвина спрятала глаза. Её счастье, улыбку на этой татуированной роже Ирина бы сейчас точно не вытерпела.

Зато Эрвин добил совсем. Вежливой просьбой:

— Останутся здесь. Помогите им насчёт квартиры.

«На каком основании?» — хотелось спросить. Но глупо — вон оно, основание, выписано тонкой вязью на чужом лице. «Это его дело, — подумала она, для верности повторив трижды, — личное» А вслух сказала:

— Ладно, — радуясь, что голос не дрожит.

За следующие часы Эрвин уработался так, как не вкалывал на флотских авралах. Нашёл резак, вырезал ещё три комнаты в пластиковых пузырях, навесил двери и окна, вывел проводку и свет. Все под чётким контролем Ирины, следящей, чтобы делалось нормально а не так, как вчера.

— Да, парень, — сказала под нос Пегги Робертс, ухохатываясь из-за угла на эту картину, — не знаю как насчёт жён, а тёща у тебя теперь есть. Точно.

Эрвин смеха не слышал, ему было некогда. Резак в руках, волосы мокрые — парень переваривал розетку на стене. В третий раз. А Ирина из-за плеча, задрав вверх указательный палец, строго, но вежливо объясняла ему, что он и в этот раз все сделал неправильно.

Мия с Лианной спрятались от греха. С улицы доносился скрип верёвок и смех — мелкая Маар развела ДаКосту сколотить ей качели.

А ещё на базу упала ночь — внезапно. Вот только что не было — и вот. Непроглядная, чернильная, прятая тьма южной ночи. Шелестящая листьями на ветру и звонящая невидимыми голосами. Эрвин пожелал спокойной ночи и исчез. Ирина осталась одна. Вдруг. Стало даже непривычно немного. Ирина посмотрела на часы — поздно, уже пора спать. Закрыла окно — шум цикад раздражал. Ее сегодня вообще много что раздражало.

— Странно, что это со мной? — угрюмо думала она, в десятый раз пиная коловшую ухо подушку. За дверью — тихий шелест шагов. Осторожный, еле слышный звук. Босыми ногами по пластику. Слева направо.

— Кого там несет? — подумала Ирина и, с запозданием сообразила — кого. Слева от ее двери вчера не было ничего, а сегодня нарезаны комнаты для туземок. Чтоб им всем, под ее, Ирины, чутким руководством. Чтоб их всех.

— Интересно, какая из? Опять старшая или другую понесло... Тоже лицо раскрашивать? Впрочем, не мое дело.

Последнюю фразу Ирина повторила трижды. Снаружи — стук и царапанье в дверь. Е

соседнюю. Еще раз. И еще. В дверь справа. В Эрвинову, как Ирка сейчас вспомнила. Босы пятки прошелестели по коридору назад. Как Ирине показалось — разочарованно.

— Похоже, заперто там, — подумала Ирина, непонятно чему улыбнувшись. Просто так, мерцающему потолку. Взбила подушку. Повернулась на другой бок. Не помогло, слезавшийся войлок кололол ухо по-прежнему.

— Что со мной? Ревную я Эрвина что-ли?

Повернулась на другой бок. Выпила воды. Горьковатой, мутной воды из стакана.

— Не может быть. Ревнуют обычно...

Тут Ирина поняла, кто кого ревнует — обычно и поспешила выкинуть дурную мысль из головы. В буквальном смысле, привстав и тряхнув в воздухе челкой.

— Что за дурацкая идея...

Вода в стакане закончилась. Воздух в комнате — душен и спёрт. За стеной — опять тихий стук и царапанье в дверь. В соседнюю.

"Что там у него? Семейная жизнь?" — мысль пробежала сердито — когтями по сердцу. Острыми кошачьими когтями. Сон спрятался, сбежал в норку мышиным поскаком. Ирина встала, воткнула ноги в казенные башмаки и вышла, не зная — куда и зачем, накинув на плечи форменную синюю куртку.

Коридор встретил ее пустотой и мягким, переливчатым мерцанием отраженного света. Двери заперты. Все, включая правую, Эрвинову. Пустота. Напротив, с-под лестницы предательски мигнул звездный свет на высокой скуле и больших, растерянных глазах с вытянутыми в нитку зрачками. Мия, старшая из туземок. Молодая жена, мать ее. Прячет глаза, будто чувствует, чье мясо съела. Но старательно делает вид, что не заметила ничего. Ирина фыркнула — под нос, кошачьим, довольным манером. А еще поняла, что торчит посреди коридора, как... Ирина сама не решила, кто, себе самой мозг эпитеты подбирать наотрез отказался. И шагнула вперед, в конец коридора, стараясь не глядеть по сторонам без нужды. За спиной — облегченный выдох. Поворот, лестница вниз. Дверь в конце — импровизированная полевая кухня. Окна закрыты, вокруг полумрак. Ирина долго не могла понять, с чего ее сюда занесло. И зачем. Так, с этой мыслью и застыла, задумчиво перебирая пакеты и банки на полке холодильника.

— Там пирожки есть.

Стекло о стекло — звякнула банка в руках. Голос из-за спины заставил ее вздрогнуть. Щелчок выключателя — и она сморщилась, прикрывая глаза от яркого света. Потом обернулась и тихо выдохнула — Эрвин. Всего лишь. Стоит в углу, подперев собой стол. Специально, гад выбрал угол себе потемнее.

— Ты... ты что здесь делаешь? — спросила машинально, уже понимая, что глупость говорит. Какое ей дело, что.

Но он лишь улыбнулся и пожал плечами:

— Как что, ем. За день не успел, забегался, — и улыбнулся еще раз. Ежик волос смялся и смешно торчал дыбом на голове. Ирина улыбнулась в ответ. Невольно. Тут же опомнилась, одернула форменку на оба плеча, сказала — строго, кивнув в сторону двери:

— Иди. Там тебя жена ждет, волнуется.

Эрвин дернул лицом — коротко, лишь стянулась закаменела кожа на скулах. Потом отмякла с новой улыбкой:

— Пойду, шугану. Доем только, — сказал он, просто, звякнув вилкой в руке. Ирина подняла бровь:

— Зачем? пользуйся, раз... — и не договорила, замерла. Теперь скулы на лице Эрвина закаменели всерьез. И глаза — сощурились так, что Ирка даже на миг посочувствовала вчерашнему дракону.

— Затем. Иначе завтра они мне график напишут, да на стенку койки повесят. Нет уж... — Эрвин встряхнул головой, пробормотав под нос что — то непонятное, про барана и веревочку. Потом улыбнулся:

— Если что, я их к тебе за печатью пошлю, хорошо?

И улыбнулся еще раз. Мягко так. Ирина, тоже мягко говоря, удивилась. Настолько, что машинально кивнула:

— Хорошо.

— Вот и ладно. Не злись, пожалуйста. Они, конечно, дуры, все трое, но... — Эрвин опять закаменел. Весь, лишь звякнула в руках забытая вилка, — Но другого выхода у них, похоже, и не было. Там их не продали чуть. То есть, выходит, продали. Мне. За мятую туземную сотню... И слава богу, что я подвернулся а то... черт, у Мии вся спина в клеточку. Не дай бог у нас дома такое паскудство заведется.

Ирина кивнула. Молча, не зная, что говорить. Потом нашлась, спросила:

— Что делать будешь?

— Не знаю. Были бы дома — было бы ясно. Все. Поселить, обогреть, собрать парней. открутить кое — чьи уши. Вместе с головой. За невыдачу кассового и товарного чека.

Эрвин чуть помолчал, сам усмехнувшись жестокой шутке.

— Но тут не Семицветье.

— Да ладно. Была бы голова, а чем отвернуть — найдем. Знать бы только, чью и где. А пока, татуировка у Мии правильная, кто обидит — вчерашнему дракону позавидует. Ты тоже не обижай, ладно? В остальном — как уже говорил. Разберусь, сдам всех трех в безопасное место, забуду как страшный сон.

— Да ладно, совсем не страшный, — возразила Ирка, помотав головой. Подумала на миг, что говорит что-то совсем не то. На миг. Потом природное чувство справедливости взяло верх и она продолжила:

— Не надо так. Совсем даже не страшный.

Эрвин улыбнулся. Широко, сметая с глаз черную ярость:

— Ну хорошо, уговорила. Не страшный. Честный, веселый, но наивный до ужаса. Слушай, не злись, пожалуйста. Поговори с ними, если будет возможность. Просто поговори. И не смотри букой, а то они тебя уже на своем иначе чем хан-шай не называют...

— Это что?

— Слово туземное. Не поймешь. Переводчик глючит, собака. То-ли свекровь, то-ли теща, то-ли старшая жена. Ладно, пойду шугану...

Улыбнулся, сказал и исчез, бросив на столе пустую тарелку. Ирка сморгнула. Раз, другой. За дверью шаги, шелест и негромкий шум голосов. Эрвин что-то говорил. Мягко и вежливо. Тихо, слов не разобрать. И шелест шагов. Чуть слышный — босых, женских, в одну сторону. И подкованных флотских сапог — в другую. Хлопок двери.

— И впрямь шуганул. Дела...

Выдохнула она, рассеянно хлопнув дверью холодильника. Огляделась, пробормотала под нос:

— Нет, на тещу я еще согласна. Но вот прочее... Эрвин, ты с ума сошел со своими туземками...

За окном — шелест и шорох, звон капли по листьям. Пошел дождь. Опять. Пряный ветер хлопнул ставней, ворвался, омыл лицо, выгоняя духоту и затхлость из легких.

Ирина представила лицо отца — как бы предлагая папе посмеяться вместе... Олег Строгов представился перед внутренним взором. Охотно. Как всегда — высокий, широкоплечий, улыбчивый с короткой трубкой в зубах. Только смеяться он почему-то не хотел. Совсем наоборот. Ирина пожалала плечами, погадала — откуда в тарелке взялся нелюбимый с детства салат и и потянулась закрыть окно — капель звенела по кухонному столу, разлетаясь на мелкие брызги.

— Хан-шай, — повторила невесть зачем, прокатывая на языке чужие, странные звуки. Толстая, мясистая ветка за окном качнулась, будто погладила ее по голове.

— Ну, бред же, — подумала она, задумчиво наматывая на палец косу. Вышло как-то неубедительно...

За спиной дверь лязгнула еще раз. Жалобно скрипнул настил. Ирина не обернулась. И так узнала гостя по шагам — беспардонному грохоту латных сапог по половицам. Пегги Робертс, чтоб ее, в своей неизменной броне. Спит она в ней что-ли?

— Привет. Почта не приходила?

— Нет, вроде. Не проверяла с утра, — откликнулась Ирина задумчиво, — не до того.

— Так проверь. Эфир гудит, как взбесился, неясно с чего. Движуха какая-то идет. Сверху...

Ирина обернулась. Сморгнула от удивления- десантница была встревожена. Это было странно, чтобы не сказать больше. И палец латный поднят вверх, будто говоря, что под непонятным "верхом" — имеется ввиду коридоры губернаторского дворца а не звездные орбиты "Венуса".

— Пошли, — сказала Ирина, рывком захлопнув окно.

В планшете мигала иконка. Письмо. Одно. На имя Пегги с пометкой "личное". Ирина с минуту копалась в настройках, гадая, как его сюда занесло. Потом сообразила — лихая только с оружием Пегги ошиблась в кнопках, поставила редирект Ирине на все подряд. Глупо, конечно, но что уж теперь. Идентификатор отправителя — с орбиты, Арсен Довлатов, седьмая десантная. Довольная усмешка с-за спины: "Жив, курилка". Ирина проигнорировала. В приложении — видеофайл. Один. Дрожащий, мерцающий видеоряд — запись с камер десантного шлема. Безумный танец. Испуганные лица, кресты на руках. "Капеллан должен узнать..." Оборвавшая фразу яркая вспышка — лазерный луч. Блондинка в броне, без звука заваливающаяся на бок.

"Ольга...Суки, вашу мать", — яростный, дикий мат из за спины. В игнор. По экрану змеей — зеленая молния. Нейроплеть. Плосколицые, яростные дикари с перечеркнутой молнией на лицах. Взлетающий алой рыбкой десантный нож. Из динамиков — хриплый шепот: "Все будет хорошо, сестра". И потом:

"Пегги, у нас проблемы".

— Holy shit, — беззвучно выдохнула десантница из за спины. Ирка трянула головой и от души согласилась.

Глава 10

Пегги немного, но путала. Наверху не кричали, не шумели и не брызгали ругательствами. Наверху вообще никогда не кричат, власть — она тогда власть, когда умеет говорить тихо. Вежливо и достойно, под стать помещению. Неприметной комнате в верхних покоях высокой башни губернаторского дворца. Скромно обставленной, с облицованным тёмными панелями стенами, литыми пепельницами и продавленными диванами по углам. С одним высоким, раскрытым настежь окном. За ним, спиралью — прихотливая россыпь жёлтых, зелёных и алых огней. Город Хайситт-хилл, планетарная столица. Внизу. А вверху — ничего. Сегодня тучи закрыли городу сияние звёзд, оставив людям лишь жёлтый огонёк в окне. Или, просто — наверху, как шептались промеж себя горожане на нижних улицах.

"Лучше бы они там чем полезным занялись. А еще лучше — выпались, господа хорошие. Но нет, куда им, спать их превосходительством некогда. Надо что-нибудь нарешать для нашего блага. Еще что-нибудь и все на нашу голову", — шептал мастер Джон Смит, недобро косясь на желтый огонек высокой башни. Одним глазом — вверх, на желтое окно, другим — оглядывая свою недавно разгромленную патрулем мастерскую в предместье. Обыкновенный куб мерцающего таркианского пластика, десять на десять метров, с высоким потолком, резной деревянной дверью и окнами, завешанными пальмовым листом. Листья сорваны — теперь. На полу грязь, и следы солдатских сапог. Следы патруля. Перевернутый в спешке длинный верстак, взломанные ящики, россыпь медных блестящих гильз на полу. Десять почти готовых винтовок, ящик патронов — все псу под хвост. Безакцизное, конечно, но дураков в городе нет. Крестовые платят за точный механизм и убойный калибр, за фабричное барахло могут и убить. Опасно, да и не по людски — им потом с этими винтовками против драконов ходить. Да и платят плосколицые, украшенные татуировками воины честно. Всегда, в отличие от губернаторских шавок.

«Ладно, — подумал мастер, на всякий случай посылая еще пару-тройку отборных ругательств жёлтому огоньку в вышине, — бог с ними. Комманданте Яго придет из джунглей только через неделю, заготовки стволов по прежнему лежат в тайнике, механизмы — тоже, ложа и отделка — пара пустяков. Должен успеть».

Мастер нагнулся, поставил на место верстак. Приподнял крышку тайника — тихо, чтобы дочь не проснулась. Укололо сердце — вспомнил, что завтра собирался сходить в зоопарк. И дочку взять, юной Дженни полезно отвлечься. Теперь некогда, а жаль.

Запел, включаясь, станок. Хлопнула дверь за спиной. Тихий, взволнованный голос:

— Надень очки, папа.

— Хорошо, доча, — ответил мастер, не оборачиваясь. Сдвинул со лба на нос круглые толстые очки. Поморщился — света было мало, работать неудобно. А без очков можно глаза повредить, тут дочь права, что волнуется. Досверлил деталь, выключил станок и только потом обернулся:

— Хорошо. Шла бы ты спать.

Чертов патруль до чего же невовремя. Жаль. С "Венусом" должна была прилететь настоящая европейская овчарка.

В руках у Дженни сердито хлопнула дверь тайника. Жалобно пропела задвижка. И тут же — тяжелый, обиженный вздох. Десять почти готовых стволов, десять механизмов. Девять

гладких деревянных лож. И десятое с тонкой черной резьбой. Резала ночами, при свете луны. Он делал вид, что не видит.

— Извини. Губернаторские шавки изъяли все... А команданте Яго обещал прийти через неделю.

— Яго... А..., - начала Дженни и тут же замялась. По щекам пробежал румянец. Тягучей волной, как краска с перевернутой банки.

Плосколицый команданте приедет из лесов через неделю. И юный Уг-Квара с ним, если жив. В прошлый раз они с Дженни так трогательно шептались в углу, думая, что старый мастер не слышит. И опускали глаза... А мастер краем уха слышал обещание принести голову дракона.

«Пожалуй, не стоит отшивать парня сразу, — подумал мастер, вновь запуская станок, — даже если и впрямь дракона принесет. Голову. На кой она мне, она ж здоровая, не влезет никуда. Разве на стену повесить, а самому во дворе ночевать... Коммандо, воины христовы их мать. Раскрашенные до глаз дикари. Но с ними сейчас Дженни будет спокойней, чем в городе. Дожил на старости лет». - ворчал угрюмо старик, глядя сквозь стекла очков на плеск искр по сизой стали.

И послал еще пару ругательств от души. Вверх, в небо, прямо в жёлтое окно губернаторского дворца. Но оно было высоко, Слишком высоко, чтобы их там расслышали. А обитателям комнаты в высоком замке, комнаты с высоким потолком, диванами, литыми пепельницами и стенами морёного дуба было плевать на старого мастера, его дочь и юного воина Уг-Квара, недавно заслужившего свои первые кресты на лбу и висках во славу святого Якова — убийцы чудовищ. У обитателей комнаты наверху были совсем другие заботы.

— Право же, господин капеллан, вы сверлите меня глазами так, что я начинаю сомневаться крепости вашего сана.

Этот вопрос сопровождался кивком головы — таким что кудряшки, обрамляющие лицо слегка задрожали. Мелкие светлые кудряшки, лежащие в идеальном беспорядке на идеальном лице. Подмигнули, переливаясь у дамы в ушах, брильянты, сверкнули глаза из под век — одно в цвет другого. Идеально, как впрочем и все в доме госпожи Нормы, губернатора планеты Счастье.

«Интересно, это у нее глаза в цвет камней или наоборот?» — раздраженно подумал господин комиссионер, давно наблюдающий эту перепалку с дивана в противоположном углу.

Капеллан же пожал плечами, смерил госпожу Норму глазами, словно принимая вызов и ответил:

— Ну, если бы бог не хотел, чтобы на женщин смотрели, он бы их сотворил уродливыми. Или вообще — идеальной геометрической фигурой. Круг там или квадрат. Идеально, но — просто и скучно, мадам, — его голос звучал мягко, как предписано саном, раздражение прорвалось лишь в строении фраз, рубленных больше, чем предписано протоколом.

— Право же, это было бы лучше, — откликнулся четвертый участник разговора, представленный здесь голограммой — дрожащим и переливающимся изображением человека во флотском мундире. Капитан "Венуса". Устав запрещал ему покидать борт одновременно с властью гражданской.

— Это было бы лучше, — повторил он. Изображение дернулось и пошло рябью, скрыв

гнев на лице — слишком молодом и тонком для парадного мундира.

Капеллан сердито дернул бородой. Опять. Слишком невежливо для этой залы.

— Поверьте мне, нет. Свинья найдет грязь, воздух — щель, а сатана — лазейку в неподготовленные души. Количество поножовщин на нижних палубах от этого не уменьшится, а у нас... не будет повода восславить господу лишний раз

— Только ли господу? — мадам Норма ответила, с лукавой улыбкой. Как бы случайно поправила стоячий воротник. Колыхнулась грудь в разрезе черной блузы a-la military. Идеальная, как, впрочем, и все у неё.

— Если у меня возникнет желание восславить кого другого, я сообщу... — ответил капеллан... — но не думаю. Наши, флотские, с грузового трюма на исповедях куда более откровенны, чем вам позволяют приличия, мадам. Я привык. Пожалейте лучше комиссионера. Господин бюрократ нашу пикировку уже оценил, пересчитал время в деньги, провел по графе "убыток" и теперь оплакивает.

— Примерно тысяча пятьсот тридцать два лака, в федеральной валюте. Пятьсот тридцать пять, с учетом пустого, но неизбежного спора. Время нынче дорого, господу, заканчивайте, — откликнулся с места господин комиссионер. Тихо, под аккомпанемент шуршащей на сгибах бумаги, — итак...

Мадам губернатор поморщилась и прервала его:

— Итак, я хочу спросить Вас, господу. Что с пиратами, которых вы торжественно обещали мне изловить?

— Комплекс мероприятий... — начал было капитан. Госпожа губернатор недовольно тряхнула головой — так что дрогнули, разметавшись по висками мелкие кудри.

— Про комплекс мероприятий я слышу уже не в первый раз. А корабли пропадают. Вот как раз — пропавший транспорт, официальная жалоба. От господина Жана Клода Дювалье, коммерсанта. Груз принадлежал ему. И, знаете что, господу. Спустя сутки после пропажи на господина Дювалье вышли моряки с вашей же, федеральной, базы. И предложили купить у них его груз.

— Невозможно, — изображение капитана дернулось и пошло рябью. Опять.

— Тот же самый груз? — деловито уточнил комиссионер.

— Тот же самый, или аналогичный по качеству... Навевает подозрения господу?

— Подробнее, пожалуйста, — капитан уже с трудом сдерживался, рябь и мерцание этого скрыть не могло.

— К вашим услугам. Вот акт о пропаже транспорта, вот письмо с базы ваших отпускников на юг отсюда. Подписано — мадаме губернатор на миг замерла, читая с экрана чужие имена, — Некто Ирина Строгова и Эрвин Штакельберг. Волонтеры флота, судя по документам.

— Разберемся. В любом случае, это наше ведомство. И, для нас, дело чести теперь... поверьте, мадам Норма... — начал было капитан. Мадам Норма прервала его коротким, изящным жестом.

— Уж разберитесь пожалуйста капитан. А то мне начинает казаться, что я верю вам, господу, слишком много.

С этими словами она встала. На миг замерла, отправила на талии изящную блузку. Словно подразнила всех напоследок. И покинула зал. Голограмма капитана мигнула и исчезла тоже.

— Полетел разбираться и вершить суд. Даже не спросил, что за груз. Эх, люди, —

пробормотал, тряхнув бородой, капеллан. Не сердито, скорее печально. И добавил:

— Хотя сам же на днях возмущался здешними порядками. И, на словах, был прав. Груз, тоже мне. Богомерзость.

— Господин капеллан. Отец Игнатий. Мы здесь одни, но я все-таки попрошу вас воздержаться от критики действий компании. Решение принято и одобрено. Не мной, но это ничего не меняет. Экономическая эффективность....

И замер на миг, глядя, как дрожит и бьется у капеллана на враз взмокшем лбу синеватая жила. На миг, потом вспышка прошла, лицо отца Игнатия разгладилось.

— Вы правы, — проговорил он. Медленно и чуть печально, — там где есть экономическая эффективность слова бесполезны. Они вообще, мало где полезны — слова. Странная мысль для человека моей профессии и сана.

— Не будем об этом. Лучше скажите, зачем вы дразните мадам Норму? Ваши перепалки начали утомлять.

— Да просто интересный человек. Вы в курсе — в ее честь назвали планету?

— Да, необитаемый мир в системе Гидры. Сверкающие на солнце поля, алмазные россыпи. Не мир — бриллиант, под цвет глаз нашей madame.

— Сверкающий, бриллиантовый мир... точнее, ледяной, отполированный ветром до блеска. Скованный холодом. Весь, до самого сердца. Не могу понять, за что ее так оскорбили...

— Не знаю. Но человек, так назвавший планету — умер. Пищевое отравление. Осторожнее, господин капеллан.

Тот не ответил, отвернулся задумчиво глядя в окно — панорамное, широкое окно с видом на город. Сейчас, ночью — мерцающая огненно-рыжая спираль с вкраплениями зеленых огоньков светофоров и алых — вывесок. Как в рамке — в трепещущей белой полосе. Прибой. По стеклу — тонкая черная полоса. Трещина, еле видная глазу. Отец Игнатий усмехнулся — слегка.

"Не все так идеально у госпожи в высоком доме"

За спиной — шорох бумаги и стук шагов. Вежливое "до свидания". Господин комиссионер собрался и ушел, не дожидаясь ответа. Капеллан еще подождал, глядя в окно, потом глянул на наручный коммуникатор — дорогой золотой браслет на запястье умел не только подчеркивать статус власти духовной, выбеживая вокруг всех подряд, Он еще считывал разговоры окружающих. Вот и сейчас — эфир едва ли не трещит от потока инструкций. Сверху, с орбиты. Капитан развил бурную деятельность. И еще звонок. От madame Нормы, неизвестно кому. Длинный. Интересные дела. Капеллан подумал, помолчал еще немного, смотря в окно — будто хотел прочесть что-то в прихотливом узоре ночных огней. Почти прямо под ногами вертелась карусель рыжих и алых веселых огоньков. Площадь Свободы. И тут же, рядом — черный гранитный крест. Темный гранит, мрачный сейчас, словно политый чернилами. Городские огни затухали, жались подалеже от резной громады. Собор Санта-Ромеро, дар городу от католической миссии. Где-то внутри горит огонек. А дальше — предместья, желтые окна, зеленые и алые вывески. Рядами, как строчки на бумажном листе. Книга судьбы.

"И впрямь, как книга, — подумал он вдруг, — книга жизни, где каждый огонек — знак. Буква, слог или запятая... А вот — точка, один из огоньков внизу мигнул и погас. Интересно, в какую книгу складываются эти огоньки? Впрочем, дурацкий вопрос. Бог пишет здесь то, что захочет".

Встряхнул головой, поправил браслет на руке и сделал короткий звонок — генералу Музыченко, комбригу-семь. Развернулся и ушел, бормоча под нос вечернюю молитву.

За его спиной мигнул огонек — в доме внизу мастер Смит погасил свет, решив, что на сегодня достаточно. Капеллан не видел — он шел прочь, прокручивая в голове сегодняшние разговоры. Те самые, что, пройдя через десяток языков и ушей, прыгнув несколько раз с поверхности на орбиту и обратно пришли, превратившись в глухой удар в стену Эрвиновой комнаты. Тревожный глухой удар, скрип половиц и озабоченный голос майора Робертс:

Парень, вставай. Быстро. Собирай всех, грузи в БТР и газу. Все равно, куда. Валить тебе отсюда надо...

Глава 11

— Собирайся, парень, баб — за шкурку, седлай беху и вали, — примерно такой фразой разбудила Эрвина рано поутру встревоженная Пегги Робертс. Голос у нее был суровый, командный донельзя, но даже сквозь профессионально — рычащий тон чувствовалась озабоченность.

— Куда валить? Отстань, мне и здесь хорошо, — Эрвин спросонья не разобрался, переспросил. Потом встал, огляделся. Алое рассветное солнце укололо глаза. Теплый ветер, шелест листвы за окном. Мирный такой, убаюкивающий. Все было, на вид, в порядке. Все, кроме сорванной с петель двери.

— Как валить? Зачем? — переспросил он, собирая в кучу ленивые, спросонок, мысли.

— Проверка, парень, у нас. Внезапная. Генерал Музыкаченко, наш комбриг-семь, лично, с оркестром. То есть со штабными и свитой. И поверь, парень — тебе с ними лучше не встречаться. В верхах драка, шум и гевалт — навроде того, что Лизка с грузового устроила, когда ДаКосту на бабе поймала. Только громче и не матом. Пока. Транспорт на орбите пропал. И какая-то сволочь на тебя накапала.

— А я здесь причём? — огрызнулся Эрвин, приходя в себя, — где я а где орбита...

— При том. Ты лучше глянь, что за транспорт, — с этими словами под нос Эрвину бесцеремонно сунули планшет.

Эрвин глянул. Ту же самую запись, что вечером Пегги смотрела вместе с Ириной. Танец лазерных вспышек, бледные лица, кресты на руках. "Все будет хорошо, сестра". Змеящаяся по полу зелёная молния — нейроплеть. Эрвина передёрнуло: "Богомерзость".

— Смекаешь, теперь? — гнула своё Пегги. Эрвин смекнул. Базу обыщут, Мию с Лианной найдут — и доказывай трибуналу, что ты на орбите не был, транспорт не воровал и вообще — не верблюды. И даже если докажешь — запись с переводчика есть — выкрутишься только ты. Один. Не дело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

"Черт их всех возьми", — прошептал парень, вгоняя ноги в тяжёлые флотские сапоги. Накинул форменку, огладил ладонью ёжик волос. Глухо щёлкнул складной нож, ныряя в карман. Эрвин кивнул:

— Готово.

— Ну и лады. Все не так плохо, а то бы проверка была бы действительно внезапная, а не как сейчас. Генеральский транспорт сядет через три часа, время есть. Давай, парень, строй свой гарем в колонну по четыре, объясняй задачу, грузи в бэтээр. А я пока тебе на карте погадаю, маршрут подберу.

— По четыре не получится, их трое всего, — ответил парень, выходя. Пегги подождала некоторое время, услышала из коридора шум, приветствия и сбивчивые объяснения. Потом Иринуно непререкаемое: "Я с тобой. А то опять чего наворотишь" и улыбнулась. Широко, во все подаренные флотом стальные зубы.

Они едва не застряли на берегу. Подъем, сборы, проверка бэхи, погрузка. Патроны для пулемёта, скользкие, тяжёлые капсулы с топливом, брезент, накидки, ящик сухпая. Даже два, Ирина настояла. И его пришлось искать, долго и мучительно перерывая контейнеры с флотским имуществом. Нашли наконец, с помощью подошедшего на шум Пабло ДаКосты.

Услышав, в чем дело матрос потёр затылок, опасливо скоился на небо — "Венус" как раз пролетал над головой, кометой, в серебристой короне отработанных газов. Лианна забралась внутрь. Пабло сказал, что едет с ними. Эрвин решил, что ему голову напекло. Но кивнул — джунгли большие, ещё один ствол будет не лишним. Загрузились. Эрвин уселся последним, оглядел экипаж — Мия сзади — бледная, но держится молодцом. Ещё и Лианну утешает, хоть и сама нет-нет да и скоит на небо испуганные кошачьи глаза.

ДаКоста присел к ним рядом, попытался пошутить, оскалив в улыбке жёлтые зубы. Его не поняли, матрос махнул рукой. И мелкая Маар — этой все трын-трава, сидит, крутя головой во все стороны. Ирина при виде её всплеснула руками, бросилась обратно, в дом, сказав свое строгое: "Я на минуту".

Солнце ползло выше и выше по небу, меняя цвет на ходу — с рассветного алого, на полуденный жёлтый. Струйка пота скользнула по виску. Эрвин обругал сам себя идиотом, посмотрел на часы — время есть, метнулся в дом сам. Нашёл оружейку, вынес дверь сапогом, сгреб с полок в мешок комплекты летней полевой формы десанта — оливковые, короткие рубашки с карманами, штаны, лёгкие ботинки, разгрузки. И кепки на голову — за ними он и шёл. Солнце здесь злое, голову надо беречь. И ноги — побьются сапоги на местных дорогах. Заодно щёлкнул замками оружейных ящиков. Вороненые ребристые кожухи, широкие дула. "Мир" и "добро" — короткоствольный флотский шотган и десантный скотчер. Машины надёжные, мощные, но, увы, для ближней дистанции. Сгреб два «мира» — себе и ДаКосте, одно «Добро» — Ирине, пускай несет. Подумал, прихватил еще парочку. Дал себе зарок — добыть при случае местную винтовку, повесил мешок на спину и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вовремя — шустрая Маар без него заскучала, нашла на дне бэхи ящик гранат и как раз спрашивала "Дядю Пабло": зачем там колечко?

Дядя Пабло как раз объяснял — не трогай мол. Переводчик он потерял, объяснял на пальцах, махая руками навроде мельницы и повторяя "Буум" через раз страшным голосом. Эрвин улыбнулся. Предохранитель там для детских пальцев все равно слишком тугой. Наверное.

А там и Ирина вернулась с толстой стопкой бумаги в руке. Маар разом забыла все, радостно взвизгнула и вцепилась в листы, разглядывая красивые картинки. ДаКоста ещё раз охнул и на полном серьезе шепнул малышке: "беги". Эрвин пригляделся — меж картинок крупные буквы.

Азбука для малышей. Усмехнулся под нос, посмотрел на часы: до внезапной проверки осталось час и семь минут. Время есть.

И тут коммуникатор на руке щёлкнул, захрипел и сказал голосом Пегги:

— Парень, ты ещё здесь? Давай на пляж, быстрее, у нас проблемы...

«Что за черт, — успел подумать Эрвин, с хрустом включая первую передачу, — проверка оказалась внезапней, чем Пегги думала?»

С хрустом воткнул передачу, огляделся. Небо чистое, вокруг тишина. Была, пока бэха не взревела мотором. Всю дорогу до пляжа Эрвин ловил ушами шум — но нет, не гудели в небе винты, не выли сирены, никто не кричал и не приказывал беглецам остановиться. Генерал не прилетел. Но с моря к острову шли туземные лодки.

Их было три — деревянных, низких, двухкорпусных, под треугольными парусами. И — странным, режущим глаз сочетанием — пассажирский экраноплан чуть выше и позади. Легкий, гражданский, зализанный, сверкающий хромом на углах корпуса. Его, правда, Пегги сразу завернула, обложив трехэтажным матом в прямом эфире. С борта пытались спорить,

но после непререкаемого «Собью нафиг, то курца» отвернули назад.

— То то... — удовлетворенно кивнула Пегги, провожая взглядом прячущийся в облаках аппарат.

— У нас есть, чем сбивать?

— Репутация, малыш...

Заскрипел песок. Туземная лодка ударилась носом в грунт, пропахав в гальке борозду и застыла, уставив в небо форштевень, украшенный птичьей фигурой Резные крылья, пустые глаза. За спиной ойкнула Мия. Ойкнула, замерла, сжалась испуганно. На берег выпрыгнул тот самый вождь в накидке перламутровых перьев. Стек в руке. Знакомый Эрвину белый стек с головой дракона. Тот самый вождь из деревни. Почему — то заболела рука на руле. До дрожи в костяшках пальцев.

— Добро пожаловать, — окликнула вождя Пегги на туземном языке. Вежливо, так, что Эрвин аж удивился в голос:

— Пегги, ты чего?

— Приказ. Уважаю культурные особенности туземного населения, — шепотом ответила Пегги и добавила, — курца их мать.

А вождь степенно дождался, когда Пегги приблизиться, поднял руки и начал говорить. Это было... В прошлый раз незнание языка спасло Эрвина, но сейчас — вся сила варварского, велеречивого красноречия ударила по ушам со всей силы. Чужие слова звенели, вынося мысли из головы. Звенели, бились согласными, журчали, выстраивались в такт. Четко в мертвенном, уносящем волю ритме. Жесты помогали — гипнотизировали, гнали, укладывали слова, как волки — отару. Короткие, скупые, но выверенные взмахи руки. Даже Пегги невольно отступила на шаг. Эрвин потряс головой — он-то всю подноготную знал, но и ему сейчас на миг показалось, что злые пришельцы со звезд коварно напали на мирную деревню и украли бедных, ничего не подозревающих девушек. То есть Мию с Лианной и малышкой Маар. Бедной маленькой Маар, ее мама плачет и просит вернуть дочь обратно...

Плачущую пожилую женщину предъявили тут же. Хорошо плачущую, натурально... Всхлипы — в такт словам, театральным аккомпаниментом. Эрвин моргнул еще раз, обернулся:

— Это и вправду ваша мать? — спросил он Мию.

Все три девчонки прятались за его спиной. Бледные. По лицам видно — не нравилось им такое красноречие. Маар помотала головой. Лианна спрятала лицо. Мия ответила — бледная вся, руки вскинуты вверх, в невольном защитном жесте.

— Нет. Это из нашей деревни женщина, просто... ее сын умер год назад и она до сих пор должна вождю за похороны. Эрвин, не верь ему...

— Не собираюсь. Все будет хорошо, — улыбнулся он ей. Стало и впрямь как-то легко — сразу. Ткнулся в ноги белый песок, словно прощуршал "давай". «

Хромированный экраноплан спустился из-за облаков, подкрался ближе. Завис. Под днищем — яркая точка, кроваво-красный солнечный блик.

"Спектакль на видео пишут. Оптику прикрывать надо, вон как сверкает на солнце. Раскрылись, черти, — подумал он с пьянящим, кружащей голову весельем, — смотрите? Ну смотрите, счаз будет, на что посмотреть"

И прошел мимо замершей Пегги к вождю — расслабленной, вихляющейся походкой. Медленно. Вождь замер. Невольно дернул рукой — за плечо к оружию Чувствовал угрозу, собака, но статус и блики камеры за спиной не позволяли отступить. Эрвин на ходу развел

руки — смотри, мол, я чист. Сдвинул шляпу на лоб. И заговорил, на родном языке, подражая раскатистому диалекту лиговского заречья:

— Слышь, нарядный, закурить есть? А если найду?

Вождь сморгнул еще раз. Этого хватило — Эрвину, рывком сократить расстояние. И ударить — с маха, слева в челюсть, потом справа. Хорошая челюсть у того — бить удобно. Вождь рухнул. С места, кулем. "Освящение кулака..." — вспомнилось вдруг. Кажется, капеллан Игнатий так говорил, разнимая пьяную драку. Эрвин подумал было — не стоит ли еще и сапог за компанию освятить, да Пегги оборвала, крикнула: "хватит"

— Культурные особенности диких племен федерального космофлота, — выдохнул Эрвин, сбрасывая напряжение, — курс лекций для всех желающих. Ведет профессор Штакельберг. Вход свободный".

Последнее — уже громче и четче, надеясь что на болтающемся в небе экраноплане пишут не только видео, но и звук. Пусть пишут, оно полезно. Культуру изучать...

Пегги подобрала бесчувственного вождя с земли, встряхнула, бросила пару слов. Прочие убрались в лодки. Быстро так. Словно не своего вождя на берегу оставили. Впрочем, знакомых Эрвину суровых ребят с винтовками и не было совсем. Так, мелкотня, вождь решил не выходить из образа миролюбивого туземца. Пегги проводила взглядом лодку со звериной головой и бросила пару слов в коммуникатор:

— Ирина, будь добра. Оформи арест голубчика.

— Уже, — Ирина ответила без промедления. Видимо успела поговорить с Мией по душам, понять, что в деревне к чему и проникнуться.

— А статья?

— Нарушение правил торговли.

Пегги засмеялась. Злой, каркающий звук:

— То есть наш хмырь торговал рабами без кассового аппарата. Лихо. Сойдет на пару часов, потом все равно генерал его выпустит. А вообще — умно придумали, собаки. Не знаю — кто, но умно. Как раз к прилету генерала вождя сюда подогнали. Эта ария для генеральских ушей была, тут волей — неволей, а реагировать пришлось бы. Устав, подписка, все дела... Перерыл бы всю базу. И хмыри с камерами с экраноплана шли бы по пятам, чтобы искалось лучше. Только время напутали, это нам повезло, — Пегги рассмеялась опять. Чёрным, злым смехом, похожим на клекот орла.

— Чуть не попали.

— И еще не поздно попасть, — кивнул Эрвин, прикидывая перспективы. Скосил глаза на часы — двадцать минут. И экраноплан болтается в небе, не улетаёт, светит камерой. Явно не просто так.

— Прорвемся, малыш.

На Пеггиной броне щелкнул, закашлял невидимый датчик. Аккуратно, будто точку поставил.

Заныли зубы. Внезапно и все. Противной, режущей болью. Потом пришел гул — низкий, басовый, на грани слышимости. Ниоткуда, звук словно рождался под черепом, вырываясь наружу биением крови и звоном в ушах. Все прочее затихло — вдруг, даже ветер испуганно замер. Эрвин повернулся — и увидел как змеятся, искрят на пальцах Пегги мерцающие холодные огоньки. На Пеггиных пальцах, антенне бэтеэра, мачтах туземных лодок. И на коротких крыльях, стабилизаторах и остром носу экраноплана. Вспыхнули, пробежали по корпусу змейкой, сжались в кокон неживого лилового пламени.

Экраноплан в небе совался с места, заложил крутую дугу и скрылся в облаках. Пулей. Вспыхнули и погасли брошенные огоньки.

— Что это было? — выдохнул Эрвин, дивясь собственному голосу.

— Боже, храни разгильдяев... То есть большой ходовой радар Венуса. Включился, понимаешь, случайно. Совершенно случайно, ошибка оператора. Как все закончится — поставишь парню поллитра.

Эрвин невольно присвистнул:

— Дела. Ходовой — то радар на Венусе с артиллерийским совмещен — парням с экраноплана явно почудилось, что в них "Свет разума" летит. Или чего похлеще...

— Вот и драпанули тебе. Хоть и глупо. На будущее, малыш:

Пегги замерла на миг, сплюнула на песок. Продолжила:

— От "света разума" бегать глупо. Умрешь уставшим. Это тебе на будущее наука, малыш. А пока путь чист. Карты я тебе на планшет скинула, контакты тоже. Не теряй время, вали отсюда.

— Куда?

— Сан-Торрес Ультрастелла. Городишко к северу отсюда. Четыре дня пути по джунглям. Церковная территория, светской власти туда хода нет. Доберешься — тряхни местных, пусть дадут рацию и связь с капелланом. Он — их прямое начальство, должен быть чистый прямой канал. Отцу Игнатию расскажешь все, как есть. Ну и привет от меня заодно. Дальше без нас разберутся. Вали давай... по святым местам.

Что Эрвин и сделал. Быстро, благо долетевший до его ушей гул винтов изрядно добавил прыти. Тихий, пока что, гул. Генерал Музыкаченко отличался пунктуальностью — всегда, даже на внезапных проверках.

"По святым местам, — думал Эрвин, держа на курсе рвущуюся вперед бэху, — интересно, на что похож этот Сан-Торрес.."

Морской змей Чарли грустно мотнул им вслед головой. Словно пожелал напоследок удачи.

Глава 12

Для Ирины Строговой, впервые выбравшейся на материк за пределами базы, мир вокруг стальных бортов казался чудным, страшным и новым. Дельта реки, зеленые, заросшие густым мхом деревья — незнакомые, с десятком крючковатых, гнутых аркой стволов, срастающихся над головой в крышу. Алые цветы, тонкие листья, пряные запахи — густые, пьянящие до гула в ушах. Пятна мха и вода под днищем — тоже густая, зеленая. Незнакомо, пугающе дико — даже для нее, уроженки Семицветья. Густая тина за бортом колыхалась, облепляла стальные бока машины, ползла по волнорезу, будто пыталась утянуть пришельцев на дно.

— Зря мы сюда залезли, — шептал матрос ДаКоста, опасливо косясь с кормы на густую мутную воду. Слова вязли в воздухе, дрожали, замирая на языке.

Над головой — стрекот и чуть слышный металлический гул. Все на БТРе невольно затихли, пригнули головы — девчонки отчетливо, Эрвин с ДаКостой — невзначай.

— Нет, не зря, — коротко бросил Эрвин с места стрелка. Сбил шляпу на лоб, задрал голову к небу, прислушался. По звуку — экраноплан. Знакомый острокрылый экраноплан, пасший их от самого острова.

— Нас, небось, ищет.

Стрекот сделался отчетливей, громче — невидимый за зеленой стеной аппарат явно приближался. Колыхнулись, дрогнули листья над головой. ДаКоста лязгнул затвором.

— Тише, — шепнул ему Эрвин. Протяжно скрипнув, провернулась турель.

— Миа, налево и глуши мотор.

Миа кивнула. Мотор чихнул и затих. Бэха, на инерции всплыла в тень, раздвигая носом огромные шипастые диски плывущих по тихой глади кувшинок.

Воцарилась тишина — мертвая, дикая городскому уху тишина, раздираемая каплей воды от винтов, да мерным речитативом с губ сжавшейся за рулем туземки. Ирина прислушалась — благодарственный гимн. Мотору бэхи, что не заглох на страшной воде, пощадил бедную Мию...

— Дикость какая, — подумала Ирина, вздрогнув, — какого черта Эрвин вообще посадил эту раскрашенную за руль...

Но тут Эрвин решил, не спросив ее совета, а устраивать скандал посреди этой влажной, густой и зеленой тишины было глупо и страшно. Лес молчал, молчало скрытое глухой стеной переплетенных веток небо. Стрекот над головой усилился, потом ушел в сторону, стал глуше, и тоже затих. Ветви над головой замерли в тягучем как патока воздухе — будто и не качались никогда.

— Все хорошо, — шепнул Эрвин. Ирина услышала вдруг стук и биение в висках. Она замерла, с удивлением узнав звук собственного сердца.

— Что-то не так, — шевельнулась вспугнутая биением крови в висках мысль. Внезапно, она поняла — что. Лесные птицы и насекомые — и те затихли. Маленькие, пестрые ясноглазые птицы, встречавшие бэху любопытным гамом с ветвей, когда они въезжали под эти своды.

Затихли вдруг, будто их...

Колыхнулась, пошла кругом вода за кормой...

... что-то спугнуло...

Еще круг на воде — сильнее и ближе. Качнулась кувшинка, на мутной глади вздулся и лопнул пузырь. И еще один. Ближе...

— Эрвин, сзади, — крикнула Ирина, дернув его за рукав. Со скрипом провернулась турель. Зеленая пелена за кормой взорвалась, лопнула, обдав людям брызгами лица. Бэха качнулась, в уши ударил оглушительный лязг — противный скрежет хитина по стали. Соскользнуло с борта кривое, зазубренное лезвие-жвало. Ирина сморгнула раз, потом другой, глядя на широкую тушу, всплывающую прямо на них. Огромную, облепленную зеленой тиной водную тварь — безумную смесь рака и сковородки с плоской, разбитой на три части мордой.

— Санта Муэрте, — прошептал с кормы остолбеневший ДаКоста. Опять дикий лязг — клешня схватила бэху за борт, дернула. Плеснула, взлетев выше борта вода. Завизжала Лианна — истово, сжавшись за спиной ДаКосты в комок. ДаКоста встряхнулся от этого крика, перехватил шотган, выстрелил — раз, другой, крича во весь голос испанские молитвы с матом пополам. Пуля чиркнула по хитину, выбила искры, клешня отдернулась, зависла в воздухе на миг.

— Головы ниже, — рявкнул Эрвин с места стрелка. Страшным, хриплым от ярости голосом. В тон ему, хрипло взревел пулемет. Длинной, патронов на двадцать очередью, Столбом огня над головами людей. Мелодичным звоном по полу — россыпь желтых расстрелянных гильз. Ирка невольно ойкнула — одна отлетела, попала ей по руке. Дымящаяся от сгоревшего пороха латунная гильза. Упала в воду перебитая клешня. Тварь, получив в морду десяток бронебойных зарядов, дернулась, отплывая назад. Ирина обернулась — вода шла кругами, пузырилась вокруг, качались, черпая муть зеленые диски кувшинок...

— Миа, заводи. Ходу отсюда, — рявкнул Эрвин еще раз. Миа собралась за рулем, потянулась к приборам, опять заведя свой дикий напев — в три ноты, тоскливо.

— Нашла время, — дернувшись, подумала Ирина, оторопела глядя, как пузырится, вспухает за бортом вода. Плоскомордые твари стягивались к замершей бехе,

— С таким водилой нам точно конец. Чертова дикарка всех нас угробит.

Мотор чихнул. Раз, другой. Ирина подкрутила слегка переводчик в ухе. Теперь он разбирает слова Мии за рулем. "Ключ до щелчка, выждать, помолится, дожать..." Порядок запуска... Дикарский мозг Мии за каким-то чертом срифмовал полевою инструкцию в торжественный гимн. Над ухом опять взревел пулемет. Плеснула вода. Мотор ожил, завыл, выдав пенный поток в морду речной твари. Миа запела опять — Ирина с изумлением услышала в ее песне слова благодарности. Железной, немой машине...

— Ходу отсюда, — прорычал сверху Эрвин, со скрипом разворачивая турель.

Миа выжала газ. Движок взревел, так, что заложило уши. Без толку — бэха лишь качнулась на кипящей воде.

— Передача, — зарычал Эрвин сверху, на миг перекричав рев движка. В руках Мии лязгнул рычаг. Раз, другой. Речная тварь всплыла, уставив Ирине в глаза мутные, багровые зенки. Рев пулемета над головой, новая очередь — низко, взъерошив и почти опалив Ире волосы. Новый лязг, скрежет шестерен, такой, что машина под ними качнулась. Рычаг передач в руках Мии никак не хотел вставать на место. Ирина потянулась через сиденье к ней, положив руки на рукоять поверх Мииной тонкой ладони. Предплечье дернуло болью — потянула сухожилие, толкая упрямый рычаг под неудобным углом. Из уст Мии — тихий, горячечный шепот. Молитва. Рычаг в их руках наконец поддался, встал на место под лязг и

хруст шестерней. Глухо взревел движок, машина прыгнула, подмяв речную тварь клепаным корпусом. Проскрежетала по хитину, дернулась, рванула вперед, заскользила по водной глади. Легко. Миа вывернула руль. За кормой — глухой взрыв. Ирина вздрогнула, невольно обернулась — и увидела вздыбленный столб воды, изломанную, перевернутую кверху брюхом тварь и мелкую Маар на корме. Та улыбнулась вдруг, с видом, самым невинным из всех возможных.

— Буум, дядя Пабло, — сказала мелкая чертовка, сверкнув белыми зубами в улыбке. И руки развела, подражая ДаКосте утром...

"Предохранитель слишком тугой для детских пальцев. Ой, дурак я...", — услышала Ирина шепот Эрвина над ухом. Подняла глаза — тот сидел в своем кресле прямо, улыбался сведенными губами, лишь по виску, сквозь копоть и гарь, упрямо скользила вниз белая струйка пота.

— Все хорошо, — шепнула она ему. Эрвин кивнул. С ветки над ее головой согласно запела мелкая пестрая птица. Ирина зачем-то кинула крошку, пичуга, цивикнув, поймала ее на лету. Подул ветер, пелена ветвей и лиан перед глазами разорвалась, ушла в стороны. Заскрипел песок, чавкнула под колесами жирная белая глина.

Бэха, урча мотором и болтаясь корпусом туда-сюда под неловкими еще движениями Мии за рулем, выбралась на отлогий, заросший деревьями берег.

— Куда теперь? — осторожно шепнула Эрвину Ирина

— Не знаю, — в тон ей, тихо ответил он, — найдем безопасное место, остановимся, подумаем. Карты у нас есть. А пока... — тут он наклонился к ее уху — низко, насколько позволяло сидение...

— Помоги Мии, пожалуйста. Видишь, меня на все не хватает...

"Какого черта ты вообще посадил ее за руль?" — хотела было огрызнуться Ирина, но раздумала. В конце концов, Эрвина и впрямь на все не хватит. А Миа видит машину всего второй раз, Ирина в свое время тоже всю путала педали. Еще как, отец еле улыбку скрывал. Правда, это было дома, на Семицветье. Давным-давно. Для второго дня за рулем — Миа справлялась неплохо.

— Хотя сцепление лучше все-таки вовремя нажимать, — не удержалась, шепнула она Мие. Поймала ее недоуменный взгляд и пояснила, — крайняя слева педаль. А то коробку убьем, на ходу переключать передачи...

Миа виновато кивнула головой и извинилась. Перед ревушей в руках машиной.

За рекой местность пошла ровнее — сухая, заросшая редким лесом равнина. Высокие, толстые уходящие в небо стволы с густыми плоскими кронами стояли редко. Пузатые, бочками, стволы, длинные ветви, над головами — зеленые зонтики крон. Бэха пошла веселей, подминая днищем высокую траву, мелкие кусты, заросшие яркими цветами и залежи белесой, опавшей с деревьев коры. Эрвин вертел головою, глядел в небо с кресла стрелка. Искал давешний экраноплан. Тот тоже искал их, гудел и стрекотал в воздухе. Металлический, неприятный уху звук, от которого дрожали и шевелились волосы на затылке. Когда он становился громче — Эрвин кивал, негромко командуя уклонение. Бэха жалась под кроны деревьев, глушила мотор. Люди замирали, Миа с Лианной прятали головы, шептали под нос. Непонятно что, опять молитвы, наверное... Эрвин крутил пулеметом, ловя чужую машину на звук. Один раз она подлетела близко... совсем, так что Ирина увидела сквозь листву злой серебряный отблеск — это мерцали на солнце хромированные бока. Все замерли на миг. Упала тишина — такая, что Ирина услышала, как

за спиной глухо лязгнули чьи-то зубы.

— Тише, — прошептал Эрвин с места, не отвлекаясь. Довернул станину, беря летуна на прицел. В два движения, коротких, плавных и точно рассчитанных. Под его пальцами щелкнул предохранитель. Эрвин замер — весь, лишь пальцы слегка шевелились, поглаживая спусковые крючки. Экраноплан в небе тоже будто почуял их, завис в воздухе, крутясь вокруг собственной оси. Медленно. И выпустил дроны. Зелень листвы вокруг бэхи — густая и резкая, как маскировочная сетка. В прорехи Ирина видела, как сверкают на солнце короткие крылья, бока и корпус, украшенный перечеркнутой молнией. И парящие птицы под ним, меж ветвей. Мелкие остроклювые птицы срывались, взлетали, озабоченно чирикавая — недоумевали, что за диковинный зверь ворвался в их воздушное царство. Ирина сложила губы, свистнула вдруг — по наитию, резко, птичьим, подслушанным на болоте свистом. Видимо, попала в сигнал тревоги — пестрокрылая стая сорвалась, крича, с места, заметалась, уходя в высоту. Дрон взорвался, камнем упал вниз — птица на взлете снесла ему крыло. Походя, не заметив. Другая не рассчитала, ударилась с маху о борта парящего в небе экраноплана. С маху, сильно, до вмятин на полированной стали. Еще одна налетела, клюнула машину в нос, прямо в перечеркнутую молнию. Экраноплан сдал назад, развернулся и улетел, сверкнув на прощание опереньем на солнце. Птичий гомон над головами затих. Ирина потрясла головой, выдохнула и — непонятно с чего, будто у туземок заразилась — полезла в сумку, раскрошила батон, щедро усыпав крошками землю у борта бэхи. Миа с Лианной дружно кивнули, сказали хором на певучем языке. Спасибо. Почему-то ей, Ирине.

«Я-то здесь причем?» — подумала было она. Из-под колес — хлопанье крыльев чириканье и довольный писк. Мелкие пестрые летуны разбирали угощенье.

Заскрипела турель. Эрвин развернул стволы «в ноль», параллельно земле. Махнул рукой — поехали, мол.

— Улетел? — спросил ДаКоста с кормы, осторожно взглядываясь в бездонное синее небо.

— Должен уже. Горючего в таких не сильно много, — кивнул с места Эрвин, поглядев на часы. Потом на небо, укрытое сеткой ветвей. Свет сочился сквозь них, рисуя на лицах зеленые и алые полосы. Заурчал негромко мотор. Затянула опять свою песню Миа. Звуки плыли, свивались в общий мотив. Будто подпевали друг другу.

— Может, сменишь ее? — шепнула Эрвину Ирина. Уже больше по инерции — Миа за рулем раздражения больше не вызывала. Наоборот. Даже странно.

— Нет, — также тихо ответил Эрвин, — от погони мы оторвались, но опасностей может быть много. ДаКосте я после деревни не доверяю. И... Посмотри наверх.

Ирина невольно подняла голову. И поежилась, увидев в вышине сорванную кору, торчащие щепки и следы клыков. Высоко, не дотянуться. Из белесого древестного ствола над головой с хрустом выломан клочок. Ирина поежилась еще раз, гадая, что за неведомая тварь точила здесь зубы. Большие, судя по виду. Дерево поплыло назад. Бэху качнуло — слегка, Миа дала газ плавно и, для себя, очень уверенно. Даже не спросила — куда? Ей и машине было достаточно взмаха руки — вперед. Так и пошли — вперед, раздвигая носом слежавшийся хворост. Птицы били крыльями, кричали и пели им вслед. Ирина улыбнулась чему-то, негромко присвистнула — просто так, щебет и гам ее почему-то развеселили... Птицы ответили пеньем. Красивым и мелодичным, так, что Ирина свистнула еще. И еще, просто так, уж очень приятно щекотал лицо теплый ветер.

— Ир, прекрати, а... — окликнул ее ДаКоста с кормы, — и без тебя жрать охота.

— Ой, — ахнула Ирина, поймав себя на том, что машинально высвистывает флотский сигнал к обеду: "соловей поет, водку жрать зовет". Как он бесил ее еще недавно, а теперь...

— Извини, — тихо сказала Ирина, замолкнув. Взлохмаченная, пестрая птица уселась на лобовое стекло, уставила на Ирину любопытный взгляд, и негромко чирикнула:

..."соловей поет, водку жрать зовет"...

— Курвасса. Ира, еще и птицы твои издеваются, — выругался ДаКоста, хлопнув руками в сердцах и смешно оскалив желтые зубы, — муэртэ мадре, да я ее щас сам сожру.

Пестрокрылая летунья скосила на него любопытный глаз, хлопнула крыльями, и улетела, напоследок цивикнув еще. "Соловей поет, матроса жрать зовет" Напев у нее и впрямь был похожий.

— Извини, — украдкой шепнула ДаКосте Ирина, перекинув назад сумку с продуктами.

Эрвин прервал их — короткой фразой сверху, с места стрелка:

— Остановливайтесь будем, но еще не сейчас. Надо оторваться, и найти безопасное место. Пока ходу.

"Куда?" — хотела было спросить Ирина, но не успела. Миа вдавила газ, бэха качнулась и пошла, лавируя меж зеленых лесных великанов. За антенну зацепился алый цветок. Хлестнула по стеклу лесная, пушистая ветка. Солнечный зайчик прыгнул в глаза.

"Все равно — сейчас никто не знает — куда. Вот когда остановимся — разберемся". Ирина выдохнула, огляделась, и начала делать то, что поручено Эрвином. То есть за Мией приглядывать, вдруг опять наломает дров или ей и впрямь помощь понадобится.

И не заметила, как увлеклась. Было с чего.

В руках у Мии машина оживала.

Дикарка уже вполне освоилась за рулем, сидела в кресле, откинувшись, ровно, обеими руками спокойно поворачивая баранку руля. Бэха слушалась, качалась слегка, обходя в плавном вираже очередное дерево. Полуденное, яркое солнце плясало искрами на высоких скулах и черной вязи на лице, играл волосами набегавший ветер. Миа не отвлекалась, крутила руль. И вполголоса напевала. Переводчик в ухе Ирины освоился, вполне разобрал чужую речь. Миа тянула протяжный, мелодичный речитатив, рифмуя его на ходу — благо на местном языке это было куда проще чем на земном — тянула, свивая слова в песню, как в нитку. Ни для кого, обращаясь к мерно урчащей под ними машине.

Как к живой. Похоже, Миин дикарский мозг просто не воспринимал идеи неживого. Втиснутая иронией судьбы за руль туземка приводила мир вокруг к привычному виду — педали внизу стали вдруг тремя разбитными сестрами — близняшками, похожими, но с разным характером. Правая, ровная, тихая и работающая. Быстрая, но туповатая средняя — всякий раз, нажимая на тормоз Миа просила ее не спешить, не рваться и не ставить бтр на попа. И крайняя левая, красивая, младшая, вредная. Сцепление, быстрое на шкоды и каверзы... Ее Миа даже побаивалась слегка...

Еще в царстве Мии жил рычаг передач — седой старый дед, сурово отчитывавший молодежь за любую промашку... Ирина прислушалась — и вправду, когда Миа опаздывала со сцеплением — лязг шестерен был похож на сердитый стариковский кашель...

Впрочем, быстро сменившийся довольным, сытым урчанием — это когда Миа нашла с педалями общий язык. Со всеми тремя. Помощь ей явно не требовалась. Деревья в лесу стали реже, прогалины — шире. БТР пошел веселей. Солнце качнулось в закат, окрасив алым Миё лицо и руки. На ладонях — тоже змеится тонкая вязь...

"Вязь на ладонях — у местных символ профессии, — вспомнила Ирина, — интересно, какой будет знак для земного мехвода? Шестеренка? Мие пойдет... Впрочем..."

Ирина вдруг вспомнила "Венус", нижние палубы, авралы и людей — серых от пыли и смазки, одинаковых людей флотских команд, вбитых уставом и инструкцией в роль живых механизмов. Поежилась. Подумала, что Миин, дикарский взгляд не так уж и нелеп и, во всяком случае, симпатичен. Нижним палубам еще повезло — их работа хотя бы имела результат. Крепкий, осязаемый результат — вот оно, синее в вышине, небо чужой планеты. На горбу дотащили. А клерки администрации наверху не имели и этого. Серые коридоры, кондиционированный воздух, бумаги, инструкции и ничего, кроме. Ирина машинально поежилась еще раз. Теплый ветер разметал косу. Справа, от Мииных рук прыгнул, уколол глаз солнечный зайчик. Заныла спина — сколько она уже сидит в такой позе? Потянулась, запрокинула руки за голову, откинулась назад, насколько позволяло сиденье. Лениво скользили на юг облака. Белые по синему, выгоревшему на солнце небу. Эрвин сверху, сидит на месте стрелка. Сидит, смотрит — похоже, немного волнуется — он явно пытался вертеть головой на все стороны сразу. Рукава закатал, ветер треплет расстегнутый ворот, пытается стянуть шляпу с головы. Место стрелка — выше и сзади, Эрвин на фоне неба. Забавно было смотреть вот так, снизу вверх как плывут облака, ореолом вокруг краев его шляпы. Солнечный луч пробежал, вспыхнул алым на плечах — квадратных волонтерских петлицах. Надорван шеврон на груди. Эрвин опустил глаза. Со скрипом развернулась турель. Теперь он смотрел вбок и назад — голова поворачивалась четко, взгляд шарил по секторам, строго в соответствии с уставом. Ирина вздрогнула — вдруг, сообразив, что ее стандартная флотская куртка валяется под ногами, рубашка на груди тонка и вообще... Нечего отвлекать единственного наблюдателя.

"Расслабилась я, — обругала себя Ирина, — Не дома. У Эрвина всего пара глаз..."

И тоже огляделась по сторонам. Лес вокруг стал реже, свободней. Все те же огромные, толстые стволы, густые высокие кроны — закатное солнце красило их в темный, насыщенный цвет. Будто присыпано пылью. Бурая и белая кора, зеленые ветви, пестрые птицы... Ирина невольно улыбнулась, вспомнив недавнее приключение. "Соловушка поет, матроса жрать зовет". Похожие мелкие пичуги рвали воздух, крутились в темнеющем небе над головой. Кричали сердито — их гомон рвался сквозь гул движка, сердито и отчетливо. Тревожные голоса. Стая сорвалась с ветки дерева, полетела прочь — яркими точками в небе. Потом еще и еще... Их звонкие крики бились, навевали тревогу. Ирина невольно проследила полет. Потом опомнилась, обернулась назад — туда, откуда летели птицы. И увидела. Вдалеке, высоко — выше плоских древесных крон, там, где зелень листвы сменялась синевой неба — покатую, увенчанную острым костяным гребнем голову. Тряслись и гнулись деревья, дрожала земля. Неведомая тварь шла, легко раздвигая могучие ветви. Неторопливо, закусывая на ходу верхушками деревьев. В пасти — блестящие на солнце кривые клыки. Бежа качнулась. Ощутимо дрогнула земля.

— Эрвин, глянь слева, — крикнула Ирина, гадая, хватит ли у твари прыти и желания догнать бтр.

Со скрипом развернулась турель. Пулемет задрал в небо стволы. И опустил. Слишком далеко. Массивная голова замерла, начала поворачиваться.

Пулемет в руках Эрвина развернулся "на ноль". Резко, одним движением.

— Проскочим. Ходу, Миа, — бросил тот с высоты.

Миа кивнула, но дала газ не сразу. Вначале опять затянув свою песнь. Просила машину

не подвести ее. С последним тактом — рука легла на рычаг. Ирка в тон ей пропела: "пожалуйста". На полном серьезе, не понимая, что вдруг на нее нашло. Но сцепление и рычаг передач будто услышали — не подвели. Щелчок, урчание движка — и бэха рванулась, взрыв колесами пыль, и с маха проскочила открытый участок. Гигантская тварь даже не успела повернуть головы, поймать юркую машину глазами.

А час спустя Эрвин таки скомандовал "привал", и до Ирины дошло — какое же это счастье просто встать и размять затекшие ноги.

Движок затих. В уши вползла тишина и — сквозь нее, тонкой струйкой — мелодичный шелест, птичий гам и теплые, пряные звуки чужого леса. Деревья вокруг — ДаКоста огляделся, присвистнул вдруг, и выдохнул, тряхнув, на козлиный манер, головой:

— Мадре миа, одни бутылки кругом. А выпить нечего.

Ирина хмыкнула, сморщила нос, но потом задрала голову, присмотрелась — действительно, вокруг деревья стояли густо, их коричневые, ноздреватые стволы, пузатые и толстые снизу к верхушке — сужались подобно горлышкам исполинских бутылок. От "пробки" — макушки во все стороны расходился пучок густых зеленых ветвей, сплетавшихся над головой в густую, зеленую крышу.

— Дерево Хаарх. Его сок действительно вкусный, — пояснила Миа, вставая с кресла.

— Ну, удачно заехали. Бутылка и впрямь. А скока градусов?

— Нисколько, — рывкнул Эрвин, спрыгивая с места стрелка. Нога ударилась о настил, скользнула, проехала на рассыпанных гильзах. Еле устоял на ногах.

— Бардак, — рывкнул Эрвин, закипая. Ирина дернулась, увидев как каменеет лицо, сужаются, сходятся в нитку глаза. Бледнеет кожа на скулах.

Лианна скользнула назад. Кошкой — за спину ДаКосты.

Ирина нахмурилась, погрозила Эрвину пальцем. Строго, даже неожиданно для себя:

— Эрвин, не кричи. Откуда девчонкам знать устав пехоты на марше.

"Хотя ДаКоста мог бы и сообразить"... подумала она. Походя, краешком мозга. Эрвин качнулся вдруг. Выдохнул короткое: "извини".

И Ирина выдохнула, сообразив вдруг, что кресло стрелка узкое и до жути неудобное — не кресло, жердочка. А Эрвин проторчал в нем битых пять часов, не меняя позы, бедолага. Рука Ирины невольно потянулась к его плечу:

— Сильно ушибся?

— Ничего, — Эрвин невольно потер плечо, улыбнулся, и прыгнул через борт. Легко. И руку Ирине подал, вежливо, как не посреди леса. А вторую — Мие, выбравшейся из-за руля. Ирина этого не заметила уже. Или сделала вид. Сил хмурится не было, до того приятно толкнулась в ноги мягкая зеленая трава.

ДаКоста прыгнул следом, огляделся, и деловито шагнул к ближайшему толстому стволу. Поддел ножом коричневую, ноздреватую кору, выдавил тонкую струйку сока, попробовал на язык.

И разочарованно вздохнул:

— Нет в жизни счастья.

— Будет. Обязательно... — серьезно пообещал ему Эрвин... — Когданибудь. А пока не пришло — будь добр, оставь дерево в покое, собери гильзы наконец и встань на вахту. А то прежде счастья к нам очередной дракон прилетит... Или наши приятели с экраноплана.

ДаКоста кивнул, с видом разочарованным до того, что Лианна не удержалась, сказав украдкой:

— Не переживай, через пару месяцев сок забродит...

Издевалась или нет — не поймешь. Но зря, Эрвин лиловоглазую заметил, ткнул пальцем, и мигом припахал к готовке обеда на шестерых. Тут же, вмиг, не обратив внимания на вздернутый нос и недовольное фырканье. Миа дернулась было помочь, но в следующий миг остановилась на полушаге. Недоуменно. Эрвин ее позвал, сказал — посоветоваться надо. Вежливо. Миа не показала виду, но удивилась, явно. А Ирина — нет, с кем же еще здесь советоваться.

В итоге на зеленой поляне у ручейка отдыхал один бтр, купая в прозрачной воде ручейка усталые колеса. Остальные работали — Лианна крутилась, собирала хворост. ДаКоста тоже крутился спутником, делая вид что на вахте, бдит и никого никак не торопит. Даже мелкую Маар припахали к сбору гильз — под торжественное обещание сделать из блестящих латунных цилиндриков бусы. Мелкая прониклась, кивнула и пошла собирать...

А Эрвин Ирина и Миа засели над картой, едва не сталкиваясь головами.

Засели думать. Получалось плохо — вначале. Идея карты до Мии совсем не сразу дошла. То есть, что коричневое — это горы, а синее — реки туземка быстро поняла. А вот хитрая штука масштаб... "Откуда Мие знать наши метры да градусы", — успокаивала себя Ирина, в сотый раз пытаясь перевести сбивчивые "день идти, да ночь прятаться" в понятные землянам единицы измерения. Потом сообразила, подогнала изображение на планшете так, чтобы палец Мии был примерно равен местному дневному переходу. Дело пошло, картинка начала складываться понемногу. Их база, нынешнее место, родная деревня Мии, неведомый Сан-Торрес Ультрастелла. ("Над звездами, — мысленно перевела Ирина, пробуя на язык царапающие небо звуки, — назвали на мертвой латыни. Чудно"). Все это вместе складывалось в один большой ромб — выбирая дорогу Эрвин взял сильно к западу, отклоняясь от прямого пути.

— Зачем? — тихо спросила Ирина. Эрвин дернул лицом:

— Как думаешь, наш генерал вождя уже выпустил?

Ирина прикинула, вспомнила устав, и кивнула:

— Да. Обязан.

— Как думаешь, Миа, погоню вождь за нами пошлет?

Миа улыбнулась, вспомнив представление на пляже.

— Думаю, Эрвин, он на тебя сильно зол. Сам пойдет и пошлет обязательно. Во всяком случае, попробует. Но в деревне сейчас одна молодежь. Раньше "гремящие когти" были. Теперь нет.

— Гремящие когти? кто такие?

— Воины с пути "гремящего когтя", — ответила Миа, удивленно подняв брови. Непонятно ей было, как это кто-то не знает таких простых вещей.

— По-вашему это будет святой Хуан. Ой, то есть опять не совсем по-вашему, это я их на крестовый лад назвала. В Сан Торресе их так кличут, — поправились она с виноватой улыбкой. Эрвин с Ириной дружно переглянулись. Пояснение все только запутало.

— Охотники на тварей. Мелких, быстрых, кусачих — жуть...

Ирина не утерпела, листнула планшет. Нашла пару фото в энциклопедии. Миа кивнула, ткнув в экран пальцем — да, мол, таких. Мелкими они были по масштабам планеты. Рептилия с вытянутой крокодилей мордой, на двух длинных, сильных ногах. В холке — добрых полтора метра, клычищи — страх, на галопе — обгоняет грузовик, охотится стаями. То есть охотились — раньше, пока люди их не перестреляли. Всех. Воины "гремящего

когтя". И сами уши...

Ирина мельком подивилась иронии судьбы, отправившего убийцу вслед за убитым на свалку истории. Более практичный Эрвин спросил в лоб:

— А кто же остался?

— Никого. Были еще "Бездонное небо". Святой Георгий. Ой, простите, это я опять на крестовый манер. Крылатых бить ходят, вроде того, что ты, Эрвин, убил. Были, весной на север ушли. Вождь один остался, всю силу забрал. А я ждала, думала — вернуться.

— И кто с вождем в деревне остался?

— Мусор... Ой, извините, это я не ругалась. Так вправду называют — кого из молодых в сработанную "коммандо" не взяли. Вождь, правда, из них ватагу собрал. Носы задирают, говорят — не хуже старых. Да что-то драконьих когтей от них не видать.

Миа перевела дух, усмехнулась и подвела итог:

— В общем, пока соберет, пока выйдут, пока реку перейдут — до сюда им два дня, не меньше. Если перейдут — твари не только в дельте водятся.

— Ну, за два дня мы как раз до цели доедем. Сейчас еще день, потом на дорогу выйдем и до Сан Торреса, как раз. Не знаешь, что там?

Миа опустила глаза:

— Не знаю, Эрвин, правда. Оттуда к нам раз в году машина приезжает, алый цвет на винтовки менять. Ну и еще привозят по мелочи — ткани, еду, штуки всякие, звездные. Приедут, черный пастор проповедь прочитает, поколдует на их, крестовый манер — если кто заболел. И до следующего года. А в городе их я один раз, с отцом была. Маленькой еще. Помню только — дома каменные стоят, небо подпирают. Я все гадала — зачем. Не упадет же оно... Еще поют красиво. И все. Мы там недолго пробыли...

— Спасибо Миа, — кивнул ей Эрвин. Та расцвела. Закатный луч плеснул по высоким скулам, щекам, закрутившись волчком в спиральях татуировки.

— Что думаешь? — спросила Ирина осторожно.

— Не знаю. Ничего не знаю, кур... — Эрвин осекся, проглотил ругательство. Страшной, лиловой нитью налилась жила на лбу.

— Какая-то чертова игра. Взяли нас за шкурку и — как пешку с е2 на е4. Флот, армия, гражданская служба, местные шишки, туземные вожди — и мы, аккурат посредине. Пегги своего приятеля выгораживает, генерал репутацию десантуры блюдет, прочие — туда же. Не поймешь, кур... — Эрвин утопил ругательство в кашле, выдохнул, махнул рукой:

— Ир, прости. Недостаток информации меня буквально убивает. Идем, как слепцы, в никуда, что на месте ждет — непонятно. Может и засада, с наших станется. И этот господин Дювалье — это кто? Чем силен? И откуда про нас вообще узнал?

Ирина вздрогнула на этих словах. Опустила глаза. Закатное солнце мигнуло на пряжке ремня. Алым, застенчивым светом. Она ж ничего такого не хотела... И вообще, не отправляла того письма. Не утерпела, листнула планшет — убедиться. И долго, не отводя глаз, смотрела на конверт с ярлыком — "отправлено". Запрос на трудоустройство трех приبلудных туземок в контору господина Дювалье. Она же не знала тогда, что значит здесь слово "трудоустройство".

Мамочка, родная, как же так получилось?

— Ой, Эрвин, сама не знаю... — прошептала она, заметив, что и он тоже смотрит — через плечо, внимательно. Эрвин вдруг улыбнулся, кивнул:

— Забудь Ирина, нормальному человеку такое в голову не придет. Что за мир такой, все

имена перевернуты.

Ему на макушку упала тонкая белая нить — вечерний ветер подул, зашевелил ветками, сдувая вниз семена на тонких, нитяных парашютах. Белый, густой снегопад. Эрвин смахнул пушинку с головы и улыбнулся. Другая упала, запуталось в волосах. Под ухом — скрип и веселый посвист. ДаКоста старался, резал по дереву. Stolichnaya. Белый сок пузырился, стекал вниз по губчатой, ноздреватой коре. Ирина машинально подошла, попробовала на язык — вкусно. Как молоко...

— Не мне одному расстраиваться, — присвистнул матрос, ковыряя ножом точку над *i*.

Ирина невольно улыбнулась. Сок шипел и пенился на языке. Варился обед — от костра тянуло густым, пряным духом. Туземки спорили между собой. Негромко, тонкими голосами. Трещали дрова, дымок полз вверх меж листвы тонкой прозрачной струйкой.

Лианна подошла, спросила что-то, поклонившись и вежливо протитуловав Ирину "Хан-шай".

Переводчик в ухе кашлянул, шепнул короткое "непереводимо". Ирина не утерпела, глянула в словарь — и впрямь, титул не имел адекватного перевода. Что-то семейное, среднее между свекровью, тещей и любимой женой. Или зампотыла — мудреное слово проще переводилось на армейский кривой новояз. "Вот папа бы посмеялся".

На опушке глухо бухнуло, по ушам хлестнул треск — Эрвин валил поперёк просеки тонкие стволы. Валил, обматывал колючей проволокой — крест-накрест. Ставил ограждение вокруг их поляны. Рукава рубашки он закатал, руки — по локоть в земле и блестящей, тягучей смазке. Предосторожность нелишняя, вон как птицы распелись тревожно.

Под ногами дрогнула земля. Солнечный луч перед глазами исчез, подернулся серым. Солнце закрылось, на мир легла тень. Тень звериной головы с красными, горящими глазами. Давешний ящер. Ой.

Ирина не заметила, как оказалась у БТРа. Вдруг, раз — и она уже рядом, у борта, подсаживает внутрь Лианну с Мией. Последняя сходу прыгнула за баранку, села, завела свою песнь — тягучий, мерный речитатив. Порядок запуска. Заскрипел пулемет. Биенье крови в висках улеглось, стало тише. Вдруг. Сверху — лязг желтых клыков, хруст и мерный шорох падающих листьев. И дрожание земли, опять. Чувствовалось даже здесь, сквозь металл и толстую резину колес. Место стоянки Эрвин выбрал с умом. Смешные деревья-бутылки были прочны, и стояли густо. Достаточно, чтобы исполинский ящер застрял. Тварь вздохнула, обдав тяжелым ветром людей внизу, с хрустом сожрала ветку и ушла прочь, косясь вниз незлым алым глазом. Под лапой-колонной дрожала земля. Тише и тише...

— Сотрясатель, — выдохнула Миа, глядя ему вслед, — их тоже мало осталось.

— Нам повезло, что он травоядный.

— Это Эрвин умный. Хорошо встал, так, что сотрясатель нас просто не заметил. В то бы съел. Эти гиганты что попало едят.

— Ой, а коммандо будет? Настоящее? — пискнула сбоку Маар. С улыбкой — мелкой все трин-трава.

— Коммандо? — переспросил Эрвин. Миа уточнила:

— Охотники. Их семья. Вообще, должны быть. Такие твари — это путь "твердой земли". Святой Яков. Может, и встретим, охотники идут за таким по пятам. Обычно.

— Сколько же нужно народу, чтоб такую тварь завалить?

— Десять, зачем больше, — искренне удивилась Миа. ДаКоста присвистнул, хлопнул

себя по щекам.

— Отбой. Пойду-ка я ограду проверю, — коротко сказал Эрвин, прыгая через борт.

— Я тоже, — отозвалась Ирина. Было как-то не по себе при мысли о том, что рядом ходят люди, способные вдесятером завалить такого гиганта. И птицы кричат в вышине. Бьются, кричат, будто предупреждают... Знакомые по лесу пестрые, смешные птицы.

"Вообще-то я была обязана расслышать их раньше. Предупреждали. А я задумалась", — думала Ирина осторожно пробираясь в лесу между ветками. Слева — чавк сапог и хруст. Эрвин бродил рядом, разглядывая окрестности. Солнце зацепилось за горизонт, мягкий золотой свет плыл, дробясь и сверкая на зелени веток. Небо вверху — голубое, бездонное до черноты. Венус плыл по орбите над головой — остроносый, сверкающий треугольник. Ирина поежилась — на ум пришли палубы, длинные одинаковые коридоры. Вонь дезинфекции, холод и мертвенный свет дневных ламп.

"Господи, каким же он маленьким кажется отсюда".

А тут, в лесу теплый ветер — пряный, цветочный, щекочущий нос. Тени ложились под ноги — полосами, густой пеленой. Гремели сверчки — на три такта, мерным, звенящим мотивом. И птицы. Мелодичный, приятный свист в вышине. Ирина заслушалась так, что потеряла Эрвина из виду. Опомнилась, огляделась. Вокруг — никого, лишь листья дрожат и слегка гнутся под ветром. Над головой — толстые ветви, зеленые клубки лиан. Птичий посвист — вибрирующий, тревожный. Хрустнула ветка под сапогом. Ирина обогнула толстенный ствол и увидела лесную певунью.

На ветке над головой. Пестрая, с ярким, переливающимся на свету оперением. Уборе зеленых, алых и желтых перьев-полос. Не большая, не маленькая — в две ладони.

— И совсем не птица, — прошептала Ирина под нос, приглядевшись. Клюв — кожистый, длинный, полный острок, мелких сверкнувших на солнце зубов. Кривые когти на крыльях. Родственник дракону, похоже, дальний. Пичуга дернулась, забила крыльями, встала на тонких и сильных ногах. Закричала, разинув клюв — тревожным, звенящим в ушах напевом. Ирина невольно отступила на шаг. В ветвях под деревом что-то шевелилось. Опять птичий крик. Истошное хлопанье крыльев — на месте. Тонкое, гремящее шипение и шелест в листве. Ирина пригляделась — змея. Немаленькая, с руку, змея текла ртутной струйкой вверх, виляла, держа на весу треугольную голову.

Птица подняла крылья, вскинула голову, закричала — длинной трелью, тоскливым и страшным напевом.

— Улетай, глупая, — шепнула Ирина. Перевела глаза. Выше, за птичьим хвостом — переплетенные ветви, желтые пятна пуха. Тонкий, дрожащий писк. Гнездо с птенцами. Змея зашипела, качнув головой. Руки Ирины легли на ремень. Форменный флотский ремень с квадратной латунной пряжкой. Тяжелой. И края заточены до остра по обычаю нижних палуб. Не то, чтобы Ирине раньше доводилось ей пользоваться. Так. Змея подняла голову, мелькнул язык меж клыков. Черной, раздвоенной полосой на кровавом фоне. Лязгнула пряжка, кожаный флотский ремень скользнул в ладонь. Птица закричала опять. Ирина решила. Шагнула вперед, ладонь крутанулась, задавая бляхе разбег. Змея зашипела, дернулась, свивая кольца к броску. Не успела. Пряжка со свистом рассекла воздух, ударила — с маха, ребром по коричневой ленте. Брызнула кровь — густая, тягучая кровь, почти черная в свете заката. Мертвая тварь, извиваясь, упала вниз, в траву, с отрубленной головой. Пискнул птенец. Маленький желтый комочек высунул клюв из гнезда, прощелбетал, косясь на Ирину маленькими черными бусинками — глазами.

— Иш ты, храбрый какой, — улыбнувшись, подумала она. Ремень никак не хотел лезть назад, упирался, цепляясь за юбку. Птица-мама вспорхнула, пропела в лицо. На высокой ноте, в три такта, глядя прямо в лицо. Умными, большими глазами.

— Извини, я не понимаю, — ответила Ирина. Всерьез, не думая, что делает глупость. Птица же не могла говорить. Только пропела — еще раз. И еще. Встопорщился хохолок на ее голове — желто-алый, радужный комок перьев. Птица цивикнула еще раз. Без страха, приглашающе-тихо. Ирина улыбнулась, невольно протянула руку — погладить этот смешной хохолок.

И клюв, полный острых иголок-зубов щелкнул, сомкнулся у нее на запястье.

Боли не было.

Просто капля крови. По ладони- вниз, вдоль, по линии жизни.

И трудно дышать

В горле встал комок. Мир вокруг дрогнул, подернулся серым. Словно густая вуаль упала на глаза. Глухо бухнуло, забилося сердце в груди. Резко, в такт птичьим крыльям. В спину уперся колючий древесный ствол. Поддержал, не дал упасть. А пестрая птица не улетала, все висела в воздухе, глядя на Ирину черными большими глазами. Иголки зубов в пасти — маслянистые, влажно блестят.

"Отрава. Ерунда, просто надо собраться, — проплыла мысль в голове. Медленно, захлебываясь в серой тине, — прививка была. Точно. Флотская комплексная прививка. Еще та гадость, но с ядом справиться должна. Обязана. Надежная вещь. Гарантия"...

Птица чирикнула, пропела еще раз. И еще, глядя на Иру внимательными, большими глазами:

"Извини". "Так надо"

Ирине показалось, что птичий щебет переводится именно так. Даже кивнула в ответ — с трудом. Ничего страшного, мол, надо — так надо В ушах — грохот и оглушительный гул. Кровь. "Черт, пора бы прививке подействовать". Треск и грохот ветвей. Задрожала земля.

Сотрясатель вернулся?

Нет, это Эрвин бежит на крик. Быстро, страшно, снося и ломая на ходу ветки деревьев. Птица вспорхнула, крикнула при виде его. Метнулась назад, к гнезду. Закричала — испуганно.

— Эрвин, птицу не тронь, — испуганно крикнула Ира, — не тронь, там гнездо. С маленькими.

Эрвин не тронул. Ему было не до того. Подбежал к Ирине, схватил, поднял на руки. Разом, в одно движение Ирина дернулась было — сказать что не надо, справится и так. Прививка должна... Рубашка пахла порохом и оружейной смазкой. Знакомый по дому запах.

Птица крикнула им вслед.

— До свидания.

Да нет, бред. Птицы не разговаривают. Неважно. Мир качался, глаза смыкались сами собой. Эрвин нес ее назад. К лагерю. Бережно. А руки его широкие, сильные. Теплые. Можно свернуться калачиком и поспать немного...

Глава 13

Сегодняшний день чем-то отличался от других. Чем — этого Эмма Харт еще не поняла. Просто видела, как по плантации проезжали машины. Как кричали друг на друга охранники. Просто чувала беду. Хотя, куда уж ей больше — бывшей арестованной, пассажирке с эмигрантской палубы, беглой каторжанке. Беглой — насмешка судьбы. На свободе Эмма не проходила пяти минут — плосколицые дикари с винтовками повязали ее прямо у берега и погнали в лес. Недалеко, на плантацию алого цвета. Даже если бы не было толстого Хьюго, зевнувших конвойных, лиловых, пульсирующих энергокабелей, украденного ножа и так кстати взорвавшегося экраноплана. Все равно попала бы сюда, только охранники были бы другие. Не загадочные плосколицые туземцы с винтовками на плечах, а земные хмыри в полицейской форме с дубинками. А в остальном все, что написано ей на роду: палящее солнце, зеленый, удушливый лес, жара, рваная роба, перчатка на руке и цветок тари, щерящийся в лицо алой, колючей пастью соцветья. Все равно.

И все-таки — сегодня что-то новое билось, витало в воздухе, ползло на бараки вместе с удушливой полдневной хмарью. Из леса приехали грузовики — две тупорылых, окованных сталью машины с длинными, решетчатыми кузовами. Эмми при виде их подобралась, скользнула ближе — осторожно, шаг за шагом, стараясь держаться в тени ограды. Она умела быть незаметной, совсем незаметной, но это не помогло в этот раз. Слишком недолго простояли грузовики на плацу. Слишком внимательно косили водители по сторонам. Старший сходу наорал на внутреннюю охрану плантации — четвёрку здоровенных, обычно вальяжных громил в шортах, очках и широких шляпах. Те было дернулись, но после нового окрика сникли. И пошли разгружать мешки. Лично — у Эмми аж глаза вылезли на лоб от удивления. А потом загружать — водила рявкнул новую команду, очкастые синхронно развернулись, пошли таскать со склада увязанный в тюки урожай. Эмми попыталась скользнуть ближе — неизвестно откуда машины приехали, но явно из более цивилизованных мест.

— Есть смысл рискнуть... — пробилась в голову безумная мысль. Пробилась, ударила дробью в ушах. Нога скользнула, сделала шаг, другой — по-кошачьи беззвучно.

Но последний мешок исчез в кузове прежде, чем Эмми сумела пересечь плац. Машины взревели на ее глазах, сдали назад и исчезли в облаке жёлтой, слепящей пыли.

"Слишком быстро уехали — кузова заполнены едва на треть. Что-то будет" — подумала Эмми, унося ноги — быстро, пока поднятая колесами пыль прятала её от оставшихся на плацу охранников. На ее счастье, те не смотрели по сторонам. Развернулись, поглядели на часы. И скрылись, ушли в караулку — невысокий блокхаус, сложенный из толстых вековых бревен. Быстро, почти бегом, будто жёлтый песок жёг им подошвы. За последним щёлкнул замок. Глухо ударил гонг — подвешенная к столбу ржавая рельса. Управляющий замахал тростью и тоже заорал, морща плоское лицо:

— на работу.

Заскрипели, открываясь, ворота внешней стены — невысокого деревянного палисада. Работницы, лениво ругаясь, потянулись наружу по одной. И Эмма скользнула за ними, прочь, едва успев вскинуть на плечо тяжеленную плетёную корзину. Обычно внутренняя охрана провожала на работы до ворот. Это было неприятно — шагать, опустив голову, сквозь

строй под градом похабных шуток. Сейчас вокруг никого. Приятно, но странно донельзя. Снаружи, непроглядной стеной — звенящий, зелёный лес. Звенящий тысячею голосов, шелестящий листьями, стрекочущий. Пугающий трущобную Эмми до костей. Но сегодня — куда меньше, чем раньше.

— Что-то будет, определённо, — шептала она, осторожно пригибая голову. Перед глазами закачался, разинул пасть алый цвет. Ткнуть палкой в соцветие, подождать, пока сожмутся жвала — лепестки, оборвать рукой нежные листья. Повторить. И так целый день, пока ночь не укроет тьмой контуры веток. Один листок можно отправить в рот — зелёный сок гнал прочь усталость. Но не увлекаться, а то вечером на построении достанется — плечи у Эмми болели до сих пор. Вокруг шумел лес — под толстыми листьями бились и стрекотали сверчки — мелкие насекомые твари. Кусачие, тонкие, но шуму от них — Эмми первое время казалось, что это грохочет валами машина на малом ходу. Потом привыкла, научилась не замечать. Ни этого грохота, ни шума ветра в листве, ни тоскливой, протяжной песни товарок по бараку — плосколицых, высоких туземок с прозрачной, переливающейся на солнце кожей. Тоже, что насекомые — их голоса звенели без смысла, на щёлкающем, непонятном Эмми языке. Песня плыла, расходилась по лесу кругом, все дальше и дальше по мере того, как сборщицы уходили прочь от ворот, все глубже и глубже в заросли. Так можно и совсем уйти. В лес, в никуда, в неизвестность. Внешняя охрана, казалось, не видела их. Десяток босых дикарей стояли неподвижно, глядя в никуда большими кошачьими глазами. Эмми привычно построила глазки крайнему парню в ряду — ещё молодому, с точёными, правильными чертами лица. Не поймёшь, увидел ее воин или нет — лицо не дрогнуло, осталось неподвижной, зеркальной маской. Лишь ветер вскрутил перо в волосах. Вытянутые в нитку кошачьи зрачки поворачивались туда-сюда. Следили не за людьми, а за лесом.

Из-за спины — короткий, чуть слышный стук. Эмми оглянулась — через плечо, назад, на бараки. Солнце било в глаза — ярко, белым, слепящим светом. Дырявый забор и плетёные стены бараков — решетом просеивают свет. Тени в глубине. Стук. Кто-то ходил там, между бараками. Опять стук и негромкий, приглушённый расстоянием лязг железа о землю. Потом тень исчезла, раздался свист. Длинный протяжный свист. Эмми ничего не поняла, но, на всякий случай пригнула голову.

Ружейный залп.

Сухим, разрывающим уши треском. Закричала туземка — дикий, бессмысленный крик рванул в небеса и оборвался на вдохе. Над кустами повис, за клубился белый, пороховой дым. И винтом ворвался в уши боевой, яростный клич, отразившись эхом по кронам деревьев

"Кванто кхорне".

Эмми сморгнула раз. Потом другой. Уже на земле, инстинкт сработал прежде сознания — схватил, бросил вниз, заставил сжаться в комок у корней деревьев. В спину впился, уколол до крови острый древесный сук. Перед глазами вспыхнул радужный луч. Еще и еще. Забор лагеря на глазах Эмми сложился и упал, как бумажный. Огонь пробежал по баракам, рыжей лаской — по соломенным крышам и плетеным стенам. Из караулки открыли ответный огонь — тоже из лазера, ослепительный луч полоснул наугад кромку леса. В уши ударил оглушительный треск, на голову Эмми посыпалась древесная крошка. Ствол над ее головой переломился, упал, и разбился, едва не задев Эмми сучьями. Двух работниц, бежавших по полю к воротам лагеря просто перерубило пополам — на глазах Эмми их фигуры задымились, вспыхнули и упали на землю — черной, обугленной массой. Новая россыпь выстрелов — уже почти над головой. Эмми повернула голову — и увидела

налетчиков. Такие же туземцы на вид, что и внешняя охрана — плосколицые, страшные дикари. Ножи и винтовки в руках, багровым и черным — раскраска на лицах. Они хлынули из леса — наводящей на Эмми ужас гремящей волной, под рвущий душу истошный крик:

"Кванто кхорне"

Упала еще одна из работниц — вскочила, заметалась и с криком упала под ноги орде. Кривой клинок взлетел вверх, сверкнул холодной сталью на солнце. Сверкнул, упал и взмыл вверх опять — весь алый от льющейся крови. Убийца подпрыгнул на месте, развернулся, что-то проорал своим, подняв ввысь алое лезвие.

И опрокинулся, рухнул навзничь, головой в сырую траву. Эмми не моргая, смотрела, как течет кровь. Медленно, от виска вниз, смывая с мертвого лба черно-красный узор боевого раскраса.

Десяток бойцов внешней охраны синхронно передернули затворы, вскинули ружья к плечу и дали новый залп, разом скосив до полудюжины нападающих. Остальные дрогнули было, подались назад. Потом опомнились, залегли, вразнобой передергивая затворы. Лес окрасился вспышками — рыжими, злыми огнями выстрелов. Пули пропели у Эмми над головами. Вдруг — Эмми даже сморгнула, не поняв на миг что происходит — младший из воинов охраны прокричал что-то. Ей, прямо в лицо, встав в рост из укрытия. Зеркальное лицо бесстрастно, как и всегда, лишь солнце пляшет в узорах татуировки. Пуля рванула воздух, сорвала перо с его головы. Эмми сморгнула еще раз, не понимая, что от нее хотят. Потом догадалась, проследила глазами взмахи руки — ей показывали на дом внешней охраны. Он стоял отдельно, чуть в стороне. В лесу. Добротный бревенчатый блокхаус. Туда как раз бежали уцелевшие работницы из-под огня. Одна, две, пятеро... Воины прикрывали их — скупым и точным огнем, держащим налетчиков в отдалении. Опять ударил лазерный луч — Эмми не поняла, из леса или из лагеря. Две из бегущих сложились на ходу, вспыхнули и упали. Рухнуло дерево, задымилась, почернела трава. По ушам опять ударил яростный крик:

"Кванто кхорне"

"Близко, ближе, чем в прошлый раз", — вздрогнув, подумала Эмми. Уже на бегу, ноги сами выкинули ее прочь из укрытия. Она побежала к караулке — по-заячьи петляя и пригибаясь. По ушам хлестнул дробью ружейный залп. Пуля рванула ей юбку, пропела осой у виска. Молодой воин махнул ей рукой впереди. Эмми дернулась, прибавила ходу. Зацепилась рубашкой за сук, ногу повело — упала коленями на траву. Воин вскинул ружье. Казалось, прямо ей в лицо. Выстрел. Эмми зажмурила глаза. И открыла, услышав хруст веток, крик и шум падающего тела. Налетчик упал на траву, почти ей под ноги. Пуля в лоб. Старший из воинов охраны махнул рукой крикнул — протяжно. Уцелевшие начали отходить — по команде, спокойно, прикрывая товарищей огнем. Один за одним скрываясь за дверями блокгауза. Их осталось шестеро из десятка. Новый залп. Две работницы как раз бежали к дверям. Одна пошатнулась, Эмми увидела кровь на плече. Вторая поддержала подругу, а один из воинов подхватил обоих и — почти за шкуру — втолкнул в двери. Эмми сообразила, что сейчас останется снаружи одна и рванулась со всех ног. Перед глазами — радужные, злые сполохи. Лазерный луч прошел низко над головой. Дыхание рванулось из груди, криком испуганной птицы. С маха ткнула в ладони стена. Эмми выдохнула и замерла, вцепившись в бревно, с трудом удерживая в груди истошно бьющееся сердце. Все уцелевшие были уже внутри, лишь молодой воин — тот самый, с перьями на голове — еще стоял у двери. Застыл, оглядывая поле боя. Обломок пера в его волосах. В зеленой хмари сверкнул

лазерный луч. Нападавшие уже были близко — Эмми вздрогнула, услышав дикий боевой клич. Заросли окрасились дымом, пуля пропела, ударила в доску над ее головой. Воин усмехнулся вдруг — Эмми удивилась, увидев, как хищно выгнулись тонкие губы — развернулся, вскинул ружье. Замер на миг, целясь прочь, в совсем другую от черно-красной волны сторону.

И спустил курок. В сторону лагеря.

Эмми не смогла поверить, что такое бывает. С двухсот метров, сквозь деревянный брус лагерной караулки — точно в энергоячейку лазгана. Рыжее пламя рвануло вдруг из щелей. Караулка окрасилась дымом, вздрогнула — вся, от крыши до нижнего бруса. И развалилась, выбросив в небо клуб густого черного дыма. Двое охранников успели выскочить вон — Эмми ясно увидела их. Все черные от чада и пыли, уже без пижонских очков и шляп. Растерянные, не понимающие, что произошло. Они на миг застыли, переглянулись и кинулись бежать — к лесу, прочь от кипящей схватки.

Воин засмеялся и передернул затвор. Вылетела гильза, сверкнув латунным бликом в траве. Довернул рычаг, вскинул винтовку к плечу, прицелился в затылок бегущим — спокойно, как в мишень.

Грянул залп.

Новый.

От леса.

Воин вздрогнул, уронил ружье и упал, зажимая рукой рану в предплечье.

Громом в ушах захлопали выстрелы — ответные, из окон блокгауза, почти у Эмми над головой. Старший из воинов застыл в дверях, крича что-то. По зеркальному лицу разводами — черная пороховая гарь. Пуля оцарапала ему щеку, выбила щепку из косяка. Эмми сообразила, что деревянная дверь блокгауза может и закрыться — сейчас, перед ней. Подхватила воина за плечи и потащила вперед, не замечая боли в спине и суставах. Раненный хрипел на руках. Звоном в ушах — стрельба, кровь и крики погони. Подвернулась нога. Чьи-то руки подхватили ее — за шкуру, грубо дернули на себя.

С глухим стуком захлопнулась дверь. У нее за спиной. Эмми выдохнула, огляделась и неслышно скользнула в тень — безопасный, глухой полумрак в углу бревенчатых стен блокгауза. Всем было не до нее. Шум боя гремел, сочился сквозь крышу и толстые стены. Уцелевшие воины — их осталось почти половина — отстреливались, вели огонь сквозь узкие окна. Скупой, но меткий огонь, явно заставляющий нападавших держаться в отдалении. Дикий боевой клич за стенами еще гремел, но уже тише и словно бы нехотя. Дым и гарь клубились в воздухе, застилали пологом низкий потолок. Кто-то не выдержал, согнулся в тяжелом, чахоточном кашле. Раненный воин хрипел на полу, зажимал рану, молчал, глядя в потолок большими, вытянутыми в нитку глазами. Уцелевшие работницы подтягивались к нему. Медленно, по одной. Глухо треснула ткань — одна рванула с себя полосу ткани на перевязку.

Эмми машинально шагнула поглубже в тень. Еще раз вздрогнула, сообразив, что делает глупость. Оглянулась, пробежала взглядом по стенам и полкам — должен же здесь быть аптечка и индивидуальный пакет. Знакомая жестянка с красным крестом упрямо не показывалась на глаза. "Эти плосколицые, конечно, дикари, — думала она, — но чтоб настолько". Додумать не успела. Блокгауз задрожал — сразу и весь, бревна стен закрипели и треснули — разом. И свет — ослепительный, до боли свет. В глаза плеснула ослепительная небесная голубизна. Эмми сморгнула, поняв, что видит небо там, где только

что была темные балки крыши. Новый всполох, сквозь стены рыжей иглой скользнул лазерный луч. Штурмующие подтащили лазерную пушку. Еще одну. Угол блокгауза просто испарился, вместе с одним из воинов. В уши ударил боевой клич. Налетчики завывали — на сто голосов, страшным звериным криком. Пошли на штурм — изломанные, гротескные фигуры, черные на фоне яркого солнца. Яркими полосами в руках — кривые ножи. Эмми едва успела отпрыгнуть прочь. Успела, но не до конца. Сбили с ног, чей-то грубый сапог походя отдал ей ногу. Эмми взвизгнула и — откуда смелость взялась — выхватила украденный у Эрвина нож, ударила. Четко, в одно движение. Под колено, точно в сухожилие. На Эмми с грохотом упало тело — она не увидела, чье, лишь дернулась, стараясь освободиться от тьмы и вжавшей ее в землю тяжести. Над головой — рычание, крики и свирепый лязг рукопашной. Ближний бой, лютый, без выстрелов — приклад против ножа. Померк свет в глазах — нет, это последний из нападавших зайцем метнулся назад, перекрыв на секунду свет солнца. Бой затих. Последний из воинов оперся о стену и устало осел. Старший в команде, огромный, зверообразный дикарь. Лицо в крови, стекавшей ручьем по морщинам и рытинам татуировок. Лязгнуло о землю ружье. Видеть гиганта таким было страшно до дрожи в коленях. Женщины запели вдруг хриплыми голосами. Тоскливую песню — страшно и медленно, как на растянутой пленке.

"Нашли время"

Счастье еще, что боевой клич снаружи утих. Эмми оглянулась, прикидывая, куда бежать, прежде чем тягучий напев обернется ее похоронным маршем. А небо над головой — бездонное и синее до слез и дрожи в коленях. В уши змеей скользнул новый звук — чуть слышное, мерное урчание. Оглохшие от стрельбы уши сперва не расслышали, потом не узнали его. Лишь когда солнечный свет над головою померк, скрылся за тенью крыльев — Эмми поняла:

В высоком небе над ее головой режут движки тяжелого экраноплана.

Эмми выглянула за порог. Осторожно, стараясь держать голову в тени. Это было легко. Парящая в небе машина была огромна. Достаточно велика, чтобы закрыть солнце над полем боя. Вытянутая снизу вверх, ажурная, легкая птица размером с башню. Башня и есть — будто заказчик захотел летающий дом, а конструктора, не думая, приделали крылья панельной высотке. Трепетали флаги на мачтах, под днищем мигали и переливались лиловые огоньки.

"Антиграв. Мать моя, Они ж дороженные... — у Эмми резко пересохло во рту, когда она прикинула, сколько такая махина может стоять... — и взятки. Просто так ведь не продают".

Мелькнула вспышка — снизу, из леса. В синем небе радугой вспыхнул лазерный луч. Над кустами опять поплыли дымки и звуки выстрелов — редкие, нестрашные теперь хлопки. Налетчики собрались, развернули-таки вверх лазерную пушку. Выстрелили раз, другой. Не попали. Летающая крепость лениво качнулась в воздухе. Круговые галереи окрасились столбами огня. С синего неба по джунглям хлестнул огненный дождь. Ливень огня и блестящих стреляных гильз автоматических пушек. Вспыхнула, задымилась трава, вековые деревья трещали и падали. Как трава под косой. Две секунды — и тишина. Лишь медным, блестящим дождём прозвенели по земле яркие гильзы. Летающая крепость развернулась ещё раз, закрыв солнце. Пошла на снижение. Коснулась земли. Легко, одним острым шпилем на днище. Замигали огни на крыльях, поник, хлопнул на ветру белый флаг — шелковое длинное полотно с алой перечёркнутой молнией.

— Шай-а-кара, — выдохнула одна из туземок позади. На одном вдохе, мелодичный

голос дрожал и ломался на грани истерики.

"Немудрено", — усмехнулась Эмми, прикидывая про себя — хочет ли она встречаться с теми, кто сейчас шагнёт вниз по пандусу парящей громады.

Впрочем, тут Эмми не спрашивали. Пехота летунов была быстра, решительна и профессиональна. Две группы рванулись из люков на землю, развернулись, разошлись — веером, в разные стороны. И — прежде, чем Эмми успела опомниться — сомкнулись, взяв поле боя в кольцо. Все было сделано чётко, уверенно, и без лишних движений. "Профессионалы", — отметила Эмми, машинально вжимаясь глубже в землю. Машинально, не думая — зная, что не поможет. Глухо стучали по земле сапоги. Высокие армейские берцы. А ещё оливково-белая, незнакомая Эмми униформа, одинаковые короткие автоматы, широкие шляпы на головах. Алыми пятнами по рукам и груди — перечёркнутые молнии на шевронах. Только с цветом лиц разнобой — в одной цепи, чётко, через равные интервалы на Эмми шли и туземцы с высокими зеркальными скулами, отражающими в небо солнечный свет, перламутрово-белые, мерцающие полукровки и смуглые, почти чёрные от загара земляне. Даже несколько негров попалась — Эмми ойкнула, вытаращила глаза, увидев вживлю их плоские носы и оттопыренные, полные губы. Эмми мысленно нарисовала рядом "муравья" из американского гетто или ирландского "сида" из доков — но вечно шумные, пьяные, раскрашенные под новогоднюю ель члены родных Эмми ливерпульских банд выглядели бледно на фоне пришельцев. Точнее, выглядели теми, кем и являлись. Лохами.

— Круто, черт. Круто. Кто бы это мог быть?

Глаза не могли Эмми это сказать, на лицах не было ни знаков ни татуировок. Только шляпы, алые шевроны и черные очки, делавшее их носителей похожими на каких-то гигантских насекомых. Кольцо оцепления сомкнулось. Из конца в конец поля пробежали еще какие-то типы. Невысокие, штатские, нелепые на вид — здесь, на дымящемся поле боя. Но в тех же чёрных очках.

"Таких же, как и на мордворотах из караулки", — Эмми тихо ойкнула, мысль прервалась, когда один такой чуть не наступил ей на руку. Просто не заметил в траве. Остановился у развалин блокгауза, огляделся, увидел выживших. Туземки заохали, залопотали, перебивая друг друга своими звенящими голосами. Тот в ответ даже не повернул головы. Бросил пару слов в микрофон, выслушал ответ, повернулся и замер. Раненный воин глухо хрипел у его ног на земле. Пандус летучего дома дрогнул и опустился. Эмми повернула голову — осторожно. Вниз спускался человек. Один. Станный, чтобы не сказать больше.

Первым в глаза бросился белый костюм. С золотой вязью на рукавах, отблески солнца переливались, мерцали в узорах шитья, отражаясь бликами на лицах охраны. Полноватый, но маленьким не казался — почтение свиты делало его в глазах Эмми громадным. Чёрная трость в руке, на набалдашнике — темный, мерцающий камень. Очки на глазах. Такие же как на всех прочих. Штатские подбежали к нему, что-то заговорили — тихо, почтительно. Слов не разобрать. Человек кивнул. Медленно, подбородок слегка задрался вверх и чуть опустился. Ветер нес чад и сажу белыми хлопьями — странному человеку прямо в лицо. Взорванная караулка еще дымилась, клуб дыма завис, коснулся, походя нарисовал странному человеку виньетку на рукаве. Стукнула трость в руках. Чёрный камень сверкнул в воздухе, человек поднял руку в небо, выкрикнул. Наверно, приветствие, Эмми точно не разобрала — что.

В ответ — долгий рёв сотни плоток. Земные лица и униформа — но орали люди на туземный манер, переливчато, грозно.

— Кор кхванте, — солнце сверкнуло, отразившись на стеклах сотни очков. Одинаковых. Эмми в глаза.

"Ого... — подумала она... — дядя крут. Знать бы ещё, кто это"

— Шай-а-кара, — выдохнула туземка позади. Глухо стукнула трость в руках — сталью о дерево. Черный камень на рукояти трости, в тон ему, черным — перчатка на сильной руке. Подбежали люди, те самые, штатские с вида — докладывать. Окружили, заговорили — тихо, почтительно кивая и показывая руками вокруг. Слов не разобрать, но видно что говорят с начальством. Еще видно, как странный человек кивал в ответ — аккуратно, слегка наклоняя голову. А потом трость в его руках стукнула ещё раз. Эмми заметила, что этот человек уже не стоит, а идёт. К разбитому блокгаузу. И к ней.

Он дошёл быстрее, чем Эмми смогла понять, что ей теперь делать. И все прочее — тоже слишком быстро произошло. Стук трости, приход, разговор — вначале с туземками, сжавшимися и перепуганными. Чужая речь звенела и переливалась ручьём в голове. Эмми поначалу не замечали. Пока. Дочь ливерпульских трущоб умела быть незаметной, когда надо. Разговор тёк над её головой. Туземки причитали тихими голосами — по тону жаловались, тихо и обречённо. Станный господин кивал, показывая руками на лагерь. Говорил протяжно, лениво, хорошо хоть не зло. Охрана за его спиной явно скучала, переминалась, поправляя ремни. Смотрели больше на босса, чем вокруг. Эмми аккуратно, шаг за шагом скользнула странному господину за спину. Тихо, стараясь остаться незамеченной. Получилось. Почти. По развалинам сзади бегали какие-то хмыри, сверкали камеры. В лагере, странно, Эмми была готова поклясться, что бой туда не дошёл. Пронесли какой-то мешок, по виду тело. Из леса. Бросили на виду, в сгоревших обломках барака. Эмми, прикинула — пандус летающей крепости шагах в ста, люди снуют туда-сюда, собранно, деловито. Почти не смотрят по сторонам. Оцепление явно скучает, солдаты стоят неровно, переминаются, собираются в кучки. Кто-то закурил. Под ногами полно мёртвых зон. Чертовы чёрные очки, за стёклами не поймёшь, куда кто смотрит.

Раненный воин захрипел на земле и открыл глаза. Вдруг, вздрогнули все, не только Эмми. Даже странный человек повернулся на звук. Резко, беззвучно. Хрипел воин — старший охраны, огромный весь залитый кровью гигант. Открыл глаза, поймал взгляд странного человека. Засмеялся тому в лицо. Голос воина хрипел и ломался, больше похожий на клёкот орла или на хрип. А потом воин протянул руку, поднял, показал пальцем. Эмми узнала слово "смерть" на чужом языке. Под ухом лязгнул затвор. И холодная сталь обожгла ей горло.

— Назад, — рывкнул вдруг господин. На земном. Тихо, но замерли все. Нож свистнул под ухом и исчез, убрался от горла. Эмми скосила глаза по сторонам — ощущать на себе столько глаз было неприятно и страшно до дрожи. Воцарилось молчание. На миг, потом странный господин посмотрел на неё ещё раз, снял очки и — внезапно — улыбнулся. Глаза у него были серые, глубокие. Обычные человеческие глаза. Только бежать теперь Эмми сразу раздумала.

— Землянка, — проговорил он, медленно выговаривая слова, — на моей плантации. Тысячеглазый, что вы здесь делаете. Здесь, среди дикарей?

Эмми сморгнула. Раз, другой. Попыталась отвести глаза, выдохнуть, продумать ответ. Не получилось. Мозг заклинило между "разрыдаться" и "сказать, все как есть". Других вариантов все равно не было.

— Не знаю, — ответила она наконец, с трудом подбирая слова. Голос дрожал, но —

умом она понимала, что рыдать тут сейчас — плохая идея. Странный человек улыбнулся ей вдруг. Это ее подбодрило. Почему-то.

— Не знаю. Я недавно здесь. Экраноплан взорвался, меня выбросило на берег. Схватили и привели.

Сверкнул в такт словам чёрный камень на рукояти трости. Её словам. Человек кивнул. Эмми приободрилась.

— Ничего не сказали, дали палку в руки и погнали цветы собирать. Я даже не знаю, где я, господин... Тут Эмми, замаялась, не зная, как обращаться к этому странному человеку.

— Жан-Клод Дювалье, доктор медицины, — прервал её тот, — и владелец этой плантации заодно. Извините, мадам, эти дебилы больше на меня не работают.

Ноздри защекотал едкий дым. Эмми про себя усмехнулась. И задрала нос — так вежливо в жизни её ещё не называли, даже в шутку.

А свеженазванный Жан-Клод Дювалье протянул ей руку, слегка поклонился.

— Вижу, вам пришлось пострадать, и, отчасти, по моей вине. Приношу извинения. Будте моей гостьей, пока...

Загудели голоса, наперебой, гулом встревоженных ос. "Босс"- кто-то невидимый крикнул над ухом Эмми. Волновался — голос звенел тревожным, надтреснутым басом. Дювалье прервал крики взмахом руки — коротким, не терпящим возражений. Шум смолк — вмиг, будто и не было. Дювалье улыбнулся еще раз и продолжил:

— Будте моей гостьей, мадам. Ваши беды пока закончились.

Так, что Эмми поверила. Не зная сама, почему. Взяла руку странного господина и пошла. Пандус летающей крепости на глазах приближался. Раненный туземный воин еще хрипел за спиной. Солдаты вскинули автоматы "на караул". Эмми скосилась на спутника — тот шёл рядом, ровно, не глядя по сторонам. Странно, он оказался Эмми чуть выше плеча, хотя недавно казался гигантом. Опять надел свои очки на глаза. Черные, в тон коже на полных губах и высоких по-туземному скулах. Ладонь его...

"Черт, это же не перчатка. Он же негр, — с опозданием сообразила она, — Как я сразу не заметила? Отсвечивало, да и было не до того. В любом случае, неважно. Мне бы до цивилизации добраться..."

Цивилизация ждала её прямо за дверью. Лестница вверх, перила, мягко сверкающей медью поручни. Гладкие стены, лиловый пластик и дерево, мерцающие огни тысячи ламп. Ветер в лицо — мягкий, безвкусный поток воздуха от кондиционера. После безумной жары — даже приятно. Под ногами мягкий ковёр — Эмми замаялась слегка, боясь ступить на желто-красное ворсистое великолепие. Дювалье заметил её смущение и усмехнулся:

— Приходится путешествовать. Люблю делать это с комфортом.

У Эмми не нашлось слов в ответ. По краям лестницы — приятная глазу тьма. Мимо пробежали какие-то люди. Трое, в рабочей форме. Несли ящик. Один поклонился, почтительно. Дювалье отослал его взмахом руки — коротким. Прочь, мол, с глаз. Ветер с улицы ворвался внутрь, закружил, принёс запах пряной тари и чёрного, едкого дыма. Эмми закашлялась. Лесной дух надоел. Пандус за спиной поплыл вверх — беззвучно.

"И все-таки, — думала она, глядя, как стальная плита ползёт вверх, закрывая её от палящего солнца, — все-таки, что это только что было?"

— Что, вашу мать, тут только что было? — шипел Эрвин под нос оглядывая еще дымящееся поле недавнего побоища. Под вечер того же дня, солнце, светившее недавно

Эмми в лицо успело сделать по небу круг и теперь медленно уходило к закату. Багровым шаром за горизонт, алым, сумеречным полотном, кутая тенями поле недавнего боя. Туман плыл от леса, мешался с дымом, скользил над землей, скрывая воронки. Странный, иззубренный столб посреди — Эрвин пригляделся и с трудом понял, что это всего лишь дерево. Срубленное и размолоченное в труху снарядами автоматических пушек. Влажная белая щепка — короной на фоне темного неба. Стервятник хлопнул крылом.

— Что, вашу мать, тут было, — прошипел Эрвин еще раз. Заскрипела турель. Стервятник скосился красным глазом на бтр, отвернулся и отлетел подальше. Не ответил, само собой. А больше отвечать было некому — летающий дом давно улетел, унес прочь господина Дювалье, Эмму и всех, кто пережил утренний бой.

— Не знаю. — Тихо ответила Миа из-за руля. Туземка не умела бледнеть, лишь закат пробежал по лицу — алой, искрящейся лентой. Эрвин прыгнул через борт. Осторожно прошел пару шагов, поворошил золу носком сапога, огляделся. ДаКоста за ним. И Миа.

— Эрвин, что там? — спросила Ирина, перегнувшись через борт. Негромко, вся бледная — еще не оправилась после отравления. Стервятник почуял голос — лениво ударил крыльями, взлетел в небеса. Эрвин пожал плечами. Хрустнуло стекло под сапогом. Раздавленные очки. Убитый охранник.

— Это плантация алого цвета. Была, — пояснила Миа, пока мужчины осматривали труп. Эрвин наклонился над телом. Осмотрел. Снял у мертвеца с пояса растрепанную семихвостую плетку, посмотрел, откинул в сторону — брезгливо, двумя пальцами.

— Туда и дорога. Только кто это их так?

— Эрвин, глянь, — окликнул его ДаКоста

Еще одно тело... Туземец, лицо раскрашено — в две краски, красным и черным. Боевой раскрас, страшный на вид. Рядом оружие — короткоствольный флотский шотган.

— Похоже, это налетчик. Глянь, крест на лице.

И вправду, узор на лицах похож на крест. Восьмиконечный крест, только нижняя перекладина загнута странно... и... Тут Эрвин нагнулся, подхватил с земли ствол. Лязгнув затвором, посмотрел, понюхал. Кинул назад, сплюнул и выругался — глухо, страшно, смешав слова десяти языков. Миа невольно шатнулась назад.

— Что за дерьмо? — озабоченно спросил ДаКоста.

— Из него не стреляли, — выдохнув, пояснил Эрвин, — Все это театр. Мать его театр для генеральских глаз. Или еще чьих-нибудь, непонятно.

Взгляд опять упал на тело у ног. Черная краска стекала со лба и висков, оставляя на зеленой траве грязные разводы.

— И еще, — спросил Эрвин опять, немного подумав, — разве местные разрисовывают лица? Краской, я имею в виду. Пока я видел только татуировки. Миа, глянь, этот мертвец похож на крестовых?

Миа покачала головой. Отрицательный жест, слева-направо. Эрвин плеснул на тряпку воды. Провел по лбу мертвеца — под краской выжжена чернильная вязь. Молния, перечеркнутая короткой вертикальной линией...

— Похоже, кто-то копает под нашего капеллана.

— Тогда надо ему сообщить.

— Лады. Поехали, до города недалеко уже. А там разберемся. На дорогу выйдем, там по карте какой-то великий тракт как раз по пути.

— Великий тракт? — переспросила Миа, садясь обратно за руль, — как мы его

перейдем?

Эрвин лишь устало вздохнул. Как объяснить дикой дочке лесов для чего существуют дороги?

Глава 14

Ирина проснулась в час, когда над миром неслышно скользнул первый луч рассветного, яркого солнца. Солнца третьего дня от того досадного происшествия, вечером на лесной поляне. Птица, змея, гнездо. Маленький храбрый птенчик — яд от укуса давно покинул кровь, хотя шрамы ещё болели. Слегка. И вообще... Солнечные лучи скользили параллельно земле, раскрашивая туман и траву колдовской, перламутровой дымкой. Зелёную, влажную от росы траву. Брильянтовой россыпью сверкали капли росы. Птица запела над головой, невидимая в густой, пряной листве. Чирик-цвик-ара... Нет, чудо того дня не повторилось больше — в свисте Ирина больше не слышала слов. Просто... У подушки — сорванный белый цветок. Почему-то захотелось улыбнуться. Пряному ветру, солнцу в лицо и мягкой, влажной траве. Лагерь вокруг ещё спал. А мир уже изменился.

Она еще не понимала как, просто чувствовала — мир стал каким-то новым, другим. Звон капель в траве, шуршание ветра, мелодичный, хрустальный напев струй бегущего недалеке ручейка — вселенная встречала утро звонкой, торжественной песней. Ирине казалось — стоит еще немного вслушаться и начнёшь разбирать слова. Тонко запищал, мигнул датчик движения — "скворечник", вбитый в дерево стальной карандаш. Птица в ветвях свистнула недовольно — чирикание словно поймало машинный звук, обернуло, запутала в трель. Получилась красивая песня. Такая, что Ирина улыбнулась слегка. А потом еще раз, поняв, как мир изменился. Звуки стали чуть тоньше, а краски — ярче, насыщенней. Золото солнца на влажной листве, изумрудная зелень, охра и камедь лесной чащи. На ладони — ряд мелких бисерных точек. Узором навроде крыла. Там, где зубы прокололи кожу. А теперь след укуса — изящная виньетка, таинственный знак, похожий на местную татуировку.

"Интересно, он значит что-нибудь?"

Сверху спланировало перо. Желто-зеленое птичье перо, с алой каймой, блестящей в лучах рассвета. Красивое. И в косу удобно вплести, давно руки чесались — разбавить ярким пятном унылую синь униформы.

Хрустнула ветка, даже, как будто дрогнула земля. Ирина не обернулась, и так почувствовала — Эрвин идёт. Видимо, он встал ещё раньше, нарубил дров для костра. Охапка веток в руках, флотский, казённый топорик — за поясом. Тяжело идёт, прочно. Он всегда ноги ставит так — крепко. Но шумный, гремит на ходу, что твой Сотрясатель. Увидел Ирину проснувшейся, улыбнулся, помахал ей рукой — привет, мол. Ирина невольно улыбнулась в ответ. Чирикнула птица. В ветвях дерева над головой — маленький жёлтый комочек. Хлопнул крыльями, застыл, косясь на Эрвина чёрным, недоверчивым глазом. Чирикнула еще раз. Эрвин прыгнул — нет, не прыгнул, будто перетёк с места на место. Теперь — беззвучно тихо и быстро, лишь опять дрогнула под сапогами земля. Раз — и вот он уже стоит рядом, смотрит вверх, загораживая её от пёстрой птички. И топорик в руке проворачивается. Медленно. Нехорошо так

— Эрвин, не надо, — окликнула она его. Птица вверху ударила крыльями, перелетела с ветки на ветку. Топор в руке Эрвина провернулся еще раз.

— Надо, — тихо прошипел он. Грозно, сердито, хорошо хоть коротко, — Одна такая тебя покусала, забыла уже?

Птица ударила крыльями, перелетела опять — повыше. Каркнула, кося на Эрвина чёрный, без радужки глаз. Достань меня мол. Эрвин сощурился, замер на миг. Нехорошо, так что Ирина вздрогнула — поняв: Попадёт.

«А птицу жалко, красивая — подумала Ирина и свистнула вдруг — аккуратно, чирикающим звонким напевом. И добавила тихо, уже человеческим голосом:

— Не надо. Пожалуйста.

Топор исчез. Птица сердито крикнула им сверху и улетела.

— Все нормально, Эрвин. Не надо на них так...

— Извини, но я волновался.

Похоже, что да — вид у него и впрямь был растрёпанный. Рубашка расстёгнута и волосы торчат. Черный шеврон с группой крови — слева, на широкой груди — надорван и висит на одной нитке. А улыбка на лице — до смешного широкая... Такая, что Ирина улыбнулась в ответ.

— Хорошо, что ты выздоровела. И, кстати, я тут... — Эрвин опустил руки в карманы, замылся на миг. Странно для него, мгновение назад ледяного и собранного. Достал свистульку. Деревянную, простую — десяток собранных пакетом трубочек... такие они резали в детстве. Дома.

— Держи. Делать было нечего...

— Спасибо, — машинально ответила она. Делать ему было нечего как же. Вон, с утра запаренный весь. А звук у трубки вышел отменный — мелодичная птичья трель. Ирина улыбнулась. А с неба, словно в ответ — протяжный крик и хлопанье крыльев. Птицы вернулись, свили карусель над их головой. Широкие крылья, мощные лапы, хохлатые умные головы. Пух на перьях — зелен, жёлт и переливчато-ал. Как радуга. Или закат на родном Семицветье. В небе закружилось, спланировало в руки перо. Нежно-алое, искрящееся по краям перламутром. Точно в ладонь, словно подарок.

Эрвин застыл. Ирина вплела подарок в косу... Вышло на вид, здорово, Эрвин подтвердил. Не словами, их он опять не нашёл. Но рожа у него была до того выразительная.

Потом оглянулась и увидела страшное. Их поляна в лесу — дальний край поляны был пуст. Два дерева, тент, а посреди — пусто. Пропал БТР. Их БТР. Только следы — черные, дымящиеся влагой рытвины там, где взрыли землю колеса.

— Эрвин... А..., - аккуратно спросила она, показав пальцем назад. Туда, где меж вековых стволов пугающе стыло пустое место. Пугающая — это да. Перспектива шагать пешком по влажному, звенящему на тысячу голосов лесу откровенно пугала.

Эрвин проследил её взгляд и улыбнулся. То есть попытался улыбнулся, пожать плечами и махнуть рукой — одновременно. Было бы смешно, если бы Ирине было до смеха.

— Все в порядке, Ирина. Просто Миа встала пораньше. Тренируется.

"Зачем ей, — мелькнула обидная мысль. Тут же сменившись другой, страшной, — эта татуированная БТР не угонит? Или не убьёт? Без машины в лесу..."

— Не загнемся, — Эрвин улыбнулся, будто прочел ее мысли, — все хорошо, Миа справляется. Я потом схожу, посмотрю.

— погоди, я с тобой, — ответила Ирина, резво накидывая форменку на плечи. Эрвин был прав. Зрелище того стоило.

Невдалеке от лагеря, за лесистым холмом — овраг, заросший плотным подлеском. Высокие деревья, пузатые, широкие в кронах стволы звенящие серебряной листвой в небесной, лазурной выси. Колючие кусты, выцветшие, пыльные ветки. Зелень листвы и

яркие пятна алого цвета. И бэха, пляшущая между них, то скрываясь из глаз, то наоборот — выныривая на склон в облаке выхлопных газов. Змейка, горка, разворот — на трех точках, быстро под скрип колес и рычание мотора. Замереть, вывернуть руль, переключится на заднюю, повторить. Стандартный набор упражнений. Но выполнялся в три такта, в четком, бьющемся ритме.

В руках у Мии бэха танцевала.

Эрвин рядом присвистнул — у него невольно разгорелись глаза. Будто это он там крутил руль, слившись в танце с огромной машиной. На глазах Иры бэха нырнула в кусты, вынырнула, развернулась под треск и скрип тормозов — так выныривает из глубины стальная летучая рыба. Блеснуло солнце на лобовом — венцом, короной из ярких бликов. Опять разворот — почти пируэт, плавный и четкий. С наклоном, под песню рессор. Антенна качнулась, описала круг у Мии над головой — изящно, так машут платком танцовщицы на юге. Чуть укололо сердце — тоскливой моросью по спине, стыдом за себя, и недавние мысли. Ирина встряхнулась, поднесла подарок Эрвина — дудку к губам, свистнула — протяжно, в тон ревущей машине. Птичья стая сорвалась вниз, закружилась вокруг, закричала, хлопала крыльям. И, на глазах изумленного Эрвина, собралась в почетный эскорт впереди и по бортам бэхи. Впереди, по бокам, крыло к крылу, строем — четким как на параде. Алое золото перьев, суровая зелень брони. Протяжный крик затрепетал в воздухе, сливаясь с ревом мотора в торжественный гимн. Эрвин вернул челюсть на место. С трудом. Бэха сбавила ход, остановилась. Изящно и медленно, не глуша мотор.

— Господи, боже мой, — аккуратно прошептала Ирина. По бортам и капоту — гирлянды лент и цветов. Радиатор, скаты, лобовое, антенна — все в желто-зелено-алом, пестром узоре разноцветных, трепещущих на ветру маленьких лент. Остро захотелось заглянуть в кабину, посмотреть на педали и рулевое колесо. Но, почему-то Ирина была уверена и так — на трех педалях завязан аккуратный, кокетливый бантик.

— Зачем? — невольно пробежало в мозгу. Впрочем, вопрос нелеп. Вон, как изящно крутилась у Мии в руках могучая стальная машина. Бэхе понравилось. Явно. И, значит, Ирине грех возражать. И плевать, что по уставу не положено. Ирина перевела дух.

А Миа спрыгнула через борт — быстро, коснувшись на мгновенье брони. Спрыгнула и замерла на миг, прижавшись спиной к нагретой, дрожащей стали. Тихо, лишь дыхание рвалось через губы ввысь, сминая и топорща на высокой груди рубашку. Глаза затуманены, полузакрыты. Тонкие губы шепчут на чужом языке: "Спасибо". Железной машине. Мотор довольно урчал, стальная броня дрожала, возвращая ладоням случайную ласку. Яркий отблеск рассвета — волной по лицу. И в уголке губы — тонкая струйка крови.

Ирина подумала, что надо что-то сказать. Наверное. Но не смогла решить сразу — что. Слишком дикая, необычная глазу картина. Слишком быстро закончилась. Миа выдохнула, шагнула вперед и просто кивнула ей, сказав обычное: "доброе утро". Простые слова. Ирина услышала — почти физически — как треснуло и сломалось в воздухе непонимание.

"Девчонки, вы молодцы", — тихо выдохнул Эрвин. Ире в руки упало перо. Алая пушистая молния — с неба. Прямо в ладонь. Ирина сложила губы, просвистела "спасибо". Невольно. Птица ответила. У Мии округлились глаза. Странно, на самом деле — их пересвист, будто разговор. А перо красивое, в тон черным Мииным волосам или узорам на броне бэхи.

"Мии пойдет.", — подумала Ирина. Почему-то. Птицы взмахнули крыльями над головой, улетая. Иришка передала перо Мии — сама не зная, зачем, просто показалось на

миг, что так правильно. Та приняла. Вежливо, с легким поклоном. Пальцы соприкоснулись, Ирина почувствовала, как дрожит Миина теплая ладонь. Вот бедалага.

— Девчонки, пора ехать, день уже, — прервал Эрвин безмолвный немой разговор. А перо и впрямь пошло — бэхе, на лобовое. Красиво — но это Ирина отметила уже потом. А пока были сборы, сворачивание временного лагеря, завтрак и погрузка всего в бтр. Они стояли здесь всего ночь — а Эрвин успел наделать и очаг из камней и умывальник из палок и пластикового пакета и еще пропасть всего. Даже жаль уезжать... А в своем спальнике возле подушки Ирина нашла россыпь цветов. Маленьких белых цветов — венком. В беспорядке, будто случайно сюда упали. Только стебли срезаны, белый сок пузырится на срезе. Острым флотским ножом — вроде того, что у Эрвина на поясе. Улыбка скользнула — зарей по губам.

А Эрвин убрал глаза, буркнул — под нос, неразборчиво

— Местные говорят — они дурные сны отгоняют. Да и... — не договорил, отвернулся. Начал орать — флотский стандартный разнос Лиianne с ДаКостой за беспорядок и слишком дымный очаг.

"Мне что, снились дурные сны?" — улыбнувшись, подумала Ирина. Попробовала вспомнить. Вроде нет. Хотя. Это смотря в каком смысле, дурные... — подумала она, непонятно зачем улыбаясь встающему солнцу.

В сотне миль к северу, через окно летучей крепости улыбался солнцу господин Дювалье. Тому же самому ярко-алому солнцу, медленно ползущему в зенит над джунглями планеты Счастье.

Причины улыбаться у господина Дювалье были и немалые. Во первых — несмотря на вопиющую, хоть и вполне ожидаемую — криворукость исполнителей вариант с плантацией удался. Чертовы союзники, как водится, наломали дров — в буквальном смысле. Дров из крепких бревенчатых стен внутренней лагерной караулки. Она, по плану, должна была уцелеть, парни в черных очках из внутренней охраны — остаться в живых и дать показания. О дикарях с крестами на лицах и флотскими "мирами" в руках. Напали внезапно, из леса. наемное "комmando" внешней охраны дало бой и погибло, вместе с работницами. План дал сбой, впрочем — давно предусмотренный и, поэтому, неважный. Просто, судьба пошла по другой ветке, вот и все. Неважно, в хорошем плане к успеху ведут все ветви а не одна. Страховку Дювалье предусмотрел. В виде брошенных на поле флотских шотганов и штурмовых лазпушек с крестами на боеукладке.

Оставалось сложить все вместе и заснять на камеру. Получилась картина: "религиозные фанатики и флотские дезертиры терроризируют честного предпринимателя". Серьезной проверки, конечно, запись не выдержит, но — кто ее будет проводить, эту проверку? Флот? Корпорация? Господин генеральный комиссионер, наверное, не дурак. Далекое не дурак, раз живой и на такой должности. Но рыть будет в другом направлении — поначалу, а потом... А никакого "потом" у него здесь не будет. Если...

Дювалье замер на миг, откинулся в кресле, закрыв глаза. Дерево возможностей встало перед глазами. Дерево будущего. Его, Жана-Клода Дювалье возможного будущего. Возможности, что ростки — растут, ветвятся от каждого семени — события. Что деревья — пускают побеги и листья сплетаются, опутывают всех участников большой игры. Здесь на этой планете.

Флотских.

Госпожу губернатора — тут Дювалье улыбнулся. Слегка. Одними губами.

Крестовых из Сан Торреса, тысячеглазый бы побрал черных пасторов и их ручных дикарей. И их капеллана. Но этих опутало плотно, не вырвутся. Даже глупая ошибка на днях дала всходы — хорошие, крепкие ветки вероятностей. И они тянутся туда же, к успеху. Как к солнцу. И флотских путают заодно. Этих, как их там Штакельберга и Строгову. Затрат никаких — разве что тому идиоту — вождю на золотые зубы. Впрочем, вождь — полезный идиот и траты на него считать не стоит. Пока. А грызня между флотом и армией пошла такая, он бы не срежисировал лучше и специально. А это — возможности. Опять. Хорошие, крепкие ветки, нежные ростки. Перспективные надо поливать, ненужные — выпалывать. Пока не придет время собирать урожай. А оно придет. Вчерашняя стычка — на крови всегда растет густо...

Господин Дювалье подумал еще раз и решил, рассуждает, как садовник. Верная ассоциация, хотя отец не одобрил бы. Франсуа Дювалье, бандит старой закалки, считающий достойным мужчины делом только бизнес, стрельбу и дурацкие скачки по пересеченной местности. Но в одном он был прав. Если бы он радовался всякий раз по такому поводу — как раз собой он бы не был. Со собой, Жаном-Клодом Дювалье, шай-а-кара... Дела — на то и дела, чтобы идти так, как им задумано.

Так что господин Дювалье открыл глаза, усмехнулся, и попробовал радоваться чему-нибудь другому. Искрящемуся дымку и запаху специй над чашкой черного кофе. Тонкому звону вилки о фарфор. Серебряной вилки о тарелку с выцветшим вензелем. Вкусу сочного мяса на языке. Повару удалось-таки сготовить мясо так, чтобы хиккаморский крылатый орлан стал похож на земную курицу не только видом. Даже в глаза той курицы не видя. Повар молодец, надо будет поощрить такое рвение...

Солнце светило в окно, дробилось в цветных витражах, лучи падали, ложась на пол изломанными желто-зелено-палевыми полосами. Картиной Дали — на пол, под ноги господину Дювалье. На противоположную стену, играя золотыми бликами на раме и темным — на красках холста. Франсуа Дювалье смотрел на потомка сверху вниз с парадного, в золотой раме, портрета. Грубая рабочая куртка, острое, иззубренное ветрами "Счастья" лицо. Глаза художник нарисовал чуть шире и выше оси — казалось, отец смотрел свысока на сына-эпикурейца. Презрительно так.

Но тот поймал нарисованный взгляд, усмехнулся, отправив новую вилку в рот. Предок сверлил потомка взглядом со стены, кривя оттопыренные черные губы — будто хотел сказать пару ласковых изнеженному потомку. Тщетно — этот спор Дювалье — младший закончил давно. Оставалось смотреть со стены, как Жан-Клод Дювалье заканчивает завтрак. Черный земной кофе, мятный, острый омлет — на валианский манер, из яиц дикого морского змея. Мягко стукнула вилка, ложась на стол. Лапа механического стьюарта потянулась из-под стола — убрать. Дрожащая, членистая лапа. С третьей попытки ей это удалось.

— Тысячеглазый возьми федеральный закон. Таковую мелочь отрегулировать некому, — проворчал Дювалье, откидываясь назад в своем кресле. Глухо стукнула дверь, чуть-чуть потянуло свежим, утренним ветром. Дювалье не обернулся — он и так знал, кто там стоит. Его первый зам и распорядитель. Черный Гарри. Или — избранные знали его по секретному, тайному имени.

— Доброе утро... — бросил Дювалье, поворачиваясь, наконец, к вошедшему. Здоровенному мужчине в летней полевой форме личной охраны. Белая рубашка с короткими

рукавами, шорты и легкие башмаки. Шевроны на рукавах, неизменные у людей Дювалье черные очки и широкая шляпа. Зам был высок, крепок и широк в кости. Плоские скулы ему достались от туземки-матери, губы навыворот и угольно-черная кожа — от земного отца. Все вместе — удачно складывалась в образ уважаемого джентльмена южного, колониального образца. Впечатление портил широкий нож — серповидный клинок на поясе, острый и кривой как луна. С ним в руках — уже не человек, демон из страшных сказок. Впрочем, сказок о них двоих не рассказывали никогда. Некому было.

— Доброе утро... Абим, — кивнул Дювалье еще раз, называя своего зама секретным, тайным от посторонних именем. Что оно значит — Дювалье забыл за давностью лет. Но Абим имя ценил, как знак доверия. Почему-то.

Вошедший смолчал. Просто кивнул и расплылся в улыбке. Глаза, за черными стеклами смотрели вверх, левее и выше плеча. Миг или два. Их старая игра. Там, за плечом, на противоположной от парадного портрета стене — картина в деревянной раме. Любимая картина Жана-Клода Дювалье. Простой черный квадрат. Ну, не простой — за подписью Малевича. Оригинал. Однажды Дювалье в шутку спросил у зама, видит ли он смысл в нарисованном...

— Извините, босс, Не вижу пока. — Абим пожал плечами — слегка, признавая очередное поражение.

— Ищи, — усмехнулся Дювалье в ответ, — Он там есть. Только позже, пожалуйста.

И кивнул, разрешая Абиму говорить о делах.

— Как изволите. Вчерашняя запись сверстана и передана... кому условлено. Акт подписан, подтверждение получено. Проколов нет — перед отправкой просмотрел лично.

Дювалье кивнул. Медленно, больше собственным мыслям.

— Выдвижение продолжается. По плану. Наши подрались с "союзниками" у Великого тракта. Не поделили грузовик. Ничего серьезного, мы уладили. Разведка вернулась. В Сан — Торресе тихо, крестовые с Фиделиты расширяются к югу. Уже ставят надолбы на берегу.

— Против нас? Почуяли?

— Нет, на зверей. наших ребят они не заметили. И... Босс, туда еще сотня работников сбежала...

— Туда — это в Фиделиту?

— Да. Я приказал усилить...

— Не надо. Тысячеглазый с ними, Абим. Хотя, — тут Дювалье замер на миг, подняв губы в мягкой улыбке, — Что же это делается, Абим. Мои жены бегут от меня к крестовому богу? Ай-ай. Где же их нравственность?

— Поискать, босс? — Судя по холодному, не меняющему выражения лицу — Абим шутки не понял. Впрочем, такому дать ему волю — найдет.

— Не надо... И срывать людей с операции тоже не надо. Лучше пожалей тех, кто уже бежал. Еще что?

— Вождь из дома Туманного леса просил перевезти его и людей через реку. Рвется мстить за выбитые зубы.

— Согласись, но предупреди, что оплата перевозки — головы флотских. Этих, как бишь там, Штакельберга и Строговой.

— Разве они нам еще нужны, босс? — тут Абим удивился. Искренне, округлив большие, навыворот глаза. На миг Дювалье даже стало его жалко.

— Совсемнет. Но и вождь нам тоже не нужен. Впечатление надо поддерживать — раз

уж создали, да? Это, во первых. А, во вторых — так окажутся в нужном месте, чтобы сковать крестовых.

Абим кивнул. Еще раз. Он был вообще скуп на эмоции. Но нож его звякнул слегка. Чуть-чуть, но вполне выразительно.

— Что-то еще? — спросил Дювалье, почувствовав, что пауза затянулась.

— Да, босс, — Абим переступил с ноги на ногу, осторожно скосил глаза на портрет и спросил, понизив голос до шепота:

— Девчонка... Та землянка, что подобрали вчера. Мне ее как — по-тихому... или на ритуал?

Дювалье поднял бровь. Дрожь прокатилась, отозвалась звоном в ножнах — стали о медь. Дрожь предвкушения. Лунному ножу нравился последний вариант.

Вчерашний день, руина блокгауза, солнце, запах гари в воздухе и девчонка в углу — сжавшийся, перепуганный зверек. Только глаза холодные, разумные, ждущие своей судьбы...

— Торопись, Абим. Я еще не принял решения.

— Но босс, — голос зама дрогнул, взвихрился — далеко от приличного здесь тихого тона, — вы же слышали сами.

— Слышал — что? — Дювалье удивился. Слегка, до поднятой брови. Он пока не понимал о чем речь. Абим удивился тоже, но пояснил:

— Пророчество, босс. Тот воин... Они же сбываются.

Ах, да. Теперь Дювалье понял, что к чему. Чертов Абим, угораздило же негра с Гаити родить этого лба от туземной женщины. Суеверия черный гигант брал от обоих народов — щедро, полной ложкой сразу из двух котлов. Абим плевался на черную кошку, носил на поясе духа-лоа, бил лоб об пол перед бароном Субботой, боялся говорящей-с-птицами и Эви — королевы змей. Верил во все подряд. Это было удобно. Для дела — очень хорошо. Но иногда приводило к ненужным инициативам.

— Босс. — Абим ждал. Дювалье думал. Пророчество. Умиравший воин "коммандо", там на границе смертной тени видит судьбу. Так верят туземцы. Так верит Абим. Что сказал тот раненный гигант, вчера, в разбитом блокгаузе?

"Брамимонда. Твоя смерть за спиной"... И указал пальцем. На Эмми. Как раз за спиной Дювалье. Точно. И не заметили же. Надо будет сделать выговор охране — с их стороны грубая ошибка.

А с девчонкой что? Дела...

«Моя смерть». И Абим в эту чушь верит.

Дювалье закрыл на мгновение глаза. Посмотреть на дерево планов — землянку он в них еще не считал. Какой побег из нее получится? Зеленая поросль или вредный для дела сорняк? В последнем случае — Абим прав. Но... Мало данных пока, судить рано.

Пауза затянулась. Абим ждал. Статуей у стены. В трех шагах от его стола, у двери и чуть левее — он всегда вставал так, чтобы держать в поле зрения портрет на стене. Смешно. И... Абим подождет пока. Его награждать еще не за что. И лунный нож подождет. А вот на девчонку надо посмотреть пристальней.

Дювалье отвернулся, щелкнул кнопками. На столе слева был пульт — пульт управления летучим домом. Камеры видеонаблюдения, гостевые, вывести на экран. И первый сюрприз. Камеры наблюдения не работали. Точнее, работали. Везде, кроме гостевой залы, куда, по приказу Дювалье вчера поселили Эмму Харт. По экрану бежали блики и серая хмарь. Недоуменно пожал плечами Абим

— Мы проверяли, босс. Работало.

"Интересно, почему люди всегда говорят "мы", когда речь идет об их ошибках?" — подумал Дювалье. Мельком, пальцы в это время вводили пароль. Резервная система, секретная, тайная от всех. Жучки-камеры, тайные датчики, зашифрованный канал. На экране — те же блики и надпись "Data error". Первый сбой можно списать на ошибку Абима, но второй... Неспроста.

— Абим, спустись и проверь замок. В комнату не входить, — бросил Дювалье и добавил пару слов, категорически запрещавших любую инициативу.

Черный гигант кивнул и исчез. Сделав два шага назад, держа портрет на стене в поле зрения. Старик Франсуа мертв уже десять лет, а Абим все боялся поворачиваться к нему спиной. Дювалье усмехнулся и щелкнул пультом опять. Третья линия наблюдения, секретная даже от тех, кто делал первые две. Простая и допотопная. Никаких процессоров, шифров и кабелей — воздуховоды, раковины и зеркала. Ломаться нечему, взламывать тоже. Единственная камера в системе поворачивалась из стороны в сторону. Наверху, в секретной комнате, куда сходились пути зеркал. И оно работало, в отличие от первых двух. Только гостевая комната была пуста. Совсем. Дювалье даже испугался, на миг. А потом журчание и плеск воды подсказали ему очевидное. Камера переключилась на другой ход.

Ванна.

Душ, точнее. Клубы белого пара, брызги и журчанье воды. Белое на белом, туманном — женское тело на фоне белого кафеля. Эмми мылась, смывая с себя пот, грязь и усталось. Вода лилась с потолка, скользила вниз по лицу, толстым прядям волос — смятых и грязных вчера, сегодня — густых, светло-рыжих, чуть выцветших. Бурлила, ходила пузырями, завиваясь воронкой вокруг тонких ног. Омывала грудь — небольшую, но круглую, вполне сформировавшуюся.

"Ей лет семнадцать, не меньше, — подумал Дювалье, лениво с ноткой отстраненного интереса наблюдая за происходящим, — Странно, тогда, на поле она показалась моложе"

Фигура — вполне, даже на вкус господина Дювалье, шай-а-кара... Если как следует одеть — можно заставить понервничать саму мадам "их совершенство" Норму, госпожу губернатора. Может, так и сделать? Нет, пока это закрывает больше возможностей, чем дает. Пока. Эмми на экране повернулась — слегка, к камере в профиль. Плеснула вода вокруг левой груди.

"На вид — идеальна, — так же отстраненно подумал господин Дювалье, — Только..."

Клубы пара разошлись, открывая крутое бедро. С темно-синей, мертвенной полосой. Штрих-код.

"Тысячеглазый всех побери. Тюремная татуировка".

Это было... неприятно. Слегка. Нарушение планов. Тогда, увидев Эмми на поле, Дювалье решил что имеет дело просто с потеряшкой из города. Уж очень растерянный у нее был вид. Накормить, поговорить ласково, выдать на уши дозу лапши — и все, можно выставлять "жертву злых дикарей" под телекамеры. Теперь опасно. Крестовые — не дураки, могут выставить встречное обвинение в укрывательстве. Так что же, сказать Абиму — пусть ломает дверь? Не то, чтобы жалко, просто — у Дювалье сейчас проснулась чутье. Интуиция. Старая, бандитская, у отца унаследованная чуйка — дело может быть выгодным. Если зайти с нужного конца. С нужного, знать бы — с какого. Пальцы коснулись пульта. Слегка. Сканнер, база данных, запрос. Номер дела, статья, срок...

Ого...

На экране — бегущая строка

"Особо опасна"

В ухе — озабоченный писк. Коммуникатор. Абим.

— Босс, двери заперты. Заклинены насмерть, допуск снят, наши ключи обнулило. Ломать?

Даже сквозь хриплый микрофон было слышно, как дрожал озабоченный голос черного гиганта.

Дювалье усмехнулся. Слегка. Девчонка вчера — в панике, инстинктивно пыталась закрыться от всех. И невольно обрушила все системы, до которых смогла дотянуться. Камеры и замки... Хорошо хоть движки летучего дома управляются по-старинке, механиками. Колониальная техника — любая — отстает от земной лет на десять минимум. Это закон и даже Дювалье ничего не мог с ним поделаться. Да еще года два-перелет. А при таком букете статей — 58-12, взлом компьютерных сетей. 58-6, Ограбление с применением спецтехники. 58-7, бандитский налет — неудивительно, что это удалось. Даже в полубезумном состоянии. Особенно в таком состоянии. Нет...

— Босс, что делать? Ребята волнуются...

— Ребята... — прервал Дювалье... — какие ребята? Абим, кто еще знает про пророчество?

— Да все... — голос был не на шутку озадачен... — кто вчера на поле был — слышали. И рассказали. Слухи пошли, босс, ничего уже с этим не сделаешь.

— Слухи, говоришь, пошли? Это хорошо. Дверь оставь в покое. Пока. Предупреди всех — девчонку не трогать, руки оторву. Сам и оторвешь, по моему приказу.

— Но босс...

— Это приказ, Абим. Мой приказ. Будешь спорить?

В трубке — молчание... тяжелое, гробовое. Дювалье буквально кожей чувствовал, видел — как вытягивается в струнку огромный, страшный как смерть гигант.

"Как смерть... Моя смерть... надо же такое придумать"

— Уйди оттуда, Абим. Мою... Мою смерть, — Дювалье не выдержал, улыбнулся, — мою смерть не пугать и не трогать тем более. Распорядись насчет белья, одежды и завтрака. И цветы не забудь...

— Какие?

— Неважно. Кончай спорить, Абим, выполняй. Или, для разнообразия, спроси что-нибудь умное...

— Слушаюсь, босс. Только — что вы задумали?

— Увидишь сам, Абим. Точнее — услышишь. Часа через три, — почти ласково ответил Жан-Клод Дювалье, еще раз окидывая глазами фигуру на экране.

Через три часа по летучему дому пошел новый слух. Пошел, полетел — от этажа к этажу, от казармы к казарме, из одних уст в другие. Прополз, обрастая подробностями на ходу. Безумный, кружащий суеверные головы землян и туземцев слух:

— Босс поймел смерть. Да, ее. Свою смерть. И ей понравилось, парни.

Дювалье был доволен собой. Каждый, поверивший в эту фигню здорово укреплял дерево шансов. Его, Жана-Клода Дювалье шансов на победу. Да и эта девчонка оказалась неплоха. Очень даже. Как там ее?

"Неважно, — подумал Дювалье, — если приживется — просто придумаю новое"

— 15 Великий тракт

Глава 15

На четвертый день марша — их безумного, изматывающего марша по джунглям — Эрвин почувствовал, что совсем замотался. Машина тряслась и слегка покачивалась на мягких рессорах, солнце парило, пот заливал глаза. Подлокотник кресла больно бил под ребро. Горизонт в глазах Эрвина качался в такт — синяя, укрытая туманной дымкой полоска. Лес редел на глазах, зеленые джунгли расступались, пропуская вперед упрямо ползущую бэу. Зеленый ковер веток над головами раздался, ушел в стороны, открыв людей солнцу и небесной, выцветшей сини. Вместо подлеска появилась трава — высокая, густая трава. Порыжевшие, сухие стебли клонились, хлестали о стальные борта метелками соцветий. Иногда бэу трясло и подбрасывало на ходу, из-под колес долетал сухой, отрывистый треск, похожий на пулеметную очередь. Местный тростник, густой и упругий. Рос стенкой, колючей изгородью, невидимой за мягкой травой. Первый раз Миа ошиблась, влетела в такую заросль на полном ходу — и едва не заглушила машину. Зеленая, глухая стена оказалась на удивление цепкой. Машину подбросило, из под колес — будто мина рванула — затрещали коленчатые, упругие стволы. Острая щепка взлетела, звякнула очередью по бортам. ДаКосте оцарапало щеку. БТР перевалил полосу и заглох, беспомощно вращая в воздухе задней парой колес — упругие стебли изогнулись, спружинили и приподняли машину. За брюхо, будто порталный кран.

"Ладно, сам дурак", — угрюмо думал Эрвин, спускаясь и показывая Мии, как тут включить полный привод. Единственный в машине пока не увитый ленточками рычаг. Остальные уже давно напоминали рождественскую елку. Первый раз, когда такое увидел — Эрвин остановился и протер от изумления глаза. Набрал воздух в грудь для разноса. И выдохнул, аккуратно и тихо. Ругаться на Мию бесполезно, во-первых, а во-вторых — узор пестрых лент переливался, играл на броне. Это было просто красиво. Да и остальные втянулись в игру, наперебой таская довольной Мие ленты и цветные тряпки. Та улыбалась, кивала — церемонно, ну как сейчас. Глухо щелкнул рычаг, движок завыл, завращались, зацепив таки землю колеса. БТР задрожал, плюнул дымом и тяжело сполз с зеленой ловушки. Эрвин мотнул головой и — непонятно зачем — сорвал и протянул Мие свой черно-рыжий нагрудный шеврон с группой крови. И так на одной нитке висел. Зато Мие понравилось. Бэе, судя по всему, тоже — следующие три таких преграды машина преодолела легко и почти без заминки.

"Просто Миа молодец, приноровилась. А вот ты совсем сдурел на этой планете. На местных сказках я так скоро сам в живых мертвецов верить начну. Зомби, говорящую-с-птицами, и в королеву змей", — обругал он сам себя и принялся осматривать пространство вокруг — аккуратно, шаря глазами вдоль горизонта — сектор за сектором, медленно, методично. Зеленые полосы-ловушки попадались еще не раз — если верить карте, они въехали сейчас в довольно оживленную местность. Тяжелые грузовики ходили здесь за алым цветом, взад-вперед по степи. Из Хайситт-хилл — планетарной столицы — в иезуитские города на севере, у края лесов. Старые трехосные грузовики с косами на высоких бортах и крестами на радиаторах. Их колеса взрывали дерн, выворачивая наружу пласты красной, влажной земли, бамперы мяли траву, сбивая на землю упругие, тугие метелки. Сыпались семена — дождем на сырую землю. Тростник выросал первым, затягивая зелеными

побегами колеи. Рейс, два — и на следе колес выростала сплошная зеленая стена, дорогу приходилось бросать и торить заново. А шуршащий тростник так и рос двумя полосами в траве, на память от том, что здесь когда-то проехали люди.

Бэха пересекала такие следы поперек — и не раз и два. Эрвин гнал машину сильно в бок от прямого пути: на северо-запад, рассчитывая выйти на торную дорогу. "Великий тракт", — так звалась на карте желтая, штрихованная полоса. Тракт так тракт, дорога, наверное, что же еще. Прямо к цели, если верить карте. Хорошо бы ровная — тогда бэха сможет показать класс. А то последнее время у них шла не сколько езда, сколько ковыляние — осторожное, змейкой меж вековыми стволами. Хорошо хоть, сейчас стволы разошлись далеко, небо видно. Глубокое, синее. И рыжая трава. Красиво. Только солнце парит нещадно. Машину потрянуло опять. Сильно, аж лязгнули зубы во рту. ДаКоста с кормы глухо выругался, Лианна залопотала. Миа вывернула руль. За кормой — глубокая рытвина. Пятно черной, влажной земли. Звездой на пять лучей. След лапы. Сотрясатель, исполинский двулапый зверь. Он был здесь недавно, день или два назад, края следа затягивались уже, зарастали жесткой тростниковой щетиной. Вчера меж деревьев они видели раздавленный грузовик. Кузов в труху, оси вдавлены в землю. Кабина смята и разгрызена, словно орех. Эрвин глянул с места, разглядел алые протекти по осколкам стекла, услышал тонкое жужжание мух внутри и приказал не останавливаться. Но и не гнать. Гигантская тварь шла себе вперед, будто ей с Эрвином по дороге. Кому-то не повезло, и Эрвин не знал — хватит ли их пулемету огня отогнать от них такое невезение. Два ствола калибром 12,7 мм, усиленный заряд, вольфрамовый сердечник — пулеметный калибр, конечно, хорош, но... Вокруг смятой кабины валялась россыпь желтых, раздавленных гильз. Не помогло.

Эрвин протер слезящиеся на солнце глаза и дал — самому себе — команду смотреть в оба. Так и исполнял с тех пор, благо листья алого цвета надежно гоняли сон и усталось.

А бэха все шла на север, слегка покачиваясь в высокой траве. Деревья по сторонам — редкие теперь, высокие, тонкоствольные, с широкой серебряной кроной. Горизонт рос и рос вширь, закручиваясь вверх перед носом машины. Впереди он зубчатый, серебристый — горы там впереди, столовые плоские вершины, укутанные перистыми облаками. Атмосфера шутила здесь — кутала синим туманом подножья; плоский, сверкающий алмазными льдинками криж, казалось парил в небесах.

"Ангелы завтракают. Вон, стол накрыли", — сказал бы капеллан, окажись он здесь.

— Мне тож охота, — буркнул с места куда более приземленный ДаКоста.

— Это у тебя наследственное, — огрызнулся Эрвин, с трудом возвращая глаза в нужный сектор.

Перед горами, впереди, но гораздо ближе — гряда холмов. Невысоких, округлых, укутанных, как туманом, рыжей пылевой взвесью. Тот самый тракт. Уже недалеко. Пот — струей по спине. Солнце сегодня злое, а тени — тени редкие деревья почти не давали. Степной ветер бил в нос потом, жарой. Горьким запахом степной острой полыни. Снизу раздался тонкий переливчатый свист. А сверху, тут же — хлопки крыльев и клекот. Словно ответ, вальяжный и полный собственного достоинства.

На лицо упала благословенная тень. Птица зависла над ними — остроклювая, гордая, ширококрылая. Тени широких крыльев как раз хватило накрыть бтр. Стало даже прохладней — чуть-чуть. Эрвин утер пот и бросил короткое "Спасибо". Ирине Строговой, вниз, на место стрелка. Еще одна птица — пестрая, мелкая, с хохлатой острой головой летела впереди, раскинув в небе желто-зеленые крылья. Зависла на миг, хлопнув крылом на месте.

Заверещала — тонким, пронзительным криком. Машину качнуло, в руках у Мии лязгнул рычаг передач. Бэха снизила ход. Эрвин открыл было рот — спросить Мию, какого черта?

И закрыл, приглядевшись. Точно, среди желто-бурой, выцветшей на солнце травы — очередная тростниковая полоска. Вон, как предательски поблескивает свежая зелень посреди выцветшей, бурой травы. Точно под крылом переливчатой птички. Бэха подняла волнорез, осторожно, на пониженной, перевалила зеленую линию. Птица взмахнула крылом. Ирина размахнулась с места, кинула ей корку.

— Раньше бы кто сказал — не поверил бы. Что за планета... — пробурчал Эрвин. Широкая шляпа натерла виски. Эрвин сдвинул ее на лоб и аккуратно скосился вниз, себе под ноги. На место впереди, рядом с водителем. Белый бантик в косичке и перламутрово-алое, переливающееся на солнце перо в волосах. В черной, всегда такой аккуратной косе Ирины Строговой. Дико видеть, до боли в глазах. Но и красиво — тоже до боли в глазах и схваченного в горле дыхания.

Нет, физически Ирина Строгова вполне восстановилась после стычки в лесу. Антидот свое дело сделал, пара дней полусна — и об укусе зубастой птицы напоминал только шрам на руке — тонкий, изящный узор на манер местной татуировки. Физически все в норме, а вот психически... Тут Эрвин не знал, в чем сомневаться. То ли в Иришке, то ли в собственном здравом уме. Она теперь на полном серьезе пересвистывалась с птицами, кормила пернатых нахалов с рук, наплевав на ворчание Эрвина и технику безопасности. Безапелляционно реквизировала весь хлеб из пайков под охи и ругательства ДаКосты. Пару раз по ее капризу пришлось делать крюк, объезжая невидимые никому препятствия. Один раз — Эрвин убил добрый патронный цинк, отгоняя по ее просьбе какую-то длинношеею тварь от дерева.

— Там же гнездо. С маленькими, — строгим голосом пояснила Ирина. Тихо, подняв палец вверх. Будто объясняла азбуку мелкой Маар. Тем же, примерно, тоном. Эрвин сдался и махнул рукой. А ночью его разбудил птичий крик. Пронзительный клекот и гам — прямо в уши. Эрвин вскочил — сполошно, сдергивая с себя москитную сетку. И на миг обомлел. По спящему лагерю, от леса — к прогоревшему за ночь костру ползла, извиваясь в траве, огромная перламутровая змеюка. В ладонь толщиной. Датчик движения не сработал. Должно быть — фабричный брак. Об этом он подумал уже потом, сильно погода, когда настало время сесть и обливаться холодным потом. А сейчас — Эрвин подхватил шотган, передернул скобу — четко, одним движением, вскинул к плечу. Закричали в ветвях, забили крыльями ночные птицы. Глаза змеюки горели зеленым мутным огнем. Мелькнул тонкий язык — меж влажных от яда клыков — раздвоен и тонок, как лезвие. Первый заряд в стволе — картечь, убойная, волчья двадцатка. Птицы орали над головой — истошно, будто ругаясь. Эрвин осторожно шагнул чуть вбок, ловя урезом ствола треугольную мерцающую в полутьме голову.

И услышал из-за спины Иренино тихое:

— Подожди. Не надо, пока.

Птицы заорали еще громче. Ирина — тут глаза Эрвина невольно полезли на лоб — шагнула вперед, грозя пальцем страшной змеюке. Топнула ножкой — глухо стукнул о землю каблук. Смешной жест. Только змея остановилась вдруг, свила кольца, подняла голову. Обвела людей взглядом зеленых, мерцающих глаз — внимательно, будто пересчитала. Развернулась и уползла прочь, так же неторопливо извиваясь в траве. Как Эрвину показалось — с чувством собственного достоинства. Хлопнули крылья — зелено-алый, пестрый летун

присел на борт бэхи, замер, наклонив голову и уставив на Эрвина внимательный взгляд. На дереве мигнул зеленый огонь. Датчик движения, хюрас его мамо. Индикатор готовности, "исправность проверена", подпись, печать. Эрвин помянул большим флотским загибом всех, кого смог, нашел сбереженной для него сердобольной Мией сухарь и кинул птице. Прямо в клюв. Та кивнула, на лету поймав подношение. Осмысленно так.

Эрвин пожал плечами и честно признался себе, что не знает, что про это все думать.

Дождлся удобного случая, спросил у Мии на привале. Без толку — в ответ туземка лишь делала удивленные глаза. По ее мнению, все шло так, как положено. Естественно, так, как должно быть. Великий герой и убивец чудовищ (вытащенный Мией из колеса драконий клык в обрамлении цветов и лент давно занял почетное место на шнурке, намотанном на зеркало заднего вида), его старшая женщина — колдунья, мудрая и справедливая. Еще в комплекте шли в меру шустрые младшие жены и их бравые младшие мужья — последние аж в трех экземплярах. Вполне обычная, по словам Мии местная семья... тогда Эрвин шагнул назад, аккуратно съехав со скользкой темы. И долго гадал, какого черта у туземки в глазах мужья троятся. Потом угадал. На приборной панели — наклейка в узор лент. Черно-желтый флотский шеврон. Группа крови. Сам же и подарил.

— Полегче, родственник, — выругался Эрвин, снова получив подлокотником в бок. Аккуратно, вполголоса. Бэху мотнуло на камне — опять. Холмы приблизились, обрели очертания. Округлые, покатые сверху холмы, заросшие густым ковылем по склонам. На верхушках — столбы, их контуры нечетки, словно струятся в пыли, отбрасывая на землю тонкие тени. Из-за гряды — тяжелый, чуть слышный гул, словно топот ног. И пыль. Желто-рыжая пыль поднималась, стлалась по земле, накрывая как шапкой верхушки. Стало трудно дышать. Эрвин невольно чихнул. Даже небо над головой порыжело, как выцвело.

— Тот самый великий тракт. Дошли, если верить карте.

— Дошли, — ответил Ирине Эрвин, глядя вперед и вверх, на приближающиеся холмы, — давайте глянем. Только осторожно. Миа, левее, в распадок и малый ход. Осторожно.

Безоглядно выезжать на вершину этих холмов Эрвину почему-то совсем не хотелось.

— Эрвин, а как мы их перейдем? — спросила та, ловко управляясь с рычагами. Голос ровный — похоже, Миа уверена, что Эрвин знает, что делает.

"А ведь спрашивала уже, — угрюмо думал Эрвин, глядя, как ползет по лобовому стеклу неровная, тонкая линия неба. Все ближе и ближе, — спрашивала. Я еще усмехался про себя — дикарка Миа не знает, для чего машинам нужны дороги. Только это было вчера. Сейчас я почему-то не уверен".

Ветер пахнул в лицо, принес запах — оттуда, с вершины холма. Тяжелый, душный, смутно знакомый запах. И гул — негромкий, слитный гул, словно топот. Тысячи ног, каждая — куда как больше человеческой. Беха перевалила гребень и замерла. Тихо, словно в испуге. Миа бросила рычаги. ДаКоста хлопнул себя по щекам и длинно заливисто выругался.

За гребнем — равнина, плоская, сжатая с севера такой же грядой невысоких холмов. Серая, выцветшая. И по ней шел-тянулся поток тварей. Серой лентой, исполинской змеей от горизонта до горизонта. Самая маленькая — с бтр, но большинство были больше, куда больше. Тяжело шаркали тысячи ног, топтали, рвали когтями землю. Звери шли один за другим, тяжело мотая исполинскими, рогатыми головами. Бугрились, стояли торчком на загривках шипы и колючие, костяные пластины. Разноцветные, алые, желтые, белые. Когда-то, а теперь однотонные, присыпанные бурой пылью из-под ног.

Сзади — короткий, печальный свист. ДаКоста запел вдруг, подперев голову руками. В три ноты, хрипло, завывая и путаясь в словах. Протяжная грустная песнь, три ноты — в тон звериному реву.

"я помню тот Ванинский порт
и вид космолета угрюмый
как шли мы по трапу на борт
в холодные мрачные трюмы..."

Эрвин поежился. Старая каторжная песня. Дома, на Семицветье ее горланили первопоселенцы — седые деды, тщетно пытаюсь отогреть водкой замороженную эмигрантской палубой душу.

ДаКоста закашлялся, сплюнул, умолк.

— Что это? — хрипло спросил Эрвин, не отводя глаз от странного шествия.

— Это... это, брат, вроде нас. Тоже космонавты, — ответил ДаКоста, не поднимая головы. Голосом тоскливым и хриплым до ужаса, — видал я уже такое. Здесь. Стада из степей — в столицу гонят, на мясокомбинат. Закатают в банку — и вперед, покорять глубины космоса...

В небе над головой неторопливо проплыл "Венус" — черное лезвие в ореоле огней, старый жертвенный нож, иззубренный и уставший. ДаКоста погрозил ему кулаком, сплюнул и отвернулся.

— Вот бедаолаги... — согласно вздохнула Ирина.

Завыл зверь — громадный, куда больше бэхи. Завыл в тон словам, тоскливо, задрал в воздух широконосую рогатую голову. Мотнулся из стороны в сторону шипастый, костяной воротник. На миг показались глаза — мутный красноватый глаз под большим, слезящимся веком.

Погонщики — Эрвин, прищутив глаза, увидел внизу цепочку всадников не-пойми-на-чем, кольцом окружающих стадо — погонщики налетели, ткнули гиганта в бок. Длинной, тонкой палкой-копьем. Сверкнула вспышка, в уши хлестнул сухой, электрический треск. Зверь тоскливо взревел и качнулся обратно.

Один из погонщиков отделился и поехал вперед — по склону вверх, прямо на бэху. Теперь Эрвин смог подробней разглядеть "коня". Это была... Эрвин даже сморгнул, не сумев поверить, в то, что он видит. Охнул ДаКоста за спиной.

— Ой, madre of hures, что-то я нагетсы слегка разлюбил.

И впрямь, то, что скакало вверх по склону прямо на них, больше напоминало гигантскую курицу. Или индейку. Те же смешные короткие крылья, две сильные лапы, грязные белые перья, клюв и маленькая, увенчанная алым гребнем голова. Только ростом тварь была сильно побольше бэхи. Всадник взмахнул копьем. Эрвин передернул затворы, развернул пулемет, лоя в прицел хохлатую голову. Курица, ни дать ни взять. Вид двух стволов охладил порыв погонщика. Тот замер, развернув на месте пернатого "коня". Привстал в стременах, проорал — по тону, приказ, отрывисто, лающим голосом. Ветер смял и унес слова прочь, до Эрвина долетело только короткое: "Мез-ги". Не пойми что. Эрвин заметил вдруг что всадник — женщина. Суровая, с квадратным, обветренным степным ветром лицом. Волосы сплетены в косу, вокруг головы — чудная, красная, в белую точку повязка. Всадница махнула копьем еще раз, проорала опять свое непонятное "мез-ги". Судя по жестам — приказ убратсья. Под крыльями птицы — мешки в тороках. Сзади, ближе к хвосту, в плетеной корзине — еще люди, должно быть семейка суровой наездницы. Одна

пассажирка высунулась, почти перегнувшись через плетеный борт, смотрела неотрывно на Эрвина, бэху и пулемет. Девочка лет восьми. А глаза ясные, большие и удивленные-удивленные.

— Пряма, как у меня сейчас, — подумал Эрвин, разворачивая стволы обратно на ноль. Всадница развернула коня, гигантская курица в два прыжка исчезла из вида.

— Эрвин, как мы пройдем? — аккуратно спросила Миа из-за рычагов. Спокойно, до сих пор верит, что Эрвин знает, что делает. Строить планы по карте было легко. Вчера. А сегодня почему-то дико стыдно.

— Никак. Я дурак, девчонки...

Миа пожала плечами, не изменившись в лице. По виду — все равно уверена, что Эрвин что-нибудь да придумает. Ирина опустила глаза в планшет:

— Это не ты. На карте написано просто — дорога.

— Ага. Дорога. Улица. Которую надо переходить в специально отведенных для этого местах, — потянул с места ДаКоста, гнусаво, подражая электронному голосу городского информера, — даже если вы на танке.

— Знать бы еще, где оно, то место. Ир, там, на карте значка перехода нет? зебру нигде не нарисовали?..

— Нету. Тут вообще мало что есть. Это гражданской службы карта, почти слепая.

— Тогда вернемся и пройдем по следу грузовиков. Местные должны знать, что здесь к чему. Хотя...

Эрвин пригнулся, покрутил рычагами приемника. Родилась было дурацкая мысль — поймать военную волну, дозвонится, выкликать Пегги. Очередой тур шоу "Боже храни идиотов" — могло помочь... могло. Но нет — динамики были мертвы. Лишь хрип помех и звенящая, чуть слышная музыка. Иоганн Себастьян Бах. "Должно быть, церковная станция" — подумал Эрвин. Завеса пыли над головами разорвалась. Брызнуло солнце. Сверкнули горы вдаль — алмазные, льдистые пики. На мгновение Эрвину показалось — там, вдаль, под холодным блеском небесного "Стола ангелов" мелькнула теплая золотая искра. Латинский крест. Сан-Торрес-Ультрастелла. Тот самый. Близко, черт его возьми. В долине внизу — топот ног, как будто стал глуше. Эрвин пригляделся — и точно. В сплошном потоке тварей — разрыв. Одно стадо уже прошло мимо них, второе — еще не подтянулось с востока. Конечно, зазор невелик, но...

Эрвин облизал внезапно пересохшие губы. Будь он один — уже вдавил бы газ. Но... Разрыв невелик, земля изрыта, пыль затянет глаза. А, случись чего — броня не спасет, второе стадо их просто раздавит. Ирина, Миа. Эта спокойна, своей всегдашней дикарской безмятежностью. Верит, что Эрвин справится. Лишь рука на руле чуть дрожит — вон, как блики играют.

Секунда нерешительности спасла им всем жизнь. Секунда тишины — и по ушам молотом ударил громовой рев а над противоположным холмом воздвиглась, распарывая небо, огромная плоская голова. Дрогнула земля. Вдруг, Эрвин почувствовал толчок даже через мягкие рессоры бэхи. Клацнули кривые клыки. Сотрясатель, пута их мать... Решил, что тут ему завтрак накрыли...

— Миа, заводи, — рывкнул Эрвин, рывком разворачивая пулемет, — задний ход, сматываемся...

Взвыл, перекрывая шум боя, движок. Бэха отпрыгнула назад, как живая, замерла, рванулась, уходя в крутой разворот. Сотрясатель — огромный, непропорционально

большоголовый, страшный уже посреди равнины. Гигантская пасть вся в крови, клыки и плоская, лягушачья морда — в алых, блестящих на солнце протеках. Сверкнула электрическая дуга, погонщицы заорали, закрутились, сгоняя в оборонительный круг ревущее в панике стадо. Твари испуганно ревели, жалась спиной к спине. Вскинулись, закачались над головами хвосты — лес сильных, гибких хвостов с острыми шипами на кончике.

Пыль закружилась, взлетела в воздух опять. Столбом, закрывшим от глаз поле боя. Бэха взревела — Миа, выполняя приказ, гнала машину прочь, подальше от поля звериного боя. На гребне Эрвин обернулся назад — часть зверей в суматохе отбилась, бежала прочь. Погонщики настигали — гигантские курицы летели, перебирая землю голенастыми лапами. Вожак развернулся на месте, взревел — четырехлапый, приземистый, седой гигант с костяным воротником. Эрвин нажал на спуск. Короткая, патронов на десять очередь. Трассеры вспыхнули — россыпь горячих, злых искр в траве. Погонщики шарахнулись, курицы заклохтали, замахали крыльями, метнулись назад. Зверь исчез — собрался, припал на задние лапы и в один прыжок перемахнул гребень.

— И впредь не попадайся, — весело крикнул ДаКоста вслед. И засвистел. Эрвин вернул стволы в ноль, угрюмо думая, какого черта он полез в этот бой. Впрочем, понятно, какого: про Ванинский порт любил петь его дед, дома, на Семицветье.

Миа из-за руля напевала, тянула свой дикий туземный напев. Ложилась под колеса трава, впереди зеленой стеной стоял лес — тот самый лес, откуда они выехали утром.

Глава 16

— Эрвин, глянь, чего я нашел

Из-за спины донесся хруст обертки, треск и довольный возглас, сказавший Эрвину ясно — ДаКоста опять нашел чего пожрать. Немудрено, для человека сидящего бок о бок с провиантским ящиком.

«Вот только его содержимое надо бы и поберечь. С такой охраной он недолго продержится», — угрюмо подумал Эрвин, разворачиваясь в кресле стрелка. В лицо полетела, сверкнув на солнце серебряной рыбкой, обертка. ДаКоста усмехнулся, оскалив в небо желтые зубы. Эрвин поймал на лету. Плитка шоколада, черная, размякшая на здешней жаре. Сладкая.

— Ваша, кстати, с Семицветья, — уточнил ДаКоста, разглаживая на колене желтый, хрустящий листок упаковки, — rip-up серия, Айриш 17, фабрика Строгова. Семицветье. Ир, это, часом, не ты? — беззлобно оскалился он, тряхнув в воздухе яркой картинкой.

— Нет, — сурово рявкнул Эрвин с высоты стрелкового кресла. Прежде, чем успел разглядеть на рисунке веселые, смеющиеся глаза, юбку вразлет и заплетенные в косу черные волосы.

— Ой, а отец еще говорил — они провалились в продаже, — осторожно шепнула ему Ирина. Чуть погодя, в обед. Веселая картинка была безжалостно изъята из липких от черного шоколада рук и вручена на хранение Ирине Строговой.

— Наверно, он и загнал всю партию на флот. Подальше от глаз. Кто же знал, что так повернется.

— Глупая шутка была.

"И опасная, — подумал про себя Эрвин, карабкаясь обратно, за пулемет, — знал бы папа Строгов, куда его дочку судьба занесет"

— Да ладно, глупая, классно же вышло, — перебив мысль, брякнул ДаКоста. Эрвин выругался втихаря — слух у маленького матроса оказался как на грех лучше обычного. А тот украдкой сунул Лиianne вторую половину, обернулся, глянул, прищурившись, в клубы пыли у бехи за кормой и присвистнул:

— А вон и наш приятель. Ускорился, как будто согласен со мной. Эй, тут нам самим мало...

Эрвин оглянулся. Машину качнуло. За кормой бехи трусил Сотрясатель — неспешной, упрямой рысью. Трусил, уставив на них красноглазую тупую морду. До ушей долетел короткий, жалобный треск — ветви деревьев ломались твари о шею, не задевая мощной головы — бурой на фоне неба. И так целый день, от самого великого тракта.

Миа добавила газ. Беха качнулась опять, подпрыгнула на коряге.

— Вот привязался, — угрюмо буркнул ДаКоста, вытирая пятно от чая на брюках.

Сотрясатель взревел. Что творилось в этой гигантской треугольной башке — было решительно непонятно, но: раз поймав беху взглядом гигант ее уже не отпускал. Вначале пытался догнать. Зрелище было еще то: зверь летел галопом, задрав в небо хвост, большими лягушачьими прыжками. Казалось — царапая небо головой. Перетрусили все, но БТР в руках побледневшей Мии уверенно держал дистанцию. Полчаса гонки, потом сотрясатель выдохся, перешел на шаг и отстал. Беха тоже сбавила ход — исчерканная канавами, ямами и

тростниковыми ловушками равнина была явно неподходящим местом для рекордов.

Особенно с таким судьей. Так и шли весь день, Беха впереди, сотрясатель где-то в километре сзади — к лесу, стоящему зеленой стеной на горизонте.

"Скорее бы, — угрюмо думал Эрвин, в сотый раз прикидывая расстояние на сетке прицела. Еще немного, а под деревьями можно попробовать сыграть со зверюгой в прятки. Свернуть, уйти в сторону, спрятаться в густой листве. Знать бы еще, как у него с нюхом.

Беху мотнуло слегка, острый нос дернулся вниз — машина перевалила гребень холма и пошла вниз, спускаясь в неглубокую котловину. Вниз, потом вверх и вот рядом уже шелестящий под ветром лес. Рукой подать.

— Миа, тормозни слегка, — окрикнул Эрвин вдруг, навинчивая на ствол тяжелый ребристый цилиндр. Лианна дернулась, лязгнули рычаги, глухо взвизгнули резиной покрышки. Миа вдавила тормоз. Сотрясатель взревел, задрал к небу треугольную, лягушачью морду. В этом реве потонул, скрылся короткий хлопок холостого заряда. Дымный след рванул в небо по крутой дуге, на миг завис — и ударил, вспух белесым облаком на морде зверя. Прямо у широких ноздрей. Без толку — сотрясатель не сбился с шага и даже не чихнул, лишь мотнул тяжелой башкой из стороны в сторону.

— Покой? — окликнул ДаКоста Эрвина

— Он самый, жаль что у нас он один. Зато нюха у твари теперь точно нет. Миа, ходу, — откликнулся Эрвин, разворачивая обратно стволы. В морду твари прилетел «П-39» или «Покой» — убойной едкости газ, используемый при разгоне мятежей на флоте. Эрвин такого разок хватил — и провалялся неделю. А сотрясатель даже не чихнул, гад.

Беха под ним встряхнулась, перевалила грядку. На лицо Эрвину упала тень зеленых, низких ветвей. Затрещал тростник под колесами — сухо, резкой барабанной дробью.

Одна тростниковая глухая стена, за ней другая — Миа чуть сбавила ход, вела БТР осторожно. Машину подбрасывало всякий раз — упругие стебли пригибались под ними, пружинили, силясь поднять БТР за брюхо. Сотрясатель позади замер, замотал головой — должно быть потерял их из виду в траве. Потом рыкнул и затрусил опять, задирая в воздух мощные лапы. Не к ним, чуть левее...

— Куда это он? — осторожно спросил Эрвин, не зная, что думать. Миа решила, что это вопрос и развернула машину. Тоже налево, вдоль зеленой стены. Меж двух рядов тростника, плотных, густых как изгородь. Шелестели колкие листья над головой. Один нагнулся под ветром, дернулся, зацепив Эрвину шляпу. Край тут же обвис — тонкий порыжевший лист был остер как наваха. Эрвин машинально поежился, вбирая голову в плечи. Миа убрала газ, рык движка стал тонок и еле слышен. И тут откуда-то слева из-за травяной стены долетел насадный машинный рев, лязг и чужой, звонкий голос.

— Растяну и двину, негодяи... — и еще пару слов. Говорили раскатисто, длинно. На земном. С тем же успехом могли и на туземном. Эрвин все равно не понял ни черта.

— Плохой перевод, — отозвалась с места Ирина в тон незнакомцу. Машинально, и только потом опомнилась, крикнула Эрвину:

— Тормози.

Беха свернула, с хрустом проломив тростник, выехала на поляну и замерла. Эрвин оглянулся. И увидел. Слева, в кустах. Тростниковая ловушка поймала чужую машину.

Это был старенький трехосный грузовик с латинским крестом на открытой кабине. Стебли спружинили под днищем, поймали, подняв в воздух обе задние оси. Могучие колеса крутились в воздухе — беспомощно, не касаясь земли. А передние вращались, разбрызгивая

мягкий песок — но тоже без толку, лишь глубже зарывая машину. Бампер уже до половины в земле. Туземка на крыше посмотрела на них — равнодушно, взгляд больших серых глаз едва скользнул по раскрашенному БТР-у. Зато водитель махнул им рукой. Эрвин невольно сморгнул — таких людей здесь он раньше не видел. Высокий, тонкий. Кожа — не земная, плотная, почти черная на палящем солнце и не туземная — прозрачная, переливающаяся, играющая огнем в солнечном свете. Перламутрово-белая, цвета алебаstra или свежего молока. Чуть мерцающая серебром под солнечными лучами. Светлые волосы, правильные тонкие черты лица — тоже странные для этих джунглей. Лишь рубашка и шляпа на голове — обычное, потертое в дороге хаки. Бэха подъехала ближе. Водитель бросил рычаги, заглушил мотор и улыбнулся, широко разведя руками. Улыбка у него тоже была под стать лицу — открытая, правильная.

— Живой мертвец, — прошипела Миа из-за руля, ткнув в чужого водителя пальцем, — берегись его, Эрвин.

Из-за спины — испуганный, сдавленный писк. Лианна, судя по голосу. Лязгнул затвор. ДаКоста хрипло выругался по испански. Водитель улыбнулся еще раз, поднял руки — рукава задралась, обнажив запястья. И сказал, обращаясь к сжавшейся за рулем Миэ:

— Дочка лесов, разве ты слышала, чтобы мертвецы служили крестовому богу?

Мягко так сказал. Будто не за его спиной топал ногами и ревел сотрясатель. Будто не ему в лоб смотрел шотган в руках ДаКосты. Миа невольно отшатнулась, помотала головой, поднимая руки в немом изумлении.

— Слухи, ехиднины дочки, того, кто вас пустил — и впрямь стоило бы растянуть и, в переводе Гаспаряна, хорошенько двинуть. Не бойся, дочь туманного леса, у меня кресты на руках и я помню свою мать. Она носила те же знаки, что и ты.

Миа изумленно помотала головой. На запястьях водителя и впрямь — латинские кресты, выжжены тонкой туземной вязью. Эрвин встряхнувшись, спросил:

— Кто вы?

— А вы?

— Эрвин Штакельберг, волонтер флота.

Водитель оглядел Эрвина, Ирину, Мию — взгляд слегка задержался на вязи татуировки — и слегка усмехнулся в ответ:

— С семейством, гляжу. А я Станислав Лаудон. К вашим услугам. Как видно из моей слегка экспрессивной тирады — преподаю здесь классическую латынь...

— Латынь? Здесь? — переспросил Эрвин. Пот скользнул струей по виску. Птица защebetала в ветвях. Еще вчера Эрвину казалось, что на этой планете ему уже нечему удивляться.

Станислав, должно быть, заметил его удивление — усмехнулся и развел руки еще шире:

— Ну, не научный же атеизм прикажете преподавать в церковноприходской школе Сан-Торрес де Ультрастелла. Куда, в общем, и еду. Точнее, как сами можете увидеть, сижую. Сижую по уши в песке в направлении классов, работы и града божьего.

— Эрвин, ты веришь ему? — осторожно спросила Миа. Ирина накрыла своей ее ладонь на руле. И внезапно подняла глаза и спросила, потрянув черной косой:

— Non vides quanto moveas periclo,

Pyrrhe, Gaetulae catulos leaenae?

Dura post paulo fugies inaudax

proelia raptor.

Алое перо сверкнуло молнией в ее волосах. Переводчик в ухе Эрвина пискнул — беспомощно. Латинская звенящая речь оказалась ему не по силам.

— Вы правы, не стоит трогать львенка из чрева львицы Гайтульской. А то ведь, подобно герою Горация, можно и не успеть убежать. Довольны?

— Странный перевод... — задумчиво проговорила Ирина, обернувшись назад. Эрвин поймал ее взгляд: "Все, мол, в порядке"

— Работы моей тезки, очень рекомендую. Но...

Задрожала земля. Сильно, глухим звоном откликнулись подпрыгнувшие решетки на полу бэхи. Ветер прошелестел над головой, рванул листья в кронах деревьев. Тень проползла траве, окрасила серым человеческие лица. Тень огромной головы, украшенной длинными кривыми клыками.

— Сотрясатель идет, — проговорила туземка вдруг. Спокойно, не повернув головы. Лишь мелодично прозвенели в такт словам вшитые в бахрому на куртке монеты.

— Критик прямо, такой разговор испортил, — угрюмо буркнул Станислав, оглядывая клыкастую, хищную морду.

Сердито лязгнул шотган в руках у ДаКосты. Храбрый, но бесполезный жест. Слишком мал у «мира» калибр.

— Прыгайте к нам, — махнул Эрвин Станиславу, — быстрее

К его удивлению, Станислав мотнул в ответ головой.

— Подожду. Забыл вам сказать...

Над полем разнесся крик. Протяжный, переливчатый крик, отозвавшийся звоном под черепом. Зверь замер, обернулся на звук. Оскалил клыки — было видно, как ходят буграми мускулы на груди, и бьется жила на широкой шее. Рывкнул в ответ — оглушительно, даже заложило уши. Туземка в кузове задрала голову, подхватила, затянула в такт. Капюшон сполз с ее головы, обнажив длинные белые волосы. Качнулись рукава с бахромой — вшитые мониста зазвенели, мягко, мелодией к песне. Переводчик в ухе Эрвина кашлянул, свистнул — льющиеся из чужого горла звуки были странны и дики, но машина, к удивлению Эрвина, разобрала слова:

— Здесь поле вспахано. Здесь стоит мой дом. Этот мир велик. Есть и тебе места поставить лапу. Прошу тебя, уходи по-хорошему.

Новый крик эхом долетел с поля. Слова вились и звенели угрозой. Зверь зарычал. Эрвин вскочил и увидел — за спиной твари на поле, в зарослях высокой, зеленой травы. В лицо твари кричал человек. Один. Грозно, как вызов на бой. Плоское лицо горит и переливается злым, солнечным светом.

— Забыл вас предупредить, — усмехнулся Станислав, так и не вылезший из-за руля, — Со мной ехал команданте Яго и его люди.

— Люди?

— Да. Туземное «коммандо» охотников за чудовищами. Так что бежать пока погодим. Да и...

С поля донесся треск: сухой, отрывистый звук. Будто старый брезент разорвался, зацепившись швом за корягу. Ружейный залп. На морде твари вспыхнули фосфорные, обжигающе-яркие искры. По загривку хлынула кровь — густой багровой волной, почти черной на рыжей, бородавчатой коже. Одна из пуль пробила вену. Зверь взревел, задрав вверх клыкастую пасть. И прыгнул. С места, подняв в небо когтями столбы черной земли. Пролетел поленасквозь, обрушившись на землю всей массой. Хлестнул по земле длинной

плетью хвоста — пыль, трава и черная грязь взлетели вверх, столбом в синее небо. Вихрь ударил в лицо, сорвал и едва не унес с Эрвина шляпу. В уши, сквозь ватную пелену, влетел новый звук — сердитое винтовочное так-так-так. Размеренно, через равные интервалы.

"Черт, их же размажет сейчас", — думал Эрвин. Машинально. Руки его уже развернули вверх пулемет. Стопор снять, левую ногу — вперед, стволы плавно ползут налево и вверх, вдоль линии горизонта. Солнце мигнуло в лицо, клыкастая голова твари вползла, запуталась в узоре линий прицельной сетки. Предохранитель. Эрвин потянул вниз тугую скобу — и замер, не закончив движения. Горло обожгла холодная сталь.

— Это не твой бой, чужеземец, — в такт голосу — тонкий звон и шелест лент. Мониста на бахrome. Туземка, та, из машины. Та, что пела, подхватив с поля боевой клич. Эрвин совсем забыл про нее. А она каким-то чудом перескочила вмах с машины в машину. И замерла, приставив нож Эрвину к горлу. Сизая сталь, широкий тонкий клинок. Латинский крест на широком обухе у зарубок. И такой же — на пальцах сжимавших нож. Миа вскочила, в ее руке, свистнув, провернулся разводной ключ. За спиной глухо лязгнул затвор. И еще один — "добро" в руках Ирины оскалило в спину чужачке широкое дуло. Недобро так.

— Не мешай, чужак. Не порть моим мужьям их охоту...

Эрвин осторожно мигнул, помянув про себя некстати заглочивший переводчик. Палец на скобе замер — на миг. С поля — полный ярости и боли звериный рев и стук выстрелов. Интенсивность огня не уменьшилась. Почти.

— Она права, Вам лучше не лезть, — это Станислав подал голос с места. Голос разума, мягок и тих, — ваш пулемет хорош, но и морда у твари бронирована, а уязвимых мест вы не знаете. Только отвлекете и спутаете Яго рисунок боя.

Эрвин замер. Хоть руки от ствола и убрал — но все же сомневался.

— Для людей «коммандо» это уже три столетия как работа. Было время руку набить. Не волнуйтесь, старый Яго знает, что делает. Хотя с манерами у его жены, конечно, беда.

Эрвин убрал руки от оружия. Стволы развернулись обратно, на ноль. Нож исчез, туземка перескочила обратно — под звон монист, одним неуловимым взглядом движением. Уселась, подняла глаза на поле и замерла, не обращая больше ни на что внимания.

— Кто это? — спросил Эрвин. Аккуратно, одними губами. Заныло горло, вспомнив холод ножа.

— Эви, хан-шай коммандо старины Яго. Чудная особа, но в ее должности это, как раз, неудивительно. Мало ли здесь чудес. Давайте потом, смотрите — бой на поле заканчивается.

Эрвин поднял глаза — в самом деле, рев сотрясателя стал куда тише. Тягучий, уже жалобный рев, теперь боли в нем было куда больше, чем ярости. Поле затянуло — пыль взлетала от ударов лап и хвоста, вихрилась, стояла в воздухе, затягивая серым пологом картину боя. Приходилось напрягать глаза. Сотрясатель был виден ясно — изломанный черный силуэт. И, сквозь серую пелену: вспышки выстрелов — короткие, алые, злые. Эрвин, приглядевшись, ловил ритм — "коммандо" били, развернувшись в длинную цепь. Дальний край начинал, всаживая в морду твари зажигательные заряды. Один, другой... без эффекта, но разъяренная тварь кидалась в гневе на них — кидалась, пролетала всю цепь из конца в конец и получала точный как смерть залп бронебойным под брюхо. Масса и ярость работала против нее — инерция броска протаскивала тварь над цепью, не позволяя вовремя остановиться. Гигантский хвост бил по земле, взрывая, выбрасывая дерн и траву высоко в синее небо. Эрвину оставалось гадать — каким чудом никого из стрелков не зацепило. Впрочем, за них работало триста лет опыта. На его глазах бросок повторился — другой

конец цепи взвел ловушку в свой черед. И еще. Зверь замер, завыл, подняв в небо тяжелую морду. Оскалил щербатую пасть. Меж желтых клыков мелькнула короткая вспышка — пуля ударила, сломав кривой клык. Пыль осела — слегка, зверь стал виден — исполинская черная тень на фоне синевы неба.

— Круг зубов его — ужас, сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов, — начал вдруг Станислав мерным речитативом, — как мой куратор по школе любит говорить... Беда здесь с библейскими цитатами...

Зверь замер, качнулся — уже нетвердо стоял на ногах. По плечам и шее — потоком черная кровь. Остроносые туземные пули с дьявольской точностью нашли и вскрыли яремную вену.

... будет ли он говорить с тобой кротко?

С поля — опять человеческий крик. Протяжный, торжественный. Даже печальный. Зверь мотнул головой, взревел в ответ и упал. Камнем — вниз, на враз подломившихся лапах. Привычно задрожала земля. Станислав сбил шляпу со лба и сказал — невпопад:

— А лучше бы говорил. Эх, слава павшему величию...

Эрвин поежился, на миг позавидовав веселому латинисту. Сумел же выразить невнятное чувство в слова.

А туземка — Эви — запела опять, встав в полный рост в кузове чужого грузовика. Ритмичный резкий напев, звенящий, радостный. Тонким, ритмичным звоном откликнулись монеты, вшитые в бахрому на рукавах. Эрвин вздрогнул и отметил — совсем невпопад — что она красива и молода, хоть и куда старше Мии. Глаза горели огнем. С поля ответили — торжественным, радостным кличем. Станислав собрался, поправил шляпу и зачем то спрыгнул из-за руля вниз, спиной к броне бтра. На поле вилась серо-желтая хмарь — поднятая пыль никак не хотела оседать, вилась над землей клубами. Из пыли на них выплыла серая тень. Потом еще и еще. Первая — высокая, длинная, с перекладиной, как на церковном кресте. Эрвин от удивления сморгнул пару раз, потом сообразил — это воин, приветствуя их, высоко поднял над головой длинную винтовку.

— Хай, смотрите, вот Уг-Квара идет, — затянула Эви, подняв руку, — самый юный из тех, кто встретил дракона...

Но крест Святого Якова на шее его,

ярче солнца улыбка его

Дева из города не спит,

Счастлива будет дожждаться его

на пороге отчего дома...

Она пела, слегка раскачиваясь, ветер смял и отбросил назад ее волосы — белые, цвета снега и серебра. Звенели музыкой в такт словам монеты на рукавах и воротнике оливковой куртки. Фигуры выплывали из тумана одна за другой — Эви, приветствуя, называла их, сплетая звуки чужих имен в торжественной песне. Перед каждым — подрагивала слегка.

Эрвин поежился на миг, сообразив — это пыль клубилась над полем, фигуры воинов различимы ей не больше, чем ему — и, значит, песнь торжественной встречи дрожит всякий раз, готовая обернуться погребальным плачем. Но — обошлось. К Эрвинову огромному удивлению — обошлось. «Коммандо» туземцев и впрямь сумело без потерь завалить огромного сотрясателя.

Дела...

Ирина обернулась, крикнула пару слов. На туземном — Лиianne. Просьбу сготовить

обед. На всех, включая Станислава и «коммандо». Эрвин молча кивнул — молодец, мол, спасибо, разумно.

Торжественная песня затихла — последний из воинов вышел с поля на свет. Невысокий, коренастый, с плоским невозмутимым лицом. Морщины и шрамы вились по нему, сплетаясь с узорами татуировки. Косые кресты на висках, на лбу — засечки. Метки убитых чудовищ. Спираль на щеке.

«Последний — должно быть, и есть их команданте. Яго, или как там его. Чудное слово, — подумал Эрвин, зачем-то проверяя в десятый раз за день пулемет, — похоже, чудеса на сегодня только начинаются»

— 17 Комманданте

Глава 17

Они выходили на поляну по одному — тенями из облака пыли, земли и сгоревшего пороха. Воины туземного коммандо, все высокие, усталые, с головы до ног в охряной, серой и зеленой пыли. Эви из кузова приветствовала их, называла по именам, мелодично и звонко. В ответ — короткие фразы и взмахи рук. Скупые и точные ритуальные жесты. Хлопала, взвивалась, бахрома на рукавах. Один что-то крикнул, протянул Эви винтовку — церемонно, прикладом вперед. Эви улыбнулась, но не взяла — помотала головой, подняла руки в отрицающем жесте. Показала на Эрвина. Воин развел руками — он был явно разочарован, хоть и хорошо скрывал. Другой пожал плечами, хлопнул его по плечу. Окликнул Мию за рулем. Та ответила с улыбкой, подставив солнцу вязь на щеках. Переводчик в ухе закашлялся, съев окончания. Чужие взгляды собирались, скользили по Эрвину, бэхе, Мие, Ирине на кресле рядом. Спокойные, оценивающие взгляды. Беху брали в полукольцо. Лианна подалась назад, аккуратно скрылась мужчинам за спины. Маар взвизгнула, перегнувшись через высокий борт: "Коммандо. Всамделишное. Как в сказке". Ирина выбросила руку на борт, пробарабанила тонкими пальцами по броне. Один из воинов округлил глаза, протянул руку, показав пальцем на шрам на ее ладони. Сказал хрипло: "ХанШай". Воинь переглянулись, заговорили — разом. Их голоса загудели вокруг пеньем птиц — гортанные, удивленные голоса. И — разом — смолкли. Люди на поле раздвинулись слегка, давая дорогу. Маар взвизгнула, задохнувшись на миг словами — разглядела, кому. Потом перевела дух, ткнула пальцем и выдохнула короткое: "и комманданте".

— Пабло, подмени меня, — бросил Эрвин через плечо, вставая с места у пулемета. Ветер нес с поля в лицо дым, запах пороха, пыли и драконьей крови. Под руками — зарядный ящик, полный черных ребристых дисков-гранат. Эрвин зачем-то сунул одну в карман, прыгнул через борт и пошел. По траве, навстречу человеку с длинным ружьем на плече, медленно идущему на них с поля боя.

«Комманданте Яго, или как там его. Путь спокойной земли» — подумал Эрвин, вспомнив рассказы Мии у костра. Труп Сотрясателя лежал позади, громоздился за спиной туземца черной, бесформенной тушей, — теперь воистину спокойной. Говорящее название у них, ничего не скажешь"

Убийца гиганта был невысок, кряжист и плосколиц. Одежда простая, как на всех здесь — штаны, рубашка и куртка с длинными, расшитыми рукавами. Никаких медалей, блессток или знаков отличия — из украшений лишь бахрома на рукавах. Эрвин мысленно подставил рядом туземного вождя из деревни — у того на лбу разноцветные перья, ленты, посох в руках и лицо важное, куда офицеру. А тут все просто...только на лбу плотный ряд крестов и засечек — знаки побед. Одна, две, три... много. Две косы на щеках. А под ними, на высокой скуле выжжен странный здесь игривый котенок.

"Зачем ему? — подумал Эрвин, еще раз пересчитал победные метки на лбу и решил засунуть любопытство подальше в карман, — такой может хоть чего рисовать — все равно ведь не рискну спрашивать".

Глаза комманданте тем временем так же цепко ошупывали его. Пробежались по Эрвину, скользнули назад, за его плечо, на бэху. Цепкий, внимательный взгляд серых глаз. Из-за спины донесся посвист и хлопанье крыл. «Иринины птички» — не отвлекаясь,

подумал Эрвин. Глаза команданте дрогнули на миг, округлились в немом изумлении. На миг. А потом он остановился. Поднял руку — на запястье сверкнул выжженный крест — черный на зеркальной туземной коже. Эрвин хотел было повторить жест, но вместо этого по наитию перекрестился.

Видимо, угадал. Команданте одобрительно кивнул и заговорил — нараспев, протяжно и медленно. Четко проговаривая слова:

— У тебя вид людей с корабля, человек, но на твоей машине — символ святого Георгия. Драконий клык, — пояснил он, увидев на лице Эрвина недоумение. — Дочь туманного леса носит твой узор на лице. Твоя старшая — тоже со звезд, но говорит с птицами, как лесная колдунья. Похоже, я встретил странную сказку, человек. Скажи мне, кто ты?

— Эрвин Штакельберг, волонтер флота.

Команданте развел руками — слегка, черная коса на виске задрожала, словно от смеха.

— Имя не скажет мне ничего, а знаки — я и так вижу ромб на твоём рукаве. Дочь туманного леса нанесла его себе на лицо и, видно, что очень старалась. Это нелегко заслужить. Но твое лицо чисто, человек.

— Не в нашем обычае татуировать лица.

— Может, это не его знаки, командир, — крикнул один из-за спины команданте. Воин, тот, что протягивал Эви винтовку. Вскочил на ноги, положил ладонь на затвор. За спиной глухо взвыл БТР, дернулся, чихнул мотором. Выплыл на вид — плавно, целя в грудь крикуну потрепанный тесак волнореза.

"Надо бы и покрасить, а то ржавь пойдет" — подумал Эрвин вдруг — невпопад, как-то совсем некстати. Ладонь достала из кармана гранату. Вынула, подкинула в воздух. Крикун сник — команданте остановил его одним взмахом руки. И продолжил, обращаясь к Эрвину:

— Убери. Мы не дети, чтобы меряться игрушками.

Эрвин кивнул. Граната исчезла. Так же внезапно, как и появилась. Мотор бэхи чихнул и затих. Команданте продолжил — так же размеренно:

— Жаль, что вы не татуируете лиц. Я прочел бы там все, что нужно. Мы не трясли бы воздух сейчас, не говорили бы лишних слов, рискуя не понять друг друга. Не умирала бы от любопытства моя жена. Молодой Кхаар не лез бы спасать ту, кого спасать теперь явно не надо. А теперь, человек, тебя впору назвать «ступор мунди».

Эрвин от удивления сморгнул — было дико услышать в этих устах четкую латинскую цитату. Команданте чуть улыбнулся — смешно дернулся котенок на высокой скуле — и пояснил:

— Мы не язычники и знаем язык черных отцов из Сан-Торреса. Спроси у латиниста, что это означает, если хочешь. Но потом. А вначале скажи, куда ты едешь, человек, сумевший меня удивить?

— В Сан Торрес де Ультрастелла.

— Ваши стараются держаться от него подальше. Те из них, что ушли из-под взгляда людей с золотыми знаками.

Команданте показал себе на рукав. Солнце сверкнуло на его скулах — ожидающей, хитрой улыбкой.

«То есть офицеров, — мысленно перевел Эрвин, — он решил, что я дезертир»

— Меня послали, и я иду. В Сан Торрес, обходить его мне не надо.

— Тогда ты свернул не туда. Эта дорога ведет в столицу.

— Я не знал, что великий тракт непроходим. Ошибка.

— Даже дети это знают, — команданте явственно удивился. Аж дернулась коса на виске.

— Дети, родившиеся здесь. А я...

— Бьёшься как слепой котенок. Храбрый слепой котенок, я видел, как вы уходили от сотрясателя. Но...

— Я здесь чужой. Покажешь дорогу до Сан-Торреса, команданте?

— Я сделаю лучше. Мы идем в Фиделиту сейчас. Там переход через тракт и Сан-Торрес — мы обещали черным отцам довести до города латиниста и его книги. Потом вернемся сюда — падальщики как раз обдерут тушу сотрясателя, мы заберем череп и увезем. В столицу, город на высоком холме. Юный Уг-Квара сватал дочку из-за городских стен, надо оказать уважение тестю и теще.

Эрвин оценил размеры туземного уважения на глаз и аккуратно присвистнул — дорогой подарок был слегка, но больше городской малогабаритной квартиры.

— До Сан-Торреса — идем вместе. Я все-таки хочу услышать твою историю, человек. Идет?

Эрвин кивнул, слабо понимая, что делает.

— До чего договорились? — осторожно спросила Ирина. Потом, когда все кончилось и все разошлись — коммандо к своему грузовику, Эрвин к бэхе. Напряжение спало. Воины разошлись, уселись, подвернув ноги, на траву, пошли чистить оружие — свои длинноствольные, хищно блестящие на солнце винтовки. Двое без команды встали на караул — неподвижные, мерцающие на солнце статуи. Затянуло острым запахом оружейного масла. И дымком — Эви разожгла костерок, аккуратный и маленький. Поставила треногу, котелок, пошла возится, негромко напевая про себя. Песня лилась, мешаясь со звяканьем ложки и мелодичным звоном чешуек на рукавах. Лилась, улетающая с дымом в синее небо. Эрвин тряс головой, вспомнив, что забыл что-то важное. Потом сообразил — повернулся к рулю, спросил развалившуюся за баранкой Мию:

— Почему них кресты на руках?

— А что же еще им носить? — искренне удивилась та, — это же крестовые люди.

Эрвин удивленно сморгнул. По рассказам Мии и собственным догадкам получалось, что редко поминаемые здесь все «крестовые» — это подчиненные капеллана, иезуиты, хитростью отжавшие у корпорации половину планеты. Но на хитрых иезуитов Яго и его люди походили в последнюю очередь. Дела. Под каблуком мягко хрустнула молодая трава, звякнула железная банка — Ирина прыгнула с бехи, прошла мимо с мешком на плече — от них к костру команданте. От нашего, мол, стола — вашему столу. Эрвин выругался, подумал, что и сам мог бы сообразить. Потом вспомнил, что уже приказывал такое — Лиianne. Обернулся, хотел было рывкнуть — и раздумал. Уж очень дикие были у той глаза. Белые от испуга. Да и Ирина вернулась уже. Эрвин выдохнул и позвал ее к себе — совещаться.

— Едем в Сан-Торрес. С ними, — говорил он ей. Медленно, собирая в кучу смешавшиеся мысли. Глаза скользили, упорно цепляясь за алое перо в ее волосах, — Не могу понять, нас взяли в плен или пригласили в гости. В любом случае — нам пока по дороге. Устал слепым котенком ходить. Кстати, Ирина, посмотри на карте — что за Фиделита такая? Далеко?

— Недалеко. Рабочий поселок здесь рядом, — вставил слово Станислав, слушавший их разговор, — человек на сто. Церковь, поля, склады... И мой хороший знакомый при школе.

— А на картах сплошной лес. Ничего нет, — недоуменно бросила Ирина, взясь с планшетом. Эрвин глянул ей через плечо. Действительно, на карте к востоку — сплошная зеленая стена, разрываемая виньеткой в виде буквы V — эмблемой гражданской службы.

— Получается, что про эту Фиделиту тут знают все, кроме ведомства господина главного комиссионера. Дела, — проговорил он, аккуратно чеша затылок, — ладно, тем лучше. Хоть с этой стороны беды ждать не надо, и то хорошо. А на крестовых все равно поближе посмотреть придется.

Ирина кивнула — на том, мол, и порешили. Солнце палило, дымились паром лужи воды, трепетали на ветру зеленые, сочные листья. Их тени вились, плясали на капотах машин, ложились полосами на лица. Птицы подняли крик в вышине. Ирина свистнула им в ответ, под изумленный гомон туземцев. Зашипела паром вода — Эви залила костерок. Комманданте Яго махнул им рукой, подошел.

— Пора ехать. Если выедем сейчас — к ночи дойдем до Фиделиты.

— Да, только мою откопать вначале надо, — развел руками Станислав.

Комманданте ответил, не повернув головы:

— Откопаем, — махнул рукой своим — коротко — и пояснил, — это был приказ.

Эрвин обернулся — туземные воины разошлись по полю кто куда. Кто сидел, кто стоял, привалившись спиной к дереву — лениво. Если у них и был какой-то приказ — выполнять его явно никто не торопился.

Только Эви встала и вышла на поле, отложив в сторону пустой котелок. Вышла, обошла зарывшуюся в песке машину: нога за ногу, плавным, танцующим шагом. Под тонкий металлический звон: чешуйки, вшитые в бахрому на рукавах, сталкивались, звенели мелодичной, загадочной песней. Так она обошла машину кругом, остановилась перед врытым в землю капотом, пальцами потрогала бампер и замерла. Комманданте крикнул ей — Эрвин не разобрал — что, но голос старого Яго чуть рвался и звенел от волнения. Эви ответила мужу взмахом руки — коротким, под тонкий звон блесок. Остальные воины выдохнули короткое: ХанШай

— ХанШай, — подхватила враз побелевшая Миа. Задрожала рука на руле.

— Что за черт? Она что, так машину вытаскивать собирается? Шаманской пляской? — спросил Эрвин. Просто бросил слова в никуда, выплескивая немое изумление.

Ему ответили. Таким же хриплым от удивления голосом. Станислав, так и не севший за руль:

— Есть многое на свете, друг Горацио... Простите за избитую цитату, но то, что творят местные, и впрямь не снилось нашим мудрецам. Смотрите.

Эрвин смотрел. Было на что. Шаг, поворот — резкий, взвилась облаком бахрома, окатив хозяйку мелодичным серебряным звоном. Подошвы мягких сапог ударили в такт по земле. С пятки на носок, четко, в гипнотическом ритме шаманского бубна. Еще поворот, удар — и Эви вдруг вытянулась, замерла, запрокинув голову в синее небо. Лишь руки мерно дрожат — звон монист взвился, полоснул по ушам, отдаваясь дрожью под черепом.

— Что за...

— Тише, — комманданте оборвал его одним взмахом руки, — Слышишь? Они идут...

Эрвин прислушался — и услышал. Шелест, тихий, скрывающийся звук в листве над их головою. Шелест и мягкое шуршание. Мерное, как расплетающиеся кольца чешуи.

Треугольная голова мелькнула в ветвях. Эви топнула ногой, звон монист взвился в синее небо. Массивная, радужно-зеленая пятнистая голова. Мелькнул раздвоенный язык меж клыков.

— Ты пришел, — выдохнула Эви. Высокая грудь опала и поднялась, отозвавшись мелким звоном нашитых чешуек. Змея плетью свесилась с ветки над головой. Толстой пятнистой плетью, украшенной тяжелой головой с большими клыками. Мелькнул раздвоенный, острый язык. Голова зависла в воздухе, уставила большие, черные, немигающие глаза прямо на Эви.

— Твой черед удивляться, человек, — команданте оскалился, хлопнул Эрвина по плечу. Эрвин не заметил. Было не до того. На его глазах Эви замерла, потянулась, коснулась ладонью треугольной головы. И поцеловала исполинскую змеюку. Дела...

— Королева змей, — выдохнула Миа из-за руля, сложив руки в молитвенном жесте. Ирина фыркнула, пробарабанила пальцами по броне. Птицы над ее головой раскричались — тревожно.

За плечом Эви выросла вторая гибкая полоса. Толстая, в ляжку, с кисточкой на конце. Эрвин вначале подумал — вторая змея, потом понял — удав тот же, просто с хвоста. Мониста звякнули, пальцы Эви пробежали по змеиной голове — ласково, будто почесали за ушком. Хвост обвился вокруг бампера грузовика, напрягся слегка, дернул. Заскрипели ветви над головой, послышался треск. Под ноги Эви, кружась, упал лист. Чвакнул песок, машина на глазах Эрвина задрожала, поднялась и стала колесами на твердую землю. Мониста звякнули, благодарственно, в такт. Зашуршала листва в вышине. Перламутровый, зеленый и синий, чудовищный змей свернулся в клубок, втянулся, распрямляя кольца, в траву и исчез, будто его и не было.

«Дела» — присвистнул Эрвин, проверяя шляпу на голове. Как ни странно, цела. После всех чудес — удивительно даже. Команданте поблагодарил жену — коротко, всего парой гортанных, чудных уху фраз. Та улыбнулась, кивнула в ответ. Звякнул в руке котелок — Эви как раз собирала посуду.

— Может, поедем уже? — аккуратно спросила Ирина, посмотрев на часы. Солнце на небе давно перевалило зенит и ползло сквозь синеву в сторону неведомой Фиделиты.

— Поедем сейчас, — ответил команданте не поверув головы, — к ночи будем в Фиделите.

— К завтрашней ночи, — поправился он спустя полчаса, глядя на озабоченных донельзя Эрвина со Станиславом. Оба в масле с ног до головы. Чужой грузовик заводиться отказался. Напрочь, совсем: упругий росток туземного тростника прошел сквозь проржавевшую защиту картера и пробил старой машине маслопровод. Масло вытекло со всеми вытекающими. Последняя капля — как раз Эрвину на лицо. И в кузове бэхи — бардак, трос не пойми куда подевался.

— Может, ну его? Поедем на нашем? — проворчал Эрвин, вытирая руки черной, промасленной тряпкой.

— Не получится. У нас тут...

Эрвин, не дослушал, заглянул в кузов чужого грузовика. Ничего интересного — вдоль бортов немудрящий дорожный скарб «коммандо», обернутые пластиком тюки — если приглядеться, то видно, что книги. Станислав не врет. Черный ящик у дальней стены. Здоровый такой.

— А это что?

— Это рояль. Из столицы, для музыкального класса. Единственный у нас класс с стопроцентной посещаемостью. Сами видели, как местные поют.

За бортом шелестели ветками порыжевшие колючие кусты. Пела птица в ветвях. Эрвин пожал плечами, спрыгнул и пошел назад, искать трос — в конце концов, после всех сегодняшних чудес рояль в кустах был не самой большой странностью. Через час трос нашли. Еще через час БТР уехал отсюда — на восток, раздвигая носом слежавшийся хворост. Медленно, тяня за собой грузовик со Станиславом за рулем, старым Яго, Эви, «коммандо» и роялем в кузове.

Глава 18

По лесу они ехали медленно, две машины одна за другой. Угловатый, тяжело рычащий мотором бтр и сзади угловатый старенький грузовик на жесткой сцепке.

«Цугом, как раньше — кареты», — удивлялась Ирина, вспомнив учебник истории. Лес вокруг опять пошел густо, плотной стеной толстых стволов и упругих веток, неохотно расступавшихся под ножом волнореза. Опять закачались над головой алые цветы. По ногам протянуло влагой и сыростью, защекотали нос пряные, прохладные запахи дикого леса. Хрустел валежник под колесом. Влажный, чуть слышный звук, усиливающийся при каждом повороте руля. Проплывали над головами низкие, сплетенные ветки. Низко — Эрвин, чертыхнувшись, спустился вниз, когда одна такая гибкая тонкая плеть, свистнув, разогнулась и задела его по уху. Зеленые листья сплетались в сетку над головой — изумрудную, яркую сеть на голубом фоне бездонного неба. «Красиво» — отметила Ира, глядя вверх и слушая птичий гам, там, наверху, в кронах. Над головой, в сплетении листья и сучьев — пятнистая, ярко-рыжая полоса. Хвост. Здоровенный дикий котяра потянулся на ветке, фыркнув Ирине в лицо алой, рассерженной пастью. Протяжно крикнула птица. Спокойно, так, что Ирина решила тревогу не поднимать. Тревожный, переливчатый грай летел не спереди и не сверху. Сзади, из-за кормы второго грузовика. Там, позади низкой кормы шевелилась, шелестела еле слышно трава. Невысоко, на уровне глаз мелькала иногда, качая листву, зеленая толстая лента. До ушей Ирины донесся чуть слышный, ласковый звон — это Эви, сидевшая на крыше грузовика, потянулась, поправила волосы. Меж веток мелькнула тупая, треугольная голова. Змея скрылась из глаз. Команданте Яго — он сидел рядом, неподвижный, что статуя — поймал взгляд Иринин взгляд. Чуть дернул лицом — кожа на скулах растнулась слегка, татуированный котенок словно протянул лапки, играя с серым холодным глазом. Как с клубком. Похоже, команданте так улыбался. Ирина, подумав, решила, что раз гигантский питон не пугает его, то и ей паниковать рано. Да и птицы в вышине унялись, лишь рыжий кот, сверкнув когтями на миг, перепрыгнул с ветки на ветку.

Миа рядом с ней сидела, крутила баранку, аккуратно обводя машины вокруг коричневых толстых стволов. И откровенно веселилась, рассказывая самой себе под нос туземные анекдоты про блондинов, по недоразумению попавших за руль. Сама себе рассказывала, сама себе фыркала, смешно задирая нос. Закатное солнце плясало в уголках век. Эрвин у нее за спиной мрачнел, тоже фыркал — невпопад, чему-то своему. Потом развернулся, махнул, широко разведя руками, Станиславу — извини, мол. Тот лишь коротко мотнул головой. Под колесами хлопнула вода. В глаза ударил красноватый, закатный свет, ослепительный после лесного полумрака. Расступилась зелень, открыв небо над головой. Заплескалась, забурлила под днищем вода. Миа вывела бэу на берег широкой реки и заглушила машину. Эрвин спрыгнул на землю, на миг замер, держась за борт, оглядывая из-под руки горизонт, широкую реку и зеленую глухую стену противоположного берега. Мутная желтая вода плеснула ему на сапоги. Река широка, желтая, лишь на середине потока — белым барашком журчит и бьется на камнях пережат. Ирина поежилась, вспомнив начало пути и тварей из дельты.

— Часовня — там, — старый команданте легко спрыгнул со своей машины, подошел, встал рядом с Эрвином, показывая пальцем на другой берег. Ирина осталась в машине —

сидела, слушала их разговор. Речной ветер гнал небольшую волну, мешал слова, умывал лицо теплым туманом.

— Часовня? — переспросил Эрвин недоверчиво. Стена леса казалась сплошной, противоположный берег — топким и низким. Деревья — стеной, их зеленые тонкие ветви шевелились, качались под ветром, роняя в желтую воду белые, небольшие цветы.

— Часовня, да. Ночь... святых Елены и Ольги. Укрытие, — пояснил команданте, не поведя головой. Лишь слегка запнулся на слове «ночь». Дернул хвостом выжженный на скуле котенок. Взбурлила воду шипастая черная тень. Подводный житель. Эрвин поежился, отступил на шаг и решил, что переспросить еще успеет.

Из-за их спин послышался стук и негромкий лязг железа о железо. Воины «коммандо» прыгали из машины один за другим, разворачивались, вставляли неровной цепью лицом к лесу. Эви перемахнула через борт последней, под мелодичный серебряный звон. Встала, огляделась, кивнула мужу. Закатным пламенем вспыхнул ромб на лице. Руна «огонь». Комманданте кивнул в ответ, котенок на его скуле дрогнул, протянул лапки.

— Через час перейдем. Будет безопасно.

Эрвин недоверчиво огляделся, Ирина тоже. Двое воинов помоложе зашагали вдоль берега, что-то шепча и бросая в воду длинные палки. Смысла в их действиях Эрвин не увидел, но решил, что команданте знает, что говорит. Поэтому он просто развернулся, сочтя разговор оконченным, и нырнул обратно, в кузов бэхи, косясь на Мию. Та было заскучала за рулем — потянулась, пустив зайчик зеркалом заднего вида. Поправила волосы. Начала было расчесываться, но ойкнула, не закончив — услышала лязг из-за спины, обернулась, увидела Эрвина с хитрой железью в руке. И улыбался он весело, примерно как недавно она, рассказывая анекдоты.

Эрвин с важным видом вручил Мие электротестер и поручил «прозвонить» машину коммандо. То есть залезть под днище и аккуратно потыкать щупом в контакты электронного мозга. Методично, последовательно, под руководством Станислава, хорошо слышавшего со своего места все Миины шутки. Тот шутливо поклонился, откашлялся и вежливо предложил «Деве юной, краев Лацианских украшению» начинать немедленно, а то, мол, до ночи не успеем. Миа фыркнула еще раз, но — делать нечего — подчинилась. Ирина улыбнулась невольно — да, краткий курс латинской поэзии туземке теперь обеспечен. Будет знать. Ирина улыбнулась еще раз, на всякий случай пригрозила Станиславу — не увлекайся, мол, я слежу. И занялась тем, что с недавних пор вошло у нее в привычку.

«Соловей поет, до обеда зовет»

Тонкий, переливчатый свист вырвался из подаренной Эрвином тростниковой дудки. Ирина выдохнула короткую трель, на миг опустила, поднесла обратно к губам, свистнула опять. Птицы в вышине отозвались, закричали, захлопали крыльями. Желтые, алые, серебристые комочки перьев, сильные крылья, звонкие голоса — они слетали вниз одна за другой, садились к ее ногам, чирикавая и косясь на Ирину большими любопытными глазами. Она невольно улыбнулась в ответ. Спрыгнула с бэхи на землю, встала, обернулась, держа в одной руке дудку. А в другой — плотно набитый мешок. Кормежка птиц, ежедневный с недавних пор ее ритуал. Даже вечно голодному ДаКосте ворчать надоело. Птицы толпясь на земле, чирикали, щелкали клювами наперебой. Ирина погрозила им пальцем — строго. Без драк, мол, мне. Зашелестел под пальцами узелок. Ирина потянула было завязку. И отбросила, резко, одним движением руки. Дудка взлетела ко рту, воздух рванулся из губ, выдав короткие, резкие ноты.

«Тревога.
Опасность.

Все к мамочке»

Птицы засуетились, забили крыльями, закричали на все голоса. Взлетели, прижались к ее ногам. Защекотало в носу. Рядом с ними в траве — изогнутая серебристая полоса. И еще одна, увенчанная треугольной, тупой головой. И еще. Змея подняла голову, уставив на Ирину маленькие бусины-глаза. Мелькнул раздвоенный язык меж клыков. Закричали птицы у ног. Пронзительно, резко, тревожно. В уши — мелодичный разменный звон. В три такта, четким гипнотическим ритмом.

На нее шла Эви, королева змей. Медленно, мерно, под шипение и звон чешуи — ее свита вилась у ног, шипела, развевая черные капюшоны. Стучали о землю мягкие сапоги. Эви шла на нее. И улыбалась:

— Спасибо, твои птицы решили покормить моих подданных.

«Вот черт, драка нам сейчас совсем некстати» — подумала Ирина. Уголком мозга, мельком, не отвлекаясь. Звенели и бились бусины на бахrome. Ветки за спиной Эви захрустели и раздались, за ее плечом мелькнула большая зеленая голова. Змея у ног Эви встала на хвост, зашипела, раздув капюшон. Ирина шагнула вперед. Дудка взлетела к губам, мелодия полилась, свившись со звоном монист и шорохом листьев. Захлопали крылья. Ветер мазнул по лицу, смял и отбросил назад черную челку — ширококрылый белый орлан упал вниз с высоты. Упал, хрипло крикнув, подхватил когтями серебристую змею, ударил крыльями. Клекот ударил волной по ушам — сердито и яростно.

«Осторожней» — высвистнула Ирина на голом инстинкте. Три ноты: отрывистых, резких. Орлан хлопнул крыльями еще раз, недовольно закричал и выпустил змею. Серебристая лента скользнула в траве, укрывшись у Эви за сапогами. Та притопнула ногой, подняла руку в защитном жесте. Зашипел исполинский удав — глухо, звук звенел, отдаваясь болью под черепом. Хлестнул хвостом по земле, поднял голову, закрывая хозяйку. С неба упала, заслонив на миг солнце, исполинская черная тень. Клекот из вышины. Ширококрылая птица зависла в небе над головой. Плыла, сужая круги, готовая откликнуться на зов Ирининой дудки.

— Крувасса мать вашу мит орен...

Крик ударил как молотом. Ударил, ввинтился винтом в уши, раскидал всех. Змеи у ног Эви сжались, пригнули головы к земле. Белый орлан сорвался с Ирининого плеча. Сорвался, закричал, забил крыльями. Даже изумрудный питон отшатнулся, свился кольцом и опустил на миг голову. Эви отступила на шаг. Эрвин влез между ними. Огромный и страшный — Ирине на миг почудилось, что дрожит под ногами земля. Руки уперты в бока, голова по-бычьему наклонена, глаза из-под тяжелого лба горят темной, бешеной яростью.

— Гхаллас, что вы, две, здесь устроили? — рявкнул он, тяжело переводя дыхание. Ладонь на поясе — сжата до белизны на костяшках. Удав тяжело мотнул головой, зашипел, убираясь за спину Эви. Из-за плеча Ирины хрипло крикнул орлан.

— Побалуй мне тут. Раскричались, — рявкнул Эрвин, поймав глазами птичий немигающий взгляд. Белоголовый красавчик нахохлился, спрятал голову за крыло. Змей зашипел — и смолк, удивленно глядя на кулак у уха.

— Что происходит? — спросил Эрвин еще раз. Мягко скрипнули по песку сапоги — команданте Яго тоже подошел, оглядывая изрытую птичьими когтями поляну. Лицо его — непроницаемо холодно, закатный огонь плещется по зеркальным щекам. Лишь веко мелко

дрожит — казалось, там разыгрался котенок.

Ирина выдохнула — осторожно, унимая нервную дрожь, поправила косу и сказала — в глаза Эрвину, подчеркнуто игнорируя всех остальных.

— Эрвин, пожалуйста, не матерись. И попроси уважаемого команданте унять свою... — тут Эми насмешливо подняла бровь. Ирина сглотнула — непроизносимый эпитет так и остался на языке.

— Здесь место кормления...

— Мое место, — произнесла Эви, отступив на шаг. Бусины на рукавах прозвенели в тон — мелодичной, тонкой насмешкой.

— Только и всего? Ну, вы даете, — выдохнул Эрвин, оторопело трясая головой. Посмотрел на Ирину, потом на Эви, выругался и нырнул в БТР. Вынырнул через минуту, держа в руках топор и две длинных тонких доски. Детали настила. Ирина изумленно подняла бровь. Орлан на ее плече зашелся хриплым клекотом. Эрвин — в пару движений, четкими ударами обухом топора, прибил доски меж двух деревьев. Оглядел то, что получилось, присвистнул, попробовал рукой — прочно. Смерил глазами питона, метнулся назад, достал из кузова ящик с колючей проволокой. Оплел — ниже и выше досок — деревья шипастой лентой. Треснув, порвался рукав, пониже локтя — короткая кровавая царапина. Эрвин и не заметил, продолжая мотать виток за витком. Поблескивала сизым холодная сталь. Эрвин отступил на шаг, оглядел то, что получилось, присвистнул.

— Принимай работу, Ир. Кроме твоих, сюда никто не залезет.

И добавил, повернувшись уже к Эви:

— Земля ваша, небо наше. Кто влезет в кормушку

— Тот обед... хорошо, звездный, мы согласны, — Эви улыбнулась. Пятнистый удав кивнул головой из-за ее спины. Мерно, будто все слышал, обдумал и согласился. Прозвенели бусы, проскрипели по песку сапоги. Комманданте Яго улыбнулся Ирине — коротко. Котенок дернул хвостиком на щеке.

— Теперь я вижу, ты и впрямь хан-шай. Не просто добрая душа, прикормившая пернатых нахалов. «Говорящая с птицами». Редкое мастерство. Но... команданте не договорил, обернулся, бросив своим пару фраз. Импровизированная кормушка вмиг обзавелась — на крыше — латинским крестом и короткой, вырезанной ножом на дереве надписью на местном языке. Буквы затерли сажей, получилось красиво — сверху вниз, черным по белому дереву протянулась изящная вязь узлов, точек и дуг. Местное письмо, дублированное земными, четкими буквами. Комманданте Яго — ниже имени резчик вывел роспись побед. Длинную, в две немаленьких строчки — Комманданте Яго свидетельствовал всем, кто будет проезжать здесь после, о том, что здесь было, и просил умеющих нарисовать во славу господ приличную чуду картинку. Ну, а если руки к рисованию не приспособлены — просто засыпать корм. Что Ирина тут же и сделала, на радость пернатым.

Потом их окликнули — сзади, от берега реки. Юный УгКварр, самый молодой из воинов команды — его было легко узнать по чистому, без рисунка, лицу. Он дошел, окликнул командира негромким, полным достоинства голосом, показывая пальцем на середину реки. Комманданте кивнул. Эрвин присвистнул, сбив шляпу на лоб. Ирина повернулась, невольно глянула в том направлении.

Солнце висело низко, почти касаясь диском зелени крон. Вода в реке — уже не желтая, ленивые волны плескались мутным, расплавленным золотом. И посреди потока, прямо из бурлящей воды торчала длинная, знакомая по острову шея и вытянутая, рогатая голова.

— Чарли, ты? Далеко забрался, — присвистнул с места ДаКоста, хлопнув себя по щекам.

— Да нет, наш побольше будет, — приглядевшись, ответил ему Эрвин, — да и до моря отсюда далеко. Родственник, наверное. Дальний.

— Можно ехать, — сказал команданте, слегка кивнув. Не удивился, будто морской змей посреди реки — дело рядовое и совсем обычное.

Хотя, скорее всего, так и есть, — подумала Ирина, глядя, как люди загоняют на плот старенький грузовик Станислава.

Бэха пошла сама, Миа села за руль, злая и взъерошенная больше обычного. Сеанс латинской поэзии прошел на ура... Но руль дочка туманного леса держала твердо. Негромко урчал движок, плескалась и била о скулы мутная речная вода. Вечерний туман плыл, ложась на лица золотым, червонным отливом. И черной, непроглядной тенью над головой — треугольная морда Чарли-змея. Зверь склонил шею — аркой, почти к самой воде. Косился, шевелил ноздрями, что-то вынюхивал в воде перед ними. Эрвин, на всякий случай, развернул пулемет. Бэха качнулась, из-за спины — шлепок и тонкий, переливчатый звон. Звон монист. Эви на ходу перепрыгнула с машины на машину.

— Убери. Все хорошо, звездный, — кивнула она Эрвину. Кратко, не ожидая ответа. Эрвин дернул щекой. Зверь качнул шеей назад и вбок, клыкастая пасть глухо лязгнув, зарылась в воду у самого борта. Миа чуть тронула руль. Бэха ушла в поворот — плавно, слегка накренившись. Зверь вынырнул, обдав борта струей теплой воды. Многолапая, шипастая тварь дрожала и билась в змеевой пасти. Хрустнул хитин.

— Хорошо устроился, — пробурчал ДаКоста с кормы, глядя как змей ловит еду с рук команданте.

— Все хорошо, — в тон ему повторила Эви — мягко, под аккомпанемент звона монист. Миа еще одним плавным поворотом руля вернула бэху на курс. Что-то пропела под нос. Бурлила вода, завиваясь воронкой у железных бортов машины. Скрипел, натянувшись, канат, плот за кормой дрожал, черпая бревнами желтую воду. Юный УгКвара походя потрепал речного змея за ухо. Гигант закивал, довольно щурясь на ласку. Дальний берег был уже близко. Совсем, тень листьев укутала нос БТРа. Колеса зацепили грунт, в руках у Мии щелкнул рычаг, и бэха, раздвинув носом волну, вся в тине вышла на топкий восточный берег. Ирине на руки упал цветок. Розовый мелкий цветок, щекочащий нос странным, волнующим запахом.

— Куда дальше? — спросила Эви вдруг. Почему-то Ирину. Это было странно, чтобы не сказать больше — ей-то, землянке, откуда знать. Но тут Ирина поймала глазами насмешливый взгляд королевы змей, потянулась, выдала короткую руладу. Ответ пришел. Звонким птичьим криком из поднебесья. С дерева чиркнул белый орлан. Ирина поправила косу и, сама удивляясь, ответила четко:

— Вперед и налево. Уже недалеко.

Эви вскочила на ноги, улыбнулась. Звякнули бусины на рукаве.

— Правильно. И впрямь, говорящая, — задумчиво проговорила она, — только неопытная...

И, на миг замерев, добавила:

— Мужей теперь не забывай кормить...

Сказала — и, не оборачиваясь, перепрыгнула обратно на грузовик. Скрылась, исчезла в облаке мелодичного звона.

— Да я не голодный, — буркнул Эрвин, набивая трубку. Щелкнул зажигалкой — над рекой потянулся тонкий сизый дымок. Закатное солнце плеснуло Иришке в глаза. По речной глади — мелкая рябь, и — в тон ей — качаются над желтой водой плакучие тонкие ветки. Она невольно поднесла руку к ушам — подкрутить так некстати заглочивший переводчик. Пальцы нащупали пустоту. Бусинка выпала, потерялась еще на том берегу. И, тем не менее, Ирина понимала чужие слова. Точнее, не понимала. Совсем. Мужей, тоже мне, выдумали. И почему во множественном числе? Белоголовый орлан сел на ветку, постучал клювом, кося большой круглый глаз. В кузове бэхи лязгнул замком провиантский ящик. Эрвин искал что пожрать. И рубашку себе порвал — вон, на рукаве лопнула. Ирина перекинула за спину косу, потрянула головой и решила, что впереди у нее еще куча времени для странных вопросов.

Глава 19

Если бы не птичий гам, Эрвин проехал бы часовню, не заметив. Ну, куст и куст — огромный, куда выше головы клубок ярко-зеленых, тесно переплетенных лиан, густо усыпанных мелкими розовыми и белыми цветами. Красиво, дико, но... Тут белоголовый орлан на плече у Ирины махнул крылом, раскричались с ветвей яркие, похожие на соек птички. Ирина дернула Эрвина за рукав, показала налево:

— Ты что, не видишь? Туда...

Сзади раздался свист, Эрвин обернулся, увидел подтверждающий взмах руки команданте — правильно смотришь, мол, звездный. Налево заворачивай. Эрвин пригляделся к кусту повнимательнее — и увидел. Сверху, над деревом — крест. Железный, обвитый лианами латинский четырехконечный крест — весь в листве, яркой на фоне темного неба. А ниже, под зеленью кое-где проглядывала сизая холодная сталь. Исполинские двутавровые балки, сваренные крест-накрест, ежом. Бог знает, кто и зачем притащил их сюда, бросил и оставил стоять, зарастая гнущейся лозой. Глухо рыкнул мотор — Миа без команды завернула машину внутрь, под укрытие. Волнорез осторожно раздвинул лианы, кусты сомкнули ветки над головой. Мотор заглох. Миа осторожно погладила руль, прошептала напевно — ставшие привычными слова благодарности машине.

«И как ее от этого отучить?» — угрюмо подумал Эрвин, спрыгнул, осторожно глянул по сторонам — земля под ногами утоптана и подметена, зеленая лоза вьется густо, смыкаясь сверху в четкую арку. Одна из железных полос над головой смята и почти загнута в узел. Мимо прошел команданте со своими. Мимо, внутрь, под полог ветвей, оставив машину под крышей лиан — старый Яго прошел, не обратив на смятое железо никакого внимания.

Эрвин шагнул следом, гадая, что за зверь сумел так искорежить и смять двутавровую толстую балку.

Ответ лежал внутри, за густым пологом зеленых ветвей, отделяющих внешнюю часть часовни от внутренней. Исполинский полукруг белой, мерцающей кости. Огромный, вытянутый в длину череп неведомого чудовища — его туземцы занесли внутрь и приспособили вместо алтаря. Врыли исполинскую башку по самые глаза в землю, спилили рога — они были положены тут же, рядом, вместо подставки. На покатоном темени поставили крест и статую — резанную по дереву фигуру спасителя с руками, поднятыми для благословения. Высокие, по-туземному, скулы, лицо тонкое. Вырезано искусно, Эрвин аж усмехнулся на миг — выражение лица статуи сильно напомнило ему капеллана, изрекающего свою любимую, предразносную присказку: «с чем дали, юноша, с тем и работаю». Кто-то положил винтовку к его ногам. Вороненая сталь, темное дерево, мягко блестит истертое руками цевье и шарик на рукояти затвора. По бокам, в рамках драконьей кости — две толстых доски, по виду картины — или иконы, Эрвин не понял. Рисунок углем по дереву, линии точны, изящны и тонки.

Раздался короткий, протяжный, торжественный возглас — воины «коммандо» преклонили колена. Винтовки они сложили у ног, ложем — к себе, по прикладам темной вязью вьются слова молитвы. Ирина, к удивлению Эрвина, перекрестилась. Эви распростерлась ниц. Миа подошла, последовала ее примеру.

— Она же язычница, вроде, — оторопело прошептал Эрвин, отступив на шаг.

— Ничего удивительного, — прошептал Станислав ему на ухо, — присмотритесь к иконам.

Они были странные, чтобы не сказать больше. Две большие, в рост человека, доски; левая выбелена, правая зачернена. На обеих — дева. Эрвин присмотрелся вначале к левой: темные волосы, высокие скулы, красивые большие глаза. Огромный лохматый волк сидит у ноги, преданно подняв глаза на хозяйку. Рука протянута ладонью вперед, и с нее на зрителя сыплются розовые, мелкие цветы вроде тех, что росли на лианах вокруг — казалось, их поток стекал с доски вниз, превращаясь в живые, пахнущие медом цветы на стенах.

На правой — волосы были коротки и белы, руки сведены, а глаза сверкали сурово и весело. У ног — рыба, под сапогом — странный, тысячеглазый зверь. ("О" — протяжно вывела Миа, коснувшись иконы пальцем) Меж ладоней, в руках парили полосатые, хищные осы.

Эрвин, сморгнув, отступил еще на шаг. Ирина склонила голову, розовый цветок упал, запутавшись в ее волосах.

— Заметили теперь, — усмехнулся Станислав, — Свою ночную богиню туземцы и до нас рисовали двуликой. Правая рука насылает ос и кошмары, левая — вереск, мечтания и сладкие сны. А сын художника крестился, разрезал картину отца пополам и дорисовал. Получилось... ну, во всяком случае, люди старались, и искренне. Хотя Папе лучше об этом не знать — явление Святого Кондратия конклаву в Риме нам тут не нужно.

— Дикость какая... — прошептал Эрвин и умолк, проглотив кусок фразы. У носа зависла, загудела оса — предупреждающе, грозно.

— Уж какие есть. Во всяком случае, старый Яго лоб разбивает вполне искренне, в отличие от... — Станислав махнул рукой, не закончив фразы. Эрвин не дослушал, шагнул вперед. Суровая торжественность места давила на мозг, заставляла шагать осторожно. Взгляды скрестились на нем — будто обе нарисованные девы синхронно смерили его глазами. Правая — насмешливо, левая будто бы ободряюще улыбнулась. Защекотало в носу. Запах цветов — тонкий, медовый, с привкусом терпкой горечи запах. Коротко лязгнул металл — старый Яго встал с колен, осторожно водрузил к ногам спасителя дар — винтовочный стандартный патрон. Остроносый, мерцающий тусклой латуњью. Еще один в длинный ряд — Эрвин вначале принял их за свечи. Миа поклонилась, Эви зажгла фонарь. Теплый маслянный свет пробежал по зеленым стенам, разогнал по углам тени и полумрак. Помещение сразу стало каким-то уютным, жилым. Воины вставали на ноги, переговаривались — негромко, звенящими в тишине голосами. Сквозь травяную стену потянуло дымком, раздалось звяканье — ДаКоста с Лианой варили обед. Ужин, точнее — ночь уже шла, сквозь полог над головой сверкнули в глаза яркие белые звезды. Сквозь полог ветвей, сквозь щели в досках — казалось, это глаза дев на картинах играют, лучатся колдовским звездным светом. На полу — крестик, выложенная гладким камнем отметка. Эрвин ступил, не подумав — и семь звезд Ориона сложились, вспыхнули короной у спасителя над головой.

— Ничего себе... сумели же люди, — потер он лоб, удивляясь чужому искусству. Всего-то навсего ветки раздвинуть, где надо.

— А если дождь? размочет же, — подумал он было, потом пожал плечами и решил, что люди, сумевшие сделать такое из листьев, железной балки и дырки в ветвях сумеют и о козырьке позаботиться. Комманданте махнул ему рукой, подзывая к себе. Старый Яго стоял у черепа-алтаря, перебирая стоящие у ног статуи патроны. Много, в несколько рядов,

остроносые хищные, тонкие — Эрвин сначала обманулся теплым латунным блеском. Пальцы команданте аккуратно ровняли их ряд.

— Зачем? — спросил Эрвин, кивнув. Больше, чтобы развеять неловкость. Комманданте усмехнулся — слегка, котенок на скуле чуть дернул хвостиком.

— Патроны? Господу сил? Я думаю, незачем. Он может призвать двенадцать легионов ангелов, да и наш дракон до хрустального неба не долетит. Но нам-то надо что-то оставить, мы в гости зашли. В городе поставил бы свечку — там темно и стены каменные, а здесь без надобности, — по щеке Яго мягко скользнул в глаза звездный свет, — а вот тем, кто будет, как мы, здесь ночевать после нас — оно, возможно, и пригодится.

Пальцы старого Яго аккуратно скользнули по белой кости постамента. Чуть задержались на провале глазницы. Ниже — аккуратная, круглая дыра в венце тонких трещин.

— 7,62, бронебойный, снизу, почти в упор. Хороший выстрел, — сказал Эрвин.

Судя по сколам на кости, стрелок бил практически из-под лап гигантского чудовища. И попал точно, в самую тонкую кость. Сантиметром выше — и все, тяжелую надбровную дугу не взяла бы никакая пуля. «Интересно, нервы у местных вообще имеются?» — подумал Эрвин, а вслух повторил:

— Хороший выстрел.

— Хороший, — кивнул головой Яго, соглашаясь, — стрелял мой друг. Давно. Он это место по обету строил, балки издалека возил. Из самой столицы, города-на-холме. Давно было дело. Балки — вози, со сварщиком договаривайся, водилы... Только закончили — сотрясатель. Шел мимо, чуть все не сломал. Хорошо было бы, да?

Эрвин кивнул. В словах команданте была своя логика. Кости, статуи... впрочем, если местные считают голову дракона хорошим подарком на свадьбу — то и тут она в самый раз. Странная мысль. Эрвин тряхнул головой, оглянулся, невольно подняв взгляд выше, на постамент.

— Зачем? — кивнув на положенную к ногам статуи винтовку.

— А ты посмотри.

Эрвин и посмотрел. Протянулся, взял в ладони тяжелый приклад. Дерево ложа приятно за холодило пальцы. Вдоль ствола вилась истертая полотняная лента, по белой ткани — россыпь желтых, выцветших букв земного алфавита. На туземный манер, сверху вниз, четким уверенным почерком:

«Ее имя — Лаава Кунджало, «та, что говорит по делу». Ее глаз верен, а вылетающие из дула слова всегда коротки и ясны как божья воля. Ложе ее из лучшего дерева, на ствол ушла хорошая сталь, механизм точен. Зарубки на прикладе ее изящны и истинны, как рисунок на челе моей жены. Десять драконов убили мы с ней в горах и еще десять — в джунглях. Я стар, мои жены умерли, дети выросли, а жизнь прожита. Оставляю ее здесь, у ног Господа сил. Если миру понадобится ее слово — пусть она скажет его по воле божьей и в руках достойного человека.

Хаар, Иоанн в святом крещении, воин, стоявший при жизни на пути святого Георгия»

«Ничего себе, как о живой пишут. Как о жене» — подумал Эрвин, кладя на место «Лааву Кунджало». Обратно, к ногам статуи. Обиженно звякнул металл — чуть дернулся, стукнул о кость шарик на рукояти. Мелькнул теплый, струящийся свет пробежал змейкой по вороненой стали ствола и блестящему дереву ложа.

«Впрочем, — подумал Эрвин. Чуть позже, когда способность думать вернулась в

кружащуюся голову, — наши, корабельные, тоже недалеко от туземцев ушли. Обзови кто старину «Венус» правильным средним родом, вместо пристойного звездному кораблю женского — реакторные запросто избыют. И палубная команда присоединится. И я. Ибо так — правильно»

— Вижу, звездный, проняло тебя, — усмехнулся команданте. Эрвин молча кивнул — к чему скрывать очевидное.

— Дело обычное. Я, когда первый раз увидел город-на-холме, машины и звездные корабли — так же удивлялся. Примерно. Рот мой, во всяком случае, был также широко раскрыт. Потом привык — и ты привыкнешь, если будет время. Осмотрись, звездный, собери мысли, потом поговорим. Есть о чем. И, заодно, посмотри сзади, за костью — не найдется ли чего для нашей машины.

— А можно? — рефлекторно спросил Эрвин, кивнув на статую и картины вокруг.

— Конечно. Для того их здесь и оставляли.

В куче всего за спиной статуи нашлась банка масла — старая, плохого качества, но сойдет. И резиновая труба для манжеты. Машина Станислава чихнула и завелась. Эрвин пару минут вслушивался в звук по-стариковски чихающего движка, пожал плечами, и, удивляясь сам себе, залез в бтр и достал из цинка патронную ленту. Винтовочных 7,62 под ногами у Господа стояло достаточно, а вот крупный калибр был в большом дефиците.

А еще Эрвина поймала Ирина. На плечах — синяя форменка, руки в бока, вид строгий под стать фамилии.

— Чего тебе? — спросил было Эрвин, думавший сейчас категорически о другом. Посмотрел на Ирину — и понял, что мог бы и не спрашивать. На плече у Иришки пристроилась ярко-желтая, смешная маленькая птичка. Сидела, нахохлившись, зацепившись когтями за форменный шеврон. Глаза большие, голодные и укоризненные... Прямо, как у Ирины сейчас. Эрвин молча кивнул. Из-за плеча хрипло рассмеялся команданте Яго.

— Да, звездный, тяжело иметь "Говорящую" в женах. Хоть и почетно, но иногда тяжело. Приходится, как говорят в городах, соответствовать. Хотя ты мог поступить и проще — не возиться с досками, не строить кормушек на дереве. Загородки для змей достаточно — просто кинуть колючку в ряд по земле.

— Зачем раньше молчал? — огрызнулся Эрвин мимоходом. Отвернулся, полез в кузов бтра. Доска застряла, никак не хотела вылезать. Комманданте усмехнулся еще шире.

— Моя Эви — тоже говорящая, и если бы я это брякнул раньше, строить изгородь пришлось бы мне. А так — это тебе теперь, парень, колотить кормушки отсюда и вплоть до Сан-Торреса.

Эрвин молча пожал плечами. Молча. Залез в бтр, достал, распилил, потом скрепил доски — в два удара молотка. Повесил. И только потом сказал:

— Во-первых — теща, а не жена, а во-вторых — Эрвин отвлекся, поправил криво висящий уголок, — во-вторых, мне не впадлу.

— Ну и хорошо.

Яго пожал плечами. Слегка. Лицо недоуменное — чего-то старый команданте явно не понял.

Потянуло дымком, ноздри защекотал пряный, терпкий аромат местного варева — Эви снимала котелок с костра. Эрвин вдруг сообразил, что проголодался. Комманданте неторопливо кивнул:

— Наешься — приходи. Разговор будет.

Дым костра плыл, тянулся сизыми полосами вверх, завиваясь на глазах у Ирины в прихотливые, тонкие узоры. Будто танец или прихотливая вязь местных татуировок. Пряный запах щекотал нос, шелкающие туземные голоса плыли над часовней, свиваясь с треском огня и шелестом листвы в вышине. Ирина слушала их, дивясь — без переводчика они звучали странной, чарующей музыкой. Здесь, у костра с дымящимся котелком на треноге. Терпко пахнувший дым плыл, уходя вверх, туда где скрещивались над головой стальные балки ежей. Алые цветы свешивались с них, поворачиваясь на тонких лианах. Вечерний ветер мел лепестки по земле. Шумели голоса — воины «коммандо» собрались здесь, у машин, запаркованных между внутренней и внешней стенами часовни. Стояли чуть вдалеке, переговаривались, ждали, когда у Эви и Мии созреет варево в котелке. Лианны не было видно, ДаКоста тоже куда-то исчез — сидели у огня втроем. Эви, Миа и она, Ирина. Две туземки переговаривались, Ирина больше слушала, дивясь звукам чужого языка. Точнее, своему пониманию.

Напев чужих голосов звучал чарующе-дико.

Вот Эрвин к примеру — он говорил громко, Ирина слышала слова, которыми они обменялись с Яго на выходе из часовни — вот пресловутая теща... брошенное Эрвином всердцах слово земного языка словно вспыхнуло перед глазами Ирины — вспыхнуло, затрепетало в воздухе, забилося без цели и смысла. В глазах у туземцев — недоумение и скрытый вопрос. Механически переведенное на туземный язык слово висело, парило мотыльком в воздухе — без смысла, фантик, просто ярлык, не знающий — к чему прицепится.

Эви бросила ложку, недоуменно подняла бровь.

— Хан-шай, — пояснила Миа, чуть улыбнувшись. То же самое, вроде бы. Но Эви кивнула. Слово — мотылек сел, прицепился к понятию, будто пчела — к цветку. То же самое, но в устах Мии оно звучало чуть иначе, в три слога. Два длинных — на выдохе, и три — коротких, звенящих — на вдохе... Россыпь нот, звон колокольчиков по траве. Автоматический переводчик короткие просто съедал, комкал, огрубляя и путая оттенки смысла. Кровь стукнула в висках, плеснуло по щекам — краской и влажной теплой жарой.

Для машины это было бы той же самой тещей. Или свекровью, словом — старшей в семье. Но, при том наборе огласовок, слово Мии звучало как: «человек, пока не знающий собственных чувств»... или, если шелкающий звук на конце пойдет чуть прямее: «любимая, которой пока ничего не сказали»

«Что за выдумки»... — вздрогнув, подумала было Ирина. Мысль оборвалась. Миа поймала ее недоуменный взгляд, улыбнулась, развела руки.

— Извините, но это правда, госпожа.

По зеркальному лицу, отражаясь, пляшет огонь, рыжий отблеск прыгнул со скул на глаза, молнией в широко распахнутых веках. Во всяком случае — не ложь. Миа честна сейчас — Ирина видела. Да и вообще туземка отличается редкой наблюдательностью. И редко врет — Ирина поняла это за время перехода. Но тогда... Взгляд невольно отвернулся от костра, пробежал, остановился на Эрвине... Вот он у другого костра, сидит, разговаривает со старым команданте. Сидит прямо, поджав ноги, по лицам обоих пляшут, выются рыжие отблески света. Перед глазами пробежали недавние дни — дорога, остров, пузырьчатый дом. Эрвин, конечно, пытался держать дистанцию. Ирина невольно улыбнулась — поняла вдруг, насколько плохо у него это получалось. До смешного плохо, Ирина даже улыбнулась опять. И ранее, космопорт, занесенное снегом бетонное поле... он же там чуть не замерз

насмерть...

— Мать божья, — тихо прошептала она, и ойкнула, прикрыв рот — она невольно шепнула это на местный манер, и бог знает, что сделали со святым именем туземные, звонкие огласовки.

— Хан — шай... — сказала Эви ей в тон... слово — то же самое, но огласовки другие — чуть. «Человек, не знающий судьбы». — бог все равно сделает по своему, но... Эви замялась, сделала паузу. Прозвенели монеты на рукаве — колокольным, торжественным звоном, — подожди звать небо. Сперва пойми — чего же ты хочешь?

«Чего я хочу? — невольно подумала Ирина, — странный вопрос. Я...» Мысль замерла, смялась, улетела прочь несформулированной — в небо с дымом костра. Над зеленой, сетчатой крышей ветвей — звезды и светящийся желтым огромный треугольник. Старина Венус, корабль — казалось, он весь состоит из четких, по циркулю линий и равных углов. И коридоры внутри — гладкие, выверенные, под угольник и нитку. И слова, что говорят на борту — не в пример местным, тоже ровные, отмеренные по уставу и параграфам служебных инструкций, ровно, как по угольнику. Четкие... Холодные, как орудийная сталь. И пахнут химией

«Не хочу», — поежилась она, плечами, буквально кожей чувствуя тот холод. Отвернула голову, убрала взгляд — подальше от сверкающей в небе громады. Опять на Эрвина — вот он сидит, напротив бронзоволицего, невозмутимого как всегда команданте... Скуластое лицо старого Яго невозмутимо — сидит ровно, статуей. Как всегда. А Эрвин явно злится — чуть наклонился, по-бычьему выставив вперед большой лоб и упрямо выдающийся подбородок. И рука — обе ладони медленно скользят с коленей назад. К поясу. Коснулись кармана, палец медленно — очень медленно, как в замедленной съемке — отщелкнул кнопку замка. Ирина вспомнила, что в этом кармане Эрвин всегда таскал большой флотский нож, и опрометью вскочила на ноги.

— Стойте

Крикнула она, бросаясь к ним. Опрометью, в один прыжок, под жалобный треск зацепившейся за сук форменной куртки. Вовремя — лезвие почти показалось на свет — большой тяжелый клинок флотской навахи. Плечо Эрвина толкнулось под пальцы — сплошной клубок упрямых, налитых мышц. Злые, налитые кровью глаза.

Из горла, прямо в лицо команданте рванул упрямый, сдавленный рык:

— У нас за такое вешают. Высоко и на короткой веревке.

«За что, за такое? — толкнулась в голову дурная мысль, — и как теперь удержать... Эх Эрвин... подумала она, набирая воздух в легкие... И рывкнула:

— Сидеть.

То есть не рывкнула. Сказала — хлестнула голосом, негромко, но четким, разменным тоном. Эрвин вздрогнул, мотнул головой. Чуть расслабилось под пальцем плечо. Клинок исчез, так и не появившись.

— Эрвин, что случилось?

— У меня тут торгуют Лианну. За ящик консервов, будто я хренов араб...

— Хорошая цена. Чего бесишься, звездный? — по лицу команданте пляшут искры и звездный свет, глаза тают, скрытые отблесками — не поймешь, издевается старик он или нет. Хорошо хоть, к оружию не тянется, руки спокойно лежат на коленях. Но, случись нужда — Ирина почему то была уверена в этом — случись нужда — и узловатая, исчерченная морщинами ладонь команданте может схватить ружье очень быстро. Как бы не быстрее

Эрвина, даром, что тот куда моложе и сильнее на вид.

— Цена — за что? Что здесь происходит?

Комманданте ответил — недлинной, лающей фразой. На глазах у Ирины Эрвин опять сжал кулаки — сильно, до белых костяшек. Странно — фраза была бессмысленной для Ирининых ушей. Россыпь звенящих звуков, и коротких, тонких щелчков — так жужжит оса, не знающая, к какому цветку притулиться.

Эрвин глухо зарычал, наклоняясь — слегка, готовый кинуться в драку... На ухе — синей точкой — мигнул огонек.

«Автоматический переводчик. Похоже, это оно» — подумала Ирина, протянула руку и — неожиданно для Эрвина и самой себя — сорвала с его уха тонкую бусину. Повернулась, топнув слегка каблуком.

— Уважаемый Яго, повторите, пожалуйста, что вы сказали.

Строго, официальным тоном — так она говорила с офицерами на борту корабля. Эрвин отшатнулся, Яго чуть дернул щекой. Пальцы Ирины потянулись вверх, вставили в ухо переводчик.

— Я гляжу, ты быстр на гнев, звездный. Твоим женам нелегко с тобой, наверное... Чуть что — и прячься, да? — старый Яго засмеялся вдруг. Весело так, игриво замахал хвостом на щеке котенок.

— Я женщин не бью...

— И правильно. Для этого бог творил сотрясателя и прочих драконов. Чтобы нам, мужчинам, было кого бить. Но вот горожане, бывает, путают иногда. Дикие они там совсем. Ладно, звездный, я обычно слов не повторяю, но раз женщина просит — пожалуйста. Продай нам Лианну, звездный.

Слово прозвенело опять — дребезжащее, резкое, монетой по пыльному столу. В конце — огласовки, звенящие, непроизносимые земному горлу звуки на вдохе. Их слишком много для такого простого и похабного смысла. Ирина остановила Эрвина, еще одним коротким взмахом руки. И спросила:

— Комманданте, машина-переводчик в ухе перевела ваше слова как... Ирина, как могла, перевела фразу Яго с земного назад, на чужой язык. И, с удовлетворением заметила, как вспыхивает огнем гнева лицо комманданте. Теперь уже. На миг, но это было яркое пламя.

— Глупая машина, — ответил он наконец, осторожно шевеля губами, — совсем глупая. Звездный, накажи ее — хорошо? Чуть не довела до беды. Услышь я такое — тоже рассердился бы, и сильно. Впредь будет наука. Мне. Говоря с незнакомыми людьми — не жалей слов. Пусть много, но простых — так мысль будет яснее. Скажи спасибо жене, а я попробую подобрать слова так, чтобы машина не смогла перепутать. Ты видел нашу планету, звездный. Она красива.

Эрвин машинально кивнул.

— Но, скажи — можно ли по ней ходить в одиночку? Правильно сомневаешься, звездный — нельзя. Одиноким человек, как бы силен и ловок он ни был — беглец сегодня, а завтра, когда силы иссякнут — чей-нибудь обед. Это жизнь, звездный, это мир и не мы его таким сотворили. Сколько нужно человек, чтобы пройти от моря до гор и обратно — живыми, в срок и не кланяясь тварям? Как думаешь?

Эрвин задумался, начал складывать на пальцах. Один, два... Яго не дал досчитать...

— Десять. Десять мужчин, хороших стрелков с добрыми винтовками — держать зверей в отдалении. Грузовик, чтобы их везти. "Говорящая", да хорошая, такая, чтобы спать ночью,

не боясь, что сотрясатель застанет врасплох. Еще одна говорящая, помоложе. Помошница — вести тягловых зверей и залечивать раны. Водитель.

(Тут Ирина невольно поежилась — Яго взял не краткое земное слово, а длинное местное — "та, что умеет говорить с железом машины". Впрочем, Мие такое имя идет). Вот так. Бытие определяет сознание...

Эрвин невольно хлопнул себя по уху. Ирина почувствовала, как ее глаза невольно вытаращиваются от изумления. По лицу Яго пробежала короткая тень.

— Не удивляйся, звездный, сезон дождей здесь длинный, делать воину нечего — когда сидишь в церкви, а за окнами три месяца кроме воды ничего нет — поневоле прочтешь все, что у падре под лавку завалится. Буквы у вас удобные...

"И про индекс запрещенных книг здесь явно не слышали. Энгельс у падре под лавкой лежит"... — подумала Ирина, вспомнив, как ей в свое время пришлось таскать украдкой ключи от отцовского сейфа.

— Вот, звездный, теперь смотри сам. У меня есть стрелки и говорящая... Эви — чудо, но ей тяжело одной. Раз. Водителя нет. Учитель не в счет — Станислав мне, как и ты, всего лишь попутчик. Если все будет хорошо и юный УтКвара сговорит в столице дочь оружейника — у меня будет водитель не хуже, чем у тебя. Это два... Теперь три. Вижу, ты уже понял, куда я клоню, не надо лезть в драку. У тебя есть говорящая, машина и водитель. И еще две. Одна слишком мала. Что с ней думаешь делать?

— Сдам в школу, как найду...

— Добро. В Фиделите как раз есть. Я скажу, чтобы маленькую Маар приняли. А вот с средней... — старый Яго замер на миг, поймал взгляд Эрвина хитрыми большими глазами... — о средней сейчас разговор и идет.

— Нет у нас разговора...

— погоди, не лезь опять в драку. Горячий какой. Сколько будешь тащить...

Следующее слово прокатилось в ушах — звонкое, стучащее согласными на лету. Странное... Фантик, обернувший неведомое Ирине понятие. Будто... Ветка или неструганная доска. От дерева уже отпилили, к делу еще не приспособили. Лежит, пылится, мастера ждет. То ли картина будущая, красы невиданной, то-ли ножка от стола. Эрвин кивнул, шепнул тихо, заметив ее смущение: "должно быть, это балласт. Чемодан без ручки".

Яго кивнул — правильно поняли, мол. Чуть поднял бровь ожидая ответа. Эрвин упрямо помотал головой:

— Тащить буду столько, сколько понадобится.

— Не лезь в драку, парень. С Мией и машиной у тебя удачно вышло, согласен. Такой обычай тут, парень. Эви сумеет ее научить, а у тебя — гляжу, у тебя не получится.

Старик чуть улыбнулся и замер, переводя дыхание. На миг упала тишина и — в этой тишине Ирина отчетливо услышала короткий сухой хруст — Эрвин потянулся, размял костяшки на пальцах.

— Обычай, говоришь? старый, говоришь? команданте...

Эрвин щелкнул костяшками еще раз... Медленно так. Громко. И продолжил, глядя прямо в глаза команданте.

— Скажи, команданте, это в соответствии с ним у Мии вся спина в клеточку? Ты давно был на юге, команданте?

— О чем ты говоришь? Я не...

И Эрвин рассказал. Медленно, четко подбирая слова в такт туземной разменной речи.

Обо всем. Как они с ДаКостой ездили в деревню. О налете дракона, ритуальных криках, девичьем возгласе и пулеметном огне. О вожде с его тяжелой челюстью и короной из птичьих перьев на голове. О хитрых речах, обвинении, равнодушных слушателях, беспомощном плаче Мии и ударе трости с набалдашком в виде драконьей головы. О слезах в голосе, вопросах на непонятном языке и мятой бумажке в кармане.

— Такие дела, — проговорил он, закончив рассказ, — такие дела, Комманданте Яго. Говоришь — это все ваш обычай? — добавил он, с удовлетворением видя, как вспыхивает огнем гнева зеркальное лицо старого команданте.

— Это был наш обычай, звездный человек. Это был хороший обычай. Хороший. Был. Я давно не ходил на юг, давно не говорил с язычниками. Прости, я не знал, что они сотворили со старыми путями. Слово оставили, а вот смысл вывернули, как шкуру зверя — охотник. Вывернули, поменяли совсем, звездный, никогда такой богомерзости у нас не было. И слово оставили, чтобы путать людей, дурить голову — все по-старому, мол, как от предков заведено. Как думаешь, звездный, кто это придумал? Наш — или кто-то из ваших?

— Думаю, и те и другие. Одни начали, другие подхватили.

— И с радостью. Ты прав, звездный. Кто-то умный это придумал. Не помнишь, звездный, как на вашем языке зовут таких умников? У падре в Фиделите старая книжка лежит с картинками — там такого черти в ад ведут. В балахоне с огнем по подолу.

— Не помню... Что делать будешь, команданте?

— Сейчас? — Яго мягко усмехнулся, — Ужинать, голодный я. Потом пойду, прослежу, чтобы ты живым дошел до Сан-Торреса. Святые отцы должны услышать тебя.

— А если... — задумчиво начал Эрвин, оглядываясь вокруг. Девять стволов Яго, плюс Эви, бэха и пулемет... Припомнил давнюю схватку, деревню и вождя. Сколько воинов стояло рядом? По идее, должно хватить.

Яго мотнул головой, резко, словно прочел его мысли:

— Даже не думай. У нас с язычниками мир, и отцы из Сан-Торреса отлучат от церкви любого, кто его нарушит.

— Мир, говоришь... Хорошо, — ответил Эрвин, медленно прокатывая слова на языке, — ладно, команданте, за сопровождение — спасибо. Посмотрим, что будет.

— Посмотрим, звездный. Хорошо. Только девам своим лица таки разрисуй. Все знаки, все, как положено. А то от доброхотов проходу не будет.

Эрвин чуть дернулся, недовольный, что разговор вернулся в неприятную ему колею. Буркнул в ответ — больше, чтоб отвязались:

— Раз дело только в обычае — я скажу Лиianne, она раскрасит.

Ирина даже вздрогнула. Чуть — но дрожь скользнула с ее пальцев Эрвину на плечо. Тот тоже вздрогнул, прервался... Что-то не так — перед внутренним взором Ирины слова Эрвина вспыхнули и задрожали листьями на ветру. Листьями, веткой без корня... На звенящем ветру.

Из темноты — мелодичный размеренный звон и шорох шагов. Эви шагнула к ним, вплыла в круг света из темноты. Танцующе-медленно, под звон монист и шелест — подола о листья. Подошла, посмотрела на Эрвина, улыбнулась и сказала:

— Сперва у своей Хан-шай попроси.

«Да неправда все» — в полном остолбенении подумала Ирина, невольно делая шаг назад. Дела... В устах Эви слово звучало не так, как вчера. Те же два слога, длинных — на выдохе и россыпь коротких, соловьиных трелей в конце. Огласовки, звенящие звуки на

вдохе... Тот набор звуков, что сейчас произнесла, Эви переводился однозначно

«Любимая»

«жена»

а в конце — короткий свистящий звук. Местное будущее время. Неблизкое, но... свист упал, оборвался с коротким щелчком на конце: «Предопределенное богом будущее» по правилам местной грамматики.

«Да бред какой-то, — вспыхнув, подумала Ирина. Вспыхнув вдруг, резко горячая волна плеснула по щекам — от шеи до, казалось, самых корней волос. — сумасшествие, Эрвин, хоть ты скажи им...» — додумала она, невольно делая еще шаг назад. Назад, Эрвину за спину, шепнув:

— Эрвин, да скажи им...

— Хорошо, я попрошу, — невозмутимо ответил Эрвин. Спокойно так. Поднял глаза, увидел Иренино смущение. Удивился, охнул, спросил тихо:

— Ты чего?

Ирина глянула на него и поняла — машина в ухе съела оттенки, скомкала, оборвала трели в конце. Для него слово Эви было безликим «старшая»

Эрвин сморгнул еще пару раз, переведя себе Иренино смущение в понятные образы.

— Слушай, пошли есть, и срочно. Вон, на ногах не стоишь, как оголодала.

Иришка растерялась настолько, что позволила взять себя под локоть, увести и усадить у костра. Мягко — под спиной вмиг оказалась содранная с бтра подушка. И решительно — Ира не успела ни подумать, ни возразить. Просто села, бездумно уставившись на пляску огня. Кольнуло — светом в глаза. Светом звезд с неба, огромных и ласковых. Свет дрожал, струясь сквозь шелестящую листву — ласково, словно подмигивал. Эрвин сунул ложку в руки. Миа — котелок. Вежливо протитуловав тем же, ставшим привычным «хан-шай». С тем же набором огласовок, что Эви недавно. Только короткий щелчок на конце — чуть суше, отчетливей.

«Не столь далекое будущее».

Опять совещание, опять наверху. На этот раз в буквальном смысле «наверху» — разговор шел на высокой орбите, среди серых адамантиевых стен капитанской каюты G.S Венуса. Все тот же непростой разговор, почти все те же люди, что и в прошлый раз в комнате высокого дома планетарной столицы. Только теперь вокруг были не теплые деревянные панели дворца а пластик и серые, выверенные по угольнику переборки каюты. Вместо открытой рамы, ветра, ночных огней и окна — мерцающий космической чернотой панорамный экран, а в виде голограммы теперь выступал господин генеральный комиссионер.

Компьютер рисовал его фигуру на одном конце стола, а на другом — за другим концом сидел капитан Венуса — дон Диего ДеЛаСерда, Ради разнообразия сегодня он присутствовал на совещании вживую.

— Знал бы кто, что за скучное и утомительное занятие — эта охота за пиратами, — негромко говорил себе комиссионер, перекладывая на столе бумаги. На своем столе, внизу, на планете, но канал связи был хороший, четкий, бортовому компьютеру хватало мозгов отрисовать и их — гладкие белые листы, возникающие будто из ниоткуда. И даже шелест листов передать — сухой отрывистый шелест бумажных страниц, звук, который капитан за время полета успел возненавидеть.

— Особенно за космическими, — продолжал комиссионер. Очередной лист проплыл в воздухе под носом у капитана. Тот потянулся, слегка поправил рамку портрета на столе. Маленькую деревянную фоторамку, странно смотревшуюся здесь, среди стали и пластика стен. Развернул тылом к изображению комиссионера. Украдкой скопил на собеседника глаза — не заметил ли тот. Не заметил. Господин генеральный комиссионер продолжал говорить, аккуратно пережевывая слова на языке. Бумага шуршала в такт. Ненавистный звук, за неделю стоянки капитан успел от него отвыкнуть.

— Особенно за космическими. А в нашем случае еще и безрезультатное, как ни жаль.

— Вы все еще надеетесь поймать их так? Острием пера, не выходя из кабинета?

— А именно так они и ловятся. У них всегда есть крыша... — комиссионер коротко вздохнул, подняв глаза к потолку.

— Благодаря политике наших директоров — у нас на Счастье есть наша прекрасная Норма — госпожа колониальный губернатор, в роли верховного начальства. Есть космопорт — формально он кому-то подчиняется, но, за давностью лет все забыли — кому. Еще есть пространство — орбитальные базы и заправочные пункты в космосе — каждая со своей мафией. Есть частные предприниматели типа Строгова с Семицветья. Или его местного аналога, как там его — Дювалье, да? Вроде бы Дювалье.

Капитан пробарабанил пальцами по столу, про себя дивясь на столь длинное отступление...

— Амбициозные молодые люди, — продолжал как ни в чем не бывало комиссионер, — с замыслами, длинными руками и интересами, не ограничивающимися атмосферой. И все так заняты, грызя друг друга, что строить заговоры против федерации и мамы-земли им просто некогда. Для власти это удобно. Наверное, когда я сяду в кресло тринадцатого директора корпорации, я подумаю и соглашусь с тем, что это разумная и правильная политика. Разделяй, властвуй и так далее. Но пока я не там, а здесь. И здесь у меня на

орбитах десятков центров силы, куча опытных, но не обезображенных законопочтанием людей, толковые, но беспринципные — или просто запутавшиеся в делах — капитаны. Итог вам известен, капитан. Вы помните историю «Черной бороды»?

— Того, старого? Которого поймал капитан Мейнард у Чарльстона в тыща семьсот лохматом?

— Да, именно его. Борода бегал на посылках у их высокопревосходительства господина королевского губернатора. Мирный купец выходил из гавани, потом его корабль как бы случайно находили в море — пустым — и оформляли как брошенное и оставленное владельцем имущество. Губернатор в итоге построил себе неплохой дворец. У меня бы он на этом и попался, но тогда были другие времена. А сейчас...

— А что сейчас? — невольно огрызнулся капитан. Поправил воротник куртки — жесткий, парадный воротник тер шею немилосердно.

— А сейчас — ничего, — комиссионер был удивлен и раздосадован. Честно так. Капитан даже удивился, — совсем ничего. В смысле — корабли пропадают, шестерки суетятся, бегают, ловят лбом плазму, а дворцов на земле не видать. И вкладов в банках у местных бонз не прибавилось, я проверил. Мне это непонятно, капитан.

ДеЛаСерда изобразил сочувственный кивок. Новый лист прошелестел по столу, мигнул и исчез, выйдя из поля зрения камеры. Капитан кивнул еще раз, про себя подивившись, откуда их бумажное превосходительство знает уголовный жаргон. Впрочем, здесь его знали все — эмигрантская палуба недалеко, ее влияние сказывалось даже сквозь двойные бронированные переборки.

— К тому же... я проверил еще одну вещь. До нашего прибытия рейды были довольно интенсивны. Слишком, даже для корпоративной вендетты. И не прекратились совсем до сих пор, хоть ваши патрули, капитан, постарались на совесть. Самых буйных пропололи, по уму — выжившие должны залечь на дно. Должны, но не залегли, что странно. Наоборот, обнаглели, будто сами лезут под ваши пушки. Такую активность могла бы оправдать хорошая добыча, но добычи с тех рейдов — я буду очень удивлен, если господа удачи смогли окупить хотя бы топливо.

Капитан прищелкнул пальцами — разговор начал его раздражать. Хотя бы тем, что он его уже не раз слышал. А еще тем, что ответ лежал на поверхности, в виде стандартного, предписанного уставами лекарства от головной боли:

— Так можно до бесконечности гадать. Есть одно надежное средство: конвои. Хэтч и ему подобные лихи, но я посмотрю на пирата, что будет достаточно глуп, чтобы полезть в одиночку на строй из сотни кораблей и сотни плазменных пушек.

Комиссионер усмехнулся в ответ.

— А кто возьмет ответственность за простой? Формирование конвоя — месяц, не меньше, штрафы за стоянку и выгоду, упущенную по нашей вине... Нет, такие счета я подписывать не буду, капитан, карьера дороже. Господа тринадцать меня съедят. К тому же... — еще один лист прошелестел в тишине. Капитан дернул лицом — неспроста. Улыбка собеседника была спокойна, мягка. Так взрослый улыбается шутке ребенка, — ... к тому же теперь у меня появилось что-то вроде профессиональной гордости. Где-то воруют, а я не знаю — где. Пока не знаю. А узнать — хочу. Так что сидите пока тихо. Именем корпорации.

Капитан дернулся и открыл было рот — спросить. В его голове красным огненным колесом закрутились вопросы: первый — какого черта и второй — долго ли еще ему краснеть и прятать глаза, отвечая уклончиво на вопросы госпожи планетарного губернатора.

Госпожа Норма не возмущалась уже. Лишь понимающе вздыхала в ответ на очередное «подождите». И опускала глаза, пряча печаль под изогнутыми густыми ресницами. Глаза цвета шторма и морской волны. Видеть их грустными было чертовски обидно.

— И тем не менее, прошу вас подождать, капитан. — Комиссионер не заметил паузы — продолжал говорить. Тихо и вдумчиво. — Прошу вас пока подождать. Капитан Майнард, конечно, герой, что поймал Черную бороду но... с губернатором тогда ничего не случилось. Сейчас сказали бы, — недоработка.

Над столом опять прошелестел белый лист. Смялся в комок, хрустнув тихо и жалобно.

Изображение над столом мигнуло, поверху вспыхнула надпись «Data parse error» — прямо по комиссионеру, точно над высоким лбом, поперек аккуратно зачесанных залысин. И погасло, схлопнувшись в точку. Напоследок мигнул оранжевый огонек — Комиссионер оборвал связь сразу, как только сигнал пошел через уязвимый корпоративный спутник. Капитан сердито хлопнул по кнопке, выключая экран. «Секретность, пута их мать, — сердито подумал он, сам не заметив, как перешел на жаргон нижних палуб, — Как будто здесь есть что секретить. Все и так знают, чем мы тут, наверху, занимаемся. Штаны просиживаем, пута их еще раз. Эх...»

Он оборвал мысль, выругав сам себя за недостойную офицера лексику. Чуть потянулся, поправил рамку на столе. Развернул ее обратно, картинкой к себе. Старой, докосмических времен, гравюре по меди. Еще времен парусов. Один парус как раз трепетал на картине, убегая за края деревянной рамки. Еще на картине была деревянная палуба, старая медная пушка и рулевое колесо. И человек за ним. Высокий, сосредоточенный, прямой. Античная треуголка, старинный длиннополый кафтан и — за поясом — тонкая шпага. Подпись затейливым шрифтом внизу: «Коммандер Мейнард ведет HMS Рейнджер на абордаж корабля Бороды...»

Капитан ДеЛаСерда поежился на миг, представив себе, каково это — ходить вот так, на деревянной скорлупке, на глаз, без брони, расчетов и хитрых машин — идти вперед, стоять в рост под перекрестным огнем. И делать дело. Впрочем, если бы Мейнарду в компанию дали господина бумажного человека...

Капитан усмехнулся собственной шутке — слегка. И резко стер улыбку с лица. Одну важную вещь комиссионер все-таки сказал. Невзначай, сам того не заметив. Не вещь — слово. Но важное. Сам того не заметив — дал капитану ключ. Топливо.

«Это Черная борода в своем тыща семьсот лохматом году мог брать энергию из воздуха — в буквальном смысле, корабли тогда ходили под парусами. Местным нелицензионным копиям веселого Роджера — Хэтчу и прочим топливо надо где-то брать. Пусть местные корабли тоже ходят под парусами. Только солнечными... Хотя... — мысль капитана споткнулась на миг, замешкалась. Пальцы нетерпеливо побарабанили по столу, — хотя, это Мейнард мог ходить галсами и держать круто к ветру. Круто к солнцу держать нельзя, космическому кораблю надо корректировать курс. То есть, кроме паруса местным необходимы еще и маневровые двигатели. И горючее для них. А значит, подсказка должна сработать...»

Щелчок пальцами, нетерпеливый стук клавиш встроенного пульта, и перед глазами капитана ночь окрасилась днем — на обзорном экране вспыхнула карта системы Счастье.

Яркое рыжее солнце, ало-голубые, маленькие пятна планет. Молочно-белая полоса пояса астероидов. Знакомая картина. Еще щелчок. На экране начали вспыхивать маленькие белые точки — подтвержденные контакты с пиратскими кораблями. Капитан уже смотрел

так много раз — и не видел смысла. Кнопка щелкнула еще раз. Голосовой ввод. Офицерский допуск. Приказ:

— Компьютер, измени систему координат. Отметь каждую точку — не в абсолютных единицах, а в милях от пункта отлета. Вне зависимости от текущего положения планет.

Механический голос проскрежетал ответ:

— Исполняю. Начать с...

— От местного солнца, выводить на экран по мере обработки информации.

По экрану побежал индикатор прогресса. Точки контактов сменили цвет, пропали и начали появляться вновь, уже в другом порядке. Вначале — ближняя к солнцу планета, оранжевый яркий Гефест. Маленький, но важный шарик, как кажется — весь состоящий из лавы, огня и редкоземельных элементов. Суровое место, суровый, почти сумасшедший народ. Надо быть психом, чтобы самому залезть в ад, обосноваться и черпать драгой уран из лавовых морей, названных по именам демонов преисподней. А точек-маркеров нападений рядом почти нет. Немного странно: уронить налогового инспектора в лужу расплавленной лавы или по пьяни кинуть в соседа самопальную ядерную бомбу — на это местные первые мастера. Но, если подумать — как раз тут ничего странного нет. Космическое топливо здесь на вес золота — его завозят со внешних планет... Хотя сравнение некорректно, золото здесь черпают драгой, а полный бак спасет жизнь, когда с гор Уфир приходят огненные бури.

Следующая планета — Счастье. Зеленый, радужный мир, на орбите которого болтается Венус. Здесь маркеров тоже почти нет. Неудивительно, на орбитах планеты сидят все местные силы правопорядка с ним, капитаном ДеЛаСердой во главе. Значок несчастья всего один — недавний пропавший транспорт господина Дювалье. Почтенный джентльмен. Капитану он, скорее, не нравился, но... мадам Норма так за него волновалась.

Капитан пробарабанил пальцами по столу и решил смотреть дальше.

Пояс астероидов. Дальняя разведка, наблюдательные посты. Редкие горнорудные станции — пузатые, неповоротливые рудовозы, юркие харвестеры, дроны, прочая мелкая горнорудная дребедень. Маркеров нападений уже много, но распределены они хаотично... не поймешь. С двумя заправочными базами связи нет. Вроде нет. На вид нет. Если приглядеться....

Вот только если приглядеться, то видно, что обе станции носят одинаковую метку. Проверено господином комиссионером. Безрезультатно — тот ничего не нашел. Почти ничего — на одной недостача в двадцать тонн, в другой тридцать. Кому-то прибавка к жалованию, но в рамках флота — курам на смех. Хотя уголовное дело «бумажный человек» завел, не поленился.

Сухой щелчок — сломалась застежка на воротнике парадного мундира. Хорошо, зато шею больше не трет. Опять — это звякнула в пальцах клавиатура. Изображение на экране дернулось, поплыло. Сфокусировалось на следующей планете. Газовый гигант, исполинский грязно-белый выцветший шар, укутанный в сто слоев атмосферой. И здесь маркеров много, очень много.

«Stand still» — это Капитан выдохнул, мысленно приказав себе не спешить. Словами старой флотской команды. Маркеров много, но и человеческих баз вокруг гиганта тоже хватает. Исполинские диски летающих химзаводов, добывающие станции, пункты подскока, корабли «рыбарей» — так на жаргоне звали экипажи драг, вычерпывавших ценное сырье из атмосферы гиганта. Опасная работа..

Еще был топливный завод. Но его комиссионер уже проверил тоже. Ничего. Маркеры

нападений группировались вокруг человеческих баз — но хаотично, без смысла. Засосало под ложечкой — тоскливый, гнетущий душу вкус поражения. С минуту Капитан гонял по экрану курсор — больше, чтобы отвлечься, играя. Экран стремительно заполнялся тонкими красными линиями Вероятные трассы рейдов. Капитан будто считал за вражеских штурманов курсы и атакующие векторы. Схемы получались дикие. Система гиганта на глазах покрывалась уродливым клубком алых линий. Капитан на миг прикрыл глаза, чувствуя, как начинает болеть голова от этого цветного круговращения. Сказывалась бессонная ночь — вчера в трюме подрались отозванные из отпуска десантники. Герои, мать их... И рожи страшные, мятые гравиапоглотителем.

Капитан открыл глаза, присмотрелся к схеме еще раз и громко, вслух обозвал себя идиотом. Было за что. У пиратов гравиапоглотителей не было. Их не было ни у кого, кроме федерального флота. А значит — капитан потянулся курсором, в два взмаха смел невозможные для местной техники линии. Осталось немного, но все равно. Капитан подумал, и смел еще несколько — те, где курсы сходились лоб в лоб, под острым углом. Так можно уничтожить цель но не перехватить. То, что осталось напоминало ромашку. Изящный многолепестковый тонкий цветок. И сердце его — там где сходились в одну красные линии — тонкий кружок. Луна Геллера, низкоорбитальная база.

Сердце бухнуло, будто сказав — вот оно.

Похоже, и впрямь оно... Капитан обтер внезапно пересохшие губы и выдохнул короткий приказ:

— Компьютер, покажи мне луну Геллера.

— Принято, — прошелестела машина в ответ. Механический, неживой звук. Капитана передернуло — звук был похож на шелест бумаг в руках комиссионера. По экрану забегали строчки в две ярких, режущих глаза полосы. Капитан потянулся было отрегулировать цвет, потом махнул рукой и вчитался.

Ничего.

Потенциально подозрительного — ничего. База добытчиков, общежитие, перевалочный склад. Латинский крест — подчиненные капеллана и сюда забрались, открыв на луне Геллера спасательную станцию. На первый взгляд бесперспективный пункт, даже пометки комиссионера нет, бумажный человек отложил эту луну на потом. И, тем не менее, линии курсов сходились здесь. Непо... капитан обозвал себя вслух идиотом. Второй раз за день. Было с чего. Луна Геллера, общежитие добытчиков-рыбарей, черпающих дронами сырье из атмосферы газового гиганта. Здесь были ангары, склады запчастей и резервуары добытого сырья. Зачерпнутой из атмосферных глубин коллоидной взвеси. Топливо делают как раз из нее. И...

Капитан вызвал из памяти компьютера схему станции, посмотрел и решил, что нелегальный перегонный завод туда как раз поместится. И даже не один.

«Да, это оно», — подумал про себя капитан. Фоторамка мигнула, сменив картинку. Билл — космический рейнджер, юный Диего засматривался этим сериалом в училище семь лет назад. У космического рейнджера за шлемом было суровое лицо. Но гладкое, юный Диего никак не мог понять, почему звездному герою нипочем даже перекалечившая всех на борту отдача гравиапоглотителей. Эх... капитан пробарабанил пальцами по столу, жалея что не может поднять Венус с орбиты и лично взять станцию на абордаж.

Ладно, теперь у капитана есть цель и можно планировать операцию. Внезапную, короткую и решительную. Благо, средства есть — вчера генерал Музыченко без объяснения

причин отозвал своих десантных орлов из отпуска. Зачем — бог весть, за время полета этот не по должности хитрый хохол приучил всех, что внутренние дела бригады никого не касаются. И пусть, лишь бы приказы выполняли. Выполнят, никуда не денутся. Тем более у Музыченко к пиратам тоже счет — по слухам, у него в пространстве пропала группа Арсена Довлатова. Конечно, спрашивать бесполезно, генерал будет все отрицать, но поди утай такой слух в железной банке.

Капитан поморщился, вспомнил вчерашнюю ночь, полутемный ангар, десантную Пегги с перекошенной с отпуска рожей и решил для верности выдать в поддержку десантникам флотский сводный отряд. Генерал будет недоволен и бог с ним. Надежней будет.

— Луна Геллера, Крупный план.

Экран мигнул, выведя требуемое. Стальной серый куб основного корпуса, наросты, круги и грибные шляпки пристроек — рассыпаны хаотично, как бог на душу пошлет. Капитан прищурился, прикидывая на глаз диспозицию и вектора атак — так, чтобы десант взял луну под контроль прежде, чем враг успеет опомниться и уничтожить улики. Начал было вычерчивать — и обозвал себя идиотом в третий раз за день.

Схема в компьютере Венуса устарела на десять лет. Планировать по такой операции — дешевле убиться сразу. Об стену лбом. Актуальная...

Капитан пробарабанил пальцами по столу. Еще раз. Раздраженно протер потными пальцами шею. Не помогло. Актуальная схема лежала в столе у господина генерального комиссионера. Должна лежать. И он должен предоставить ее по первому требованию флота. В теории. На практике — его бумажное превосходительство тут же припишет успех себе. В лучшем случае. В худшем — опять вальяжно кивнет, сверкнет очками и скажет, что не время и надо подождать. Опять. Перед глазами проплыло лицо недавнего собеседника — аккуратный овал с такими же аккуратными залысинами по высокому лбу. И очки, смешные штатские очки с тонкими стеклами. С недавних пор капитана дико раздражал их блеск. Палец вдавил кнопку на столе. Общая связь, вызов, минута ожидания, контакт. Потом экран замерцал и мигнул капитану в глаза ослепительно белым, мерцающим шелком.

Этот собеседник куда больше нравился капитану

— У нас ночь, капитан... Извините, но вы меня разбудили.

Норма, госпожа планетарный губернатор с экрана улыбнулась ему, приподнявшись на локте. Мимходом поправила кудряшки волос — мелкие белые кольца ложились на лоб в беспорядке, идеальном, как и всегда у нее. Колыхнулась под рубашкой высокая грудь. Колыхнулась и задрожала, поднявшись на слове «ночь». Сзади, на экране фоном — кровать, белая простынь и алый, откинутый прочь шелк одеяла. Капитан забыл зачем звонил, вытянулся в кресле — слегка, расправив и без того прямые плечи. Сдавил горло удавкой стоячий парадный воротник. Капитан, чуть дернувшись, поправил его коротким жестом. И сказал короткое

— Извините меня, госпожа...

Не сказал — выдавил, кляня собственную неуклюжесть, устав и пропавшую парадную запонку.

Шелк рубашки колыхнулся опять на груди:

— Ну что вы, капитан. Наоборот, нам, штатским приятно, что флот на посту и заботится о нас все время...

Ворот ночной рубашки уехал вбок, обнажая тонкую, точеную шею. Алый шелк пошел складками, смялся, обтянув кружевом точеную грудь. Капитан замер на миг и приказал себе

смотреть выше.

— ...Днем... — добавила она. Выше груди — кружевной отложенный ворот, точеная шея и линия ключиц. Маленькая ямочка на подбородке.

— ... и ночью...

Губы — алы, изящны и тонко очерчены. И они улыбнулись. Капитан понял вдруг, что забыл, зачем звонил. Вылетело, улетучилось напрочь из головы. Правда, всего на миг, потом уголки алых губ опустились, мигнули большие глаза цвета шторма и дон Диего ДеЛаСерда, капитан G.S Venus обрел дар речи обратно.

— Меня интересует луна Геллера, мадам, — начал он, гадая, почему так дрожит его привыкший к командам голос, — орбитальная станция у газового гиганта. Планы, актуальные схемы, судовой лист и штатное расписание.

Большие серые глаза сомкнулись на миг. И распахнулись опять, вспыхнув огнем в такт словам:

— Вы все-таки надеетесь поймать этих пиратов?

Это мой долг, мадам, — ответил капитан, гадая, что же за пламя светится в этих серых глазах. Хотелось верить, что это пламя надежды.

— Буду рада предоставить вам... все... Они меня замучили, эти пираты. И, капитан...

Ее голос на миг умолк. На миг, потом она добавила, тихим, чуть хриплым голосом:

— Буду рада принести вам свои поздравления... Лично, сеньор капитан.

Колыхнулась рубашка на высокой груди. Экран мигнул и погас.

О том, что устав запрещает ему покидать борт корабля Диего ДеЛаСерда вспомнил только потом. Сильно потом, когда индикатор мигнул опять и вспыхнул знаком приема данных.

Бортовые часы показывали три. План операции должен быть готов до утра. Оставленный без дела компьютер вывел заставку на главный экран. Зеленый, девственный лес, прошитый насквозь лучами рассветного солнца. Пейзаж планеты внизу. Планеты Счастье.

Взгляд капитана рассеянно скользил по ней, отдыхая. Недавний разговор никак не шел из головы. В сознании качалась и плавала мысль — одна, зеленым листом по озерной глади.

«Планета внизу. Говорят, тамошние дикари настолько суровы, что дарят на свадьбу драконьи черепа своим невестам. А Норма... Норма там губернатор, как-никак. Интересно, голова пирата сойдет? Надо будет сказать десантникам... Хотя нет, госпожа губернатор все-таки леди. Утонченная леди а не дикарка какая. Хотя жаль. И... Принести поздравления лично... Мадре миа, как она это произнесла. Жаль, устав запрещает. Хотя, я угадал и рейд на луну Геллера удастся — боеготовность будет снижена. И тогда... — капитан с силой тряхнул головой, гоня прочь мысли о этом «тогда». Алые, вьющиеся шелковыми кружевами по белой коже мысли, — но вначале операцию надо спланировать толком»

Датчик пискнул опять. Прием данных, запущен процесс. Заставка на экране сменилась, зеленый лес мигнул и пропал, сменившись индикатором загрузки данных. Желтого, тревожного цвета. Колониальный спутник потенциально-уязвимый канал. Капитан не заметил — было не до того. В голове плавали алые кружева, вектора атак, сектора обстрела и губы, растягивающиеся в слове «лично». Данные плыли — с поверхности на спутник, наверх. Там поток раздваивался на два рукава — классической хакерской схемой «man in the middle» и плыл уже в двух разных направлениях. Один — на борт Венуса, капитану на комп и другой, точная копия первого — на поверхность обратно, в летающий дом. На сервер,

установленный в гостевой комнате Эммы Харт по приказу Жана-Клода Дювалье, доктора медицины.

— 21 Падение луны

— Ловись, рыбка, большая и маленькая...

Протяжно выкрикнул Влад, первый пилот атмосферного транспорта. Бессмысленный, ритуальный возглас, сигнал второму пилоту, что их корабль углубился в атмосферу газового гиганта, или, на их жаргоне «нырнул» на расчетную глубину, и можно начинать работу. И плевать, что до ближайшей воды тысячи километров — туда, вниз, в толщу багрово-синих, густых облаков атмосферы. Без этой присказки работы им не будет — эту приметку на луне Геллера знал каждый рыбарь — пилот-ныряльщик в плотные слои атмосферы. Опытный, конечно, рыбарь, не мелюзга желторотая. А Влад был рыбарь опытный, свое дело знал и традиции берег. Потому и жив до сих пор, в сотый раз ныряя на своем маленьком, остроносом кораблике вниз, в туман под циановыми кислотными небесами. Плотный, неярко мерцающий от коллоидных взвесей туман, вечный полумрак, циановые и кобальтовые кислотные облака — наверху. И охряные, тяжелые, багровые с серым — внизу, плотной стеной. Человеческий взгляд ломался и пугал, требуя от владельца счесть твердой землей эти непроницаемые стены. Умом Влад понимал, что это не так. Земля здесь есть — под облаками, в тысячах километров внизу. И ее рыбари видят только мертвыми.

Слева, от пульта — хруст пальцев и сухой, короткий щелчок. И уверенный отклик второго пилота:

— Первый раз забросили невод...

Клубящуюся под ними стену густых облаков прошил лазерный луч. И еще один и еще, пока не сплелись за кормой транспорта в исполинскую сетку. Действительно это было похоже на невод, мелкий, свитый весь из нитей-лучей слепящего света. Заработал лазерный сканнер, просвечивая пространство под ними. Багровые облака над головой заискрились, замерцали желтым отраженным огнем. На экранах сканера — густая, плотная рябь. Еще миг... Потом Марсель, второй пилот, смахнул липкие волосы со лба, выключил пульт и разочарованно выдохнул:

— Пришел невод с одною лажей...

Влад не ответил — было не до того. Кораблик рыбарей скользил в атмосфере, уклоняясь от смерчей — пронзающих небо исполинских, вихрящихся черных колонн. Сверкнула молния — огненный, ветвящийся столб. Далеко, на границе видимости. Облака внизу заиграли, подсвеченные радугой остаточного излучения. Это было далеко, привычно и потому нестрашно. А вот стрелка манометра обязана была напугать. Счетчик забортного давления упрямо колыхался между оранжевой и красной, смертельной зоной.

— Лажа одна. Сканер старый, не добивает...ниже давай, — бурчал, крутя верньеры второй пилот, почти уткнувшись носом в поисковый экран. Влад аккуратно скосился ему за плечо. Да, на экране — сплошная рябь, пустота и бездонная глубь атмосферы. Он отвернулся назад, постучал — на счастье — пальцем по шкале манометра и аккуратно толкнул ручку управления от себя. Их корабль опустил нос, плавно заскользил вниз, почти зарываясь крыльями в багровую облачную гущу. Небо выше переливалось, мерцало изумрудным огнем. Стрелка манометра уверенно ползла вниз, из желтой в красную зону. Влад выровнял нос корабля, замер на миг, прислушался, положив руку на металл переборки. И решил про себя: «плевать». Скрипов и треска не слышно, а это главное. Верный признак — значит, наружная обшивка держится и не думает сдавать, а в их деле пугаться манометра — себя не уважать.

Да и до сделанной на шкале вручную отметки «вот тут точно песок» манометру еще добрых четыре деления.

— Еще раз закинул он невод... — протянул Марсель, второй раз включая сканер. Россыпь лазерных лучей опять полоснула по глухой облачной стене. Исполинская молния опять прошла облака. Внутри корабля замерли оба на миг, прислушиваясь к звукам из внешнего мира. Ничего — двигатель бьется ровно, обшивка пока не скрипит, значит все хорошо. Лишь на сканерах рябь... Сменившаяся вдруг яркой, отчетливой искрой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Контакт... — азартно крикнул Марсель, быстро крутя верньеры, — есть поклевка.

В их сетку лучей попала рыба... Большая, вкусная рыба — сверхглубокий ныряющий дрон. Прimitивный, но мощный двигатель, прочнейший корпус, огромные грузовые баки, входные решетки газоуловителей, фильтры и электронный мозг. Месяц назад Влад с Марселем закинули его в глубокие слои атмосферы гиганта пустым. А теперь вытаскивали на поверхность обратно, с баками, полными всякого вкусного сырья для орбитальных заводов.

— Подсекаю, — прошептал Марсель, отбросив со лба разом взмокшую прядь черных, кудрявых волос. Лазерный луч с корабля зацепился за управляющую решетку дрона, вниз, прямо в мозг «рыбки» потек поток машинных команд. Закрылки... рулевое управление... запуск двигателей... команда на набор высоты. На экране вспыхнул знак «принято» и ряд цифр — обратный отсчет. Повинуясь командам, дрон тяжело всплывал вверх, выше облаков, туда где кораблик Влада сможет его подхватить и вытащить вместе с сырьем на орбиту. Прошла минута... еще. Смерчи вдали сошлись, сплелись воронками — две черных гремучих змеи. Далеко. Не страшно. Плевать. Экран мерцал — их канал связи дрожал и рвался. Стена туч внизу — багровая и плотная, до паники и дрожи в веках. Влад невольно скосил глаза вверх, постучал пальцем по приваренной к стеклу туземной иконе святой Елены. Волосы белы, рисунок туземной работы, а приварили икону криво — слегка. Сами, кустарным способом. «Сколько раз я поправить обещал», — подумал было Влад, но тут от пульта долетел хлопок ладони, ругань и тоскливый машинный писк. Обрыв связи. Марсель громко хлопнул по пультау рукой.

— Черт меня побери, сканер медным тазом накрылся.

И выругался — грязно, матерно. Влад не выдержал — скосил глаза. По экрану бежала яркая зеленая засветка — ровной, сплошной полосой... Марсель скрипнул зубами, долбанул по пультау опять — с силой, под ладонью хрустнул и выгнулся пожелтевший, выцветший пластик.

— Черт, и в самом деле сканер накрылся. Электроника сдохла, вот черт, — процедил Влад угрюмо, сквозь сжатые зубы. На экране мерцали зеленые, четкие цифры отчета: «Приближаемся к поверхности. Консистенция грунта- твердая. Расстояние — 100 км, плотность...»... нет, этот сканер точно свихнулся. До ближайшей поверхности этих километров было, по меньшей мере, миллион. Марсель устало помотал головой и — чем черт не шутит — заехал еще раз по жалобно заскрипевшему пультау. Авось. Экран мигнул. На экранах — вместо ровной зеленой засветки — опять побежала знакомая, ровная рябь.

— Вот что хороший пинок делает... — удовлетворенно кивнул Марсель опять берясь за верньеры настройки. Опять вспыхнула яркая точка — контакт. Дрон послушно всплывал из глубин — исполинская пузатая рыба. Корабль трянуло, Влад помотал головой — черные смерчи сплелись впереди, слились в одну бешено крутящуюся воронку. Она раскручивалась

стремительно, у Влада на глазах распавшаяся кольцами и черными, багровеющими на глазах клубами тумана. Один такой оторвался, летел по ветру осенним листом — Влад поежился, прикинув, что прямо на них.

— Быстрее давай, сейчас тут будет жарко... — окликнул он напарника. Марсель лишь махнул рукой, протянув сквозь зубы очередную профессиональную присказку:

— Выловили рыбку не простую... не простую рыбку, золотую...

И впрямь золотую — завеса облаков внизу задрожала, налилась светом и лопнула. Дрон всплыл у них на глазах. Золотая яркая рыбка на тонкой леске направляющего луча. Ослепительный, теплый комок света, переливающийся искрами по стабилизаторам-плавникам.

Корабль тряхнуло. Влад взял ручку чуть на себя — набор высоты — и выпустил крюк — захват. Облако тумана, кружась, летело прямо на них. Корабль предательски задрожал и вдруг — морозом по коже — по корпусу пробежал протяжный предательский скрип. Так стонет продольный киль, сминаясь под тяжестью атмосферы.

«Господи, пронеси» — прошептал Влад, скосил глаза вверх, на икону и выдавил до упора газ. Корабль тряхнуло — еще и еще. Мелко задрожали крылья. Вихрь пролетел мимо, едва не задев их краем. Дрон парил чуть впереди, рядом, уже почти под ними. Лязгнуло железо, корабль в руках Влада опять задрожал — сильно, до лязга зубов и сдавленной ругани второго пилота. Марсель с кресла рядом хлопнул по пульту, крикнул — «ахой» — задрал счастливое лицо вверх, в кислотное небо. По пульту, зеленым по черному — короткая надпись: «Захват». Их добыча — дрон зацепился петлей за крюк корабля и болтался теперь, притянутый тросами к брюху.

— Не простая рыбка, золотая... — повторял про себя Марсель задрал счастливое лицо кверху.

— Погоди, сейчас чинуши на сепараторе груз подсчитают — увидим, золотая она у нас или медная, — коротко огрызнулся Влад. По корпусу — новый протяжный скрип. «Эх был бы у нас слухач — туземец с их абсолютным слухом — точно бы знали, что скрипит, где и когда заказывать панихиду» Но третье кресло корабля пустовало. Влад сильно надеялся, что пока. По небу над ними рассыпалось облако мелких радужных искр.

«Вот черт», — прошипел Влад. Ручку — на себя, до упора, сектор газа — в пол и корабль, скрипя, почти встал отвесно на огненный столб разминувшись на метр с ударившей молнией. И будто запел — так трещали, отходя от давления балки шпангоутов. Все сразу. Стена облаков лопнула над головой. Небо на глазах почернело, усыпалось звездами. Манометр — многострадальная стрелка давления спокойно легла на нуль. Отдыхая. Туманный клубящийся диск планеты начал плавно закругляться, пока не превратился за кормой в шар — туманный клубящийся шар планеты — гиганта. Прямо по курсу вспыхнула ярко звезда. Вспыхнула, замерцала гирляндой сигнальных огней, увеличиваясь на глазах. Орбитальная база, "Луна Геллера", их с Марселем родной дом... Унылое место — но и Влад и Марсель были рады сейчас его видеть. Настолько, что не оглядывались назад. Искрящиеся серые и кобальтовые облака газового гиганта бурлили и лопались у них за кормой. Антрацитово-черная угловатая тень скатом плыла им вслед, скользя и прячась внизу за гребнем туманов.

Влад не видел ее. Было не до того. Вокруг кораблика вспыхнуло огненное колесо. Маневровые двигатели. Потрепанный кораблик рыбарей как раз нырнул в створки причального люка.

Потом была посадка, рулежка, огромный темный ангар, сдача корабля техникам, ритуальный хлопок ладонью по уставшему борту и банка с пивом, по традиции открытая тут же, ударом о острые края наружного люка. Традиционная же сигарета жадно закуренная прямо под табличкой «запрещено». Еще не остывший, теплый борт корабля за спиной, колечками кверху — удушливый сизый дым и прохладное пиво в банке. Пенное, пряное от сока тари на языке. Скрипящие над головой порталные краны, деловитые техники — их спецовки, черны от масла а лица лоснятся от удушливой влажной жары. Белая пена плеснула Марселю на сапоги — Влад скосился, вполглаза наблюдая за напарником.

Тот поймал его взгляд, улыбнулся, зажмурил большие карие глаза — смешно, по детски. И поднял кулак:

— На счет три.

— Идет... — ответил Влад, поднимая свой, — раз, два... И выкинул пустую ладонь. «бумага». Марсель показал «ножницы», посмотрел на ладонь и смешно улыбнулся. Хлопнул Влада по плечу:

— Везет, Значит «рыбку» на сепаратор сдаешь ты, а я отдыхаю.

На его тонкой шее ходил вверх вниз маленький острый кадык. А волосы пострижены смешно — одуванчиком. «Малец совсем. И ножницы все время показывает, — лениво думал Влад, — Куда ему с чинушами ругаться — обдерут ведь»

Марсель все улыбался:

— Ладно, я к Дювалье, в "Зеркальную долли". Ты тоже подходи... Там, говорят, новые девочки...

— Солит он их что-ли? — почему-то огрызнулся Влад глядя прямо на улыбающегося напарника, — что ни неделя, то новые и новые...

— Не знаю... а место — класс... — улыбнулся Марсель еще раз и ушел прочь, расчесывая пятерней на ходу смятую шлемом прическу-одуванчик.

Влад пожал плечами, погладил напоследок перчаткой уставшую броню корабля и тоже ушел в сторону мигающей вывески с полинявшим федеральным гербом. Ругаться с чиновниками, ведавшими приемкой и оценкой их золотой рыбки. Бедная «рыбка» в чиновничьих лапах изрядно растеряла золотой блеск, но все равно «на руки» Владу вышло прилично.

Часы на стене показывали половину четвертого. Влад, увидев их, невольно сморгнул — за делами забыл, что уже ночь и лифт к жилым секторам опечатан.

«Эх яблочко, да ночка темная, и куда мне идти? Не упомяну я» — устало думал Влад, выходя за пределы ангара. Коридор раздваивался, слева на темной стене мигала неон «зеркальная долли» — реклама «дома Дювалье». Средней паршивости борделя в рыбацком крыле станции. Там будет Марсель и будет весело. Наверное. Влад тоже там был — пару раз. Сладкое вино, мокрые губы, испуганные глаза, заплеванной пол и прокуренные, липкие стены.

«Данунах» — прошептал под нос Влад и свернул направо. Лампы не горели, правый коридор был темен и пуст, лишь в далеке истошно мигала издыхающая аварийная лампа. Тени клубились в углах. Стукнул по затылку откинутый шлем. Влад подтянул его и пошел, машинально шагая от одного пятна тьмы до другого.

** **

В гостевых покоях настоящего дома Дювалье — летающего замка, свободно плывущего над легкими облаками планеты «Счастье» — часы тоже показывали половину четвертого.

Изящные настенные часы. Или напольные, непонятно — господин Дювалье, развлекаясь, велел сделать их на манер картины Дали — белый циферблат словно тек по стене, сползал на шкаф расплавленным маслом. Забавно и — на непривычный взгляд — дико до дрожи. До боли в глазах. Но время голографические стрелки показывали точно. Эмми, проснувшись среди ночи непонятно с чего, с минуту смотрела на них — бездумно, расслабленно скользя взглядом по извилям авангардной картины. Неярко мерцал ночник. Теплый свет тек, струился, отражаясь на потолке — золотом на завитушках. Эмми откинула простыню — тончайший, белый, безукоризненно выглаженный шелк приятно ластился, шелестел и щекотал кожу. Эмми невольно провела рукой по простыне еще раз, пропустила мягкую ткань между пальцев. Странное ощущение, новое и для трущобной девчонки — необычное. Эмми даже ущипнула себя. Осторожно, за ухо. Жизнь ее настолько изменилась за какой-то день, что она не могла понять до сих пор — не сон ли это.

Тогда, вначале был стук в дверь: два дня назад, в день, когда она первый раз оказалась в этом странном летающем доме. Глухо бухнуло сердце, привычный страх захлестнул глаза. Умом она понимала, что надо отпереть, опыт и инстинкты сулили беду, звали бежать, найти угол и прятаться, пока не поздно. Бежать было некуда — она проверила — и прятаться негде. Углов здесь нет. Эмми велела инстинктам заткнуться и пошла отпирать. Медленно, дрожащие ноги плохо гнулись в коленях. Но за дверью оказалась всего лишь зеркальнолицая служанка в черном. Та чуть поклонилась — вежливо, у Эмми глаза полезли на лоб — и сказала, что господин Дювалье посылает ей легкий завтрак и вещи — привезти себя в порядок. «Своей гостье» — так сказала служанка. Эмми удивилась еще раз, дико, до открытого рта. А потом удивилась еще сильнее, развернув принесенные служанкой пакеты.

Набор был странный, чтобы не сказать больше. Там было платье — открытое, алое, струящееся, мерцающее шелком на сгибах. Она видела такое еще на Земле один раз. По новостям, в разделе «пьяная звезда упала на красной дорожке». В другом пакете была какая-то короткая полупрозрачная хрень, похожая на шлюшью униформу. Еще одно платье — но шерстяное, серое, бесформенное, укутывающее тело с ног до головы. Глаза Эмми разбежались вконец. Недобитая трущобами женщина внутри требовала хватать в руки алую прелесть — поглядеть, померить, ну хоть на минуточку. Паника велела кутаться в серый балахон — от беды. Эмми выдохнула, подумала и решила, что балахон ей здесь не поможет а красивое платье она все равно не умеет носить. Выбрала строгую оливковую рубашку и шорты чуть выше колена — вещи простые, похожие на униформу местных штурмовиков. Удобно и — если повезет — можно попробовать затеряться в толпе. Оглядела себя — зеркало в комнате было и роскошное — гладкое, прозрачное, от пола до потолка — кивнула и оправила рубашку ту же вокруг высокой груди. Нож пропал неизвестно куда, а другого оружия у нее все равно не осталось.

(«она не дура», — отметил тогда Дювалье, наблюдавший это все на экране. Улыбнулся и дал команду Абиму на второй заход)

В дверь постучали еще раз. Опять аккуратно, тихо и вежливо. Вошел черный гигант — сразу, не дожидаясь ответа. Глухо звякнула сталь. — Эмми разглядела у гиганта на поясе кривой серповидный клинок и вздрогнула было от ужаса. Убрала руки за спину — быстро, чтобы вошедший не заметил дрожи в пальцах, решила, что зарезать ее и до переодевания могли, и тихо спросила — что господину угодно?

Вошедший кивнул — слегка, сухо, но тоже вежливо и сообщил, что господину Жану-Клоду Дювалье, доктору медицины, угодно позавтракать в ее обществе.

Эмми сморгнула от удивления. И, когда открыла глаза, увидела, что черный гигант исчез, а в комнате нарисовался накрытый стол и два резных стула. Беззвучно, будто сами собой. А потом дверь распахнулась еще раз — уже сразу, без стука. Глухо стукнула трость. И с порога ей кивнул Жан Клод Дювалье, доктор медицины. Кивнул, улыбнулся, уставив на Эмми большие, внимательные глаза. Черные, чуть навывкате, с ослепительно-белыми белками. А взгляд внимателел, остр, как лазерный луч.

Эмми попыталась отвести взгляд. Не смогла. Вздрогнула, забилась, увязла в чужом взгляде как моль в янтаре. Машинально села, когда предложили, взяла вилку следом за ним, поела слегка — тоже машинально, не видя, не чувствуя вкуса. Дювалье что-то говорил, откинувшись в кресле — она не особо понимала — что, отвечала не думая о словах, больше кивая и слушая тембр голоса. Спокойный, ритмичный, немного завораживающий тембр. И не заметила, как ушла дрожь в руках, дыхание немного выровнялось. Сердце успокоилось, забилось в ритм. Паника растаяла, растворилась в мерных звуках чужого голоса. Он был невысок, этот господин Дювалье, но почему-то Эмми смотрела на его снизу вверх. Уже. Естественно как-то получилось. Разговор плыл, слова звенели в воздухе — бессмысленные, мерные, в четкий ритм колыбельной. Потом Дювалье рассказал анекдот. Эмми рассмеялась. И еще раз, грудным, непривычным для себя смехом. Что тут было смешного — она не поняла. Тревожная, глупая мысль билась в мозгу. Где-то сзади, в висках, не касаясь сознания. Какая — Эмми забыла или не хотела сейчас понять. Дювалье улыбался ей в тон. Эмми почему-то обрадовалась, увидев эту улыбку. А потом ритм разговора лопнул, прервавшись коротким вопросом:

— За что сидели, милочка? — коротким и резким, хоть сказано было ровно, с той же улыбкой.

Эмми вздрогнула, будто ее ударили. Вопросом, будто хлыстом — наотмашь, с размаху по голой спине. Трущобная бравада велела огрызнуться коротким: «на работе заснула», здравый смысл советовал разрыдаться и наплести пару грузовых контейнеров лжи про злого судью, судьбу и ошибку в бумагах. В руке Дювалье чуть звякнул столовый нож. Эмми смерила собеседника взглядом, замялась и ответила прямо в эти внимательные глаза:

Номер дела, статья, срок.

Дювалье улыбнулся опять. Лязгнула вилка в руке. Звук был теперь мягкий — так поет у виска уже пролетевшая мимо пуля. Эмми вдохнула, поняв, что это был правильный ответ. А Дювалье уже встал из-за стола, улыбнувшись ей еще раз — не просто внимательно, уже как то иначе:

— Пятьдесят восемь, через двенадцать, двадцать пять в зубы и десять — по рогам.

Эмми сморгнула. Так на жаргоне звучала ее статья. 58, пункт 12, 25 лет каторги и 10 — поселения. Откуда он знает этот жаргон?

Дювалье будто прочитал ее вопрос по губам. И ответил, мягко, вкрадчивым голосом:

— Не удивляйтесь, дорогая, у нас много общего. Мой дед приехал сюда, на «Счастье», по такой же путевке. Те же двадцать пять в зубы, те же десять по рогам. Умереть богатым это ему не помешало. Отнюдь.

Эмми сморгнула на миг. От удивления. Дювалье будто исчез. Продолжение фразы долетело уже из за спины. Тихий, ласкающий голос:

— Умереть богатым, в своей постели на сто первом году. Счастье может быть счастливой планетой...

Черная ладонь легла на ей плечо. Мягко так. Эмми вздрогнула. Вдруг, вся, всеми

нервами тела.

«Что ему надо?» — таки всплыла, пробилась в сознание давняя мысль. Ладонь с плеча скользнула чуть ниже, к ключицам. Лопнула верхняя пуговица, оторвавшись с воротника.

— Еще скажете спасибо федералам за эту поездку.

Вторая пуговица, треснув, оторвалась, повисла на нитке. Черная ладонь скользнула ниже, в ложбинку меж двух белых высоких грудей. Эмми выдохнула. Попыталась расслабиться — честно, предвидя уже неизбежное. Попыталась, но вместо этого невольно напряглась. По старому опыту — ей предстояла весьма неприятная но милосердно-недолгая процедура.

— Э, нет, так не пойдет, — проговорил Дювалье, заметив, как дрожат и белеют ее губы, — вы же не у стоматолога, милочка...

Рука вдруг испарилась, исчезла. Потом — три легких, почти неощутимых тычка — касания. Основание шеи, затылок, плечо. И мышцы расслабились — сразу и все. Эмми растеклась киселем, обмякла. Захотела поднять руку и не смогла. Соскользнула со стула, дрогнула, начала падать. Дювалье не дал, поднял, подхватил на руки... Белыми зубами по черному, близко, прямо в лицо — улыбка:

— Я все-таки доктор медицины.

Шепнул он ей — прямо в лицо. И положил на кровать, мягкую что твоя кукла.

То, что произошло потом — Эмми не могла описать. Раньше у нее такого не было. Раньше она думала, что такого не может быть. Пьяный треп, реклама, разводка для наивных юнцов. Не может быть. Этого всего: прикосновений, настойчивых, нежных и точных, кружащейся головы, пряной неги и кожи, вспыхивающей адским огнем. Крови, зазвеневшей по жилам — бешеным танцем, жгучим, кружащим голову. Дыханья рвущегося стоном из губ — искусанных, ищущих, молящих о поцелуе. Он вдруг замер, склонившись над ней — на миг. И Эмми услышала стон — собственный стон, хриплый, пьяный, звенящий от огня под кожей:

— Не останавливайся.

Дювалье даже замер на миг, сморгнув на мгновение:

— Я даже не начинал.

«А что, может быть лучше?» — ошалело подумала Эмми, позволив перевернуть себя на живот. Первый толчок, первый стон с прокушенных губ. Может, еще как... До сорванного дыхания, крика, звона крови в ушах и вселенной, лопнувшей внутри ее влажным, отчаянным криком...

Эмми выдохнула. Вытянулась, перевернулась обратно, на спину, бездумно смотря в потолок. Замерла, переводя дыхание, еще не уверенная, что это все — было. Сейчас. С ней. Не в кино. Улыбнулась — потолок звенел и качался в глазах, как после доброй бутылки. Дювалье, приподнявшись на локте, внимательно смотрел на нее. Проговорил задумчиво. «Брамимонда» или что — то в этом роде, Слово на туземном языке, странное, непривычное уху. Она открыла было рот — спросить. Что-то бессмысленное, глупое и счастливое одновременно. Но не успела. Не смогла. Дювалье без слов отправил ее в сон — теми же тремя тычками-касаниями.

Когда проснулась — кровать была застелена, вещи — аккуратно сложены и за окном темнела непроглядная южная ночь. Дювалье ушел. И больше не приходил — Эмми не знала, что и думать. Так прошло два дня. Пустых, томительных дня в летающем доме. Он вызывал ее к себе — еще трижды, через секретаря — того самого черного, страшного гиганта с

ножом на поясе. Гигант — Черный Гарри, Эмми запомнила имя — был вежлив, кланялся, говорил четко и пугал Эмми до ужаса.

Один раз Дювалье вызвал ее к себе — Эмми обрадовалась было, полетела, не чуя ног под собой, вся пьяная от томных предчувствий. Но Дювалье лишь вежливо поздоровался и попросил взять под контроль федеральную сеть. Эмми открыла было рот — спросить, но Дювалье дал знак и секретарь без слов вывел ее под локоть.

— Боссу вопросов не задают... — шепнул он ей уже позже, в коридоре, — Не принято, если ты не...

Он осекся и замолчал, оглянувшись через плечо. Эмми молча кивнула — понятно, мол. Ругаться с этим гигантом было страшно. Тот дернул лицом и добавил, наклонившись к ее уху:

— И не поворачивайся к портрету спиной.

— К какому портрету? — оторопело спросила Эмми. Она умудрилась не заметить в кабинете ничего, кроме Дювалье.

— На стене, — буркнул гигант и добавил странное слово, — местный дух. Лоа...

Зрачки его больших, навывкате глаз сверкнули — белые, дикие на фоне черной, угольной кожи. Звякнул на поясе нож. Эмми вздрогнула. Подумала над загадками этого места — честно, пару минут. Решила, что спорить и задавать вопросы и впрямь глупо и пошла работать над тем, что ей поручили.

Благо эта работа — как раз по ее уголовной статье и комп ей выдали мощный. Потом было еще два раза — Дювалье просил сопровождать его в обходе летающего дома. Эмми не поняла — зачем, просто шла где предписано, на шаг позади. Шагала, дивясь на диковинные интерьеры, абстрактные картины на стенах, ровные ряды штурмовиков, приветственные крики — в лицо и громкий — до гула — шепот за спинами. Солдаты по углам косились, показывали пальцем — обсуждали ее. Не похабно, нет, с опасливым шепотом. Ей, скорее льстило такое внимание. Один раз Дювалье ее поцеловал. Просто взял за локоть, притянул и поцеловал в губы. На людях, почти перед строем. И отодвинул на место, прежде, чем Эмми распробовала вкус. Зачем — Эмми не поняла. Но шепот за спинами стал куда громче.

Так время и шло, Эмми честно прочесывала сеть, вылавливая все, что казалось важным, смотрела в окно. Дом летел над джунглями, за окном тянулась однообразное зеленое море. Ей уже начало казаться, что все ей приснилось. Или это она сейчас спит? Эмми — сегодняшняя Эмми, та что лежала в кровати, бездумно глядя на ночь, темноту и часы над кроватью — потянулась ущипнуть себя еще раз. Задела грудь, сосок отозвался — тенью, искрой былого огня. Выдохнула. У изголовья пискнул, замигал огнями компьютер. Один раз, другой. Фильтр выловил пару сообщений с пометкой «важное». С орбиты. Прямо с самого корабля. Подпись капитана, гриф, печать. Расшифровка. Капитан ругался, требуя от колониальных властей расчистить пару секторов от каботажного флота. Колониальные отругивались, кто-то истошно блажил на весь эфир, голося что у него фрахт и деньги пропадают. В разговоре выпала фраза «Луна Геллера». Ключевое слово, Дювалье просил держать его на контроле. И еще «два часа». Эмми собралась, встала с кровати. Отправила сообщение — срочно, на адрес самого Дювалье. Половина четвертого на часах. Эмми очень удивилась, увидев в ответ короткое «заходи». «Впрочем, — последнюю мысль она додумала уже на бегу, поспешно застегивая рубашку и шорты, — для владельца плантаций тари ночной сон — всего лишь прихоть»

Дювалье не дергал Эмми по простой и понятной причине — занят был. В одно время

сходились решительной точке две операции. Старая, давно просчитанная — против Фиделиты и новая, свалившаяся как снег на голову — Луна Геллера. Тоже просчитанная, подготовленная, на всякий случай, заранее, но — тут флотские могли и успеть. Как там их капитана, ДеЛаСерда? Не по годам умный парень, хоть и не по должности впечатлительный. Его разговор с губернаторшей Дювалье передали сразу, едва ли не раньше, чем сам капитан успел его осознать. Из двух источников разом, Эмма постаралась тогда. И сейчас постаралась тоже — выловила из оговорки в сети дату и время начала флотской операции. Еще два часа подготовки, плюс часы лета до луны — это, конечно, быстро но все равно — про флот и их капитана можно на время забыть. Его собственная операция начнется и закончится куда раньше. На часах — три сорок пять. Дювалье позволил себе улыбнуться — слегка, чувствуя, как отпускает напряжение. Листнул записную книжку на столе. Открылось на странице «Эмма Харт». Почти чистый лист, записей до обидного мало. Первая строчка — два дня назад, собственной рукой:

«...сказать Абиму, пусть найдет ее прежних. Выяснит имена, найдет и оторвет все, что можно. Так испортить годный, в общем-то, материал — суметь надо...». Восклицательный знак. Выговор самому себе — перо пробило бумагу чуть больше чем надо.

Дальше — пометка его же, но уже более спокойным почерком «приоритет — низкий». Вкладной листик почерком Абима — список на полдесятка имен, точнее бандитских кликух с короткими пометками «забит при аресте», «поножовщина», «передоз» и ты ды. Дювалье усмехнулся — слегка, отбросив лист в сторону. Абим — честен, дотошен и исполнительен, но тут он старался зря. Все эти «морды», «хряки» и «кабаны» благополучно окочурился и без его помощи.

Еще большой знак «плюс» — успешный перехват капитанского разговора. Пометка — «спросить, как ей это удалось». Дювалье взял ручку, пририсовал еще один — хороший, жирный. Сегодняшний перехват. А пометку обвел — его людям такое раньше не удавалось.

В приемной чуть слышно хлопнула дверь. Дювалье услышал голос Эммы. Скосил глаза на часы — быстро она.

«Вот так, папа. Такие дела. Моя смерть ко мне по вызову бегаёт, — подумал он, подняв глаза на портрет на стене, — А вообще, старается девочка, надо поощрить»

Вошла Эмма — с порога кивнула, на миг опустив глаза в пол. Рубашка смята, ворот расстегнут, а дыхание — сбито, от спешки, от быстрого бега. Она подняла глаза, Дювалье поймал ее взгляд и понял — не только от бега.

«Надо поощрить», — подумал он, вставая из-за стола ей навстречу.

На часах — без десяти.

Далеко отсюда, на луне Геллера Марсель как раз входил в «зеркальную долли». Махнул рукой туземцу-охраннику — весело, как старому знакомому и шагнул в дверь, насвистывая под нос веселую песню. Холл — необычно — был темен и пуст. Ковер под ногами — в мягком ворсе тонул звук шагов, тишина, лишь желтый свет неона мерцал, отражаясь от десятка зеркал в коридоре. Никого. Марсель невольно замер, осекся. Сделал шаг. Под ногой влажно, противно хлюпнуло. Плеснуло красным на сапоги. Парень глянул вниз, изумляясь — где все и что здесь пролили...

Подслеповатый электронный экран мигнул на стене, показав время — Без девяти четыре...

— Вызывали, босс? — спросила — почти выдохнула — Эмми, опять сумев посмотреть на Дювалье снизу вверх расширенными, искрящимися надеждой глазами.

— Да, вызывал. Во-первых, сказать спасибо. Ваш перехват мне очень помог. Хорошая работа.

Дювалье оказался рядом — вдруг, Эмми не заметила, как. Просто скользнул, подошел, положил руки на плечи. Поймал взгляд — вмиг затуманившийся, поплывший. Добавил, глядя, как широко распахиваются, расширяются ее глаза, загораясь огнем и надеждой.

— Принести извинения. Я должен был сделать это раньше.

«Это — что?» — подумала Эмми. Потом его руки легли ей на бедра. Легли, огладили. И скользнули выше, на грудь, разом наглядно объяснив — что. Стон рванул вверх с ее губ. Дювалье скосил глаза на часы — без пяти.

«Забавное совпадение...», — мельком подумал он, накрывая ее губы губами.

На подслеповатых электронных часах — без пяти. Марсель уже рухнул на грязный ковер, хрипя и булькая кровью из перерезанного горла. Убийца — тот самый вышибала-туземец нагнулся, вытирая кривой нож о куртку убитого. Мерцали татуировки на плоском лице — по лбу и вискам вспыхивали неоновым мертвым огнем перечеркнутые сверху вниз молнии. Кровь текла и текла на ковер, застывая на волосах мертвого пилота — кудрявых, густых, причесанных шаром, под одуванчик.

Убийца спрятал нож и поспешил к входу, где уже собирала строй его группа — три десятка таких же как он татуированных дикарей. Короткие автоматы, большеглазые газовые маски — люди, но больше уже похожи на богомолов. Старший скосил глаза на часы — без двух минут. Потом выхватил нож, поднял, поймав кривым лезвием алый, неоновый свет. И тридцать глоток заорали, запели в тон — кванто кхорне...

Без двух минут четыре.

— Э, нет, давай сама, — прошептал Эмми на ухо Дювалье. Эмми, пьяной и тающей в его руках от огненной ласки. Чуть отстранился, убрал руки с груди. Та застонала даже — громко, подняв к небу прокушенные губы. Рванула рубашку — истово, треск оглушал, отлетевшая пуговица звякнула, оцарапав Дювалье щеку. Потянулась к нему, обняла — опять, запустив пальцы в курчавые волосы. Ее кожа пахла хлоркой — самую чуть. Запах корабля, боли и эмигрантской палубы. «Выведем, не вопрос», — мельком подумал Дювалье, но, все же, чуть сморщился, отстранился. И скосил глаза. На часах — четыре ноль-ноль. Ровно.

— Брамимонда...моя смерть. Правильное совпадение, — шепнул сам себе Дювалье, толкая Эмми вниз от себя, на стоящую в углу кушетку. Рыжим пламенем по темному шелку разметались короткие, смятые волосы. Рубашка бесстыдно задрана вверх. Хрустнула под пальцами пуговица, шорты слетели прочь. Колени разошлись, открывая для Дювалье сокровенное.

Стрелки плывущих часов на стене дрогнули, показав четыре часа и одну минуту...

Рванул с диким грохотом вышибной заряд, стальная, толстая дверь командного пункта луны Геллера дрогнула в пазах, выгнулась и слетела с петель. Диспетчер вскочил на ноги — и, хрипя, упал затылком на пульт, словив в грудь десять пуль разом. Налетчики хлынули в зал, разошлись веером, стреляя на ходу. Лопнул, взорвался обзорный экран, обдав стены потоками искр. Двое охранников упали смятыми куклами, так и не успев выхватить стволы. Младший диспетчер попытался удрать — пуля догнала, смяв и бросив на пол ничком в двух шагах от аварийного люка. Вскочил на ноги мальчишка-стажер. И тут же упал, с ножом в руках, не дотянув каких-то пары шагов до горла одного из нападавших. Старший в группе налетчиков огляделся, кивнул своим и принялся вводить команды на пульт. Медленно, сверяясь по бумажке с инструкцией.

... Эмми выгнулась в руках Дювалье, закричала — без слов, истово, задрвав голову вверх. Выгнулась, стиснула его руками и коленями — сильно, до кровавых полос на спине. Еще и еще. Металась из стороны в сторону голова, стоны рвались с алых губ — рвались, отражались от мерцающего, зеркального потолка возвращаясь обратно хриплой, бессвязной музыкой. Дювалье над нею — сейчас огромный, антрацитово-черный, страшный даже гигант. Казалось — сама южная ночь входит в нее, плавя и высекая бегущие по коже искры...

... Старший из налетчиков закончил стучать по клавиатуре, посмотрел на экран. Сверил с бумажкой два раза и нажал на ввод. Команды пошли по сети. Первая — отключала обзорный радар и все внешнее наблюдение, вторая — блокировала пожарную, вакуумную и газовые защиты разом. А третья переключала воздуховоды станции на аварийный забор воздуха из бака номер 153. Куда еще месяц назад залили тайком старый добрый фосген вместо кислорода.

Луна Геллера умерла. Чуть раньше, чем Эмми, вздрогнув в последний на сегодня раз, расслабилась и обмякла под Дювалье, улыбаясь во тьму пьяной, счастливой улыбкой.

Одну ошибку главарь налетчиков все же допустил. Дикарь дал слишком большое давление в воздуховод. Понадеялся, что так газ зальёт базу быстрее или просто перепутал единицу и ноль — неизвестно уже. Но эта ошибка спасла жизни многим на станции. Владу — в том числе, хоть и совсем случайно...

«Угораздило же, — угрюмо думал пилот, оглядывая темный, прокуренный зал с кое-как подсвеченной трибуной. Лениво, сквозь полусомкнутые веки, не сколько думая сколько плывя в полусне:

«угораздило же меня купится на «пошли, будет интересно» в исполнении Сары из технического отдела».

С потолка мигала вполсилы старая желтая лампа. Гудели голоса в темноте, сизый табачный дым плыл, завиваясь спиралями у вентиляционных решеток.

«Интересным занятием» по версии улыбчивой, верткой технички — было сидеть в углу и слушать профсоюзного агитатора. Запрещенного, само собой, но от этого его речи интересней не становились.

— Товарищи, немедленных результатов вам никто не обещает, — вещал агитатор с трибуны, постукивая для убедительности кулаком по импровизированной из двух ящиков трибуне. Доска под ладонью скрипела и вздрагивала, граненый стакан на доске дрожал и брызгал водой на рукав с алой, засаленной лентой.

— Но и мирится с тем, как вас грабит федерация — это, товарищи, надо совсем себя не уважать. Мало того, что федералы оплачивают атмосферникам сырую смесь — а после сортировки на сепараторе добытая рыбаками коллоидная масса становится, как минимум, вдвое дороже. И мало этого... тут оратор выдержал слегка театральную паузу, откашлялся, слегка наклонившись вперед, — сами знаете, товарищи, сколько килограмм у чиновников в стандартной тонне...

— Ага, корпоративная тонна, это максимум семьсот килограмм.

Кто-то в задних рядах одобрительно засмеялся:

— Восемьсот...

— Да нет, семьсот от силы...

— Худая она у них, подкормить надобно... — крикнул кто-то из дальнего угла. По залу пролетели смешки — эхом от серых стен, короткие, одобрительные.

— И еще похудеет, если не объединимся, товарищи, — оратор стукнул по столу кулаком.

Сара рядом наклонилась вперед, захлопала, крикнула «верно». «Старая песня» — Влад зевнул, гадая — упадет ли стакан. Сухой щелчок часов со стены — это минутная стрелка встала вертикально вниз — половина пятого. Оратор потянулся к воде. И вдруг дёрнул рукой — неловко, стакан, сверкнув гранями, перевернулся, полетел вниз. Влад еще не успел ничего понять, просто протянул руку — вдруг, сам себе удивляясь — рванул на себя Сару, дернул, защелкнул шлем на ее голове. Заложило в ушах. Защекотал ноздри странный здесь запах земли, лета и прелого, гниющего сена. Защищало в глазах. Стакан упал и разбился, блеснув в желтом свете яркой, радужной крошкой. Оратор вдруг захрипел, схватившись за горло обеими руками. Видно было, как раздувается и, на глазах, мертвенно синееет лицо. Из носа — кровь, багровым потоком по рукам и вниз, мешаясь на рукаве с алым шелком повязки.

Щёлкнул шлем вокруг головы — руки опытного межпланетника уже все поняли, накиннули на голову летный шлем, закрыли, включили продувку — сжатый холодный воздух ударил в ноздри, унося наружу туман, запах смерти и прелого сена. Кто-то запоздало крикнул «берегись, газ». Мужик в спецовке и шлеме — по виду такой же пилот, как и Влад, вскочил, прыгнул к стене, с маха ударив кулаком по красной кнопке тревоги. Раз, другой, сильно, до крови на пальцах и пластиковых брызг защитного кожуха. И бесполезно — не вспыхнул по стенам багровый тревожный огонь, не взвыли сирены, не загудели, унося газ вентиляторы аварийной продувки — аварийная сигнализация была мертва.

Лектор мешком рухнул на пол, закрывая лицо алой лентой повязки.

Влад огляделся — вокруг на ногах остались еще полдюжины таких же, как он, рыбарей — атмосферников, приученных кожей чувствовать перепады давления. Кто-то кашлял — истощено, кровью, буквально выхаркнув легкие на заплеванный пол. Упал, свернувшись клубком на полу. И затих.

Остальные в зале были уже мертвы или еще умирали.

Сара кинулась к выходу. Вдруг, опрометью, взмахнув руками и крикнув на ходу что-то про «скорую». Влад почему-то хотел ее остановить. Не понял сам, почему. И не успел — ее плечо прошло в миллиметре от его пальцев.

Лязгнула дверь. Автоматная очередь прошла ее на бегу, смяв и отбросив назад — грязным мешком на решетку пола. Вторая очередь прозвенела, выбила россыпь искр по стенам и потолку. Лопнула лампа, брызнули в стороны осколки стекла. Упал человек — тот самый рыбарь, стучавший по кнопке тревоги. Пули хлестнули, прошлись по шлему и спецовке, оставив ровную строчку дыр на спине. Влад вжался в стену. Не думая, на инстинкте. От двери — полосой яркий неоновый свет и в этом свете налетчики были видны ясно. Двое, оба высокие, в одинаковых, новых скафандровых куртках. Лиц не видать — оба прикрыты глухими, паучьими масками. В руках полицейские «скорпионы», сизый дым течёт струйкой из коротких ребристых стволов.

«Кванто кхорне» — рявкнули они. Коротко, дружно — непонятный, гортанный взглас. По спине, струйкой — холодный пот. Влад, дернувшись вдруг, увидел как медленно поворачивается в его сторону воронёное короткое дуло.

— Суки, вашу мать, — ударил в уши хриплый, полный ярости крик. Свистнула в воздухе сталь — серебристой, мерцающей рыбкой. На налетчиков кинулся глухо, нечеловечески матерясь, один из выживших рыбарей. Влад обернулся и узнал его — Серега Сташевский, эмигрант с Гефеста, бывший уголовник, беспробудный пьяница и бузотёр. На глазах у Влада очередь прошла его, опрокинула и смела — кулем на пол. Прозвенел нож, выпав из мертвых, татуированных синими колоколами пальцев.

Влад сорвал с пояса пилотский клеевой пистолет и, не целясь, выстрелил дважды.

Клеевой пистолет вообще-то оружием не был. Совсем. Деталь корабельного ремкомплекта, неуклюжий широкоствольный дозатор, позволяющий по-быстрому поставить заплату на скафандр или на обшивку корабля. Заплату из жидкого пластика, выдерживающую минимум сто атмосфер. Обоих налетчиков просто смело, сломало и вклеило в стену — вместе с автоматами, одной изломанной, авангардной фигурой. Маски упали с лиц. Влад сморгнул — они были зеркальными, туземными с высокими плоскими скулами туземцев со «Счастья». Знаки на лбу — косые чёрные молнии. Один был, вроде, даже знаком — вышибала «зеркальной долли». Влад сморгнул раз, потом другой, гадая — правда ли это и впрямь тот, кому он улыбался на той неделе... Из коридора — новый треск

очередей. И опять «кванто кхорне» — издалека. Пискнул счетчик под ухом — разряжен кислородный баллон. Влад оглянулся — мельком, понял, что живых тут больше нет, и кинулся прочь, подальше отсюда.

Дальнейшее он помнил плохо. Темные коридоры, крики, писк счетчика и сухой стук очередей за спиной. Помнил офис корпорации — тот самый сепаратор, куда совсем недавно — или вечность назад — ходил сдавать чиновникам добытую «рыбку». Теперь офис горел — рыжее пламя металось, мелькало в окнах. Гербовой щит сбит на землю — черный ворон федерации расколот и раздавлен ногой, один из налетчиков присел рядом с ножом, скребая с когтей позолоту. Еще двое ходили рядом, раскладывая под окнами тела чиновников и полицейской охраны — аккуратно, в ряд, жуткой для глаза картиной. И еще один крутился у стен, рисовал на стенах — обычный латинский крест черной аэрозольной краской.

Еще помнил бой у ангара — когда кто-то из пилотов сумел организовать, собрать выживших и повести на прорыв — к кораблям, подальше от мёртвой станции. Коридор, где Влад недавно расстался с Марселем, оказался перекрыт — налётчики в паучьих масках били по людям в упор из-за перевёрнутого погрузчика. Клеевые пистолеты не доставали, пилоты шли в атаку — в полный рост, скользя в лужах алой крови и падая на трупы товарищей. Автоматы захлебывались, налетчиков почти прижали к стене — но раздался взрыв. Изнутри ангара, стену буквально снесло. Ослепительно-яркое пламя вырвалось, проглотив всех подряд — и пилотов, рвущихся к своим кораблям, и налетчиков в страшных, паучьих масках. Влада спасла вовремя подвернувшаяся нога, и рухнувшая прямо перед носом двутавровая, огромная балка. Пламя прошло стороной. Коридор пуст. Дым плыл, вился под потолком, тела — бурой кашей — лежали вокруг на полу. Чужие, свои — вперемежку. Путь наружу закрыт. Влад метнулся назад, гадая — выветрился ли газ и куда еще можно податься.

Забрел зачем-то в «зеркальную долли». Долго пялился, трясся звенящей в висках головой, на сорванную дверь и разгром внутри. Все было пусто, мертво — и давно. Ватной, мертвенной, звенящей в ушах тишиной несло из пустых коридоров. Вспомнилось недавнее — возвращение, вечер, пиво в банке и улыбающийся Марсель. «Новые девочки». Хлюпнуло красным под сапогом. Вон они, девочки, лежат у стены — новые и старые вперемежку. Точнее в ровный, как по линейке ряд, тела выложены страшной, чудовищной инсталляцией. «Не поленились, гады» — скрипнул зубами Влад. Опять крест на стене — наскоро, аэрозольным баллоном. Пискнул счётчик — кислороду в баллоне осталось всего ничего.

Далеко отсюда, в небе под легкими облаками планеты «Счастье» спала Эмми Харт. Улыбаясь и шепча во сне «Брамимонда» — свое новое, странное имя, услышанное у Дювалье. «Брамимонда», — задумчиво повторил про себя Дювалье, глядя, как свет ночника вьется спиралью на ее коже. «Моя смерть» — на туземном наречии.

«Кстати, почему без косы?» — отметил он в дневнике. Наскоро, одной карандашной строчкой. Пискнул коммуникатор — принес короткий сигнал. «Луна Геллера — успех. Кванто кхорне». Дювалье усмехнулся и перевернул лист, выписав черной ручкой на белом листе новое слово «Фиделита».

Здесь, в космосе, на луне Геллера Влад повернулся спиной к мертвым и побежал — опрометью, со всех ног. Наверх, через уровень, по неподвижному эскалатору. И еще раз наверх. На церковный спасательный пост, открытый было на станции с год назад, а потом, по приказу корпорации, запечатанный. Там автономные воздухопроводы, баллоны и железная, герметичная дверь. Даже спасательная шлюпка есть, говорят. А на планах ее нет, официально там все закрыто. Может и повезет. «Даже спасибо чертовым резунам, — думал

он на бегу, глядя, как ползет вниз стрелка кислородного баллона, — черт бы их взял. Не увидь я их намалеванный крест — мог бы и не вспомнить.

«Мог бы», — думал он дальше, прячась в тени от спешащих куда-то налетчиков. Рванул снова, когда шаги затихли вдали. Стрелка ползла вниз. Глухо шумело в ушах. Коридор, еще один, поворот. Шаги за углом — или это сердце стучит в такт шагам, гулким, надтреснутым колоколом.

Еще поворот. Стены вокруг — ровные, одинаковые.

«Господи, может же мне повезти? — подумал Влад, аккуратно заглядывая за угол. Знакомая штурвальная дверь с латинским крестом — гравированным правильным, а не той фигней, что рисовали налетчики. Близко, совсем. По лестнице вверх. Лестница, площадка, чьи-то фигуры у стен.

— А вот фиг тебе, а не повезет, — выругался он еще раз. Фигуры у двери — знакомые, до ужаса, морды в паучьих масках. Пятеро — сторожат дверь, еще пара ввозится сзади — работают, тянут какой-то баллон. Истошно запищал кислородный счетчик — стрелка уперлась в ноль. Влад вдохнул пару раз, выдохнул и шагнул вперед, стреляя на ходу из клеевого пистолета.

С первым выстрелом ему повезло. Поток герметика удачно накрыл обеих работающих сзади. Накрыл, впечатал в стену, перемешал — в кашу, багровую и до тошноты страшную на вид. Плоть вперемежку с железом. Если бы у Влада было время пугаться. Счетчик пропищал в последний раз и замолк. Второй шаг, сверху — знакомый гортанный крик, люди наверху — не люди, жукоглазые маски и стволы в руках дрогнули, поворачиваясь в его сторону. Медленно, как в покадровой перемотке. Пистолет вверх, широкий ствол ходит туда-сюда в дрожащих руках, дистанция почти предельна — плевать. Спуск тугой. Мимо — сверкающая тягучая струя, мерцающая, летит по дуге, впустую опутывая лестничные перила. Еще раз, чуть выше прицел. Беспомощный, тихий щелчок — смесь в баке закончилась.

«Ну вот и отбежался» — прошипел Влад, делая еще шаг вперед. Поднял глаза — выше, на крест у двери. Видеть сейчас эти жукоглазые морды было откровенно противно. В голове — туман, мысли плыли, цепляясь за что-то, сейчас совершенно неважное. Например, почему тут крест на двери — не такой. Еще шаг. Налетчик что-то крикнул, стволы почти развернулись к нему. Почти. А крест тут правильный как раз — это налетчики, разрисовывая стены впопыхах, сумели напутать. Почему-то эта немудреная мысль показалась Владу важной. Очень важной, куда важнее, чем огненный цветок, медленно, очень медленно расцветавший вокруг автоматного дула.

Легкие судорожно хватали воздух. Поздно — баллон был пуст, и давно. Глаза заволоч клубящийся темный туман. А потом дверь распахнулась — разом, сметая налетчика прочь, вместе с его автоматом. За дверью — неправдоподобно высокий, гротескный непохожий на человеческую фигуру силуэт. Сизая сталь в руках — нож. Подвернулась нога. Влад упал и потерял сознание.

**

— Эй, ты живой? — услышал Влад. Тихо, сквозь серую хмарь беспомыслия. Голос был хриплый, прокуренный и на ангельский не походил никак, так что Влад попытался ответить утвердительно. Это ему даже удалось. С третьей попытки. И открыть глаза. Живительный воздух бил в нос, щекотал ноздри самым приятным сейчас запахом. Приторной вонью троекратно очищенного кислорода. Прочистилась голова. Туман ушел, Влад открыл глаза, сел и попытался оглядеться. Серые стены, мерцающая лампа в углу — желтая, полуслепая.

Напротив — человек. Все-таки человек, хотя глаза путали, складывая из фигуры в броне какого-то страшного шипастого богомола.

— Ты кто? — окликнул его Влад, упорно пытаюсь свести глаза в кучу, — и где я?

Сознание возвращалось, вместе с тугой болью в голове. Медленно. Влад усмехнулся, больше чтобы разогнать туман в голове:

— Про тот свет и ангелов не говори. Не похож.

— Почему? — незнакомец даже удивился.

Влад пояснил:

— Крыльев нет. И морда не ангельская. — Морда у незнакомца была действительно, еще та. Вся из острых углов — горбоносое, черное, исчерченное морщинами и шрамами лицо. А улыбка добрая:

— Крылья на склад сдал, по описи, а морда — какая уж есть. Арсен Довлатов, седьмая десантная.

— Настоящий десантник? Не врешь?

Арсен молча стукнул себе по плечу. По пластине брони с усатой тараканьей мордой в ромбе. И цифрой семь. Влад поперхнулся, проглотил готовый ответ — узнал эмблему знаменитой бригады. Вопросы — вихрем по голове, отбивая ритм о черепную коробку. Вылившись, в итоге в короткое:

— Как база? И что ты тут делаешь?

— База все. Я один. Прячусь, — доложил Арсен по-военному коротко.

Стукнула дверь. Не наружная — та самая, железная герметичная дверь, а внутренняя, деревянная. Вошла девушка — туземка, Влад, удивившись, увидел мягкий отраженный свет на щеках и высоких, зеркальных скулах.

— Как раненый? — спросила она. Тихо, на земном языке. Слова прозвенели — нежным, малиновым звоном.

«Если бы я этот голос раньше услышал — точно бы решил, что в раю»

— Спасибо, Мария, все хорошо, — ответил Арсен, и Влад невольно кивнул — подтверждая. Девушка улыбнулась им, отошла. Присела в углу, возясь у импровизированной печки. Тонкие руки будто плыли в воздухе, движения плавны и точны. Влад сморгнул, сквозь туман, слыша голос Арсена:

— Вон, их прячу. Патрулировал пространство, нарвался на корабль Дювалье. Проверка документов, досмотр, все дела. А он их вез, — Арсен устало кивнул в сторону присевшей в углу Марии. Еще пара девушек вышла, присоединилась к подруге. Колокольцами в воздухе — тихие, звенящие голоса. Влад помотал головой — вспомнилась «зеркальная долли», перепалка с Марселем и страшная инсталляция из мертвых тел

— ...и еще десятков мордovorотов.

— Зеркальнолицых, с молнией на щеках? — дернувшись, перебил его Влад, вспомнив недавние жукоглазые морды.

— Да. Документы у них были в порядке. По уставу — обязан был пропустить..

— Но не пропустил, — спросил Влад, понемногу складывая два и два в голове.

— Нет. Острый приступ немотивированной агрессии, десять трупов и взорванный транспорт. Теперь сижу здесь, прячу девчонок, пока начальство в верхах не уймется.

Влад устало кивнул. Арсен вдруг наклонился к нему — быстро, слишком быстро для гиганта в гремящих доспехах.

— Теперь ты, — хлестнул по нервам вопрос, — рассказывай, что случилось?

Влад пожал плечами — было, но десантник не отставал. Не отставал, сверлил пилота глазами, пока не вытянул все. Про собрание в доках, газ в вентиляции, перепад давления, упавшего агитатора и бесцветную смерть с запахом прелого сена (Фосген. Старая, мерзкая штука, — бросил на это Арсен, резко лязгнув бронированными пальцами)

Жукоглазых налетчиков, с автоматами, убитую Сару, уголовника и клеевой пистолет.

— Знаки на лицах были? — спросил Арсен. Влад кивнул, начертил пальцем в пыли знакомый до ужаса символ — перечеркнутую сверху вниз молнию

— Дювалье, — сказала Мария вдруг из-за десантной спины. Шагнула вперед, топнула, стерев знак. Резко, будто таракана давила.

Потом бой у ангара, рухнувшая балка, огонь и «зеркальная доли» Увлекся, рассказал все. Мария охнула, спряталась, закрыв лицо руками. Влад замолк, кляня себя за длинный язык. Сообразил — сама Мария и прочие, кто были здесь, не оказались в том страшном ряду лишь по счастливой случайности.

— Дела, — протянул Арсен, дослушав. Медленно, по одному лязгнули, сжимаясь в кулак бронированные пальцы, — дела. У нас тут автономное воздушноснабжение, полная герметичность, стальные стены и связи нет никакой. Дела. Твое счастье парень, стрельбу под самой дверью услышал, вышел поглядеть...

Глухо звякнули ножны. Арсен достал с пояса нож, начал чистить — аккуратно протирать широкое лезвие.

— Дела... — аккуратно кивнул Влад, глядя, как ходит тряпка по сизой стали. Зарубки на обухе, на доле — клеймо. Большеглазая призрачная морда.

— Что дальше?

Пол под ними вздрогнул. Раз, другой... Зазвенели, дрожа, склянки в руках у Марии.

— Что это? — бросил Влад, вскакивая и оглядываясь по сторонам. Мария положила руку на стену, на миг замерла. Новый толчок — замигала, задергалась на потолке тусклая желтая лампа.

— Снаружи, — шепнула Мария вдруг. Арсен вскочил. С лязгом захлопнулся шлем на его голове. Десантная модель, вытянутая, с рогами антенн дальней связи. Влад захлопнул свой, заметил пустой баллон и чертыхнулся вполголоса

— Надо сваливать, — коротко бросил Арсен, — Похоже, станцию добивают.

— Тут должна быть шлюпка, — кивнул Влад,

— Есть мой челнок. Пошли.

И сунул Владу новый баллон, взамен прежнего. Влад кивнул. Новый толчок. Мария шагнула вперед, но прежде — сметя в мешок немудреную посуду.

Глухо бухнула наружная дверь. Задрожала лампа на потолке, желтый свет замигал, заплясали тени по серым титановым стенам. Влад обернулся — всем телом, резко, на каблуках — и увидел на темной стали двери багровую, яркую точку.

— Автоген нашли, гады, — прошипел он. Звякнула сталь. Арсен снял с пояса тяжелое десантное «добро» — боевую версию клеевого пистолета. Клацнул затвор.

— Уходи, — бросил он, лоя на прицел наливающуюся пламенем точку.

— Куда?

— Мой челнок в ангаре дальше по коридору. Давай быстрее, укрой девчонок и сам закройся — сейчас здесь будет газ. Я догоню.

Догнал. Быстро догнал, Влад еще вел остальных к кораблю. Опять коридоры, стайка девушек человек в тридцать — пилот упорно пытался держать всех на глазах, обливаясь

холодным потом от одной дурной мысли:

Вот сейчас какая-нибудь с дуру свернет не туда, да тут и останется.

Пронесло. Мария помогла, проследила.

А Арсен и впрямь догнал их — уже у трапа.

Опять вздрогнула, заходила ходуном под ногами палуба. Мария сверху махнула рукой — давайте быстрее, мол. Арсен замер снаружи, спросил Марию — все ли? Та кивнула. Влад тоже на миг замешкался, оглядев напоследок импровизированный тесный ангар. Железная рука схватила его за плечо, втокнула. С глухим стуком захлопнулся люк.

А потом взревели движки, распахнулись створки и Влад увидел звезды — впереди, на обзорном экране пилотской кабины. Опять. Второй, за сегодня, раз. Пилот смахнул с головы шлем, присел на кресло штурмана и — тоже, второй на сегодня раз — подумал, что рад их видеть.

Звезды плясали, ходили по экрану ходуном — Арсен вел челнок, уверенно шевеля рычагами.

Под носом задымилась чашка, заклубилась паром и восхитительным сейчас запахом горячего кофе. Туземка — Мария, старшая из них. Когда только успела?

— Спасибо, — церемонно ответил ей Влад, кивнув и улыбнувшись в ответ на улыбку.

Потом оглядел командный пункт и пульта управления — с удивлением заметив знакомые рычаги и длинные, мерцающие зеленой подсветкой ряды датчиков. Часть была знакома, часть нет, но в целом федеральный штурмовой челнок и его старенький атмосферник отличались не сильно. Что, в общем-то и немудрено: оба кораблика делались на одной верфи. Только тут движки куда мощнее, броня, корпус усилен, а вот — тут Влад по привычке нашел взглядом красный круг датчика атмосферного давления — а вот манометр градуирован без ума. Впрочем, штурмовикам оно без надобности, на газовых гигантах жизни нет и штурмовать их без надобности.

Влад открыл было рот — спросил Арсена — дальше, мол, что?

Звезды на экране пошли ходуном, завертелись в глазах яркой, безумной спиралью. Звякнула чашка, черная жидкость плеснула на пол. Обиженно вскрикнула сзади Мария. На экранах — по курсу — вытянутая, черная тень. И россыпь огней. Неярких, цветных огней. По позвоночнику — струйкой холодный пот.

— Вот курца их мать, — рывкнул Арсен, рывком уводя челнок с линии огня. По краю экрана, — ослепительный плазменный взрыв. И еще один. И еще. Черная, похожая на ската, тень шла на них в лоб, ведя огонь из плазменных пушек.

— Курца их мать, — выдохнул Арсен еще раз, уходя на новый вираж — аздаргский легкий крейсер.

— Нет, сегодняшней день твердо решил меня добить, — прошептал Влад, глядя, как вспыхивают перед носом радужные, яркие шары плазменных взрывов. Челнок затрясся, по ушам хлестнул дробный, яростный стук — Арсен открыл огонь из курсовых пушек. Россыпь разрывов там, впереди, на броне крейсера. Угольно-черной, гладкой как рыба кожа. Звезды в газах — ходуном. И — молнией по ушам скользнула новый звук. Тихой, вкрадливой молнией. Туземки сзади затянули песню. Ровную тихую песню на тридцать звенящих голосов — хором. Влад поежился — голоса были спокойные, ровные до удивления. По экранам — вихрем, плазменный взрыв. И, сразу, по всем экранам, внизу и вверху — туман. Циановый, кислотный туман, знакомый и родной пилоту до боли.

— А я от бабушки ушел, — довольно присвистнул Арсен. Крейсер остался вверху — они

нырнули в атмосферу планеты. Всполохи над головой — все дальше и дальше. Челнок качнул крыльями, уходя глубже в тягучие, плотные облака. Еще один всполох — тусклой, почти невидимой искрой далеко впереди. Похоже, крейсер их потерял. Влад потряс головой, оглядываясь, осторожно спросил:

— Что, вашу мать, сейчас было?

** **

— Что, вашу мать, там было?

Примерно такой же вопрос задал капитан Мигель ДеЛаСерда — далеко отсюда, из капитанской каюты Венуса. Уже на исходе ночи, получив отчет от отправленной на луну Геллера группы.

Ответ Пегги Робертс был прям и краток, как корабельная жизнь:

— Херня какая-то...

Капитан лишь рукой махнул — ругаться и требовать субординации от безумной десантной Пегги было нелепо. Вместо этого открыл вложенный файл. Разрушенная станция, трупы — искореженные, синие, страшные на вид... Капитан поежился про себя. Кустарный топливный завод, замаскированные ангары и склады ЗиП-ов... Ремонтный док с полуразобранном кораблем — пиратским, со следами пробоин на корпусе. Догадка была верна. Только...

«Только что теперь делать? — угрюмо думал капитан, глядя на видео. Разгромленный офис, сбитый ворон — герб федерации угрюмо валялся на полу — доложить, что пираты пошли и самоубились от страха перед флотом? Бред. Полный бред. Норма — госпожа губернатор — скажет примерно так, перед тем, как рассмеяться. Ему, капитану, в лицо. Смех у нее... Чудесный у нее смех, красивый, но лучше... Лучше подумать еще»

Взгляд невольно скопился выше — на латинский крест на стене. Неровный, прямой, нарисованный чёрной аэрозольной краской.

«Кстати, — стукнула в голову мысль, — кстати, о птичках. Что бумажный человек говорил — пираты летают, корабли гибнут, а дворцов на поверхности не прибавляется? Вот у церковных прибавляются как раз. Не дворцы, а соборы, но какая разница... И этот крест... Хорошая мысль, надо проверить...»

Пальцы пробежали по клавишам — было, потом замерли в нерешительности. Пробарабанили по столу. «Эх, «бумажного человека» бы сюда, такие проверки по его ведомству. Но нельзя». - угрюмо подумал капитан. Кроме отчетов, графиков и камеральных проверок господин генеральный комиссионер любил еще и армянский коньяк. И пить его предпочитал с капелланом, упрямым главой церковного ведомства.

«Ладно, придумаю что-нибудь, — подумал он еще раз, откинувшись в кресле, — Зато потом...»

Внезапно — рыбой из глубины в мысли всплыл разговор. Норма — госпожа планетарный губернатор. Алые простыни, белая кожа и кружева. Как вздымалась грудь, когда — чуть хрипло, уголками губ произнесла она заветное: «...лично...».

Щелкнул, сломавшись пополам карандаш: «черт, заberi чины и звания». Обломки улетели прочь. Стены вокруг — серые, ровные до щемящей тоски. Крышкой гроба — низкий, стальной потолок. Глухо щелкнув, вдавилась под пальцами кнопка. Мигнул светом обзорный экран. Капитан глотнул воздуха в грудь, чуя, как отпускает минутное наваждение. На экране сияла планета внизу. Теплый мерцающий шар, укутанный облачной легкой вуалью. Там как раз шел рассвет — яркой солнечной полосой, наискось по зелени джунглей. Вот он коснулся

длинной желтой реки, заиграл — казалось, там внизу, на миг вспыхнула радугой искра.

— А здесь красивый рассвет, — подумала Ирина — там, внизу — открывая заспанные глаза навстречу восходящему солнцу.

— А здесь красивый рассвет, — улыбнулась Ирина поднимая голову навстречу яркому, косматому солнцу. Теплом по векам пробежал первый яркий луч. Пробежал, пробился сквозь крону зеленой листвы — тонкие листья, казалось вспыхнули, по краям мягко заискрился золотой ободок. Пропела птица — раскатистым, громким чик-чик. Спланировал вниз белоголовый орлан, сложил крылья, стукнул когтями по ветке, кося на Ирину большой черный глаз. Клекот из клюва — сух и отрывист, как флотский рапорт:

— Все в порядке, происшествий нет.

— Спасибо, — кивнула Ирина на полном серьезе. Не удивилась, даже слегка. Вместо этого огляделась вокруг. Она встала первая, лесной лагерь еще спал. Под зеленой стеной часовни, меж двух машин, вповалку на одеялах. Воины коммандо, старый Яго, Эви. Юный УгКвара — этот лежал калачиком, нежно прижав винтовку прикладом к груди. И улыбался во сне — что-то парню снилось хорошее, явно. То-ли дочь оружейника, то-ли в прицеле дракон. Из кузова бэхи — присвист и тихий, чуть слышный храп. Миа, наверное.

«А стражи нет» — подумала Ирина. Дернулась, невольно скосившись на лес. Орлан прокричал еще раз, замотал в вышине головой — негодующе. Хрустнула ветка, над кустами поднялась большая треугольная голова. Зеленая, в больших, коричневых пятнах. Эвин подручный удав.

А глаза у него мудрые, желтые, немигающие. И укоризненные донельзя.

— Извините, — на полном серьезе брякнула Ирина прямо в эти глаза. Удав будто понял — кивнул и исчез. Орлан с ветки клекотнул еще раз — с веселой усмешкой:

«Обижаете, дама начальник. Бдим»

Во всяком случае интонации в клекоте были соответствующие. Ирина оглянулась опять, притопнула ножкой — для порядку, слегка. Спросила, строго подняв вверх палец:

— Бдите, пернатые? А Эрвин где?

Под колесами бэхи валялась лишь смятая куртка. Орлан с ветки махнул ей крылом — словно сказал: мол, пошли — покажу.

Ирина кивнула и шагнула в лес прежде, чем решила себе — а хочет ли она сейчас Эрвина видеть. Мии-то на самом деле не видно, мало ли кто может в бэхе храпеть. Сладко так, тонко и с присвистом. Может быть...

Орлан хлопнул крыльями — сердито, будто почуял. Скопил на нее глаза, выразительно постучал клювом по ветке. В глаза брызнул солнечный свет. Ирина свернула за большой толстый ствол и вышла на лесную поляну. И замерла, невольно прыснув в кулак.

Посреди поляны Эрвин кормил с рук лохматого лесного гиганта. Здоровенная тварь — в рост человека, приземистая, рогатая, о четырех мощных лапах. На носу рог, на загривке — шипастый костяной воротник, большие уши торчком и морда вытянута как у земного тапира. Черные, раскосые глаза повернулись к Ирине на миг. В руках у Эрвина хрустнул пластиком пакет флотского рациона. Зверь довольно хрюкнул, зарыв нос в серебристую фольгу. Эрвин гладил гиганта по голове — осторожно, по мягкой, рыжей шерсти у гребня. Тот довольно урчал, прищурился. Один шип на воротнике обломан, шкура — клочковатая, серая вся от степной, ввевшейся пыли. Ирина улыбнулась, вспомнив недавнее — дорогу, великий тракт, духоту, серую пыль, колонны зверей и диких всадниц на курицах. Похож на того, кого Эрвин отбил тогда, в перестрелке у красно-белых повязок. А сейчас чешет за ушком, что того кота.

Зверь сощурился, довольно потянул лапы, Ирина прыснула — до того кошачий получился жест. Зверь словно подмигнул. Ирина продолжала следить — уже выдохнув слегка и улыбнувшись. Хрустнул еще один пакет. Эрвин продолжал чесать зверя — по-кошачьи, за ушком. Потом отступил назад, похлопал по шее. Ладонью, слегка.

— Иди отсюда, — сказал он, глядя зверю в глаза. Хрустнув, упала на землю пустая обертка. Зверь уперся, мотнул головой, глядя на Эрвина снизу вверх большими глазами. В глазах читалось недоуменное: что с тобой, человек? Все же отлично

Эрвин упрямо помотал головой, сделав еще назад:

— Иди давай, нечего тебе с людьми делать, — повторил он, сердито, показав пальцем на лес. Зверь замотал головой, опять скосился на Эрвина — непонимающе, дико. Дернул тяжелой челюстью — опять, будто спрашивал:

— Ты чего, человек? Нормально же все...

Эрвин отступил еще на шаг, уронив руки вниз, к гранате на поясе. Ирина зажмурила глаза. Вспышка хлестнула сквозь веки — яркая, до боли и ослепительных кругов по сетчатке. В уши — топот, треск деревьев и обиженный вой.

"Светошумовая, — аккуратно подумала она, смаргивая радужные круги на сетчатке, — безвредная, но..."

— Эрвин, зачем? — спросила она. Уже в голос, опрометью выскакивая на поляну. Зверя и след простыл, только хрустели кусты вдалеке, сминаясь под мощными лапами. Эрвин обернулся к ней:

— К людям же едем, — пояснил он, разведя виновато руками, — в эту, как ее, Фиделиту. Вдруг там тоже мясокомбинат — жалко зверя будет, ласковый...

Ирина хотела было кивнуть — в словах Эрвина была смысл и логика. Понятная. Но злая, такая, что по позвоночнику змейкой пробежала мелкая дрожь. Ответить она не успела.

Хрипло каркнул с ветки орлан. Раздался мелодичный звон — сзади, из-за спины. И ответ:

— Звездный, ты зря его прогнал. Это был Муур-зверь, на нем у нас землю пащут. Хороший он. А мясокомбината в Фиделите нету.

Эви королева змей. Кто же еще. Шагнула как раз из кустов на поляну. Медленно, под мерный звон бахромы. Ирина невольно сморщила нос:

«как она нас только нашла?»

Потом поняла, насколько вопрос глуп. На ветке, рядом — серебристый, мерцающий на солнце жгут. Свитое в узел тело, свисает вниз змеиная голова. Орлан переминался на ветке, косил на нее сверху вниз черный глаз. Эви, как и Ирине, все уже доложили.

— Только для мужчины их нелегко приручить. А этот знал тебя раньше. Откуда, звездный?

— Отбили на великом тракте.

— У красных повязок? — задумчиво проговорила Эви. Нахмурилась, добавив вполголоса пару ласковых слов в адрес куриц верхом на курицах. Получилось грубо, но мелодично. Шагнула вперед, к кустам — туда, где черной полосой на зеленом красовалась пробитая «котиком» просека. На миг замерла, протянула руку. Сняла с куста длинный, лохматый клочок серой шерсти. Протянула Эрвину.

— Такие звери добро помнят, Возьми, звездный человек, оно тебе пригодится.

Эрвин молча пожал плечами и сунул клочок шерсти в карман. Ирина кивнула, сказала «спасибо». За них обоих и просто так — спрашивать «зачем» сейчас было явно бесполезно.

Сзади, от лагеря — негромкие голоса и ритмичный стук жести по дереву. Там уже просыпались, явно.

Ирина подошла, взяла Эрвина под руку.

— Пошли, нас сейчас искать будут.

— Пошли, — ответил он, прокручивая серую шерсть в пальцах.

Ирина провела по ней пальцем, улыбнувшись непонятно чему:

— Мягкая. Прямо, как у кота моего. Дома, на Семицветье остался.

— Ничего себе котик. Метр в холке, тонна весом, — усмехнулся Эрвин, скосившись назад, на пробитую в лесу просеку. Ирина потрясла пальцем у его носа:

— Больше в холке будет. Метра полтора. Но такой же ласковый. Зря ты его шуганул.

— Если бы по лесу шли — тогда да. А у людей еще неизвестно, как обернется.

Пояснил Эрвин, упрямо насупившись. Но клочок шерсти спрятал в карман — аккуратно, защелкнув на пуговицу.

Лагерь проснулся уже. Воины «коммандо» скатали одеяла и разбрелись. Яго разговаривал с Эви — не пойми о чем, негромко посмеиваясь. Должно быть слушал рассказ Эви про «котика». В беже проснулась Миа — встала, потянулась, протирая заспанные глаза. Увидела Ирину и Эрвина, входящих под руку из леса — улыбнулась, помахала рукой. Солнечный зайчик пробежал по лицу, раскрасив ей щеки доброй улыбкой. Потянуло дымком. Орлан, сложив крылья, сел на кормушку, постучал клювом по дереву. Клекотнул пару раз, намекая, скосив на Ирину большие черные глаза. Эрвин поискал глазами Лианну — распорядится. Не нашел, мысленно махнул рукой на лиловоглазую, полез в ящик с продуктами сам. Тут же получил от Ирины строгое «ай ай ай» за самоуправство, пожал плечами и послушно отошел — глядеть, как они с Мией готовят завтрак. Неспешно, тихо переговариваясь о чем-то своем.

Звенели голоса, тонко брякали ложки, тихо булькал поставленный на огонь котелок. Миа с Ириной хлопотали у огня. Эрвин аж засмотрелся. Тонкие руки Мии — зеркальные, солнечные в вязи татуировок. А у Ирины — от загара почти черны. Лианна так и не появилась. Эрвин покрутил головой, начиная уже и нервничать — лиловоглазая в последние дни и так сама не своя. Потом заметил — ДаКосты тоже нет, хмыкнул про себя, расслабился. Ирина поставила ему тарелку под нос. И кружку кофе — из ядреного, флотского порошка. Мозги чистит с утра хорошо — но лучше пить залпом, как водку. Эрвин осторожно взял кружку, отхлебнул, неожиданно для себя улыбнулся и сказал спасибо — флотская смесь в исполнении Мии и с местными травами оказалась чудо, как хороша. Девчонки улыбнулись — дружно. На тарелке дымилась каша, мясо на ломте хлеба. Хлеб еще флотский, серый и ноздреватый, а мясо уже местное. Бутерброд с драконом на завтрак, да-да... Еще оставался яичный порошок, можно было сделать омлет. Эрвин скосился на улыбающуюся Ирину — любопытная пестрая сойка как раз присела ей на плечо, чирикала, свистела ей в ухо — и решил, что омлет здесь — дурная идея. Ирина прибьет и орлан добавит. Клювом, благо клюв у него огого. Даже с зубами. Так что лучше есть что дают, благо драконятина вкусная. А ДаКоста с Лианной все не показываются, тем хуже для них.

«Странно, — думал Эрвин, глядя на две отставленные в сторону тарелки, — не похоже на него». Иришка пошла кормить птиц. Пернатые бились, чирикали, кричали, звеня на ветру сотней тонких голосов. Ветер поднялся от крыл, рванул и смял Ирины волосы. Ирина отбросила косу назад. Игриво, за ухо. Орлан взлетел в воздух, заклекотал — сердито, будто выругался — разгоняя пернатую мелюзгу. Кому-то пестрому досталось крылом по слишком

наглой шее. Эрвин засмеялся — невольно, в кулак. Ирина обернулась.

— Прямо сержант Мюллер из корабельной М.П., — пояснил он, глядя как сурово гоняет орлан яркокрылую мелочь, — глянь, в очередь их построил.

Ирина улыбнулась в ответ. Орлан присел на ветку, скосился, хлопнул крылом, встопорщив на голове короткие белые перья. Довольно проворковал — знай, мол, наших. Драк нет. Пернатая толпа шумела и билась, но уже куда меньше, чем раньше.

— Пора выезжать, — окликнули их от машины. Яго — уже собранный и невозмутимый как всегда. УгКвара запрыгнул в грузовик. С места, лихо, чуть слышно стукнули о настил мягкие сапоги. Затрещали кусты — Эрвин обернулся и с облегчением заметил в ветвях кривую рожу ДаКосты. Рубашка рваная, под глазом синяк. И куртки на плечах нет. Неизменной-синей флотской куртки. Эрвин открыл было рот — подшутить. И закрыл. Уж больно лицо у матроса было встревоженное.

— Какой сегодня день? И Лианну не видели? — окрикнул он их. Эрвин огляделся.

— Нет. С вечера ни ее, ни тебя не видели.

— Уж надеялись поздравлять, — Миа добродушно оскалилась с водительского места.

— Да ну тебя, — отмахнулся матрос, скорчив отчаянную гримасу, — если бы. Вчера на поляне видел, просил рубашку зашить. И все. Ни ее, ни рубашки. Будто призраки унесли.

Помолчал, развел руками и добавил:

— Хотя до дня мертвых еще месяца два.

— Бардак, — рявкнул Эрвин. Громко, даже птицы у кормушки затихли. Орлан нахохлился, перебирая лапами по земле. Из кустов высунулась треугольная голова. Мягко стукнули по земле сапоги — старый Яго прыгнул из машины обратно.

— Кто ночью на вахте был? Где искать теперь? — рявкнул Эрвин. Орлан с питоном переглянулись — выразительно, как новобранцы на флотском стандартном разное.

Лианна и рада была бы пропасть. Все равно куда, лишь бы подальше отсюда. Пропасть, провалиться, исчезнуть. Подальше от звездных, их страшных, рычащих машин, изменницы Мии и колдуньи, что говорит на птичьем языке. Умом она понимала — бежать надо, давно уже. Как можно раньше. Но — все время между налетом дракона и прошлой, страшной до ужаса ночью прошло для Лианны как в вязком, дурном полусне. Звездные люди, их машины, гремящие сизым, холодным железом на ходу. Муж, доставшийся по милости судьбы и слишком быстрой Мии — Эрвин — в глазах Лианны был велик, лют и на вид страшен. Он ступал тяжело, гремел железом, в гневе — вечно кричал, наливаясь по лбу красной, яростной краской.

Тогда Лианна даже жалела дуреху Мию. Дергалась ночью, не надеясь утром застать подругу живой. На рассвете — ахала, косилась, украдкой, ища синяки у нее на лице. Не находила и удивлялась сама себе. Хотела поговорить, да куда там: Миа не отвечала, по вечерам — шутила, отмахивалась, утром лишь вздыхала тяжело и молчала в ответ на осторожные вопросы. Как раскрасила лицо — дурная совсем сделалась, кроме Эрвина, да бэхи своей разлюбезной и не видит ни черта. Будто околдовали ее звездные. Хотя — почему будто. И есть колдовство. Счастье еще, что Эрвин на Лианну почти не смотрел, а если и смотрел — то не видел, пробежал мимо, вечно занятый. Так и протянула Лианна сзади первые дни, таясь с глаз и не зная на что решиться. А потом стало поздно решать. Ирина — звездная в силу вошла, птичьими языками заговорила.

Теперь над Лианной, кроме Эрвина, еще и настоящая ХанШай — колдунья, та, что

птиц гоняет, звериными языками говорит, мужа своего грозного не боится, даже приказывает ему. А он ее слушается — иногда. Истинная колдунья — про таких в деревне шептались. Вечерами, у тревожных костров рассказывали друг другу старые сказки. Деда — законники говорили, да воины из свиты вождя — но тоже тихо, шепотом, пугая сами себя. Вождь гремел железом, похвалялся изгнать старое нечестие с их земли. Бабки с деревни шептали маленькой Лиianne, нашептывали небывалое — не изгнал, мол, колдуний, они сами на север ушли — на звездных людей посмотреть и новой, «крестовой» вере поучится.

Вернуться, когда захотят. И не вдали, выходит — вот они, сказки старые у Лиianne ожили на глазах. Ожили и сели у костра напротив. Эрвин, убийца драконов. Ирина, «Говорящая с птицами». Старый Яго — «успокаивающий землю». Да уж, Лиianne сама видела. Сотрясатель шел — земля тряслась, а как Яго навстречу вышел — спокойная стала земля, тихо лежит, не трясется больше. А за плечом его, рядом: Эви — королева змей, у огня сидит, в котелке кашу помешивает. Выходит, не умерла сказка, не исчезла — взаправду в другие края ушла. Вон сидят две сказки у ночного костра. И говорят между собой, тихо так разговаривают.

— Продай мне Лиianne, звездный.

Услыхала она, вздрогнув всем телом. Метнулась, на половине фразы, прочь. Опрометью, ругая себя. Надо был остаться, узнать до конца, до чего договорятся. Хотя и так понятно, до чего. Кто же в здравом уме будет спорить с самим «умиротворяющим землю».

Лиianne скользнула от костра в лес — тихо, неслышно, не понимая — куда. Прохладный ветер чуть охладил кожу, на лицо упала тень от ветвей. Тихо, шум голосов остался позади. Шагнула было вперед, в темноту и замерла — услышала из-за кустов негромкое шипение. Впереди вспыхнули два мерцающих зеленых огня. Вертикальные, внимательные зрачки. Эвин питон. Гигантский зеленый питон, верный страж своей королевы. Захлопали крылья, птица цивикнула над плечом. Лиianne опустила плечи, шагнула назад, понимая, что бежать уже поздно.

— Привет, как ты там? — окликнули ее. Она обернулась и узнала кричавшего. Пабло ДаКоста, спутник звездного. Юный совсем, длиннорукий, весь узкий, худой — в деревне Лиianne вдоволь посмеялась бы над его несуразностью. Но то в деревне, а тут смяться не хотелось — выходило, что кроме этого слишком худого, несуразного на вид парнишки ей больше и поговорить не с кем. Вот и говорила ласково, улыбалась, хоть и ругала себя — потом, втайне.

— Привет, — ответила Лиianne. Улыбнулась невольно, удивляясь самой себе: мол, низко упала ты, краса Туманного леса.

Парень улыбнулся в ответ. Начал что-то говорить, торопясь и помогая себе руками. Что-то про куртку, которую надо защитить, а то в дыры скоро сотрясатель пролезет. И так далее. Улыбался, руками махал — что мельница чисто. Лиianne кивнула, машинально взяла куртку из рук. Грубая ткань оцарапала пальцы. Ее взгляд смотрел прочь — на костер, у которого говорили Эрвин, Эви и Яго. Ветер дунул, донес до уха Лиianne обрывки слов. И мелодичный звон, от которого мороз бежал по коже. Усмешка на лице Эви, королевы змей. ДаКоста что-то ей говорил, пытался шутить, щеря желтые, редкие зубы — Лиianne не слышала, ловя летящие от костра слова. Ветер хорошо дунул как раз. Принесся в уши Лиianne смертельное:

— И пусть твои жены раскрасят лица...

Эви откровенно смеялась, будто чужой ужас ее забавлял. А Ирина кивнула в ответ,

добив Лианну серьезностью тона:

— Раскрасят, я прослежу.

Лианна вздрогнула. Вся, всем телом. Противно заныло внизу живота. Обе колдуньи наконец вспомнили про нее. И, значит, завтра она, Лианна, получит от Ирины прямой приказ, с которым еще никто на «Счастье» не пытался спорить.

Мама, ты меня для этого родила?

— Эй, что с тобой? — ДаКоста аккуратно потряс ее за плечо. — Ты чего? — добавил он, глядя, как по ее лицу волной расползается смертельная бледность.

Лианна не ответила, молча ткнув пальцем в костер, в фигуру старого Яго.

— Змеиную деву, что ли, боишься? Не надо.

ДаКоста оскалился, явно не поняв ничерта. Впрочем, где ему, он же не местный. Знай себе, улыбается, чучело. А пальцем на полном серьезе в небо показал — там как раз корабль плыл — и сказал:

— Ты теперь с нами, а флот своих в обиду не даст.

Лианна смогла только улыбнуться в ответ. Звездный корабль в небе — как чудовищная желтая голова. Змей с разинутой пастью, и звезды — обед его. Но змеи ходят под рукой своей королевы, слушают слово ее, кивают, свивая под звон монист тугие, смертельные кольца. У ДаКосты на щеках — россыпь смешных, ярко рыжих веснушек. И на лице — забота и обидное сейчас участие. Он — всего лишь младший муж, где ему против старших. А старшие уже все решили. Сегодня... Или, скорее, завтра, Лианна еще надеялась краем испуганной души. Сегодня или завтра. Но скоро. Ирина — Хан-Шай, она возьмет ее под руку и отведет к старшему — Эрвину. А изменица- Миа еще помашет рукой, а Маар будет глядеть во весь рот, удивляясь. Так велит обычай, закон и старые, страшные сказки. А Миа потом поздравит ее. Потом, поутру. Уарра-воин, нареченный жених проклянет ее, если это «потом» случится.

Она не помнила, что говорила — кажется, просто кивнула, сказала «хорошо», и исчезла из глаз, неслышно скользнув за спину ДаКосты.

Она шла незнамо куда, таясь и обходя стороной пятна желтого, неверного света. Забрела в часовню, замерла на миг, вздрогнув от невиданной ранее картины. Статуя крестового бога, свечи, иконы по углам. «Нечестие. Темен крестовый бог. Берегись, он похищает душу», — она вздрогнула, вспомнив слова жениха. Давно, в деревне еще — Уарра рассказывал ей это тайком, возвращаясь от вождя с вечерних воинских бдений. Лианна дернулась, осторожно пошла вдоль стены, по дуге, пряча глаза от страшного ей «крестового» лика.

Сзади зашумели, затопали сапоги. Долетели негромкие голоса — Ирина и Эрвин шли сюда, тихо переговариваясь. «Это за мной», — подумала Лианна, вздрогнув всем телом. Невольно подняла глаза — статуя словно поймала ее взгляд, пришила к земле — своим, холодным, тяжелым. Иконы справа и слева — Лианна содрогнулась еще раз, узнав оба лика ночной богини. В ногах у «крестового» бога. Недаром Уарра шипел на ночную сквозь зубы страшное — «продалась». У дверей за спиной — тихий спор. Ирина сердито выговаривала Эрвину. Она узнала пару слов на чужом языке: «обычай», "ночь" и " все, как положено".

"Положено? Что? Понятно, впрочем, что, по обычаю. Не хочу, — Лианна вздрогнула опять, в ответ на обрывок фразы. Противно заныло внизу живота, — не хочу. Ночная, помоги мне"

Икона прямо напротив — тёмный лик ночной, казалось, улыбался Лианне и ласково. Звезды — короной в ее волосах, священные рыбы у ног — лежат, смотрят на Лианну

упрямым внимательным взором. Лианна упрямо мотнула головой:

— Помоги мне, — шепнула она, коротко, сведенными от страха губами.

Мигнули звезды в вышине — будто тени скользнули по нарисованным лицам. Загудела оса, зависнув в воздухе перед носом Лианны. Крупная, желтая, в черную полоску оса. Зависла, уставясь прямо в лицо черным фасетчатым глазом. Капля яда — на жале ее. А крылья чуть светятся в ночи, желтым, тревожным мерцанием.

— Спасибо, — выдохнула Лианна. Оса загудела, сделала в воздухе круг, и полетела — прочь, к проходу в дальней стене. Лианна заторопилась следом, оставив за спиной звенящие в тишине голоса и лики.

Ирина как раз закончила выговаривать Эрвину за организацию навеса и гамаков — а то дождь зальет спальники. Как положено, а не тяп-ляп, по флотскому обычаю. Чтоб на всю ночь. Лианна не слышала — уже, а если бы и услышала — не поняла. Ночная тьма обняла ее, укрыв, укутав тенями, звоном цикад и негромким шелестом листьев и веток. Зашипела змея в траве. Желтый огонек не остановился. Лианна вздрогнула, но шагнула вперед — тихо, не отрывая глаз от мерцающего вдали, неверного света. Змея отвернулась, опустила голову, пропуская ее. Коряга зацепилась за юбку, Птица свистнула в вышине. Путеводный огонь трепетал впереди, уводя Лианну прочь, все дальше и дальше от лагеря.

Она не заметила, сколько и куда прошла. Просто шла, следя глазами за трепещущим впереди огоньком. Кровь шумела в ушах. Подвернулась нога, скользнув в сторону по липкой, тяжелой глине. Забрезжило солнце, в глаза Лианне сверкнул первый рассветный луч. Река катилась у ее ног, несла на юг желтую мутную воду. Свежий ветер налетел, разогнавшись по водной глади продул сквозь рубашку насквозь — всю, до мурашек по телу. Плеснула вода. Камень вылетел из-под ног, скатился вниз по невысокому обрыву, упал, пустив круги по воде. Желтой, мутной воде. Опустились, бессильно упали руки.

"Так вот куда ты меня привела, — прошептала она, вспомнив улыбку богини, — Что же. Пусть хотя бы эта вода пронесет меня мимо дома"

У виска жужжала оса — пронзительно, оглушающее-громко. Руку пронзила боль, по жалу скользнула вниз капля крови. Лианна ойкнула, невольно отступила на шаг. Полосатая тварь, глухо жужжа, зависла перед самым носом. Хитином стукнуло в лоб. Еще шаг назад, прочь от обрыва. Оса сделала круг вокруг ее головы. Близко, задев висок жесткими колючими крыльями.

— Что... что вы хотите от меня? — оторопело прошептала она озираясь.

Оса жужжала, сделала еще один круг. Лианна невольно повернулась, провожая взглядом ее полет. Над головой на деревьях — наросты, серые, неровные круги. Осиные гнезда. Еще одна оса — рыжая, мохнатая, крупная вылетела из гнезда, присоединилась к жужжащему вокруг нее хороводу. Ритм его — мягкий, успокаивающий ритм звенел в стрекоте жестких хитиновых крыльев. Ткнулась под колено коряга, защекотал ноги мягкий мох. Вспомнилось детство — такой же ясный солнечный день, корзинка в руках и старая бабушка:

— Смотри, я научу тебя чуду...

Бабушка и научила тогда. Давно. Немудреное, деревенское колдовство, больше фокус, чем сказка. До умений королевы змей — как до неба, но Лианне сейчас может помочь.

— Спасибо, ночная, — шепнула Лианна, протягивая руку к устью гнезда. Осторожно. Полосатые осы завертелись вокруг — рыжим, огненным вихрем. Она запела — вдруг. Простой, немудрящий мотив, втянувший в себя и осиное жужжание, плеск воды и

тревожные, рвущие сердце слова немой просьбы. Старая магия. Она и забыла давно про нее. В деревне ругались а Уарра — жених грозился побить, если еще раз увидит колдовство в деле. Но сейчас — пускай. Пусть побьет, лишь бы пришел и выручил. Из-за спины — треск сучьев, стук тяжелых сапог, лязг железа и крик. Сполошный, взволнованный крик. Голос ДаКосты. Звездные ищут ее.

«Ночная, пожалуйста, еще немного»

— Лианна, где ты, ау...

Кричат уже рядом, совсем. Орлиный клетот с небес. Но и рыжая карусель вокруг руки разорвалась — осы рванулись прочь от ее рук, разлетаясь на все стороны света. Ногу повело. Заломило виски, усталость и боль разлилась по телу. Хрустнул сук под ногой. Она уже дрогнула и собралась упасть — ДаКоста подбежал, подхватил. Вовремя.

— Слушай, мы волновались... — шепнул он. По виду и вправду волновался — лицо бледное, глаза вытаращены и красны. Лишь — теплым огнем — горят по щекам яркие рыжие веснушки.

Дальнейшее она помнила как в полусне. ДаКоста утащил ее обратно, к лагерю. На руках, не слушая возражений. Она испугалась — как бы не уронил. Не уронил, парень оказался неожиданно сильным для своей нескладной фигуры. Потом они с Эрвином орали друг на друга — страшно, до звона в ушах и хлопанья крыл — скандал сорвал пернатых с деревьев.

На крик пришла Ирина успокоила обоих — и страшного, упрямого Эрвина, все рвавшегося надавать одной лиловоглазой по шее и ДаКосту — маленького, взъерошенного, но упорно не желающего Эрвина до этой самой шеи допускать. Прощупала Лианне пульс, поругала, пожалела, обругала странным для туземки словом «стресс» сказала — до завтра пройдет. А пока — покой.

Что ДаКоста тут же и обеспечил — засунул в бэжу, на пассажирское, укрыл брезентом сунул в руки чашку тари. Взвыл движок, Эрвин, к радости Мии, дал таки отмашку «поехали»

Лесная часовня на глазах дернулась, поплыла назад. Черно-желтые осы вились вокруг, выписывая круги над зеленой кровлей.

Спасибо, — шепнула она, провожая взглядом их танец. Теперь она сделала все, что могла. Даже если... Может, Уарра и не будет ее сильно бить, она ведь честно пыталась. ДаКоста скалил зубы и шутил с кормы. Оса сбила в полете розовый мелкий цветок — на ладонь. Лианна просто смахнула его с руки. Примета. Может бабкино колдовство все же удастся?

Бабкино колдовство удалось, даже лучше, чем Лианна могла надеяться.

Одна из ос, сорвавшихся с ее руки там, на берегу желтой речки как раз долетела до летучего дома Жана-Клода Дювалье, доктора медицины. Долетела, стукнулась об алюминиевый борт, глухо зажужжала. С третьей попытки протиснулась в воздуховод, нырнула внутрь, уклоняясь от стальных вертящихся лопастей, и вылетела вниз, в серую, клетушку без окон — караульный пост у третьего трюма.

Часовой был один. Туземец, огромный плосколицый дикарь без сапог, но в штанах и застегнутой наглухо, не по погоде, рубашке. Кривой нож на поясе, ружье за спиной, лицо украшено перечеркнутой сверху вниз молнией.

Оса замерла, зависла в воздухе у его уха. Зажужжала — тревожно, истово, звук бился, повторяя Лианнин нехитрый напев. Воин поднял было руку — смахнуть и замер, не закончив движения. Замер, прислонился к стене, повторяя под нос мелодию. Раз, потом

другой, третий... Опустил ладонь, расчесав кожу под глухой рубашкой — не открывая глаз, невольным, механическим жестом. Вдулись буграми мышцы на мощном предплечье, сжались, будто налились кровью на скулах высокие желваки. Воин тряхнул головой. Шагнул вперед, потянулся, сорвал со стены эбеновый диск внутренней связи.

— Кванто кхорне, Абим. Разрешите обратиться.

...Нет, с глазу на глаз...

.. через три часа...

...по какому вопросу? По личному...

Трубка прохрипела в ответ «хорошо». Туземец посмотрел на часы — здесь, в солдатском отсеке они были простые, электронные. И замер, насвистывая под нос немудреный мотив прилетевший на осиных крыльях.

«Помоги мне, Уарра-воин»

Холодный электрический свет дрожал на его лице, дробился в черных петлях татуировки.

Лианна беспокоилась зря. Абсолютно зря, Ирина забыла про нее сразу же — пощупала пульс, пошептала с ДаКостой и Эви, убедилась, что ничего, кроме временной слабости, дурехе не угрожает и забыла. Было не до того. Так стремительно менялись картинка вокруг. Бэха шла, приближаясь к неведомой им Фиделите.

Вначале на дороге попались еще два железных ежа — два увитых лианами исполина перегораживали лесную тропу. Мия сбавила ход, аккуратно проводя машину между порыжевшими двутавровыми балками. Проход узок — бэха прошла еле-еле, едва не сбив краску с бортов.

Донесся протяжный, благодарственный крик. Эрвин обернулся — кричал старый Яго из машины Станислава позади. Лязгнула сталь. Миа, запрокинув голову, подхватила напев, вывела горлом звонкую, в три ноты, руладу. Потом, обернувшись, пояснила оторопевшим землянам:

— Благодарность. Богу, за то, что дошли. За эти столбы звери не ходят.

Железная балка над головой — густо увита тонкой лозой. Сквозь зелень, местами — ржавчина и стальной сизый блеск. Следы зубов. Эрвин невольно поежился, Шляпа скатилась с задранной вверх головы. Все следы оставались по правую сторону, сзади, за бортом. С передней, левой — только ржавчина и нежный зеленый лист.

— Спасибо. Ты молодец, — сказал он Мие. Та улыбнулась, кивнула в ответ. Поправила цветок в волосах. Хрустнув, лопнула перебитая железным бортом лоза. Пятипалый, алый цвет закачался и упал с балки вниз, мимоходом коснувшись предплечья.

Миа и Эви обменялись короткими, звенящими фразами. Весело, должно быть шутка на чужом языке. Эрвин не успел понять. Ирина покраснела — слегка, спрятав лицо за тонкой ладонью. Путь под колесами стал шире, утоптанней. Уже дорога, а не пробитая кое-как тропа. По обочинам — будто два зеленых, рыжеющих на солнце вала. Дорогу берегли, за ней следили, выпалывая упрямый гибкий тростник. А за обочиной — листья, лианы и сучковатые толстые стволы. Зеленый лес, густо усыпанный алым, сияющим цветом созревающей «тари».

Первую делянку проехали через полчаса — просто поляну в лесу. Вначале они слышали музыку — негромкое пенье, мелодичное, тонкое, красивое. Потом увидели людей. Женщины — за плечами корзины, яркие косынки на головах, — собирали цветы, двигаясь вдоль лесной стены — медленно и методично, под ритмичное пенье. Поймать соцветие рукой в кожаной высокой перчатке, оборвать первые листья, повторить. Движения — в такт музыке, плавны и точны, как в танце. Эрвин зачем-то полез проверять пулемет. Потом лес раздался и Эрвин увидел еще и местных мужиков — полдюжина туземцев с крестами на лицах собрались в круг, что-то мастерили на поляне. Винтовки — длинные туземные стволы — рядом, небрежно составлены в пирамиду. Эви окликнула их. Ей помахали рукой — небрежно, не отрываясь. Эрвин оставил в покое пулемет, и сел, откинувшись в кресле.

Дорога стала шире, делянки «тари» попадались все чаще. Их окликали, смотрели, но не задерживали. Приветствовали Эви и Яго, махали Станиславу, ведущему вторую машину. Смотрели на бэху во все глаза — но спокойно, со сдержанным любопытством. Потом их догнал грузовик. Местный, трехосный, убитый в хлам грузовик без кабины, с деревянным ящиком впереди вместо утерянтого где-то капота.

За рулем женщина — опять. Эрвин, хмыкнув, припомнив Миины слова и шутки над латинистом. Похоже, баранка у местных и впрямь — чисто женская работа. Туземный грузовик при виде их лихо повернулся на обочине, разметав сено. Пристроился Мие борт в борт. Водительница — уже пожилая, толстая но бойкая до ужаса дама — помахала им рукой, бросив руль на мгновение. Грузовик подпрыгнул на ямке, чуть вильнул, ободрав скулу о броню бэхи. Не похоже, чтобы водительницу это обеспокоило. Некогда было — машины шли рядом, Миа и туземка спешили наговориться, глядя друг на друга и свесившись каждая через свой борт. О чем разговор — непонятно, переводчик хрипел, не поспевая за водопадом из фраз на звонком туземном наречии. Эрвин смахнул его прочь — в последнее время его начали раздражать бесконечные хрипы в ухе. Девчонки засмеялись — вдруг, хором, туземка тыкнула пальцем в Эрвина. Тот пожал плечами — слегка. А смех у Мии мягкий, чуть хриплый, грудной. Полные губы изогнуты, а во взгляде — тоска... Скрипнула турель, Эрвин развернулся на кресле. Грузовик вильнул и умчался прочь, под свист ветра и звонкий смех из кабины. Миа помахала вслед. В зеркале — солнечным зайчиком — мигнуло ее лицо, отразилось печальной, светлой улыбкой.

— Черт, дурью мается девка, — думал Эрвин, отвернувшись и глядя как убегают назад пузатые, гладкие стволы местных деревьев.

Ветер слева принес свежесть, запах тины и зеленого камыша. Они проезжали озеро. Длинный, заросший камышом водоем. Непременный спутник здешней воды — длинношей йщер оскалился на них, зарычал, повернув к машинам голову на тонкой шее-стебле. Это было странно — Эрвин успел привыкнуть уже, поверил, что родственники морского Чарли здесь добродушны. У берега — вышка, оттуда — сердитый окрик и железный лязг. Часовые вокруг — туземцы, с винтовками на плечах. В полном боевом, и смотрят на Эрвина, не на зверя.

Миа ткнула пальцем на берег, улыбнулась, сказала на местном:

— Харам..

Старший охраны нетерпеливо махнул им рукой: проезжай, мол, давай, в объезд заворачивай.

— Яйца, — пояснила Миа, поймав взглядом Эрвиново недоумение. Ирина кивнула. Эрвин пригляделся — и точно, мелководье все в белых кругах, ярких на фоне зеленой ряски и глины. Яйца и впрямь...

— Мать мою, какая яичница, — оскалился ДаКоста, хлопнув себя по щеке.

— Харам, — ответили ему все разом. Снизу вверх, как дурачку или неместному. Эрвин подкрутил переводчик, нашел в словаре нужное слово. Харам. Договор... Ничего себе... Беха свернула в объезд. Зверь рывкнул им вслед. Начальник охраны мимоходом почесал ему большую, рогатую голову.

«Договорные звери, курца их мать... — думал Эрвин, глядя на эту картину, — тут, похоже, изрядно таких. Вписались к людям, приспособились как-то. Они к людям а люди к ним. Причем в буквальном смысле договорились, разве что без бумаги. Зверье здесь куда умней, чем на земле. Интересно, много таких?»

Эрвин почесал затылок под шляпой, начал считать.

«Длинношей Чарли. Люди купаются, акул и всяких гадов приманивают, а он их ест. Нам пляж, ему столовая, баш на баш. И добавки из человеческих рук получает, и детки его под охраной, чтоб не дай бог кто не съел маленького. Хорошо устроился, товарищ. Это раз»

Проехали делянку в лесу — полосу расчищенной, черной от влаги земли, посреди

зарослей. В конце деловито топал ногами суровый, рогатый зверь, похожий на недавнего «котика». Такой же широкий, приземистый. На шее — костяной гребенчатый воротник. Толстый хвост мел по земле, пахал, взрывая дерн и выворачивая шипами наизнанку пласты чернозема. На глазах Эрвина зверь повернулся, мотнул головой — тяжелой, тоже шипастой, увенчанной тупым рогом. Зацепил куст, напрягся и вырвал его из земли с корнем. Погонщик развалился на шее, уперевшись спиной в костяной воротник. И свистел на дуде зверю в ухо. Ласковый, нежный мотив. Зверюга повела головой, довольно сощурилась, Эрвин загнул палец еще раз.

«Ну, чисто «котик». Муур-зверь. Получается, я зря прогнал того, на поляне. И это два»

Белоголовый орлан хлопнул в воздухе крыльями, скосил на Эрвина черный тяжелый взгляд. Недоволен явно, стервец. Эрвин поправился, загнул еще палец. Три. Орлан клекотнул — удовлетворенно, присел на броню, встопорщив на голове белые перья. Взял сухарь из Ирининых рук.

«И Эвины змеи — четыре. Наверняка, не конец. Этот мир сложнее, чем кажется», — думал Эрвин, задумчиво смотря на зеленый лес, редющий по обеим сторонам дороги.

Солнце ползло над ними по синему небу — все выше. Начало припекать. Эрвин нахлобучил шляпу потуже, посмотрел на часы — скоро полдень, на марше они три часа. Пот скользнул вниз, струей — по широкой шее. На ворота, белой россыпью — горькая соль. Ирина закрутила косынку вокруг головы. А новенькая синяя парадка на ней за дорогу вытерлась, белые отвороты порыжели от грязи и дорожной пыли. И куртка надорвана по рукаву... Местным хорошо, к их кожанкам грязь не пристает. И бахрома гоняет комаров. Надо будет достать такую Иришке.

Слева — роща. И россыпь камней, под кустами бьется струйкой, звенит ручеек.

«Помыться бы»

Миа развернула руль. Без команды, будто почувствовала Эрвинову мысль. Беха мягко качнулась на рессорах и замерла. Защекотала ноги трава — мягкая, нежная. А вода в ручье ледяная...

Это Эрвин понял уже потом, с маху опрокинув на себя ведро. Ледяная... Такая, что на мгновение захватило дух. Зато пот смыло, теплый ветер пахнул в лицо, продул легкие влагой и свежестью — приятной, после липкой жары. Рубашка намокла, стянулась, облепив комком торс и руки. Солнце плеснуло в глаза. Из-за спины — мелодичный смех и голоса — звонкий, веселый говор на туземном наречии. Смеялась Эви, показывая пальцем на Эрвина, потом ближайший лес. Миа ответила ей, разведя руками. Тоже весело, но... как то не так. Скосилась на Эрвина, вздохнула украдкой. Ирина спрыгнула из беги к ним. Все трое заговорили. Весело, на певучем туземном языке. Что-то объясняли Ирине, то и дело смеясь и показывая пальцами на рощу. Эрвин потянулся к уху. И вспомнил, что переводчик он в машине забыл. А девичьи голоса звенели музыкой — певучим, непонятым туземным напевом. У всех, включая Ирину, троих.

"Вот молодец, только когда только успела? — оторопело думал Эрвин, глядя как лихо Ирина с Мией трещат на чужом языке, — красиво это у нее получается"

Ирина что-то спрашивала, Миа отвечала — тихо, с чуть грустной улыбкой. Будто солнце плеснуло неярким светом в уголках глаз. Неярким, тихим — будто сквозь легкие облака. На краю леса, высокий куст. По веткам — россыпь синих и алых лент, трепещущих на легком ветру. Эрвин пригляделся — дерево стесано на уровне глаз, по белому срезу охрою и черным углем — четкий, хорошо различимый рисунок. Икона из вчерашней часовни. Святая Ольга

или местная ночная богиня, с непривычки и не поймешь. Нарисованные цветы текут с ладони вниз, оборачиваясь живыми, нежными лепестками на ветках. Миа показала на них, зашептала что-то Ирине на ухо. Что — не понять. Опять засмеялась Эви, сверху с грузовика — весело, чуть хриплым от ветра голосом. Эрвин невольно сморгнул, чувствуя, что в малиновом звоне чужого языка мимо него прошло что-то важное. На руку Мие упал алый цвет. Та улыбнулась — чуть грустно, протянула руку, воткнула его — Ирине в косу. Эрвин шагнул назад. За переводчиком, в БТР. Долетел Иринин голос — тоже звенящий плохо узнаваемый. Говорила на чужом языке. Протяжно, тоже чуть грустно.

«Черт, дурью маются девки», — думал он, глядя под ноги, на решетку внизу, в поисках невесты куда закатившейся бусины переводчика.

*

— Госпожа, — ухо Ирины уже улавливало нюансы чужой речи автоматически, подставляя мозгу правильное, точное по смыслу значение. Да, формально и госпожа, но не начальство — смысл ближе к старшей сестре. Или более опытной и мудрой подруге. Слово, вроде и то. Но россыпь коротких горловых щелчков на конце не оставляли другого толкования. Уважение есть, низкопоклонства нету. И слава богу, что нет, осточертело оно Ирине — там, наверху, в серых продизенфицированных вусмерть коридорах «Венуса». Ирина поежилась — машинально, воспоминание о корабле принесло почти физическую боль. Миа улыбнулась ей. И сказала, тихо, со спокойной, чуть грустной улыбкой:

— Госпожа, если хотите, я отгону БТР. Лианна еще не очнулась, ДаКоста от нее не отойдет. А Яго послушает Эви...

— И что? — осторожно спросила Ирина, осторожно хлопнув глазами. Понимание изменило ей, слова Мии звучали полной бессмыслицей.

— Зачем? — повторила она. Миа, чуть улыбнувшись, показала ладонью на кромку леса невдалеке — на зеленый, раскидистый куст, щедро усыпанный алыми цветами. Россыпь синих лент на листьях его. И — сверху — изображение. Знакомый по часовне «светлый» лик, половинка ночной богини. Казалось, она улыбалась ей. Сверху вниз, снисходительно прощая звездной непонимание.

— Цвет «тари» созрел, — сказала Миа, думая, что это что-нибудь объясняет, — посмотрите, цветы уже чернеют немного.

Ирина машинально кивнула. Цвет и в самом деле черней, пять алых лепестков по краям словно подернулись кокетливой рамкой. Но...

— Налилось, — проговорила Миа, протягивая руку. Осторожно, стараясь не коснуться цветка, — видите, люди повесили над кустами ленты — в предупреждение?

— Почему? Это опасно? — спросила Ирина осторожно, глядя как извиваются на лианах алые, влажные лепестки. Цветок задрожал, повернулся, раскрыв на них пасть — соцветие. Чуть дернулся, потянулся лепестками к Ирине. Будто осознанно, игнорируя протянутую Миину руку. Капли желтого сока по краям — переливаются, сверкают на солнце.

Миа вздохнула еще раз. Чуть печально.

— Это не опасно, госпожа. То есть... — она споткнулась, на мгновение запугавшись в словах, — опасно, но не в том смысле.

«А в каком?» — невольно подумала Ирина. За дорогу уже все словили жгучий «поцелуй» цветка. Хотя бы по разу. Укус, жжение, потом легкая эйфория и легкость в теле — наркотик, но слабенький. Не опасный. Зачем маркировать куст? Алый цвет потянулся к руке. Солнечный зайчик — по иконе вверху, казалось, светлая ей улыбнулась. Миа отвела,

мягко остановила её руку

— Подождите, госпожа, я отгоню бэху.

Опять. Ирина сердито тряхнула головой. Опять непонятно. Цвет опасен? Да вроде нет. Миа отрицает, да и Эви — их разговор на поляне начался с шутки змеиной королевы. Когда Эрвин облился водой — та, перегнувшись через борт шутя посоветовала им с Мией скорей хватать того за руки-ноги, да с размаха — в алый, помеченный лентами куст. Быстро, пока «звездный» не высох. Это показалось смешным — всем, кроме Эрвина, потерявшего переводчик. Только Миа теперь сама не своя. Королева змей, конечно, странная, но чтоб настолько

Ирина хотела еще спросить, но Миа остановила ее — опять. Коротким жестом.

«Вы правы, госпожа, сейчас не время»

«Права — в чем? Когда и для чего — время?» -

Хотела спросить и не смогла — Миа отвернулась, ушла. Недоговорив, недослушав. Запутался цветок в ее волосах. Лязгнула сталь.

Эрвин выпрямился уже, встал, надевая на ухо бусинку-переводчик.

— Поехали уже, — окликнули их. Станислав из второй машины. Орлан постучал клювом по броне. Пора. Яго махнул рукой — торопятся они, мол. Хорошо бы успеть к обеду.

Ирина остановила их коротким взмахом руки. Фиделита не уйдет, подождите минуту. Солнце карабкалось вверх, небосвод плавился и менял цвет на глазах — из утреннего, глубокого и голубого в полдневный, выцветший. Жарко... Да и рубашку пора постирать...

«только, — подумала она скосившись на развалившихся вокруг грузовика бойцов коммандо, — хотя, впрочем, что — только? Эрвин на месте и пулемет при нем. Кто хочет, может завидовать».

Зачерпнула воды и опрокинула на себя... Уф, ледяная... Но по жаре хорошо... Рубашка намокла. По телу — прохлада, приятная, пряная южная прохлада- пробежала волной. Флотская юбка смялась, облепила ноги. А Эрвин, чурбан, отвернулся. Изучает горизонт. Внимательно так...

Почему-то захотелось и впрямь — взять его, да в куст подальше закинуть...

Когда ослепительно рыжее, яркое солнце «счастья» прожгло выцветшие небеса, и уткнулась, наконец, в макушку неба они въехали в Фиделиту.

По дороге тряслись еще два часа — вначале лесом, потом опять мимо железных ежей — уже низких, старых, проржавевших и укутанных до макушки нежной листвою. За ежами лес кончился, началось поле — широкое, до горизонта, аккуратно распаханное и усаженное — все — большими, желтыми, круглыми, как шестеренка цветами на длинных стеблях. Эрвин издал радостный крик, наклонился, изогнувшись, сорвал на ходу один такой диск, разломил пополам, протянул Ирине:

— Смотри, подсолнух земной. Как у нас дома...

И улыбка до ушей, будто достал звезду с неба. Ирина невольно улыбнулась в ответ, покачав головой. Дома у нее таких привычек не одобряли. Эрвин лишь пожал плечами, уселся обратно, на место стрелка. Шляпа — на голове, ноги в тяжелых сапогах небрежно закинута на борт. Ирина так и осталась сидеть вполоборота — сидеть, смотреть, как щелкают семечки в его руках — легко, с изяществом, присущим уроженцам Новой Лиговки. По борту беги прошла мелкая дрожь. Хрипло крикнул, встопорщив белые перья орлан. Эрвин пожал плечами еще раз, сорвал второй желтый круг — для птицы. Орлан клекотнул, скосив большой черный глаз на Ирину. Клюнул желтый круг пару раз — аккуратно, на пробу. И пошел стучать, аж перья на голове замелькали.

А поле до горизонта, все в желтых, нарядных цветах. У горизонта — невысокая гряда, холмы — три лысых, крутых холма с покатыми верхушками. Что-то блеснуло там — раз, потом другой. Старый Яго в задней машине встал, тревожно замахал руками. По борту пробежала мелкая дрожь. Эрвин вскочил, хватая в спешке бинокль.

— Что-там? — осторожно спросила Ирина. Тоже собравшись — вмиг, дорога приучила быть настороже.

— Орудийные комплексы, — ответил Эрвин, подкручивая бинокль, — армейские, «Комма ахт». Два 8,8 ракетных ствола, один лазер и башня наведения. Берут прицел.

По бортам опять пробежала звенящая дрожь. Противная, мелкая — аж заныли зубы. Орлан вздыбил перья, заклекотал — тонким, до визга голосом. Забился под броню

— Берут прицел, — повторил Эрвин тихо, следя, не отрываясь за шевелением на холме, — они полностью автоматические, гады. Знать бы, только, как и на кого настроены...

— На зверей, — показал ему Яго. Его машина подъехала как раз, замерла, встав с бехой вровень, — крестовый люд такие вокруг городов ставят, поля от сотрясателя стерегут.

— А нас часом не пристрелит?

— Разве что решит, что я на дракона похож. Но нет. Смотри, нам дали дорогу.

И впрямь, на верхушках холмов заиграли яркие зеленые точки. Люминисцентные огни, сигнал автоматики башен — путь чист, объект опознан как дружественный. Миа завела мотор, бэха пошла вперед. Ирина, приглядевшись, заметила в вышине статую — чей то бородатый лик меж двух башен. Бородатый, странный, в непривычном здесь квадратном, форменном кепи. По борту опять хлестнул ультразвук — уже протяжней и тише. Не пушечный прицел, так, птичье пугало. Орлан сердито нахохлился, убрав голову под крыло. Миа затянула песню — опять... Протяжно, весело, косясь в зеркало заднего вида глазами. На Эрвина, зеркало смотрела именно туда. И песня — Ирина, прислушавшись, невольно

усмехнулась про себя. Пела Миа про мужа, завоевавшегося вконец, про его жен, заскучавших без ласки и вовремя почерневшие цветки тари. «При чем тут эти цветы?» — подумала было Ирина. Не успела спросить. Песня оборвалась на самом интересном месте.

Они перевалили гребень холмов и въехали, наконец в Фиделиту.

Тут Ирина бросила все, принялась смотреть во все глаза. Человеческий дом, поселок, не мелкий не крупный. Зеленые, цветущие алым цветом сады, пруд, потом улица — прямая, широкая. В два ряда невысоких одноэтажных домов. Где-то полста — или больше или меньше — Ирина смотрела и долго не могла понять, один на улице дом или много. Потом пригляделась и поняла. Крыша у улицы была общая — жестяная двускатная крыша на крепких столбах. А между столбами — стены, их ставили, точнее выплетали из местной зеленой лозы кто во что горазд, без порядка. Дымились на кухнях маленькие очаги, брызгали водой шланги, разбрасывая во все стороны мерцающие радугой капли воды. Щелкали ножницы — кто-то работал в саду за низенькой, плетеной из лозы загородкой. Местные — сплошь туземцы с крестами на высоких зеркальных скулах. Они поднимали головы на миг, оглядывали бэу. Окликали Яго и Эви, здоровались наперебой. Вежливо, но, в общем, с достоинством. Косили глазами на бэу, разводили руками, дивились, спрашивали — но аккуратно, тихо, соблюдая порядок. Яго степенно отвечал — так же кратко, по делу. Что-то типа: «Люд здесь новый, но вроде свой, серьезный. Не местные, надо представить начальству»

В ответ шли неторопливые махи рукой вглубь села — езжай, мол, мил человек с богом в ту сторону. Что беха и сделала. Аккуратно, на малой скорости, протискиваясь между низенькими изящными заборами, сплошь из зацветающей, нежной лозы. Опять цветы на стеблях. Мелкие цветы белого, алого и нежно-розового цвета. Кто-то выкладывал из них кресты на воротах, кто-то — пускал расти просто так. Слева долетели тонкие визги и сполошный крик. Эрвин обернулся — и замер, расплывшись в улыбке до ушей..

Местная детвора играла на пруду в охоту на сотрясателя. Боевые кличи, ружья из палок и деревянный, крашенный желтой краской дракон на колесиках... а цепь пацаны держали ровно, почти как у старших.

Раздался громкий, тонкоголосый выкрик, видимо знаменующий собой боевой клич. Яго хлопнул ладонью по кузову, прыгнул. И пошел к детворе, маша рукам и ругаясь вполголоса. Но тихо.

Увидел недостатки, пошел объяснять. Туземная детвора оглянулась, пересчитала у Яго зарубки на лице, впечатлилась, и собралась вокруг — слушала советы по тактике. Раскрыв рот. Эрвин решил, что и ему оно тоже полезно. И дал команду Мие остановиться. Где-нибудь здесь. Только к забору встать, чтобы улицу местным не загораживать. Миа кивнула, развернула машину — четко, уверенно, в два поворота руля. Лишь рычаг хрустнул в руках. Беха прыгнула вперед, остановилась и пошла задним ходом. Эрвин понял вдруг, что дурак. Большой. Круглый. Парковать машину Миа училась в лесу и теперь уверенно сдавала назад. Не глядя, на звук, до характерного хруста.

Вот только сейчас под задний бампер бехи попался не тонкий куст и не вековое дерево, а крытый железный сарай. С треском сложившийся под ударом многотонной машины.

Ой, — тихо сказала Миа, глядя падает назад стена.

Ой, — сказала она второй раз, глядя, как в ее сторону разворачиваются местные мужики. Неторопливо. И любопытство в глазах — спокойное такое, недоброе...

Эрвин прыгнул, встал, загораживая, сжавшуюся за рулем Мию, упер руки в бока и

спросил:

— А чего у вас в Фиделите заборы такие хреновые?

... и нервы совсем никуда...

Выдохнул он спустя секунду. Любуясь на ствол. Вороненый, обрезанный ствол, глядящий, казалось, ему прямо в душу. Одним глазом, черным, как местная ночь. Вечная ночь, где-нибудь у полярного круга. Эрвин собрался и перевел глаза чуть выше.

Да уж. Может и зря. Мужик на другом конце ствола был вроде Яго — тоже весьма примечательный. Такой же невысокий, скуластый, зеркальнолицый туземный мужик в оливковой кожаной куртке. На миг даже показалось, что они с «коммандо» родня — такое же упрямое, изъеденное вдоль и поперек морщинами и татуировками лицо. На затылке — круглая кепка, латинские кресты на щеках. Только деревенский сильно разросся вширь, в отличие от сухопарого Яго.

— Ты кто будешь? — спросил Эрвин, шагая вперед, Ствол не дрогнул. Ладонь, что держит его — сильная. В черной, высокой, перчатке. По такой-то жаре. А лицо расписанное — все — и после Эрвиновых слов довольно удивленное. Такое, что Эрвин кивнул:

— Ты пижон, дядя. Только татуировок ваших я все одно не понимаю

— Охолони, — посоветовали ему с той стороны ствола. Ласково так.

Ирина что-то выкрикнула сзади. На туземном, Эрвин не понял ничерта. Только услышал, как скрипнула турель — невзначай. Старый Яго обернулся на звук, подошел, окликнул туземца. Тот ответил, махнул рукой. Обрез исчез, так же быстро, как появился.

— И то правда, ты ж не местный. Дикий совсем, татуировок читать не умеешь. Сталбыть представится надо, — проговорил мужик, поворачиваясь обратно к Эрвину, — Не в лесу, чай живем. Хуан я буду, алькад сдешний.

Брови Эрвина невольно взлетели вверх — слово было ему незнакомо. Мужик заметил, добавил к титулу пару слов на туземном — думал, понятнее будет. Но Эрвин запутался совсем. Вроде что в деревне: «инкоозии» — вождь, но смысл не тот, очевидно

— Это что-то вроде председателя местного, — пояснила Ирина, вставая рядом.

— ... а еще меня троеруким кличут... - неспешно добавил мужик, продолжая мысль..

— а где тогда третья? — вырвалось у Эрвина невольно... Уже договаривая, понял, насколько вопрос нелеп. От ладони в перчатке долетал слабый, чуть слышный визг — характерный гул разлаженного сервомеханизма.

— Пошли, покажу...

**

Третья рука обнаружилась в поселковой церкви. «Соборе святой Фотинии», как гордо протитуловал ее председатель. Высокий каменный куб, сложенный абы как, в кажущемся беспорядке. На постройку шли громадные камни — обтесанные валуны всех цветов. Обсидианово-черные, красные и белые вперемежку. Хаос, но хаос красивый, цвета на фасаде плясали, складываясь в бессмысленный, но яркий и приятный глазу узор. Крыльцо деревянное, на крыше — тоже деревянный, резной латинский крест. А башни колоколен по обе стороны входа еще в лесах — стройка пока шла, обе колокольни выросли на треть от силы. Точнее — стояла. Сейчас леса были пусты. Эрвин хмыкнул про себя и шагнул внутрь, в полутьму вслед за местным председателем.

Внутри царил полумрак, от толстых каменных стен пахло известью и приятной прохладой.

Горела свеча. Иконы на алтаре — тоже туземные, писанные углем по дереву. Тонкой

работы — штрих ясен, уверен и прям... Спаситель и дева ведущая коня в поводу. Эрвин машинально перекрестился. Волосы девы темны и всклокочены, и конь — в цвет. А глаза у обоих одинаковые: карие, умные, выразительные. Светлые, с легкой грустинкой. Хлопнула задняя дверь. Брызнул по стенам солнечный зайчик, мигнул пред алтарем огонек — сквозняк задул, разгоняя по углам запах цветов и влажной, свежей извести. Закрутился, взвыл в трубах под потолком. Казалось протяжно запели сами скаты кровли. Ладный, переливчатый звук. «Эолова арфа. Хитро» — подумал Эрвин. Потом обернулся — и услышал хриплый бас председателя:

— Как западный ветер подует — оно красиво. Будто ангел поет. Только... Не туда смотришь. Про руку спрашивал — так вон она.

Внизу, у ног иконы что-то белело. Эрвин пригляделся. И впрямь — под алтарем, на темной, вышитой вручную подушке — рука. Кости точнее. Белые. Человеческие. Ладонь, предплечье, половина плеча...

— Это моя. — ухмыльнулся председатель. И, явно довольный эффектом, шагнул вперед. Достал из кармана чистую мягкую тряпочку. И начал пыль с кости протирать. На глазах у удивленного Эрвина. Попутно рассказывая — негромко, тихим струящимся говорком:

— Председатель я местный. — говорил он, негромко, — вот с тех пор, как... Раньше-был навроде старого Яго «коммандо» водил. Только, не то, что ты видел, другое немного. На гремящих когтей ходили, северную степь успокаивали. Я, жена, машина, пулемет... Веселая жизнь... была, пока один красавец мне руку не отъел, вместе с половиной черепа. Руку потом новую в Столице сделали, но на месте засесть пришлось... На месте засесть, ствол обрезать, остепенится.

Эрвин оглянулся — внизу, под темными сводами белела еще одна кость. Покатая, вытянутая в длину черепушка. Низкий череп, крокодилья, усеянная острыми зубами пасть. Глаза узкие, пустые, темные. А клык выбит — один. Левый верхний. Эрвин даже спрашивать не стал. И так понятно, чья это черепушка.

— Да он, — кивнул председатель, подтвердив его догадку, — на этом самом месте. Теперь тут и сижу, вроде как охраняю.

После полумрака церкви — улица ослепила, забила глаза светом и уши — шумом толпы. Председатель все говорил, клопоча в уши и булькая прокуренным голосом:

— Начинал — три дома было да часовня деревянная, теперь видишь — поля, поселок, собор... как достроим — и город будет... Кстати, камень привез?

— Какой камень?

— Так обычай же... кто мимо нас на Сан Торрес едет — обязательно камень захватывает. На церковь, достроить чтоб...

— Мне-то оттуда знать, я не местный. И вообще...

— Погоди, парень, не кипятись... — хитро сощурился председатель, — Так, представились, теперь давай считать. Сарай ты нам разнес, это раз.

— Трухлявый был сарай, раз так легко завалился.

— Древний. Как раз думали новый ставить по весне. И все же — имущество. Так что: раз. Камня на церковь не захватил, это два...

Тот и впрямь считал, загибая механические пальцы... Тихо, с улыбкой на лице. А глаза сжаты, сощурены. Эрвин аж сжал кулаки, невольно начиная сердиться — его явно сейчас разводили, причем непонятно на что..

Но тут на заурчал мотор, истошно взвыли тормоза — и перед ними на площади замер,

весь в дорожной пыли, запахе трав и гари сгоревшей резины — старый, битый вусмерть грузовик с коробом вместо капота. Давешний, встреченный утром на пути. И его полная, пожилая водительница — та сходу высунулась, обложив председателя сверху вниз развеселой, заливистой бранью.

— Ты чего, старый хрыч, творишь? — рявкнула она, весело глядя сверху вниз, глядя на насупившегося враз председателя. Тот сердито засопел, но возражать не решился. А водила вылезла из машины и пошла, на ходу отчитывая председателя. На лбу и щеках ее — изрядно расплывшаяся тонкая вязь. Треугольник, ромб и спираль. Такие знаки носила и Эви.

«Должно быть, тоже ХанШай, — подумал Эрвин, удивившись, как легко пришло понимание, — местная «выносящая мозг». В отличие от Ирины — почти буквально»

А та все несла, оперев полные руки в боки, буквально давя председателя — пока словами

— Люди со звезд, издаля приехали. На нас посмотреть. А ты что творишь, старый? Сразу ловишь и в работу, будто какой Дювалье. А накормить? Гостя с дороги кормить положено...

— Да не голодные мы... — пытался встрять Эрвин, но бесполезно... тетку несло — только успевай спрятаться. Только руками всплеснула.

— Не голодные они, как же. С утра в дороге, видно же. Давайте налево, вон туда... У нас там столовая, у девчонок как раз каша поспела. А ты старый, — последнее уже к председателю, — не сопи. За ребят старый Яго поручился — это раз. И склад твой не уйдет, это два...

Пальцы она загибала — точь в точь как председатель Хуан недавно... А на шее — драконий клык. Левый верхний. Эрвин усмехнулся вдруг. Про себя. Понятно теперь, чей подарок.

А кормили в Фиделите вкусно, ни отнять ни прибавить.

**

Ирина как будто поплыла, закачалась в потоке событий. Как в реке — теплой летней реке. Знакомства, улыбки, рукопожания, звенящие местные имена. Троерукий Хуан — председатель, его громогласная Мама Кураж, водила — та тетка с громким голосом и добрыми руками. Местная столовая — полутемный, прохладный зал. Двойные плетеные стены, под потолком — живые цветы, котлы, аппетитно булькающие на огне в центре зала. От котлов — дым и пряный, ароматный пар. Стоят столбом, выются, завиваются кольцами, уходя в отверстие в потолке. Опрятные стулья. Чистые, сверкающие белым деревом столы по краям. Вокруг огня — местные женщины. В белых передниках, чистые, аккуратные. И работали тихо, деловито, без крика и суеты.

Те поприветствовали их, спросили Ирину про жизнь и какую-то неведомую палочку. Потом, повинувшись негромкому окрику Мама Кураж — вывалили тарелки с едой на столы вокруг очага. Дальше надо было забирать самим. Ирина — откуда понимание взялось — аккуратно придержала вечно голодного ДаКосту, взяла сама. Разложила — Эрвину, Мие, потом Лиianne, не успевшей откосить и запрятаться в угол. Лиianne выдала двойную — две тарелки, строго велев накормить ДаКосту с рук. Та кивнула — поняла. Только испугалась опять, такая уж она, лиловоглазая. Ирине было не до нее. Спросила для беги топливо. Почему она решила спросить его здесь — не поняла сама. Но кухонные поняли ее и не удивились — машины кормили здесь же, просто с черного хода. Миа кивнула, сказала, что заберет. ДаКоста шутил, Лиianne грустила, Эрвин сосредоточенно гремел ложкой по

алюминиевому котелку. Залетевший под крышу орлан получил горстку семечек из Ирининых рук и осторожные ахи от местных.

Потом Эрвин ушел — под руку с председателем, говорить о делах. А Ирину на выходе поймала мама Кураж с делегацией. И пошел разговор. Про поля, вечно ломающиеся пугала, наглых птиц да созревающий урожай. И опять — как-то легко было понять кто чего хочет.

Чуду назначили быть на околице — за последним домом, на широкой поляне у пруда. Тонкая мелодия подаренной дудки, осторожные зрители и — в небе — птичий свист и гомон большого базара. Алым, малиновым, желтым — разноцветный хоровод крыльев над головой. Переминающийся по Ирининому плечу когтями орлан. Суровый, начавший закипать председатель — троерукий Хуан подошел на шум, кивнул и пошел торговаться с истинно крестьянским упрямством. Орлан не уступал, хлопал крыльями, топорщил перья на голове — возмущался. Поворачивал голову, косил на председателя то один то другой черный глаз, возмущенно клекотал на своем, птичьем наречии — делится мол, человек, надо... бог велел.

Председатель азартно стучал себя в грудь механической рукой, шипел, что твой чайник, кипятился. Грозил заказать в городе новые ультразвуковые пугалки — устроить содом и гоморру отдельным слишком наглым товарищам с крыльями. И вообще — такие товарищи их славной Фиделите совсем не товарищи, да. Орлан косился в ответ, разноцветная мелочь в небе кричала и каркала, поддерживая жожака. Какой-то не в меру молодой и резвотювый пестрый птенец налетел на председателя. Зашумел, цапнул когтями кепку, пытался клюнуть — и вмиг унялся, получил о белоголового крылом по голове. Не срывай, мол, мне переговоры.

Ирина улыбнулась. И пошла... на председателя, по его же привычке — загибая пальцы на руке. Считать, сколько будут стоять новенькие ультразвуковые пугала, а сколько — еще перевоз. И сколько их ждать из столицы. А теперь все то же самое, но не в крестовых лаках и не в долларах федерации а в мешках пшена. Орлан довольно каркнул — и получил от Ирины ладонью по шее. Вмиг, чтобы не зарывался. Председатель сдвинул кепку на лоб, потер затылок — два раза. Вначале живой рукой, потом механической. И кивнул головой. Согласился.

Ударили по рукам. Точнее — крылом о механическую руку. На четырех мешках от людей. От птиц — обязательство не портить урожай и в шею гонять нарушителей. То есть в крыло. И да — гнезда теперь под охраной...

Орлан клекотнул. Разноцветная мелюзга в небе встретила его торжествующим пеньем. Ирина потеряла лоб — сейчас на ее глазах, буднично свершилось чудо.

Солнце палило, разбрасывая полотна света по глади пруда. Ирина обернулась — увидела Эрвина. В воздухе, над домами, в вышине, непринужденно шагавшего, казалось, прямо по крышам. Заинтересовалась, шагнула за угол — посмотреть. И улыбнулась невольно. Председатель таки запряг Эрвина поработать в счет разрушенного сарая. Новый построить из таркианского пластика. Не по быстрому, как сделали федеральные саперы на острове, а как надо. То есть собрать в замкнутый контур направляющие, включить силовое поле и только потом пустить смесь. Получалось — у Эрвина явно получалась мощная конструкция. Высокий полый цилиндр, высотой в два человеческих роста. Точнее один человеческий и один — звериный. Зверя «муур», того самого лесного котика (или похожего, Ирина не поняла), на спине которого Эрвин с удобством устроился. Упер ноги в костяной воротник, зацепил за рог сумку с инструментом и работал себе. Зверь стоял ровно,

меланхолично жуя траву. Только детвора здешняя мешала люто, снуя то туда то сюда. Вверх-вниз по мохнату боку зверя. Не нужно ли, мол, звездному дяде чего... А глаза у всех любопытные — любопытные... Даже у председателя, подошедшего посмотреть как идут дела.

— Вот баллоны прислали а инструкцию — нет. Такая закавыка получилась, — аккуратно пояснил тот, заметив рядом Ирину. Степенно откашлялся, скосив на нее хитрые сощуренные глаза. Выбрал парня поглазастей и послал наверх — спросить, не надо ли чего звездному гостю. Эрвин, которому это паломничество надоело уже, обложил председателя сверху ядреным земным выражением. А потом предложил всем любопытным залезть, наконец, наверх и сидеть тихо. И лучше бумагу с собой захватить — он им сейчас инструкцию читать будет. По сборке и монтажу силовых конструкций. Понятно и с матом, ибо как без него. Конспектируйте.

Солнце палило, пот заливал Эрвину глаза. Шестигранные клеммы — полированные, яркие блескучие рыжим на солнце — скользили, выворачиваясь из пальцев. Разметались волосы, прилипли на лоб. Ирина достала дудку, насвистела негромкий мотив. В небе захлопали крыльями птицы. Одна прикрыла крыльями солнце. Другая подхватила гайку, выпавшую из Эрвиновых рук, чирикнула, взмыла вверх, уронив Эрвину в руки добычу. Тот кивнул ей с вышины. Спасибо, мол, дорогая.

Ирина кивнула в ответ. Теперь в инструкции мата будет меньше, а толку — больше. Наверно. По вершине пробежали зеленые огоньки — ажурная сетка направляющих сомкнулась, контур замкнут, можно начинать. Эрвин спрыгнул вниз, ласково потрепав зверя за ушком. Прошел вокруг, попинал ногой стойки, потом воздух между них — сапог бился о поле и отлетал прочь, высекая радужные яркие искры.

Щелкнул тумблер — раз, потом другой. Ничего не происходило. Эрвин почесал в голове, помянул чью-то маму вдоль и поперек по новолиговски (председатель крикнул и аккуратно записал, дивясь изяществу слога). Щелкнул в третий раз. Хлопнуло — тихо, почти беззвучно. И воздух внутри поля исчез, разом сменившись серой, глухой стеной. Таркианский пластик, сверхактивная, мгновенно застывающая субстанция. Миг — и все. Эрвин отключил поле, пнул серую стену еще раз, вытер пот со лба и широко улыбнулся.

— Принимай работу, Председатель. Все. В лучшем виде. Только резак тащи, щас двери прорежем...

Председатель только затылок потер. Аккуратно. Механической рукой, потом живою. И спросил:

— А что, без резака нельзя? Я его на трактор сменял, думал — пилой управимся.

Эрвин лишь руками развел, помянув новолиговским просторечием отдельных любителей думать, когда не надо. Потом отдышался и пояснил.

— Нельзя. Это же таркианский пластик, его не пила ни пуля — ничего не возьмет. Только высокая температура. Так что резак нужен.

— Ну, раз нужен, то ладно, — хмыкнул председатель, потянув перчатку с руки, — будет тебе резак.

Под высокой перчаткой — вороненая тусклая сталь. Механическая рука старой модели, трубчатая, повторяющая контуры скелета. Россыпь тусклых огней — индикаторов. Пара кнопок. Мелких, утопленных в сталь. Одну из которых Хуан сейчас и вдавил.

Сверкнула вспышка, ноздри защекотал озон. Эрвин сморгнул раз, другой, прогоняя из глаз радужное, слепящее марево.

Троерукий Хуан надел перчатку назад и довольно усмехнулся:

— Резака нету, зато пушка есть. Не в лесу живем. По ушам, ласковой песней — тихий, уверенный гул. Слева, с холма. «Комма Ахт» разворачивала башню назад. Медленно — два длинных, ребристых ствола еще довольно дымились. Эрвин перевел взгляд — в только что построенном здании красовалась аккуратная дыра — четко, как раз по размеру входного проема — присвистнул и сказал:

— Хорошо живете

— Не жалуемся, — усмехнулся под нос председатель, явно довольный эффектом, — управление тут и ручное тоже. Пульт у меня. Делать нечего — рядом с югом живем. С самым что ни на есть языческим югом. Оттуда что ни день люди бегут. И Черный Гарри, Дювалье и его орлы меня уже прощупать пытались. Не раз и не два.

— И как?

— Теперь богу о результатах докладывают, или — ежели по их ухвату судить — скорее, дьяволу.

— А сами чего сидите? Народу вроде много, на вид лихой, драконов валит на раз, с винтарем даже ребенок возиться обучен — чего ждете? Собрать парней да навести шороху...

— Нельзя, — сердито рявкнул Хуан. Тяжело, аж засопел от обиды, — указивка у нас. Сверху, самого.

тут он сердито махнул рукой. И вправду наверх — на север и чуть выше, на горизонт. Туда, где в алом закатном мареве плавали золотые кресты Сан-Торрес де Ультрастелла.

— Указ строгий. Сидеть тихо, божий мир не нарушать, на провокации не поддаваться. Кто нарушит — святые отцы нафиг отлучат, мама сказать не успею. Так что сиди тихо, щенок. Рано тебе учить старших.

Сказал и пошел, даже не обернувшись на свежестроенный амбар. Вроде и нужное дело сделали и алый цвет почернел наконец. А настроение у троерукого Хуана стало почему-то совсем не праздничное. И солнце в глаза — уже алелеющее первым закатным блеском.

А Эрвин посмотрел ему вслед, пожал плечами, походил — руки в карманы — вокруг амбара туда и сюда... Просто так, глядя на высокое синее небо и плывущие на юг белые облака. Долго глядел. Пока на Ирину Строгову не напоролся. А у той улыбка до ушей... И на плечах — небрежно наброшенная парадка, коса через плечо и ботинки хрустят по гравию — мягко так. Изящно. Нежно даже. Совсем не то, что его флотские, подкованные сапожищи. Окраина деревни, пряные, увитые цветами заборы теплый ветер и алое солнце в лицо. Ей в спину ему в лицо. Фигура — вся — точеным, резным силуэтом в теплом закатном мареве. Как тогда, пять месяцев назад, на летном поле Семицветья... Эрвин невольно тряхнул головой, отгоняя морок. Протянул руку — тоже невольно, поправить волосы. Ирина тоже сделала шаг вперед. Ладони соприкоснулись. На мгновение. На одно, немыслимо короткое мгновение. Эрвин тряхнул головой еще раз. И предложил прогуляться... Раз других дел больше нет... Фраза вышла коряво, но... Но Ирина взяла его под руку и сказала — «да», прежде, чем он успел понять, что делает.

И они пошли. Просто так. В никуда, глядя как плывет на запад нежно-алое яркое солнце. Вдоль главной улицы, провожая взглядом гремящие грузовики — с полей возвращались рабочие смены. Из кузовов — смех и протяжное пенье, на радиаторах — большие желтые и алые цветы. Через пруд, берегом, в траве по колено. Звери «муур» плескались в тягучей воде, ныряя и отряхивая капли воды с густой черной шерсти. Один

подбежал, радостно тыкнулся Эрвину в ладонь рогатой мордой. Ирина улыбнулась — узнала «котика» по обломанному шипу на воротнике. Залезли зачем-то на холм, посмотрели сверху вниз на поля, пушки и статую бородатого мужика в кепи с сигарой в зубах. Спустились вниз, вышли на утоптаный ногами, пыльный майдан — площадь перед собором. Там шумела, колыхалась, гудела толпа. Звенела музыка — ритмичный, но не очень-то складный звон струн. Ирина пригляделась — и тихо брызнула смехом в кулак. В кругу зеркальных лиц — белые волосы. И черное дерево посреди... Туземки поймали Станислава, заставили — уж непонятно силой или уговором — выгрузить из машины рояль. Окружили диковинную машин, загалдели наперебой — звонко, по очереди тыкая в клавиши. Мелодия у них получалась дикая, но получалась...

Напротив собора — одноэтажная деревянная изба. Местное управление. Троерукий Хуан на крыльце и толпа вокруг него — большая, гудящая... Люди галдели, председатель что — то считал — неспешно, загибая пальцы. Записывал, ставил куда-то отметки.

— Кстати, ты про рацию его спросил? — встрепенулась Ирина, увидев его. Эрвин поморщился недовольно. Тяжело было возвращаться к текущим делам послепряного, щекочущего нос безделья последнего часа.

— Спросил. Без толку. Не работает она у него, — ответил он и улыбнулся. Про рацию Эрвин спросил Хуана в управе еще в первый их разговор. Точнее, во второй, тот, что после обеда, уже разобравшись и получив задание на амбар. Хуан смешно засопел в ответ, скосил глаза и ответил вопросом на вопрос, хоть и не еврей вроде:

— Зачем мне, парень, в хозяйстве машина, по которой раз в год шлют глупые указания? Сломалась она. Совсем. И восстановлению не подлежит, вот.

А глаза при этом отчаянно косил на заднюю дверь. Выразительно так, Эрвин едва сдержался, чтобы не заржать в голос. Из-за двери — бодрая музыка и детский смех. Мультики, да. А детали в рации и видео взаимозаменяемые.

— Обещал с попутной машиной весть в СанТоррес послать, но думаю без толку, — сказал он Ирине, рассказав детали этой эпопеи, — мы все равно доберемся раньше. Бардак у них тут.

— Да ладно тебе, — ответила она, непонятно чему улыбнувшись. Звенел рояль. На площади шумела толпа. Галдела на тысячу голосов, напирая на председателя. Зачирикали птицы над головой. Забились, закричали — две ярkokрылые шустрые сойки. В глазах у Ирины — тепло и добрая улыбка. А у соек солома в клювах — вить гнездо собрались, проверяя данное разрешение. Над столовой крутился белый, пряный дымок. Там звенело и стучало дерево.

— Эрвин, а какое сегодня число? — спросила Ирина вдруг, рассеянно глядя вверх, на птичье веселое копошение.

— Не помню, — пожал плечами он. Одним плечом, на второе невзначай оперлась Ирина. Задумавшись, случайно, совсем. Коса растрепалась, от волос — пряный, кружащий голову дух. Яркое перо в у виска. Почему то забилося, глухо стукнуло сердце.

— Не помню, — повторил он, аккуратно переводя глаза вверх на алое закатное солнце, — тут время странно течет.

— Просто ритм другой, не замечаем.

Из столовой на площадь потащили зачем-то столы — длинные, накрытые белыми скатертями столы. Белая фигура — мама Кураж ходила там, размахивая руками. Ирина встрепенулась, вдруг хлопнула себя по лбу.

— Ой, забыла. Палочку оформить же надо, забыла совсем. Подожди здесь...

И убежала. Быстро, лишь — шурх — шурх — прозвенели каблучки, да махнула шальным ветерком по траве синяя флотская юбка.

Эрвин долго не мог понять, при чем тут палочка, потом зачем-то полез в карман — за часами, посмотреть таки дату. Не достал, бросил, махнул рукой. Присел на корягу и долго глядел в никуда. Время тут и в самом деле текло как-то не так. Тягуче, медленно, далеко от жесткого флотского ритма. Как в школьной книжке, про хитрого грека. Как там его — Одиссей? Вроде, да. И алый цвет «тари» тут вроде лотоса — что-то важное намертво забылось. А что-то — наоборот.

Ладонь аккуратно коснулась плеча. Разгладили наплечный шеврон, еще помнящий прикосновение Ирининых острых лопаток.

— Простите, а вы не из Витебска?

Эрвин аж сморгнул. Настолько неожиданно было услышать это сейчас. Тихий голос, жесткий земной говорок. Поднял глаза — и сморгнул второй раз от удивления. С первого взгляда показалось, что перед ним пожилой и очень вежливый негр. Потом понял, обругал сам себя. Сморгнул в третий раз, прогоняя с глаз дурную иллюзию. У местных кожа или зеркальная, сверкающая на солнце, или, как у Станислава, белая, оттенком в перламутр или свежее молоко. Стоит привыкнуть — и обычный земной загар воспринимается глубоко черным. Эрвин сморгнул в третий раз, пригляделся — перед ним просто обожженный местным солнцем землянин. Вполне европейской внешности, невысокий, давно немолодой. Даже старый уже — лицо высохло и покрылось морщинами, руки — тонкие, в сетке вен. Бесформенная накидка на плечах. Черная. И золотой крест.

«Осторожно», — одернул он себя, сообразив, что смотрит на иезуита.

— Так не из Витебска? — спросил тот, вздохнув осторожно присаживаясь на корягу напротив.

— Нет. Вообще не с Земли, с Семицветья.

— Жалко... Я вот из Витебска... только сто лет там не был. Думал спросить — как там. Отец Вениамин, местный куратор от ордена. Собор достроят — настоятелем буду. Если, конечно, доживу. Хуан все перестраивать рвется.

— Эрвин Штакельберг, волонтер флота, — представился Эрвин, дивясь — люди, по слухам, отжавшие на себя планету рисовались ему совсем иначе. В воображении.

— Да говорили уже. Был на выселках, услышал — приехал. Редко тут земляне проезжают, поговорить не с кем... Уж простите старика — сто лет дома не был, ностальгия замучила. Даже забыл как выглядит снег. В прошлом году съездить хотел — да в конгрегации Сан Торреса потеряли направление. Случайно... может быть в этом году, говорят. А тут даже на Рождество снега нет... — говорил отец Вениамин меж тем. Медленно, смотря мимо Эрвина — на закат и непонятно чему улыбаясь. Мечтательно так. Вспоминал, наверное... белый снег, елку в гирляндах и горку залитую льдом... Эрвин невольно поежился.

— И как вас сюда занесло? — спросил Вениамин вдруг, разом стряхнув мечтания. Сузились, собрались в щелку серые внимательные глаза. Эрвин — третий раз на дню — рассказал. Как есть, надеясь что у старика найдутся к церковному начальству ходы — выходы. Хотя вряд ли...

— Понятно... — подвел итог его рассказу отец, — значит, опять Дювалье... Ну что же, молодой человек, не вы первый, не вы последний. Привыкните. Старого Яго видели, с Хуаном сработались, гляжу...

— Сработались, — кивнул Эрвин, не удержавшись — еще раз скосив глаз на серый круг свежеставленного амбара. Стоял прочно.

— Чудес нагляделись, с местными порядками познакомились.

При слове «порядки» Эрвин невольно усмехнулся:

— Хороши порядки — шагу по берегу пройти не успел — уже три жены на шее...

— Голь на выдумки хитра. Местные до государства не додумались, у них одна семья на все про все... Наши отцы — первые, что сюда приехали — обрадовались было. Прямо рай... Только потом заметили, что семьи здесь хитрые. Но пока не поделаешь ничего. Пока. Обычай — дело такое, просто так их не устроишь и моментом не изведешь. Слышал, ваша старшая с птицами говорит?

— А что? Не потерпи ворожею? — аккуратно переспросил Эрвин, разом собравшись. Мало ли что, вдруг здесь охота на ведьм в обычае.

— Не цитируйте, чего не знаете, молодой человек. Ветхий завет потому и ветхий, что человечество немного научилось с тех времен.

Эрвин пожал плечами и закурил. Спорить было лень, хоть и нужно — после туманного леса, мятой сотни и Мииной, располозованной в клетку спины. Нужно, но глупо, лучше послушать, что иезуит говорит. А он говорил,

— ... Вначале вспомним ветхий завет, «не потерпи ворожею» и оставим старого Яго одного и без оружия. И сотрясателю «приятного аппетита» сказать не забудем, когда он сюда жрать придет. Не волнуйтесь молодой человек, мы это проходили уже. Нет, если бы вы с Хуана не пять мешков попросили, птицам на пропитание, а пятьдесят и на продажу — я бы вам инквизицию устроил, в лучших традициях. А пока — насчет этого не волнуйтесь. У нас, если хотите, строгое указание — считать то, что здесь творится фактом научным, пусть и не объясненным пока. Правда кажется мне, что ученые местные наоборот думают. Все наши гранты в собор святого Франциска перетаскали. На свечки. Ну и бог с ними, я вам про другое сказать хотел...

Тут дед оглянулся — быстро, зорко стрельнул глазами по сторонам. Должно быть заметил кого — нахмурился, вздохнул сурово под нос и продолжил:

— Обычай — вещь хитрая. Хорошо, когда он адекватен реальности. Тогда он нужен, да и фиг с ним чего сделаешь. А ставший неадекватным — отмирает сам собой, отпадет, как кора на дереве. Только иные отмирают больно медленно.

— Когда я сюда приехал, лет не помню сколько назад — тут не только семьи хитрые были. Тут еще и право первой ночи цвело и пахло всюю. Деревень вроде нашей Фиделиты не было, те, что были — дышали на ладан. Драконы летали, Сотрясатели ходили чуть не по головам. И бандиты — табуном, слава нашей федерации. Кроме старого Яго — он тогда молодой был совсем, помню... Кроме Яго и таких как он команданте — другой защиты у людей и не было. Тогда — не было, сейчас есть. Вот и отмерло. Только... В общем — просьба к вам у меня.

.. — Слушаю, — ответил Эрвин пододвигаясь. Старик опять стрельнул глазами назад.

— Эту ночь посидите с вашей девушкой вне поселка, ладно? Ночи теплые, человек вы не местный, обычая не знаете — и если...

Тут старик вскочил на ноги, обернулся. Сверкнули глаза, голос громыхнул — сердито, негодуя. Уже не на Эрвина — на кого-то сзади, в кустах:

— ...и если отдельные любители на грош пятаков закупить думают, что могут и языческое паскудное благословение на халяву получить и перед господом нашим чистым

остаться...

Из кустов — треск сучьев, отдышка и шаги — быстрые, плавно перетекшие в бег.

— ... то они глубоко ошибаются. Прокляну — маму вспомнить не успеют. Только... — этот кусок фразы относился уже к Эрвину... - только лучше не доводить. А то я слова анафемы забыл...

Переход — от неведомых халявщиков к Эрвину, от гнева к доброй улыбке — был резким, таким, что Эрвин улыбнулся слегка.

— К Яго эти халявщики уже не сунутся — старый волк себе цену знает, а со чужаком, не знающим местных порядков может и прокатить. Будет обидно, да и вам пополнение в семействе не нужно, совсем.

Эрвин кивнул. Хорошо, мол. Старик улыбнулся. Посмотрел вниз:

Кстати, кто там на площади — белый такой? Тоже с вами приехал?

— Да, с нами. Станислав Лаудон. Учитель, вроде...

— Ну, тогда я побежал... Он мне еще когда перевод местных песен обещал... в этот раз забудет — прокляну, точно...

И, уже уходя, добавил:

— А все-таки жалко, что вы не из Витебска. Надеюсь, хоть в этом году направление не потеряют

Эрвин скосил глаза на его руки — все в сетке синих, исчерканных вен. И перекрестился на кресты собора. Просто так, надеясь, что направление потеряют и на этот раз. Год перелета, год в железной банке старик бы не перенес.

В глаза — алый отблеск. Солнце плыло в закат. Тонконогие цапли вышагивали в тине по берегу пруда. Слева — глухое ворчание и довольный, отрывистый рык: «Муур». Зверь точил рога об амбар. Выгибал голову, щурился, довольно кивал, вода рыжей шерстью по серому пластику. Увидел Эрвина, встрепенулся, замахал тяжелой башкой — отличная, мол, человек рогочесалка.

На площади рассасывалась толпа. Медленно, неторопливо. Эрвин посмотрел, нашел глазами Станислава, потом Ирину — синяя форменка мелькала в самой гуще толпы, на крыльце. Отжала председателя от расчетов, считала сама, то и дело выговаривая что-то свое троерукому... Тот дивился, мотал головой. Хитро щурил глаз — Эрвин не понял, что они считали, но толпа рассасывалась стремительно — счет у Ирины в уме получался куда быстрее чем у Хуана на пальцах.

Орлан присел сверху, на крышу управы, кося с конька глазом на гомонящих людей. Алым нимбом — перья на его голове. Солнце красило огнем все подряд — птичьи перья, двускатные крыши и лица. Закат.

Эрвин поднялся, зачем-то посмотрел на часы. Вздогнул даже: четкий ряд цифр калечил глаз. Непривычно — ровный, неживой, мерцающий электрическим, болотным светом. С площади — звон музыки, песня и сухой, ласковый треск. Зажгли костры — пламя взвилось, весело заплясали в воздухе мелкие рыжие искры. На холмах — зеленым — огни. Комма Ахт.

Встряхнулся, прогоняя из ноздрей пряный лотосовый дух.

«Не о том думаю... надо Ирину с площади доставать. Иезуит выразился — как-то странно он выразился, старик. Будто пресловутые халявщики ждут благословения и от Ирины тоже. Кто их знает, может пресловутая первая ночь тут на обе стороны работает. Надо побереечь». И поспешил вниз с холма вниз, на площадь перед собором святой Фотинии.

Алый диск солнца коснулся земли.

Забытые часы в руке мигнули, показав дату. Двадцать первое ноль шестое...

**

Лианна в этот день осталась одна — совсем одна. Эрвин ушел, со своей колдуньей, Миа пошла проверять БТР, даже ДаКоста — крутился, крутился вокруг и пропал увлеченный толпой и шумом на площади. И мелкая Маар ушла — со Станиславом, тот обещал показать ей местную школу. Лианна дернулась было — не дать, не пустить но куда... Глупая Маар ускакала прежде, чем Лианна успела выкрикнуть предупреждение. «Берегись черных попов, они похищают души». Бесполезно. Она осталась одна. Совсем одна. Вокруг — полутемный, пустой сарай, отведенный им «крестовыми» для проживания. Гулкие стены, под потолком — гибкие лианы, все в маленьких, ярких цветах. Никого вокруг — черные должно быть разогнали своих на работу. Всех, даже воины не пожалели гордости. Для Лианны, привыкшей видеть гордых воинов Туманного леса свободно слоняющихся туда-сюда по родной деревне, это было дико, чудно... но — сейчас ей это на руку. Она уселась в угол, прислонилась к стене. Там как раз оказалась чистая доска. Она села, достала старую куртку — куртку ДаКосты, он еще когда просил ее зашить. Хорошо, теперь можно притворится, что работаешь. А куртку и впрямь надо зашить. Обидно, конечно, но — ДаКоста здесь пока единственный, с кем ей можно перекинуться словом.

Птица чирикнула под кровлей. Зашуршала солома на полу. Лианна вздрогнула было. Перевела дух. Всего лишь птица. Колдунья бдит, ее пернатые слуги следят за ней, чтобы не сбежала и не потерялась. Из кармана куртки выпал кожаный, странный прямоугольник. Блокнот. Потрепанный грубый блокнот — стопка листов исчерченной серой бумаги. Лианна подняла. Машинально перевернула страницу. И замерла.

С дешевого листа небрежным карандашным штрихом на Лианну взглянуло чудо.

Там был город и набережные, шумящее море, птицы и чудные, уходящие шпилями в небо дворцы. Зубчатые горы, морской берег, пляж баллюстрада и лестницы — невиданные здесь, широкие, спиралью уходящие в небо. За одну зацепился балконом летящий в небе дворец. Чайка парящая над волной.

Это был пейзаж земного Крыма, южного берега. В прошлый рейс ДаКосту премировали недельным отпуском туда — за храбрость. И через три дня выгнали в шею, за поведение, несовместимое с высоким званием гостя России. Но память осталась. И еще ДаКоста хорошо рисовал.

Лианна перевернула страницу — и узнала себя. На белой лестнице в небо. В платье — невиданном здесь, воздушном, струящемся. Открытые плечи, за волосы — искрой зацепилась звезда. Она и не думала, что может выглядеть так. Воздушный дворец парил наверху, приветливо распахнув легкие, узорные двери.

Еще страница... перевернулась тихо, под шелест бумаги. Еще картинка. Лианна улыбнувшись, опять узнала себя. Знакомые деревья, водопад, солнце, запутавшееся в длинных, струящихся волосах а ниже... Книжка рывком отлетела прочь.

«Гад. Сволочь. Как... — выдохнула она, тяжело захватив ртом воздух, — я ему...»

Судорожно ощупала грудь. Раз, другой. Выдохнула, сообразив, что ничего гаденыш не подсмотрел, рисовал исключительно по воображению. А воображение у него... Убила бы...

Птица каркнула в вышине. Лианна тяжело затрясла головой, сложила руки, успокаивая себя. Не в ее положении кого-то убивать. Она у врагов, а ДаКоста — единственный здесь человек за которым ей можно спрятаться.

В воздухе мелькнула желтая искра. Лианна остановилась — вдруг, приказав себе замереть статуей. Забилося сердце в груди. Искра мелькнула, закружилась вокруг нее — разнося тревожное, глухое гудение. Оса. Священная оса — вестник ночной богини. Лианна прислушалась — звон хитиновых крыл звучало яростным:

«Мы идем»

«Похоже, — с трудом сдерживая дыхание выдохнула она, — похоже, месь ближе, чем кажется»

Свет первой звезды пробился сквозь щель в потолке, уколол ей глаза холодным, трепещущим светом.

Огни горели, пели на ветру эоловы трубы собора, в тон им, тихо, звенел струнами рояль — его как достали, так и оставили посреди площади в окружении толпы. Закатывалась солнце, высыпали звезды над головой — озорные, крупные, блестящие точки. Белый брильянтовый свет тек с черного неба вниз, на лица туземцев, мешаясь на щеках и скулах с рыжим, веселым светом костров. Звенела музыка. Звенела, переливалась поющая туземная речь. Хоровод голосов, лиц, радостных и усталых улыбок. А Ирины не было. Не было совсем. Эрвин начал уже волноваться. Убрал руки в карманы, стоял, поворачивался из стороны в сторону на каблуках, оглядываясь то и дело — не мелькнет ли среди охряных и белых курток синяя Ирина парада. Попадался на глаза, как на грех, один председатель — уже принявший на грудь стопку, веселый и жаждущий поговорить. Эрвин уже прицелился было — взять того за грудки и тряхнуть как следует, как вдруг по плечу сильно хлопнули:

— Привет еще раз. Что...

Договорить не успели. Эрвин обернулся — резко, брызнула мелкая галька из-под каблука. Сморгнул два раза. Да так и застыл, раскрыв рот. Пропала неизменная коса, знакомые волосы — разлетелись, легли свободно на плечи. Ласковой черной волной. Алое, переливающееся перо за ухом. И куртка на тонких плечах — уже туземная, охряная, с бахромой, расшитая по швам тонким, мерцающим бисером.

— Так и думала, что не узнаешь, — сказала ему Ирина, откровенно смеясь... Глаза поймали свет звезд, отразили — лукаво и весело.

...и улыбка ее — звездный свет, зубы — белый жемчуг на алом....

— Откуда? — тихо спросил он, собрав, наконец, дыхание.

— Миа подарила. Пока мы бродили — она как раз с местными договаривалась. У них тут неплохой швейный цех.

— Красиво, — только и выговорил Эрвин. И выругал сам себя. Таким бледным и несущественным показалось слетевшее с губ слово.

— Не то слово. Спасибо ей, — улыбнулась Ирина еще раз...

... Пламень рыжий взметнулся от ее глаз, стрельнув теплыми искрами в небо...

— Нет, ты посмотри... улыбнулась она... Вскинула руки, притопнула, повернулась на каблуках, подняв руки к чернеющему звездному небу.

.... Черные волосы хлестнули Эрвину по груди. Вихрем. Черным ветром, пряным от дыма походных костров. Взметнулись, поймав с неба нежную Спику и сердитый, огненный Альдебаран. Поймав, запутав и уложив их блеск на перо за ухом...

А рукав куртки — из кожи, мягкой, словно шелковой, тепло щекочащей пальцы. Мелким ворсом, каплями бисера. И теплой, доверчиво бьющейся под пальцами жилой. И не заметил, как взял ее руку своей. Хотел отдернуть... Но.... Пальцы будто прикипели, запутались в бахrome. И Ирина придержала его руку своей — так, что разом вылетели из головы странные, скребущие изнутри затылок мысли...

«Я будто забыл что-то важное»

Ирина улыбнулась опять, Мысль стинула прочь, улетела вспугнутой птицей. Она взяла его за рукав.

— Пошли, Эрвин. У людей праздник.

И впрямь — площадь перед собором звенела музыкой голосов и звоном стаканов. Песни

летели ввысь — одна за другой, гортанные, звенящие монистами голоса взмывались, отражаясь эхом обратно вниз от каменных стен и звенящего, звездного неба.

— Что за праздник то? — спросил он, аккуратно, собирая разлетевшиеся звенящими брызгами мысли.

— Алый цвет почернел, — сказала она на полном серьезе. Будто понятно все. Потом поправилась:

— Ой... — сказала она, сообразив, как дико звучат ее слова в переводе на грубое земное наречие, — и не знаю я. Просто... Когда цветок черный — собирать нельзя, у людей отдых.

— Почему?

Над ним засмеялись — звонким туземным смехом, мелодией колокольчиков — из за спины. Туземная девчушка лет... Эрвин даже вспомнил ее — не по имени. Старшая дочь местного кузнеца, он видел ее, когда они с Мией сдавали БТР на профилактику. Высокие скулы, яркие, сверкающие звездным светом глаза. И цветок в волосах — нежный, розовый, из тех, что росли, обвивая иконы светлого лика.

Туземка разразилась потоком мелодичных фраз. Засмеялась. Ирина вспыхнула. Эрвин не понял ничерта. Просто — повернулся к туземке спиной, улыбнулся Ирине, поймал взглядом свет карих глаз и сказал:

— Ну, раз так — пошли праздновать.

И они пошли. По площади звеневшей на сотню голосов. Мимо чинно выпивавшего за столом председателя и старого Яго. Эви махнула им. Прозвенели мониста. Третьим сидел отец Вениамин — он погрозил Эви пальцем, улыбнулся шутке, вздохнул.

Ладонь Иры в руке — теплая, легкая. Садится за стол — надо выпустить а не хотелось... Ничего не хотелось, разве что... Звенел окруженный стайкой туземок рояль, среди зеркальных лиц — белое, улыбающееся. Местные окружили Станислава, взяли вместе с роялем в плен. Мелодия сменяла мелодию — быстро, под веселый смех

— Потанцуем?

Музыкой в тон — простые слова в ответ:

— А давай. Только... только я местных танцев не знаю..

Но Эрвин уже загорелся. Развернулся на каблуках, на миг отклеился от Ирины, шагнул к импровизированному оркестру.

— Девочки, милые, а слабо на звездный манер сыграть?

В ответ — россыпь улыбок и звенящих показным возмущением голосов:

— Нам? Слабо? Мелодию давай, увидишь как нам слабо, звездный...

«Опс, — Эрвин с запозданием сообразил, что попал. То что плясали у них — дома, на съездах на крутом берегу Новой Лиговки — вряд-ли знала Ирина. А тому, что учила Ирина в доме у отца он и подавно не знал. Разве что...

— Ты знаешь южный напев? Тот, что в горах Семицветья танцуют?

«на свадьбах... — додумал Эрвин фразу. Мысль была кривая, опасная. Но звезды в небе — так маняще яркие, — К черту»

И просто кивнул. Ирине большего было не надо — улыбнулась, засмеялась внезапно — чему-то своему, грудным, переливающимся музыкой смехом. Потащила в круг. Звезды сверкнули в его глаза, отражаясь вихрем в зеркальных лицах.

Эрвин весь подобрался, развернул плечи, встал — в струнку прямой, страшный, с откинутой назад головой. Собрал руки на поясе. И вывел — хрипло, одним горлом — первые такты.

«...Ора да рада,
ора да рада,
ой да да...»

Местные подхватили. Мелодия потекла... Рваная, резкая, звенящая бубном на всплесках и протяжная, томительная — на редких, как в стремительной горной реке переливах. Шаг. Другой. Упрямо и прочно — лишь галька брызжет из-под ноги. Разворот. С прыжка всем корпусом. Пробили о грунт флотские сапоги — раскатом, грозной, тяжелой поступью. А Ирина всплеснула тонкими ладонями, плеснула в глаза бахромой и пошла — раскинув руки — в круг, выбивая звонкую дробь каблуками маленьких флотских ботинок...

.. И раскинутые руки ее изящны, как крылья, поступь легка и шаг такой — будто летит, а не кружится в танце...

... Птицей на вольном ветру. Грозном черном ветру, крыльями парят вольные, летящие волною волосы...

«...Ойся ты ойся, ты ж меня не бойся...» — вытягивало горло древний напев. В глазах у Ирины — шальное веселье и звездный, залиvistый свет:

«Боятся? Тебя? — пробили по земле каблуки, — Ты высок как склала, страшен и гремишь на ходу, точно Сотрясатель. А я — птичка. Озорная мелкая птичка. Но почему-то не хочу бояться тебя. Совсем...»

— ...я ж тебя не трону, ты не беспокойся...

Хорошая песня, но что за дурные слова... а если наоборот?

... Скала укроешь птичку? Ей хорошо на твоей груди...

Всплеснула музыка, взлетели в небо высокие рукава — поворот, резкий, на каблуках. Взметнулась вверх волосы, птичьими крыльями заплескалась в глазах бахрома. Пряный, кружащий голову дух хлестнул по ноздрям. Ирина повернулась, лукаво сверкнув на Эрвина глазами, прыгнула, прижалась вдруг к нему спиной на мгновение. Спиной — о грудь, Эрвину почудилось, что он слышит биение сердца. Звонко, в такт мелодии танца. Черное марево — по глазам. На миг, на один краткий миг, потом Ирина разорвала контакт и пошла опять вокруг — под музыку, в такт, улыбаясь. Звездный свет тек с ее глаз — пьяным, сводящим с ума потоком. Пьяным, хоть и не пил.

«.. я забыл что-то важное...»

Опять стукнула в голову мысль. Помнить бы еще — что. Эрвин стрельнул глазами по сторонам — аккуратно. Заставил себя — сейчас было больно терять Ирину из вида. Слева в глубине толпы. Движение, глухое, неясное. Какой-то долговязый туземный парень, и старая карга. Ругались должно быть — грубо, голоса клокотали вдали, ломая ритм и мелодию танца. Карга шипела, тыча пальцем в их сторону.

Вспомнился отец Вениамин.

«Должно быть бабка — тот самый халявщик и есть, — внезапно подумал он, — Ну ее, весь праздник испортит»

Не хотелось, до слез. Шаг вперед. Аккуратно поймать под руку счастливую, но уже немного запыхавшуюся Ирину, придержать, шепнуть тихо на ухо.

Первое, что пришло в голову:

— Пошли, покатаемся.

Бэха оказалась рядом, словно по волшебству. Мотор уже заведен и за рулем — тихая, незаметная сейчас Миа. Ирина почему-то полезла на место стрелка. Они с Эрвином там столкнулись плечами, да так и остались сидеть, оба — веселые, пьяные друг от друга. Бэха

тронулась — плавно, почти неслышно. Огни на башнях мигнули зеленым им вслед. На волнорезе вились, трепетали по ветру праздничные, белые ленты

После рвущейся музыкой площади — поле закружило, заложило уши звонкой, колдовской тишиной. Звезды над головой — яркие, крупные. Ирина задрала голову вверх — Эрвину на плечо, пряный запах волос щекотал и кружил ему голову. Подняла руку, выискивая на черном небе узоры созвездий. Эрвин чуть придержал ее — за талию, чтоб не выпала ненароком. Да и замер так... Над головами проплыла неяркая тень — Венус уходил за горизонт. Ирина засмеялась, показала небу язык.

Мысль снова стукнула, заскреблась в голове. Противно, до боли в затылке.

«я забыл что-то важное...»

Эрвин даже головою тряхнул — сердито. Надоела ему она. Была бы важная — не забыл бы... Ирина повернула голову — к нему, осторожно. Звездный свет плясал под веками и в уголке рта. Билась, стучала под пальцами жилка.

«к черту... завтра вспомнится, если важно», — борясь с желанием наклониться к этим губам пониже.

По броне прошелестела листва. Мягко так, убаюкивающее. И ярким желтым сиянием загорелись огни. Миа включила фары. Эрвин сощурился. На миг показалось — там впереди, в столпе туманного света — человеческая тень. Темные волосы, яркие, даже ночью глаза... Волк скалит пасть. Алый цвет течет с рук, взвиваясь в воздух нежными лепестками. Эрвин узнал ее — «светлый лик», белая половина ночной богини. Икона у леса, на месте стоянки утром. Далеко же они заехали. Ирина на полном серьезе кивнула светлому лику головой. Та... Эрвину даже показалось на миг, что икона улыбнулась в ответ. С нарисованных пальцев сорвался нежный, розовый лепесток. Завис, задрожал в воздухе, повернулся, гонимый ветром.... И упал — легко, Ирине на щеку. Нежно, будто погладил.

Миа запела вдруг — гортанный, резкий напев. Истошно взвыли выжатые в пол тормоза. Бежа дрогнула, качнулась вперед. Ирина выскользнула из его рук, покатила — внезапно. Эрвин рванулся следом — поймать. Почти успел, но... настил под ногой стал вдруг таким скользким...

...

Они упали вниз — оба. Скатились кубарем под откос, в облаке палой листвы и тонких, колючих веток. Невысоко, в заросли алого цвета. Прямо на мягкий, пружинящий под ногами мох. Друг на друга, голова Ирины — у Эрвина, прямо на широкой груди. Над головами тихо прошелестели шаги. Осторожные — Миа спустилась к ним, неслышно скользнув меж тянущимися на звук лепестками. Присела рядом, провела ладонью Эрвину по волосам. Пощупала пульс. Грудь вздымалась, оба были целы на вид, просто спали. Так действовал сейчас алый цвет. Алый, а в этот день — еще и с черной каймой по краю. Миа, присела рядом, осторожно разгладила Ирине волосы.

— Простите меня, госпожа, — проговорила она, осторожно. Голос звенел тихой, чуть слышной грустью.

— Простите. Хотела бы я оказаться на вашем месте сейчас. Но...

Миа подняла на миг голову, протянула руку. Алый цвет изогнулся, обходя ее ладонь стороной. Вздвогнув, упала ладонь, поникли плечи. Звездный свет скользнул по щекам — от уголков глаз вниз тонкою нитью.

— Все верно, — чуть слышно выдохнула она, — Это ваша судьба, не моя... простите...

Потянулась еще раз. К Ирине. Поправила волосы, расстегнула куртку и рубашку на

грудь — короткие, нежные жесты. Потом поднялась и пошла. Не обернувшись уже. Только — напоследок — бросила рядом с Ириной на мох ее старую флотскую парадку.

С дороги донесся тихий, раскатистый рев. Заурчал БТР. Негромко, вкрадчиво, будто утешить хотел хозяйку...

-

Ирине снился давний кошмар... Давний, пяти месяцев от роду: ее первый день на борту. Переборки, серые стены и тяжелая, захлопывающаяся за спиной дверь. Неживой, резкий, люминисцентный свет. Ровный, уходящий вперед коридор. Смутная тень в углу. Шаг вперед.

Старый кошмар.

У нее есть лицо — у тени из снов. Мягкое все, острое, как лезвие флотской навахи.

Пегги Робертс, офицер десантных войск. Это она узнала потом, а тогда — для Ирины из сна, это просто призрак. Безликий, с табельным номером на предплечье. Шепот в спину. Короткий, чуть слышимый звук.

«извини, девочка»

Ирина — тогдашняя ничего не поняла. Ирина — та, что сейчас — зашла в беззвучном, яростном крике. Бесполезно. Это уже было и это не изменить. Шаг вперед. Как противник лязгают о сталь каблуки. Герметичная дверь позади падает вниз, глухо, как нож гильотины.

«именем федерации...»

Справа и слева от нее — неровный, глухо шумящий строй. Таких же как она... пассажиров, принятых на борт «Венуса» на рейс до Земли. Парень справа — незнакомый, высокий, с ежиком светлых, плохо поддающихся расческе волос. Почему-то он улыбнулся ей, сказал тихо.

— Привет. Я...

— Эрвин, я знаю... — Ирина — сегодняшняя хотела улыбнуться, Ирина — тогдашняя просто вздернула нос. Все равно, тогда договорить им не дали...

Впереди — высокий человек в синей форме флотского офицера. Лист бумаги в руках:

«Именем федерации и властью...»

Ирину передернуло. Обоих. Ту, что стояла там вчера — от возмущения, ту что смотрела сон из сегодня — от страха и запоздалой вины. Горстке пассажиров читали флотский устав. Дочитают — и все, с последней буквой из пассажиров и свободных людей они превратятся в серую — синюю точнее, форменную массу. Бесплатное приложение к механизмам корабля. В порядке изощренной насмешки — названную «волонтерами флота»

Шаг вперед. Еще. Прямо на офицера. Глаза в глаза.

Та-что-видела-сон сегодня зашла в диком крике. «Стой. Не ходи»

Собственный голос. Непривычно слышать его — так, со стороны. Во сне. Дрожащий, ломающийся на высоких тонах голос.

«вы не имеете права».

Той-что-видела-сон, даже стало смешно. От собственной тогдашней дурости. Права они не имеют, как же, на своем собственном корабле... Просто предосторожность, бездельник на борту — страшной атомной бомбы. Да и...

Еще шаг. «Стой», — холодный офицерский окрик. Поздно. Та-что-злилась-тогда закусил удила, шла вперед, прямо на офицера.

И собственный, отчаянный вопль... Из сна — себе самой — назад.

«Остановись, ты ничего не изменишь...»

Сейчас офицер рывкнет «к порядку», железная десантница еще раз вздохнет и в ангаре

начнется безобразная драка. Эрвин получит в лоб. Бронированной перчаткой — он тогда полез вслед за ней. С голыми руками. На десантную броню. По стали — звонкий лязг каблуков. Еще шаг. Та-что-тогда явно хочет залепить офицеру по морде.

«Стой, — рывкнула та, что видела сон. Самой себе, — зря парня подставила, дура...»
— Майор, восстановите порядок.

Десантница отлипла от стены. Лязгнули бронированные сапоги. К ней. Еще шаг. Белобрысый парень....

«Эрвин, — рывкнула на себя та-что-видела-сон, — его Эрвин зовут»

Бесполезно. Познакомятся они только потом, через два часа, очнувшись за решеткой на гауптвахте. А сейчас Эрвин встал, перекрывая путь бронированному гиганту. Путь к ней.

— Назад, — крикнула та-что-видела-сон, — назад, ничего не изменишь...

— Почему? — десантница остановилась вдруг. Замерла, пожав железными плечами, — почему это вдруг не изменишь?

Повеяло ветром. Пряным, шуршащим, лесным — невозможным здесь, в царстве стали, стекла и дезинфицированного воздуха. Не может быть. Тогда.... Этого не было — тогда.

— Ну и что? — усмехнулась вдруг железная Пегги. Мир перед глазами «поплыл». Дурная предопределенность уже бывших событий треснула, ломаясь на ее глазах. Броня опала с Пеггиных плеч. Закрутились, потемнели волосы, разгладилось на глазах лицо. Шаг вперед. Уже не Пегги из сна — «ночная» улыбнулась ей светлым ликом. Дунула — и пряный цветочный вихрь сорвался с рук. Закружился, сметая с глаз серость корабельных стен и унылую синь униформы.

Вихрь поднял Ирину, закачал на руках — нежно, будто убаюкивая. И унес прочь. Прочь из дурного сна, к миру под яркими звездами.

Ирина открыла глаза. Уже не там, в серой ловушке сна, а здесь — в яви, посреди пряного, звенящего тишиной южного леса. Звездный свет уколол глаза. И нежное, голубовато-зеленое, таинственное мерцание — светились грибы, облепившие над головой старую, обросшую зеленым мхом корягу.

Прошлое поправить нельзя, настоящее — можно...

Колыхнулась голова. Слегка. Ирина поднялась, сообразив, что лежит прямо на Эрвине. Затылком — на широкой груди. Тот еще спал. Тяжело, метаясь, поворачивая голову и шепча что-то во сне. Дрожали уголки глаз, дергалось веко — слегка. Ирина улыбнулась. Кружилась еще голова, по телу плыла истома и пряная, нежная легкость. Алый цвет упал на плечо, припал к запястью пятью острыми лепестками. Нежно, будто поцеловал.

Эрвин шептал во сне. Снилось что-то дурное, страшное — до того тяжело, натужно двигались побелевшие губы.

«Иришка... нет... — а потом вдруг пошло непонятное: — птичка-галочка»

Она почему-то улыбнулась — еще раз. Пощекотала ему нос, дунула, погрозила пальцем чужому кошмару:

— Птичка-галочка видите ли... Орлану пожалуюсь, он как клонет — и нет птички-галочки... А ну, сгинь, не смей мне Эрвина обижать.

А губы у него обветренные, жесткие, пахнущие потом и смазкой. Завораживающе, сильно, до стога в груди и враз сбившегося дыхания. Эрвин открыл глаза. Дернулся, привстал на локтях, попробовал подняться. Ирина улыбнулась, толкнула его назад. И — сметая кошмар — хлынули, разметались по лицу и груди Ириныны черные волосы.

То, что было дальше, видели звезды, южная ночь и старая, брошенная на мох флотская

куртка...

— Простите, господин, пока не нашла.

Звук был таким неожиданным, что Дювалье даже вздрогнул — настолько его мысли сейчас были сейчас далеко. Далеко от летающего дома, парящего в ночном небе над джунглями, от кабинета, высокого панорамного окна и Эммы Харт, возившейся рядом. Просто так, Дювалье вызвал ее час назад — починить робота-стюарда. Да и забыл, стало не до того.

Пришли новости, внезапные и дурные до зубовного скрежета.

«Союзники, мать их разматать... - шептал он, подбирая в уме подходящее по смыслу ругательство. Покрепче, лучше из флотского, подслушанного за время поездки на Землю, лексикона. Как тогда ругалась крановщица корабля, обнаружив, что юные пассажиры от безделья перевернули порталный кран?

«Чтоб вас приподняло да на стрелу насадило?»

Примерно так Дювалье и хотелось выразиться сейчас, глядя на ровный белый экран с пробегающим по нему сообщением. Буквы мигали, тревожно, складываясь в слова. Союзники почтительно извинялись и требовали отложить операцию на неопределенный срок. Отлаженную и просчитанную до мелочей операцию. Их тяжелое вооружение, видите ли, застряло в болоте. Как будто первый день здесь.

Дювалье не сдержался, сказал вслух пару слов. Из лексикона той же крановщицы. Операция назначена, приказы розданы, парни уже на позициях — а делать нечего, придется сидеть и ждать. Без тяжелых пушек, способных задавить огнем «комму ахт» у Фиделиты ему делать нечего. Разве что... Но союзничков надо научить вежливости, как ту крановщицу.

— Простите, господин, я так и не нашла...

Опять Эмма Харт. Решила, что Дювалье с ней сейчас говорит, дуреха. Но обращается почтительно, можно и поощрить. Все равно по милости «союзников» делать ему сейчас нечего.

— Яснее, пожалуйста. Чего не нашла? — кратко спросил Дювалье, решив, в итоге поднять на Эмму глаза. Та поймала его взгляд и застыла как стояла — у окна, уставясь на Дювалье большими недоуменными глазами.

— Смысла. В картине. Вы спрашивали день назад, господин.

— Ах, да... — усмехнулся про себя Дювалье, насилу сообразив о чем речь.

— Вы спрашивали о картине на стене. Я проверила, перерыла всю сеть. Это Малевич «черный квадрат». Картина древняя, дорогая и, несомненно, ценная.

— Еще бы... — хмыкнул про себя Дювалье, вспоминая, во сколько обошлась доставка.

— Но смысла... простите господин, я перерыла всю сеть, включая конфиденциальные источники. Добралась до лингвистического анализатора и шифровального центра при губернаторском дворце — но их помощь не дала ничего. Сожалею.

«Она что — серьезно?» — у Дювалье невольно дернулась бровь. Похоже на издевку, но... Дювалье пригляделся и понял, что девчонка не шутит. Глаза, вон, в пол убрала, голову опустила. И колено чуть, но дрожит. Боится? Переживает? Похоже на то. В пальцах прошелестел листьями блокнот. Дювалье поставил еще один жирный плюс и кивнул. Улыбнулся ласково — сейчас он не хотел ее еще больше пугать. Ему не нравились люди, которые смысл в Малевиче на раз находили.

— Корабельные системы мощнее, но у меня к ним доступа нет. Извините.

Это было так искренне, что Дювалье не выдержал — улыбнулся опять. Такая наивность требовала поощрения.

— Не переживай, — сказал он, держа тот же ласковый тон, — Просто ищи дальше, он там есть. Абим, вон, десять лет носом роет, старается. Еще расстроится, если его обгонят. Лучше скажи...

Он замялся. На миг. Разговор был дурацкий, шутовской, больше от нечего делать. Но... портрет отца сверлил его глазами с противоположной стены. Холодно, тяжело — явно недаром, Неспроста. Что-то важное мелькнуло на миг в наивных, до слез, словах трущобной дикарки.

— Кстати, — начал он, сообразив вдруг — что именно.

— Ты сказала про шифровальный центр. Тысячеглазый, но как?

— Это колониальный центр связи, не флотский. Ничего важного там нет, господин. Сожа...

— Не надо, ты молодец. Вход был зашифрован. И моим не удалось его взломать. Я хочу знать — как?

Эмми замешкалась, подбирая слова. Подняла взгляд — и начала объяснять, четко подбирая слова.

— Это колониальный административный центр и софт в нем тоже — адаптированный федералами для колоний. На практике это означает, что в каждой программе минимум по три служебные закладки.

— В каждой? По три?

— В каждой, господин. Минимум три, иногда куда больше. Федеральная налоговая служба, офис генерального комиссионера, космофлот. И они здорово мешают друг другу. Информация в колониальных системах течет как сквозь решето....

— Течет, говоришь... — сухо проговорил Дювалье, задумчиво перебирая пальцами по столу... Шелкнул ящик стола. Деревом о дерево — чуть слышный, отрывистый стук. Прозвенел металл. Эмми вздрогнула — осколок скользнул по щеке, оставив под глазом короткую алую полосу. И замерла. Повернула голову — медленно и аккуратно.

— Уже не течет, — коротко бросил Дювалье, бросая пистолет обратно, в ящик стола. Робот — стьюарт, застыл — неподвижной, серебряной статуей. Мертвой уже. Из основания шеи сочился тонкий, сизый дымок. Пуля прошла точно, сквозь мотиватор.

— Он же дороженный... — вдохнула Эмми, аккуратно переводя дух. Дювалье отмахнулся — лишь, ответил с короткой улыбкой:

— Был. Человек на его месте будет надежнее. Продолжай.

Эмми кивнула, собираясь с мыслями. Запах путал голову, противно щекотал нос — цветов, изоляции и горелой проводки. Дювалье — напротив — черный как ночь, желтый свет с потолка тонет и вязнет в угольной сетке морщин под глазами. Задумался на миг. Потом дерево щелкнуло опять и в ладони у Дювалье повернулся широкий экран — сверкнул Эмми в лицо неживым, зеленым мерцанием.

— Посмотри, эта система тебе знакома?

Эмми пригляделась — схема на экране была знакома и впрямь:

— «Комма ахт», армейский стационарный оборонительный комплекс. Устаревший уже.

Эмми замялась на миг. Тонкие пальцы невольно дернулись, словно пробежали по клавишам. Дювалье усмехнулся — широко во весь рот и толкнул ей в руки клавиатуру.

— Комплекс устаревший, списан и адаптирован к продаже в колонии, — сказала Эмми наконец, спустя пять минут сосредоточенного стучания по клавишам.

— Вижу серийные номера. Списаны по акту, адаптированы, проданы и смонтированы на новом месте. Покупатель — некто фирма «БВ»

— ... прокладка под орден Иисуса Сладчайшего, — буркнул под нос Дювалье, — и так знаю, не отвлекайся. Что значит — адаптированы к колониям?

— Значит, что армейский софт стерт, на его место установлены колониальные программы.

— С закладками?

— Разумеется, — ответила Эмми, четко, даже чуть обиженным тоном. Говорила же уже, мол, зачем повторять очевидное. Правда, поправилась сразу.

— Извините, господин. Да, конечно.

— То есть... — черные пальцы машинально пробарабанили по столу, — то есть удаленно отключить сможешь?

— Да, господин.... - уверенно сказала Эмми. Стук клавиш — музыкой по ушам. И тут же расстроенный выдох:

— То есть нет. Сетевые адреса есть, порты назначены, но не отвечают. Должно быть, неучтенная в акте модификация.

(на самом деле — троерукий Хуан в Фиделите не смог понять, зачем орудийным башням две антенны вместо одной. Погадал, почесал механической рукой в затылке да и снял лишнюю, по его мнению, деталь. Хорошая получилась удочка)

— Бывает, милая, ничего страшного. Иногда враги умнее, чем кажутся.

— Подождите, господин. В глобальной сети установки отсутствуют, но в тактическую они соединены. Обмен идет — я вижу на сканере. Возможно, удастся влезть...

Еще минута сосредоточенного стука пальцев по клавишам — и опять разочарованный вздох:

— Не удастся. Приемники слишком слабы. Если только из непосредственной близости.

«Она хоть знает, о чем говорит? — с непонятым себе раздражением подумал вдруг Дювалье, — впрочем, откуда ей. Эх, люди...»

А в голос сказал:

— Иди. Возвращайся к себе, разверни систему и жди сигнала. Будет тебе... непосредственная близость...

Вышло двусмысленно — щеки Эмми полыхнули огнем. Мягким шелестом по ковру — каблуки. Стукнула дверь. Ушла. Полетела на крыльях.

«Только не та, что ты думаешь», — подумал ей в след Дювалье, гадая, откуда взялось раздражение в мыслях.

В эту ночь ДаКоста напился. Основательно, в лучших традициях космического флота земной федерации — в дюзу то есть. Точнее, в противозенитный маневр — его ноги и впрямь описывали по земле кренделя, сильно напоминавшие маневры флотских истребителей. Только те в синем небе а он — на твердой земле, на пыльной, пахнущей пылью, смазкой и пряной травой улице Фиделиты. Меж двух зеленых, обвитых лозой заборов. И оба, попеременно, так и норовили толкнуть матроса под ребро или бросится, внезапно, под ноги.

ДаКоста остановился, на полном серьезе погрозил левому забору кулаком. Лоза и доски штакетника ему не ответили — по понятным причинам. Лишь сверкнули в звездах цветы.

Маленькие розовые, алые и белые цветы — густо, один к одному по верху забора. Звездный свет бежал по лепесткам, мерцал на каплях росы — казалось, цветы ему подмигивают.

— И нечего издеваться, — на полном серьезе сказал им ДаКоста. Язык заплетался, конечно, но — слегка, матрос мог собой гордиться. Учитывая количество выпитого — он еще очень даже трезв. И вообще. Может отдохнуть честный матрос славного космического флота?

Цветы гордиться матросом не спешили. Явно. Наоборот. Качали головами — соцветиями на легком ветру, кланялись — издевательски, как показалось ДаКосте.

— Вот возьму и сорву, — на полном серьезе сказал цветку ДаКоста. Шип уколол руку, боль хлестнула по нервам, прочищая туманные от водки мозги. Глухо рыкнул ящер — длинношей Чарли из озера наклонился, замотал на ДаКосту рогатой башкой — сердито. ДаКоста уже отступил, поднял руки — понял, мол, не дурак. Но розовый цвет — маленький, аккуратный, остался в ладони.

В уши хлестнул женский смех. Короткий, беззлобный в общем-то, залиvistый. Звенел рояль вдалеке — за углом, на площади еще гуляли. ДаКоста встряхнул головой, сообразив, что стоит как дурак — с цветком в руке посреди пустой, пыльной улицы.

«Куда пойти?» мелькнула дурацкая мысль. Душа после водки жаждала подвигов. И площадь недалеко. Пообщаться с местными?

— Э, нет, спасибо, Эрвин уже пообщался, — мотнул головой моряк, отгоняя дурацкую мысль, — с месными ухо остро, Эрвин, вон, бедолага, аж пить бросил...

Загудела оса. Под ухом, залиvistо, грозно. Большая, полосатая желтобрюхая тварь зависла под самым носом. Капля яда — на жале ее и брюхо светится в ночи, мерцает колдовским светом. ДаКоста сморгнул. Раз, другой. Даже пьяная пелена исчезла из глаз, разорванная гулом хитиновых крыл в клочья. Оса обернулась, облетела вокруг его головы. Раз, другой — близко, царапая кожу. ДаКоста изумленно сморгнул — на миг показались, почудились слова в грозном гудении крыльев. Оса сделала еще один круг. Потом заметалась, зависла в воздухе и полетела прочь, в темноту. ДаКоста встряхнул головой. И — как был, с цветком в руке — зашагал в след, ловя глазами желтое мерцание осиногo брюха. Все ускоряя и ускоряя шаги. Звездный свет лился с неба, мигал в глазах, водил пьяный хоровод в голове. Оглушительно хрустела под сапогом мелкая галька. С башен «коммы ахт» на холме мигнул зеленым сигнальный огонь. Знак «все в порядке», но уверенности он сейчас ДаКосте не прибавлял. Наоборот — неживое, ритмичное мерцание в пряной ночной тишине выглядело жутко.

Шаг, другой, поворот. Желтая искра во тьме парила — впереди, не позволяя себя догнать, но и не убегая. ДаКоста ускорил шаг. Непонятно, зачем, в пьяной голове не осталось места для мысли. Искра мигнула и пропала вдали. Внезапно, стоило матросу моргнуть — и все, была и исчезла. ДаКоста огляделся вдруг — недоуменно, пытаясь понять, куда же он попал. Ноги вынесли его на окраину Фиделиты, к самому подножию холма. «Комма ахт» мигала вверху, почти над его головой, полосы света ложились зеленым маревом — на землю, лицо и руки. Тишина — плотная, вяжущая слух тишина. Даже рояль вдали умолк — гулянка на площади прекратилось.

ДаКоста обернулся на каблуках — раз, другой, недоумеваая. Прошипел под нос:

«Чего я здесь забыл?»

Ни звука в ответ. Лишь голова загудела, запульсировала в висках тупой, пьяной болью. Налетел, взьерошил волосы теплый ветер. Чуть в стороне, по левую руку — длинный ряд

одноэтажных деревянных сараев. Крайний, вроде, знаком. И точно — это туда они с Эрвином днем закинули отрядные пожитки.

Матрос махнул еще раз рукой, неведомо кому и шагнул туда — спать, раз больше ничего не оставалось. Прошел, качнувшись, мимо забора, постоял, толкнул широкую дверь. И услышал — внутри, в темноте — знакомое, глухое жужжание. Дернулось веко, заныла голова. Рука невольно пошарила в темноте справа. Вроде бы туда он сегодня утром закинул флотский шотган. Знать бы еще зачем. Пальцы легли на цевье. ДаКоста непонятно чему улыбнулся, подхватил одной рукой верный «мир» и шагнул наугад. Желтый, мерцающий свет сочился из щели в дальней стене. Гудение, вроде, стало басовитей, четче. Голова — кругом, в висках билась бравада и спиртовая, тяжелая хмарь.

Треснула задняя дверь, разлетевшись в щепу под кованными сапогами. Испуганный визг.

— Ой, мать моя... — прошептал ДаКоста тихо, застыв в дверях. Тихо, с пьяной улыбкой на лице. Последнее, что он сейчас хотел — это напугать до смерти Лианну. Посреди комнаты — застывшую соляным столбом. Осы парили в воздухе, вели вокруг нее хоровод, желтое мерцание крыл плясало бликами, ложилось ей на лицо яркими тревожными полосами.

— Эй, ты чего? — окликнул он, шагая ближе. Ногу повело. Веки дернулись, глаза сомкнулись на миг. А потом был удар, опрокинувший его на пол, в беспамятство.

— Скотина... скотина пьяная, — прошипела Лианна — тихо, сквозь еще стучащие от бешенства зубы. Герой, мать его. Вломился — глаза косые, безумные, аж на ногах не стоит. Рожа — у пьяных она вообще страшная, а у ДаКосты сейчас — вдвойне. Мятое, высушенное кораблем. И розовый цвет в руке — цветок ночной богини. Цветок предложения. А в другой — шотган, видимо, чтобы она, Лианна, не медлила с согласием. Стукнуло дерево. Дубина выпала из ее руки. Осы зажужжали вокруг, завертелись в танце. Лианна кивнула, наклонилась, столкнула бесчувственного ДаКосту в яму в углу. Не удержалась, пощупала — дышит. Уж больно детское стало у парня лицо — сейчас, когда беспамятство стерло пьяную удаль. Розовый цвет так и остался в руке. А на щеках — россыпь мелких, рыжих веснушек.

«Ну и ночная с ним», — пожалала плечами она. Отодвинула в угол, накрыла, с глаз подальше, брезентом, выпрямилась. Осы гудели, бились о потолок, выбивая слова звоном хитиновых крыльев:

— Жди... Скоро...

Замерцало в углу. Тем же желтым, неярким светом, но — ярче, отчетливей. Полоснул по ушам резкий, басовитый гул. Клубок ос влетел, распался у Лианны над головой, уронив пластиковую коробку ей на руки. Небольшую, со спичечный коробок.

— И что? — спросила она, поводя из стороны в сторону глазами. Глухо щелкнула под пальцами кнопка. Мигнул огонек.

— И что? — повторила она, все так же недоуменно озираясь

— И все, — прошептала под нос Эмма Харт, у себя, в гостевых комнатах летающего дома. Усилитель доставлен, сигнал пошел. Дювалье будет доволен, а главное... Пальцы дернулись, невольно погладили обивку кресла. Мягкая замша, приятный бархатный блеск. Экран мигал ей в глаза, отсчитывая проценты готовности.... 98, 99... Дернулось сердце, приятно заныло внизу живота. Главное — у нее, Эммы Харт, будет хороший шанс — закрепится в этом доме покрепче.

..100...

Ready

Ввод...

По лицу Лианны пробежал желтый огонь. Желтый, потом рубиновый, алый... Моргнул, отразился от рук — кровавым, тревожным отблеском. И погас. Упала тьма. Лианна осторожно выглянула на улицу сквозь щели в стене. Угловатые башни «коммы ахт» чернели в ночи. Мертво — огни сигналов погасли.

Желтый мигающий огонек электрической лампочки, белые листы, приятный глазам полумрак и — по бумаге — неровные рукописные буквы. В два ряда, от руки разделенных вертикальной чертой. Слева витиеватые туземные руны, справа — торопливые, спешащие вдалеку буквы земного алфавита:

«...Войди в неё медленно, осторожно,
лелея ещё нерождённый стон.

Не нужно вопросов,
пустые "можно"
всегда подождут
до иных времён.

Войди — и ты станешь другим и новым,
забудь всё, что было — есть только миг,
забудь даже слово, которым скован,
да и какое тут, к чёрту, слово,
когда мир огромен и многолик,
когда ты томительной жаждой полон,
и в эту минуту почти что бог,
когда твои руки рождают волны,
и волны исполнены силы тёмной,
и силе не нужен уже предлог.

Войди в неё — медленно,
осторожно,
откройся навстречу и донага.

Не медли больше,
справляясь с дрожью,
не прячь свою жажду...

Она — река...»

(здесь и далее — стихи И.Валериной)

Кольнуло сердце. Тихо, на слове «река». Отец Вениамин невольно потёр грудь под рясой, помянул тихой улыбкой балбеса-Станислава, подсунувшего ему такое на перевод. Старый туземный гимн, песня ночной богини — еще из старых, языческих времён планеты. Времён, когда драконы были большими, люди — маленькими, а ночные лики ещё не примеряли христианские песни и имена.

«Ладно, орденский сборник и не такое печатал» — улыбнулся тихо отец, вымарывая на листе криво переведённые обороты. Протер слезящиеся по-стариковски глаза. Прикрыл на мгновенье ладонью. Перед глазами потекла, закачалась — как слово из гимна — река. Только не местная, широкая, желтая и ленивая. Черная, быстрая, звенящая на перекатах. Будто лезвие в ножнах — в оправе блестящего, колкого льда. Баллюстрада, высокий, поросший черными елями склон под ногой. Морозный ветер в лицо, бой часов с ратуши, кресты доминиканского монастыря — и, напротив, на западном низком берегу — высокие трубы заводов. Разбередил ностальгию туземный гимн. Прошелестел желтыми листьями календарь на стене. Одна дата обведена жирной каймой. Опуск...

Календарь был старый, десятилетней давности. Подчеркнутая дата прошла и давно. Отец Вениамин протер глаза еще раз. Хуан запорол план тогда, церковное начальство из далёкого Сан-Торреса метало по радио громы и молнии, стучало по столу сапогом и грозило переименовать поселок из Фиделиты в «сорок лет без урожая». Хуан ругался в ответ, грозил записаться на денёк обратно в язычники — и дать всем жару. Всех разнести и вернуться назад, в истинную веру. Так и не поехал отец Вениамин тогда. И на следующий год — не поехал тоже. Хуану тогда стукнуло в голову перестроить собор... Ладно, ностальгия — пустое, а спать пора... Завтра — как пить дать — поднимут с утра пораньше тихим стуком в окно. Тари зацвел — вот и завалятся с утра, обязательно. Кто-нить из местных юнцов с такой же юной лоботряской — тихо, под руку. Уберут в пол глаза, неумело пряча счастливую улыбку. И скажут, что они случайно, совсем. И рожи у обоих будут в тонкой, еще пузырящейся от зеленого сока вязи. И счастливые... Такие, что придется церковь открывать, делать нечего...

С улицы донесся тихий, неурочный для времени звук — треск забора, стук и тяжелое бряканье. Железо о железо, глухо, сквозь вязкую летнюю тишину. И хриплый голос — ругательство.

— Кто там? — шепнул про себя отец Вениамин, вставая из-за стола. Опять кольнуло, забилось о ребра старое сердце

— Звездные что ли? вчерашние гости? — подумал он, имея ввиду Эрвина с Ириной, — да нет, их бэха как раз в сторону созревшего куста увезла. А «тари» до утра никого не выпустит.

Он не успел закончить мысль. Дверь в комнату дернулась, слетела с петель — хлипкая деревянная дверь. Человек на пороге — высокий, затянутый в полевое хаки с перечеркнутой молнией на рукавах. Шляпа на голове. А лицо красивое — как у греческой статуи. Аполлон...

«В переводе — убийца»

Сверкнула вспышка. Сердце в груди вспыхнуло, задрожало от боли — и встало. Пуля прошла навывлет, разорвав и подкинув в воздух листы на столе.

Белые, как снег над чёрной водою. Река подхватила отца Вениамина на руки и понесла... черная, быстрая, в оправе блестящего льда....

Убийца усмехнулся — коротко, закинул короткоствольный полицейский «скорпион» на плечо и бросил пару слов коммуникатор.

— Путь чист. Кванто кхорне...

Взвыл мотор... Один, потом другой, третий — оглушительно, резко.

Смерть пришла в Фиделиту...

Она пришла ночью, под рев моторов, лязг стали и дробный перестук автоматных очередей. В ледяном, фосфорном свете — над головами первой волны Дювалье пустил беспилотные дроны. Мелкие, жужащие моторами летуны — их прожектора били вниз — ярким, немигающим светом. Будто тысячеглазый зверь, тот, что так часто поминал Дювалье, взглянул на поселок сверху. Воины выскакивали на пороги домов, передергивали затворами, всаживая пулю за пулей вверх, в эти стальные, немигающие глаза. И падали, скошенные огнем штурмовых «скорпионов». Штурмовики шли низко, пригибаясь к земле, выкашивая все вокруг длинными очередями. Четыре «коня апокалипсиса» — лёгких открытых джипа — проскочили поселок насквозь. Нахрапом, под рев сирен, слепящий свет фар и истошное завывание дизеля. И замерли на площади, развернувшись бортами на четыре конца, поливая

близлежащие улицы огнем тяжелых лазерных установок. Белые и алые, тонкие лучи плясали, снося опоры, кромсая на части жестяные крыши, цветочные палисады и выбегавших на улицы людей. Один луч чиркнул по собору, сбив крест. Полоснул каменную громаду лучом еще раз — уже просто, забавы ради. Колокольня дрогнула и осела вниз — с грохотом, выбросив в небо серый столб пыли. Штурмовик в кузове засмеялся, сбил шляпу на лоб. Подломила и рухнула деревянная крыша. Западный ветер взвыл — будто закричал, забился в эоловых трубах. Камень — огромный, угловатый булыжник — сорвался вниз, ударился о землю, перевернулся, подлетел в воздух. Ударил штурмовика в лоб — с маху, как конь копытом. И упал на землю опять, весь красный от крови. Рукоятки лазгана подхватил второй номер — ослепительный луч не замер, лишь злее заплясал по земле, обращая в дым палисады, плетёные дома и крепкие, крытые железом сараи... А с околиц накатывался, плыл в воздухе глухой, скребущий за душу рев.

Кванто кхорне.

Основные силы нападающих шли от холмов к центру. Густыми цепям, почти толпой — суровые, раскрашенные дикари с молнией, перечеркнутой на зеркальных лицах. Шли в полный рост, снося все, на своем пути, буквально заваливая редкие островки сопротивления лавиной свинца из своих потрепанных, длинноствольных винтовок.

У околицы их впервые остановили — старый, раздолбанный грузовик влетел с ходу в толпу, замер, дребезжа пробитыми скатами и взорвался, плеснув по сторонам потоком огня и серого, чадающего дыма. Строй разорвался, атакующие заметались, потеряв порядок — как курицы, кто-куда. От домов грянул залп, потом еще один. С полдюжины фигур упало — черными кучами, тенями, на фоне рыжего огня.

Седобородый, кряжистый деревенский мужик — поселковый кузнец удовлетворенно хмыкнул, передернул затвор ружья и крикнул, прислонив ладонь к рту, сыновьям — не теряться, мол...

— Не робей, таким мы еще надаем...

И упал, булькнув кровью из пробитого горла. Упал и умер, не окончив фразы. Разметалась по песку борода, на ходу меняя цвет — из белого в алый. Сбоку, от рощи, фигуры защитников были ясно видны — черные тени, контуры в слепящем прожекторном свете. Уарра-воин передернул затвор ружья и — быстро, почти не целясь — послал еще пять пуль. Пять теней сложились и рухнули — пятнами мрака во тьму. Пять человек упали. В воздух рванул женский крик — яростный, потом истощенный, потерянный плач. Тут же затерявшийся, забитый грозным боевым кличем нападавших.

Уарра перевернул оружие, поцеловал подаренный Абимом оптический прицел и скользнул от обреченного дома прочь, бросив в коммуникатор на ходу.

— Западный сектор чист... Кванто кхорне...

Латинист, Станислав Лаудон так и не лег в ту ночь. Вначале дела, потом праздник на площади, где местные его быстро и непринужденно припахали поработать за пианиста, потом мелкая Маар. Девчонку таки устроили отцу Вениамину в школу. И пошло — объясни мелкой лесной бестии, что такое школа, зачем нужна, и кого там надо слушаться. И посему нельзя представляться законной женой Эрвина Штакельберга, да. Последнее произносилось задрав нос, гордо, со всеми четкими туземными огласовками. То есть с коротким горловым щелком в начале, означающим «Неопределенно — будущее время» и сочащейся оптимизмом руладой «но никуда не денется» в конце, И поди объясни, что сделает со всеми этими нюансами универсальный, флотского образца, переводчик. Полностью автоматический и

тупой, как полено. Когда заревели моторы вдаль — Станислав даже обрадовался. Подумал сперва, что Эрвин вернулся — его «неопределенно-будущая» жена, пусть сам с ней и разбирается...

Но потом сквозь рев моторов пришло таканье — тупое и резкое. И женский крик — рванул воздух, взвился и оборвался бульканьем на высокой ноте. Заскрипел, закачался дом, с крыши за шиворот посыпались острые белые щепки. Станислав вздрогнул и — как был, с места рванул на улицу — куда глаза глядят, прочь, подальше отсюда. И Маар подхватить не забыл, схватил за плечо, дернул — резко, до боли в плече и жалобного, протестующего вопля. Выволок на улицу. За спиной — грохот и оглушительный треск. Рухнула крыша. Острая щепка скользнула, оцарапала шею. Станислав вытер кровь и замер, поняв, что торчит посреди улицы как последний дурак... А штурмовики идут по околицам — на разных сторонах, по двое, все одинаковые. Высокие шляпы и дикие темной ночью очки. А на ремнях — короткие, странные здесь автоматы. Еще кто-то выскочил на улицу вслед за Станиславом. Бестолково, прямо под ноги штурмовикам.

Станислав оружия от роду не носил. Во-первых, преподавателю латыни оно не нужно, во-вторых, людям на то и дан язык, чтобы договариваться, разве нет?

— Нет, — подумал про себя Станислав, глядя, как легко перечёркивает человека автоматная очередь.

Заревел двигатель, истошно взвыли тормоза. Из за угла вылетела машина — поселковый, разбитый в хлам грузовик с крестом и деревянным коробом вместо капота. Развернулся — с ходу, кузов закрутило и занесло. Штурмовики попрыгали кто куда, мигом утратив вальжность. Один не успел — бампер зацепил его в полете, смял и кулем бросил вниз. Взвыли тормоза — опять, истошным, яростным кличем. Машина замерла — на миг. Мама Кураж за рулем — махнула рукой, закричала — резко, не выбирая выражений. Грянули выстрелы, от капота отлетела белая, острая щепка.

Станислав встряхнулся и — резко, откуда силы взялись — закинул мелкую Маар в кузов. Запрыгнул сам. По ржавому бамперу — россыпь искр, ярких, злобных огней. Штурмовики опомнились, открыли огонь. Грузовик рванул с места — резко, плюнув черным дымом из-под колес. Станислав едва успел перевалить через борт. Машина исчезла за углом, прежде, чем парни в черных очках успели поправить прицелы.

Они пролетели площадь — газ в пол, на полном ходу, под визг и грохот покрышек. Стрелки на джипах не успели ни спрыгнуть, ни перевести огонь — тяжелый трехосный грузовик вылетел прямо на них из облака пыли. Лязгнула сталь, машину подкинуло и занесло. Разлетелся деревянный капот — на куски, резко, бросив Станиславу в лицо облако белой острой щепы. Страшным, протяжным тоном — лязг смятой, раздираемой бампером жести. И бульканье из кресла рядом — тихое, страшное, горловое... Мир на глазах пошел кругом, полосами желтого и рыжего света, каруселью дымных полос — машину закрутило и занесло... Станислав — не понимая, что делает — потянулся через сидение, выпрямил руль... Пальцы скользнули — баранка в руках, стала почему-то такой липкой. На кресле рядом хрипела и билась мама Кураж. Кровь лилась — с пробитого горла. Очередь в упор... Станислав рванул руль опять — влево, уводя машину от столкновения. Свернул в переулок — руль плясал и бился в руках, задний бампер лязгнул, снеся нарядный, увитый яркими цветами палисадник. Еще поворот. Штурмовики бежали, «скорпионы» в руках стучали яростно, густо, длинными очередями. Напротив — школа, высокий бревенчатый дом. И из окон в лицо били яркие, злые вспышки.

— Дети... в кузове... Уходи... — хрипела мама Кураж, пытаясь удержать руль мертвеющими уже, непослушными пальцами.

— Куда? — огрызнулся Станислав. Горький дым плеснул, затянул мир вокруг пеленой

— Налево. Дай руль... — конец фразы утонул в кровавом, булькающем кашле.

Станислав прислушался — и впрямь, слева, сквозь рев мотора, треск пламени, крики и глухой лай автоматных очередей — долетал другой звук. Сухой и резкий, четкий, как хруст раздираемой на части газеты. Знакомый по лесным блужданиям звук. «Комmando» Яго вступило в бой, ведя огонь, как привыкли — залпами, через равные интервалы. Пуля провизжала у виска. Сзади, из кузова донесся крик — испуганный, дикий.

Станислав вывернул руль налево, молясь про себя — лишь бы не пробило скат, лишь бы нога хрипящей рядом мамы Кураж не соскочила с педали газа.

Не пробило

Не соскочила

Пронесло.

В буквальном смысле — пронесло. По улице на полном ходу мимо горящих домов, дикарей и стреляющих вслед автоматов. До упора, окраины, той, где Эрвин утром этого дня ставил ангар из таркианского пластика. Люди Яго засели рядом, ведя вдоль улицы точный, но частый огонь. Машина пролетела их строй и остановилась, качаясь на рессорах и гремя издырявленным, рваным железом. Яго что-то крикнул, Эви махнула рукой, приподнявшись на миг из укрытия... Движок затих. Стрельба на миг замерла. Станислав спрыгнул вниз — и услышал мерную, глухую капель. С кабины и бампера вниз срывались, звеня по земле, частые алые капли.

Эви уже запрыгнула внутрь, высаживая одну за другой вывезенных в кузове беженцев. Много, Станислав аж обмер, поняв, кого они везли. Дети. Кто-то ругался, кто-то плакал и надрывно стонал — зацепило.

Стрельба взревела опять. Спереди — от улиц и с боков. Яркие плети трассеров забились, пластая воздух. Все ближе и ближе. Сходились в кольцо.

Яго передернул затвор, сплюнул и крикнул своим — отходим.

Махнул рукой на ангар, тот, что Эрвин поставил утром.

«Говорят, этот пластик пуля не берет. Хорошо бы... А то бежать, в любом случае некуда», — подумал Станислав, ныряя внутрь, под серый пластиковый свод.

Яго зашел последним, замер на миг, огляделся — все, мол? Эви кивнула ему — да, все. Захлопнулась дверь...

Вовремя...

Командиру штурмовой группы надоело ждать, он пошел на хитрость — пустил на Яго с холма снятый с тормозов грузовик. Старый, туземный, реквизированный в ближайшем дворе. Рычаг на вторую, кирпич на педаль — и машина рванулась вниз, исправно прогрохотав сотню метров. Прежде, чем грянул взрыв.

Плеснуло вверх, заревело яркое пламя. А потом пришла тишина, разорванная коротким щелчком рации на плече командира.

— Восточный сектор чист. Кванто кхорне....

— Благодарю вас, — ответил лично Жан Клод Дювалье с командного пункта, развернутого на холме, у складов зеленой «тари». Рядом переминалась охрана и Эмми Харт. Последняя стояла тихо за спиной. Кося глазами то на пожары вдали, то — аккуратно облизываясь — на ворота склада. Штурмовые группы неплохо сбиты и тренированы, но это

их первый нормальный рейд. Жан Клод Дювалье решил возглавить его лично. Верньер щелкнул под пальцами. Переключился канал:

— Южный сектор, не слышу вас. Ответьте, чего копаетесь?

Командир южного сектора ответить не мог. Занят был — его ребята как раз снесли дверь в дом председателя Хуана. Рассыпались, весело круша все подряд — от бедра, длинными очередями. И умерли, смятые и отброшенные назад длинной, раскатистой очередью. Радио в руках Дювалье щелкнуло, донесся бульканье, хрипы и железный четкий так-так. Лязг. Тяжелый, уверенный рев, слишком громкий для компактного «скорпиона»

Троерукий Хуан ушел в председатели из «коммандо» гремящих когтей. Машину он сдал, винтовку обрезал, но пулемет — их командный, склепанный в деревенской кузнице пулемет с длинным стволом, диском и коробом воздушного охлаждения — оставил себе. Просто так. Пригодилось.

Рация в руках Дювалье захрипела и ожила. На миг. В динамике — хрипы и треск очередей. Опять. И крик. Хуан ревел, созывая на бой уцелевших:

— С нами бог... Уразумел, собака неверная? С нами бог...

Надтреснутый звон, стук, и хрипы. Потом молчане — рация умерла. Глухо треснула ткань. Черный Абим рванул на груди форменную, парадную куртку. Замер, сорвал с пояса склянку, плеснул на лицо — тонкий порошок рассыпался по лбу и щекам, делая лицо белым, похожим на череп... Прошептал заклинанье под нос — глухо, сверкая белками глаз и натужно шевеля губами. И шагнул вперед — навстречу накатывающему снизу на них реву станкового пулемета. Десяток штурмовиков сорвались с места, поспешили за ним. Темный огонь заплясал на черных, белых и зеркальных лицах. Эмми переминалась, не зная, на что решиться. Дювалье остался сидеть — спокойно, опираясь на трость, лишь дымный ветер трепал полы черного делового костюма.

Председатель шел, методично очищая огнем улицу за улицей. Как привык, в полный рост, сдвинув на лоб мятую кепку. Самопальный ручной пулемет удобно лежал на сгибе механической руки. Его пытались остановить — остатки южной группы штурмовиков зацепились за школу, выметая улицы перед собой шквальным огнем ручных «скорпионов». Здание было новое, бревенчатое, крепкое — издали пули его не брали. Свет в небе мигнул и погас — операторы вернули дронов на базу. Упала тьма. Густая, черная тьма, подсвеченная снизу багровым и рыжим огнем пожаров. Хуан замер на миг, глядя на плывущий дым и густо мерцающие искрами выстрелов окна. Сплюнул, пригнулся, зашел — дворами, под прикрытием черного дыма — с другой стороны. Туда, где к его стыду, пришлось ставить вместо нормальных бревен некондицию. Нашел хорошее место, сменил магазин — пустой диск упал, звякнув жестью по камню — и выдал длинную, патронов на двадцать очередь. Столб огня, ливень остроносых, бронебойных пуль. Балки и здесь были толстые, новые — но пули прошивали их насквозь, разнося в щепу белое, смолистое дерево. Внутри что-то бухнуло, из окон школы — всех разом — плеснуло огнем. Взорвался газовый баллон. Кто-то закричал — страшно, лютым, звериным воем. И затих, заваленный рухнувшей крышей. Искры взлетели вверх. Хуан проворчал, сплюнув в пыль:

— Черт, битый год ее строил.

Повернулся спиной и ушел, забирая влево. От дома кузнеца еще летели крики и редкие выстрелы. Дикари из южных лесов — Дювалье взял их в налет для массовки — крутились там — черные тени на фоне яркого пламени. Пулемет окатил их огнем. Те ответили, но неточно — дым и ночная тьма путали, скрывая дистанцию. Хуан пер на них, стреляя на

вспышки. Дым и рыжее пламя плясали, отражаясь на лице черно-рыжей, металлической маской. Пуля зацепила руку — металлическую, впустую чиркнув по стали.

— Демон, — заорал кто-то, заметив, как механически, мерно, ходят туда-сюда на руке сизые, стальные шарниры.

Дикари кинулись бежать. Уарра сорвал голос, разбил в кровь кулаки, пристрелил двоих, но сумел повернуть назад их толпу лишь у околицы.

А Хуан свернул еще раз, чтобы на площади столкнуться с отрядом Абима. Они разминулись поначалу — Абим торопился прямо на юг, потом замер, услышав знакомый рев пулемета сбоку и почти за спиной. Развернулся обратно и побежал, чтобы нос к носу столкнуться с группой Хуана. На площади, среди груды камней, утром бывшей собором святой Фотинии... Там все еще стоял рояль — удивительно, но ни в одной перестрелке его так и не зацепило.

Первый огневой контакт чуть не оказался для Хуана последним — штурмовики появились из дыма внезапно, сходу окатив деревенских потоком огня ручных «скорпионов». Хуан пригнулся, вытрясая камень из сапога — это спасло ему жизнь. Три пули просвистели над головой, порыв ветра сбил с головы старую кепку.

Хуан выпрямился, встал в полный рост, лицо вспыхнуло красным от досады и гнева — и ответил длинной, всесметающей очередью. Штурмовики залегли, огрызаясь огнем автоматов. У них была хорошая позиция — в развалинах, среди груды камней. Древние, седые валуны не взяла бы никакая пуля. Но Абим этого не сообразил — он сейчас мог сообразить лишь одно: его шеф, Жан Клод Дювалье — там, в темноте, на той стороне площади. И страшный, ревущий огнем пулемет — тоже там, а он, Абим, застрял с другой стороны, не там где ему надо.

Черный гигант приподнялся, рывкнул, махнул рукой — брызги белого порошка хлынули с пальцев на лица его людей — и прыгнул вперед, стреляя с ходу во тьму, мерцающую в ответ злыми рыжими вспышками.

Штурмовики растерли на лицах белый порошок — истолченные в муку кости нерожавшей женщины, дающие в бою неуязвимость, завывали, призывая к себе милость короля перекрестков. И рванулись, вслед за своим командиром. В кромешную тьму, мигающую им в лица огнем освященных на алтаре бога живого винтовок.

Глухо взревел пулемет. Захлопали выстрелы — вокруг Хуана успело собраться человек десять местных, тех, кто пережил первый налет. Мигали вспышки, "скорпионы" лаяли, пятна света били в лицо. Люди ругались, хрипели и падали — вперемежку, свои и чужие. Пуля разбила каблук на сапоге, чиркнула по руке — слава богу, механической, Распорола рукав. Боек звонко щелкнул, тишина ударила по ушам. Магазин пуст. Тела вокруг — вперемежку, чужие, свои оливковая рубашка штурмовика — грязным пятном на домотканной белой деревенской куртке. Тень впереди у стены сарая — огромная, страшная. Распоротый ворот, лицо что череп, весь алый от крови и белый от бешенства и размазанного по щекам порошка. Чужой командир. Увидел Хуана, замер, отшвырнул расстрелянный автомат. Завыл — и потянулся к поясу. То ли к гранате, то ли к кривому, сверкающему ножу. Новый диск, лязгнув сталью, легко встал на место расстрелянного.

Громыхнул взрыв. Зарницей, алой искрой в ночи — там, внизу, на темном пятне поселковой площади. Люди на командном пункте вздрогнули, загомонили — тихо, косясь на шефа, но разом. Эмми вздрогнула — вся, чужие слова волной отдались, пробежали по позвоночнику. Холодной, липкой волной.

— Абим убит...

"Как так?" — вздрогнула она. Где — то внутри она уже привыкла считать этого черного, обвешанного амулетами гиганта бессмертным. Голоса штабистов перекликались, дрожали вокруг. А стук выстрелов снизу — все приближался. Размеренный, мерный звук. Эмми увидела мерцание вспышек внизу. Страх опять пробежал по спине — холодной, липкой волной. Как тогда, на Земле, когда полиция ломилась ей в двери

"Не хочу"... прошептала она. Противно хрустнула под ногой мелкая галька.

Дювалье встал, как ни в чем не бывало, хлопнул ладонью по столу. Поймал ее взгляд и почему-то широко улыбнулся. Ласково так. Сказал тихо. Что-то нелепое, вроде:

— Вот видишь, крошка, все приходится делать самому.

И шагнул вниз, навстречу огню. Как был, в костюме, с одной тростью в руке. Стало тепло.

Эмми вдруг поняла, что любит этого человека...

— Какие люди, — прошипел, оскалившись, под нос троерукий Хуан, узнав шагающую на него сверху фигуру, — сам господин Дювалье к нам в гости пожаловал.

Пальцы подцепили, вынули расстрелянный диск. Отбросили, достали из мешка новый, заветный. Усиленный ребристый диск, на сорок патронов калибра 7,62. Каждый трижды проверен, смазан и освящен в соборе. Хуан замер, поднес диск к губам, поцеловал — там, где по боку, желтой медью на стали были выбита икона богородицы.

Вогнал до щелчка, прицелился, поймав урезом ствола идущую на него фигуру. Прошипел под нос хищное: "милости просим"...

И открыл огонь.

Сердце Эмми забилося в груди — бешено, люто, подстреленной птицей. Дювалье поднял трость. Черный камень в набалдашнике вспыхнул вдруг, замерцал зеленоватым мертвенным светом. Сияние мерцало, стекая по набалдашнику вниз — на руки Дювалье. Хуан все шел, стреляя без перерыва на ходу. Шел и гадал, почему "дорогой гость" все не падает...

Черный камень в рукояти был непростой — сердечник гравиапоглотителя, купленный Дювалье у нечистых на руку федеральных кладовщиков за большие — то есть огромные деньги. Вложение оправдывало себя — пока. Машина исправно переводила энергию — кинетическую энергию остроносых вольфрамовых пуль в зеленое, безобидное мерцание остаточного излучения. Они с Абимом уже проделывали этот трюк не раз и не два, с неизменным результатом. Но сейчас Дювалье, вздрогнув, почувствовал, что все идет не так. Чертов председатель все шел вперед, поливая врага короткими очередями, пули били и били вокруг, зеленое мерцание становилось все гуще. Поглотитель захлебывался, не в силах переварить столько энергии разом. Руки начало жечь. Остатки охраны рванули на перехват — Хуан смял и отбросил их двумя короткими очередями. Шагнул вперед — невысокий, прямой, лицо — страшная зеркальная маска огня и вороненой стали.

Отражает пулемет. Еще шаг. Дювалье уперся ногами в землю, улыбнулся — себе. Струя зеленого пламени взвихрилась, прыгнула с рук на лицо.

«Шрам будет, как у флотских, у них всегда страшные лица», — подумал он вдруг. Просто так. Следующей очереди поглотитель не выдержит. Хуан сделал еще шаг, чуть опустил пулемет, примериваясь. Дуло уже багровое — перегрелась машина.

«Надо бежать, — подумал Дювалье. Мотнул головой — мысль была противной и мелкой до ужаса. Как не своя, — ну нафиг.... Проще взорваться сейчас, чем жить потом с

такой липкой мыслью...

Грянул треск — оглушительный, рвущий воздух треск, и по полю, между двумя противниками полыхнула зеленая молния. Дювалье рискнул обернуться — и увидел за спиной Эмми Харт. Девчонку, подобранную им просто так. А сейчас она подобрала на поле нейроплеть и шла в атаку.

— А она умеет ей пользоваться, — подумал Дювалье, глядя, как новый удар заставил старого Хуана отшатнуться. Зеленая молния хлестнула еще раз — не дотянувшись до Хуана пары сантиметров. Тот ответил очередью — длинной, патронов на десять. Столбом в небо — известка и белая пыль. Эмми упала, прокатилась ужом по земле, пропуская над головой поток жужжащей, яростной стали.

— Моя смерть, — подумал Дювалье еще раз, с нежностью даже. Глядя, как вскакивает на ноги упрямая девчонка, как раскручивается для нового выпада нейроплеть. Как хрипит и бьется огнем пулемет, разворачиваясь прочь от него, в ее сторону. Медленно, не успевая. Зеленая молния вспорола воздух, протянулась — змеей, зацепив в полете плечо Хуана по кличке Троерукий. Третье, механическое плечо.

Аздаргцы делали нейроплеть как противотанковое оружие. Семь проволочных жгутов, генератор силового поля в рукояти — укус такой кошки выжигал и плавил напрочь всю электронику на борту.

Поцелуй плети был нежен, почти невесом, Но старый Хуан закачался, едва не закричав от невыносимой боли. Онемело и стало вдруг очень тяжелым плечо. Правое, железное плечо в котором разом вырубилась вся аугументика. Пулемет умолк. Перед глазами — колесом — сполохи и яркие цветные круги. Мертвящего, зеленого цвета — Эмми опять раскручивала нейроплеть.... Хуан стиснул зубы до крови, ударил по пальцу ладонью левой руки. Мертвый механческий палец согнулся, сжал спусковой крючок. Пулемет опять зарычал. Очередь хлестнула — уже не в Эмми, абы куда... Вокруг Дювалье стояло много людей, и грех уходить на тот свет с не пустым магазином.

Зеленая плеть сверкнула опять. Крест-накрест. Первый удар снес пулеметный ствол, второй — покончил с Хуаном по прозвищу Троерукий. Глухо щелкнул боек. Магазин опустел. Только сейчас старый Хуан позволил себе упасть. С чистой совестью.

Упала тишина. Густая, мертвая тишина, разрываемая лишь треском и гулом пожаров вдали — Фиделита еще догорала. Эмми замерла, недоуменно оглядываясь вокруг. Посмотрела на мертвого Хуана, себе на ладони, на еще зажатую в зажатую в руке нейроплеть. Будто не верила, что это все — она. Потом подняла глаза на Дювалье. Тот поймал ее взгляд и улыбнулся. Широко и ласково — она это заслужила, в конце концов. Поднял руку и крикнул — резко, на туземном, Эмми ни черта не поняла. В ответ — изумленный гул голосов, в котором на все лады повторялось знакомое слово...

Брамимонда...

Ее имя — потом...

И еще раз...

Брамимонда...

Дювалье протянул руку. Ладонью вверх, к ней. Посмотрел — выжидающе, остро. Толпа штабных замерла. Эмми вздрогнула и замерла, ничего не понимая. Подумала лишь о том, что нейроплеть — вещь дорогая. Протянула руку, вложила в его ладонь рукоять. Толпа за спиной будто взорвалась — заголосила, заревела наперебой глухим восторженным гулом. В третий раз:

...Брамимонда...

Было уже не до них. Дювалье шагнул вперед еще раз, схватил за локоть, притянул ее к себе. Сердце забилось, кожу будто обожгло. Как кипятком — его тяжелым дыханьем.

— Детка, ты молодец...

Их губы внезапно оказались так близко. Эмми дрогнула, вся замерла — надеялась, что он ее поцелует. Три касанья, ласковых, нежных тычка. Под ухом, висок, основание шеи. Она потеряла сознание — сразу и вдруг. Дювалье выпрямился и, рывкнув на свиту, велел отнести ее обратно, в летающий дом. Осторожно и бережно, как королеву. Девчонка и впрямь молодец, но награждать ее сейчас у Дювалье охоты не было...Люди засуетились вокруг.

«Странно, еще минуту назад вокруг было так пусто» — посмеиваясь, подумал он. Штурмовые отряды возвращались один за другим. Короткие взмахи рук, короткие доклады — миссия выполнена, все в порядке. С окраины — короткий винтовочный стук. Редко и совсем далеко. Дювалье кивнул, дал приказ Уарре — остаться, доделать работу. Снизу долетел громкий, радостный крик. Вернулся Абим. Весь в крови, черный, страшный — гигант шел, трясся перевязанной головой. Но прямо, отказываясь от помощи. Увидел шефа, улыбнулся, виновато кивнул головой:

— Простите, босс. Угораздило меня взорваться на своей же гранате.

— Ничего, — кивнул в ответ Дювалье, удерживаясь от улыбки, — но в следующий раз доработай свой порошок. Плоховато действует.

Абим мотнул головой, стряхнув со щеки остатки белого порошка:

— Это был хороший порошок, босс. Правильный. Я чаровал его именем папы Легбы, он сильный лоя, просто лохов не любит. Что у вас?

На востоке забрезжило солнце. Пришел рассвет — серый, затянутый пеленой кислого погорельского дыма. На горизонте мелькнула остроносая тень. Флайер увозил прочь мирно спящую Эмму.

— У нас? — усмехнувшись, переспросил Дювалье, — ты много пропустил. Моя смерть нашла себе косу.

Этой ночью мир умер и родится опять. Родился новым, умытым росой и пряным полночным духом. Ирины Строговой — ее личный теперь мир. С Эрвином на двоих. И родился он, как младенцу и положено — с криком. Время растеряло стрелки, минуты и часы стали прихотью, ненужной игрушкой — и осыпались вниз. Под шелест, тихо мягкими сосновыми иглами падающими на песок. Негромко трещал костер, рыжие искры плыли в небо и растворялись над головой в темноте ночи. Восток начал алеть, пятна неяркого света ложились вокруг них — ведьминым кольцом, охранным кругом вокруг их вселенной. Ее, Ирины Строговой новорожденной, маленькой ещё вселенной. Ее да Эрвина — одной на двоих. Вон он, напротив — спит, уронив на локти тяжёлую голову. Разметались волосы по высокому лбу, капли пота блестят на мощных руках и торсе — огненно — рыжей и алой, блестящей россыпью. А лицо во сне — спокойное и детское — детское... И темный след на щеке. Как местные татуировки — изящно — тонкая, изгибающаяся линия. На две с половиной стороны — трезубцем с двумя лепестками... И огрызком третьего.

Метка алого цветка. Там, внизу — они были повсюду. Качались на ветках, мерцали, разгоняя ночную тьму — маревом, колдовским алым блеском. Вились на тонких стеблях, сыпались вниз — на Ирину и Эрвина. Лепестки касались кожи — на мгновение, поцелуем, пряным и жгучим, кружащим голову, выжигающим разум темным, сумасшедшим огнем. Пять алых, чернеющих по краям лепестков. У Эрвина на щеке — след от двух... Ирина улыбнулась, провела ладонью себе по лицу — чуть, слегка касаясь кожи подушечками пальцев. Скула отозвалась жжением, памятью и приятным огнем. Колыхнулась высокая грудь, забилось сердце — тонко, тенью недавнего буйства. Солью по языку. Запахом крови — на прокушенных губах. След алого цветка скользил и на ее скуле — такой же тонкой, изящной линией. Тоже два лепестка и половинка. Линии совпадут. Если приложить их с Эрвином — как тогда, губы об губы, щека к щеке — как вечность назад, когда цветок накрыл их в миг их первого поцелуя. Первого, пьяного, бесконечного — и так быстро закончившегося... Их, на двоих общая вечность, первый глоток, выпитый вмиг — залпом, как вода в пустыне... Пряная, соленая вода, кружащая и сносящая прочь ненужные мысли. Земля ударила в плечи, стала тесной синяя флотская юбка, треснул под пальцами Эрвина шов. Сердце его как молот, губы жадны и солонны, и дыхание с них рвется — неистово, бешено, сердцу в такт. Одно на двоих. А потом мир наполнился, вспыхнул и умер — в первый раз в эту ночь. Чтобы родиться опять — с ее сладким отчаянным криком.

Ирина подняла руку, посмотрела внимательно при свете костра — на предплечье и тонких кистях — то же, чернеющий след... Вьющийся, тонкий, будто стихи — вязью на белой коже. В две полосы... Ирина улыбнулась. Тихо и нежно. Эрвин повернулся во сне. На плечах, шее и широкой спине — такой же прерывистый, тонкий узор. Продолжение рисунка. Потрясла головой — улыбка вышла пьяной, шальной, кружащей и так безумную сегодня голову.

Ветер дунул, развел полы куртки, мазнул прохладой по высокой груди. На ней тот же изящный, прерывистый след... О сосков — звездой, пятью тонкими лучами. Уже потом, когда схлынула первая близость... Первый миг вечности, их личной, одной на двоих. Они оторвались друга от друга тогда. На миг... Эрвин откинулся на локтях, переводя дыхание. Ущипнул ухо. Не верил — сон или явь. Улыбка тронула губы, цветок обжег еще раз, и куртка

на плечах показалась Ирине такой тяжелой и жаркой. Она стала — медленно, под шелест листвы. Ровно ей, в такт, прошелестела завязка. Куртка поползла с ее плеч. Охряная туземная кожа. Белая рубашка, пуговица на высокой груди. Без слов, медленно — дразня его взглядом и улыбаясь. Ответный взгляд обжигал, кружил голову не хуже алого цвета. Эрвин смотрел, замерев. Словно утопающий — на спасательный круг, или язычник — на сошедшую с неба богиню. Черный огонь плясал и бился во взгляде его, восхищение плыло от его глаз — в пряном ветре, живое, почти осязаемое. Будто качало ее на руках, мяло дыхание, кружило, сносило голову прочь. Цветок упал на обнаженную грудь, замерцал, припал пятью алыми лепестками. Обжег кожу — сладкой, пьянящей болью. Сердце забилося сильнее, по венам — пряный черный огонь. Пролетел, сорвался ввысь, в небеса грудным, жадным стоном.

Эрвин потянулся, смахнул рукой прочь лепестки. Припал губами к груди, слизывая сок «тари» и кровь. Бедро сдавило, мир ускользнул из-под ног. закачались звезды над головой — закачались, мигнули, надвинулись ближе. Опустились опять. И пошли вскачь, ускоряясь с каждым пряным, шальным, заполненным до отказа мгновеньем. Воспоминание разбередило кровь. Задрожало в горле, волной пошло по спине. И ниже, туда, где — можно было и не смотреть, понятно и так — туда, где вилась черная вязь — узор, перевитый с узором на пальцах Эрвина. Эх, разбудить бы его...

— Не надо, — сказала Ирина сама себе. Строго, но тут же сама рассмеялась от своей строгости. Чего уж там. Но утро скоро, в Фиделите хватятся, мама Кураж заохает, председатель будет искать... А ей еще юбку в божеский вид привести надо...

Ничего страшного, у них с Эрвином впереди хорошая, добрая вечность...

А юбка все — в ключья, восстановлению не подлежит. Ладно, она никогда Ирине не нравилась. Флотская, форменная, стандартная до зубной боли. Надоело, хватит с нее. В бэхе, вроде бы, был брезент и иголка с ниткой, можно смастерить что-нибудь на туземный фасон. Все равно, она уже как туземка — почти. Бахрома, разводы, узор соответствующий. Кисти, ладони, щеки... кстати, откуда волонтерский ромб аккурат под челкой?

Откуда, откуда... Ирина отложила зеркало и засмеялась опять. Теплым, грудным, дрожащим на кончике языка смехом. Уже под самый конец, когда их организм начал привыкать к пряному мареву и огню укусов алого цвета. Немного, ровно настолько, чтобы пустить в две головы одну умную мысль — пора бы и выбираться отсюда. Ну, или не очень умную... или приспособился еще не совсем... иначе зачем было ей втыкать в волосы алый цветок. Да он алый, красивый, мерцает в ночи — облаком искр, королевской короной в черных, густых волосах. Только кровь опять застучала, забилась сильнее в груди. И кидаться им в Эрвина было тоже ужасно глупо тогда. Черное пламя разгорелось опять, здравомыслие у обоих моментом смыло, а бегают Эрвин — быстро, да... Коряга ударила под ноги, подвернулась ступня. И старая куртка на земле — оказалась так кстати. Только жестяной шеврон на рукаве пропечатал кожу не хуже кусачих листьев. Глупо получилось. А, может, совсем наоборот... Выбрались же они в конце-концов. Спустя час, не самый плохой час ее маленькой, новорожденной вечности. Пряной, безумной, шелестящей зеленой листвой.

А ромб — даже хорошо получился, изящно... Мия подтвердит, даром она все щеки им изрисовала?

— Кстати, а где она? — обернулась Ирина. Поглядела вокруг. Пряный ночной лес, тишина, лишь трещит углями костер, да в вышине высвистывает одинокая птица. На три ноты, протяжно и весело. Ирина улыбнулась, погрозила пальцем во тьму. Улыбнулась сама себе, подумала — строго:

"Ишь чего удумали, пернатые. Не собираюсь я гнездо прямо тут, на ясене вить. И вообще, своих птенцов заведи, потом советы давать будешь..."

Заурчал мотор вдалеке. Прошелестели шаги по траве — мягко, вкрадчиво. Птица пропела им в такт. Круг света на миг разорвался, вселенная раздалась, впустив к костру еще одну фигуру. В уголках глаз, на широких скулах — звездный, мерцающий свет. Миа, дочь туманного леса. Звезды дрожат на щеках, от глаз вниз — две дорожки белого мягкого света.

— Прости меня. — Почему-то эти слова дались Ирине легко. Даже странно. Просто — Ирина, не знала, просто почувствовала — они были правильными, эти слова. Даже сейчас.

Миа улыбнулась в ответ. Тихой, чуть грустной улыбкой.

— Простите вы меня.

Провела рукой по своей щеке. Тонким пальцем — по линии татуировки. Повторила:

— Простите. Я тогда не поняла, госпожа. Не почувствовала. Просто радовалась, что живая. Но, когда я спрашивала — мне ответила беха, не Эрвин. Жаль, я тогда не поняла. Но...

Палец Мии опять дрогнул, скользнул по скуле, задрожала на ногте капелька звездного света.

— Жаль, но это — ваше. Так правильно.

— А... — начала Ирина и осеклась. Миа продолжила, с той же тихой улыбкой.

— Со мной останется бэха, не жалейте меня, госпожа... И жизнь — длинная, я еще встречу своего... Правда, ему придется набить такой же ромб и вписаться третьим, ниже беги и Эрвина. Такова жизнь. Зато у него будет справедливая хан-шай...

Непроизносимый щелчок в конце — четок и прям. Уже без уверток и двойных смыслов. Ирина улыбнулась, кивнула — такова жизнь. «Венус» плыл вдалеке, озаряя небеса потоком желтого, теплого света. Ирина махнула ему рукой. Просто так, без издевки и раздражения. Серые коридоры и нумерованные параграфы остались позади. В другой, отрезанной уже жизни. А в новой...

В новой Эрвин заворчал и повернулся на другой бок во сне. Миа улыбнулась, протянула пальцы — к линиям на груди. Замерла, оглянувшись на Ирину. Та улыбнулась, кивнула — можно. Узоры вились по плечам...

— Кстати, они здесь что-то значат?

— Такие — почти ничего. Они быстро сойдут — месяца за три-четыре... А пока не сошли — матери иногда плачут, отцы ругаются и грозят ремнем, а председатель Хуан должен вам теперь по обычаю. Отдельный дом. Точнее — опорный столб, стены вы с Эрвином сплетете сами.

«Сплетете» — Ирина удивилась было, потом вспомнила — дома в этом климате не складывают — плетут из лозы. Птица свистнула в вышине.

«Хорошо, возьму с Хуана ясенем, — свистнула Ирина в ответ. На полном серьезе, — У него в бухгалтерии — бардак, никуда не денется, еще рад будет»... Миа кивнула ей, улыбнулась. Продолжила:

— Как муж и жена. Временно, пока узор не сойдет. Это три — четыре месяца, обычно. Если не сошел за год — молодых ловят всей деревней и наносят уже постоянный.

— Зачем?

— Один раз в куст упасть можно и случайно. Но четыре раза подряд, вместе, в один и тот же... Люди не поймут, скажут, что зажимаете свадьбу.

— Не зажем

Ирина улыбнулась... Миа улыбнулась в ответ. Костер догорел. Рассвет вспыхнул — с востока, низко, мазнул по лицам багровым, ярким лучом. Ирина подняла голову. И вдруг обмерла. Звезды закатывались, высокое небо серело у нее на глазах. Из черного, звездного — тусклым и выцветшим. И с востока, низко стелясь на ветру плыли, клубясь, грязно-черные, глухие полосы. Дым. С востока. От Фиделиты. Миа охнула. Ирина — медленно, как во сне протянула руку.

— Эрвин, вставай. У нас с тобой...

Долетел звук. Тоже с востока, тихий, на пределе слышимости. Глухое винтовочное так-так-так... Сердце на миг обмерло. Черный дым полз, затягивая на глазах небеса. Пальцы схватили Эрвина за плечо, затрясли:

— Милый, вставай. У нас с тобой какая-то короткая вечность...

Бега запуталась в лесных тропах, свернула на повороте не туда. Это спасло их всех — и машину и пассажиров. Поляна в лесу... Эрвин узнал ее — неширокая, корчеванная кое-как полоса. Они проезжали мимо нее — утром, вчера, спеша в неведомую еще Фиделиту. Зелёную, шелестящую листьями и травой — мягкой травой под ногами. Теперь трава была вытоптана а листья кленов — нежные, с серебристой тонкой прожилкой — все черной уже крови. Вековые стволы избиты и посечены пулями, ветки обломаны — все в белой щепе. А ниже...

Ирина ойкнула, зажав рот обеими руками. Мотор беги взвыл — тяжело, яростным воем не той передачи. Эрвин мигнул — тяжело, надеясь развидеть все это.

Это была группа сборщиц «тари» задержавшихся вчера на работе. Стандартная рабочая группа Фиделиты — двадцать девушек при пяти деревенских мужиках и грузовике. Видимо, взяли врасплох — машину взорвали, людей скосили — лихо, не жалея патронов, парой длинных автоматных очередей. А потом, развлекаясь, прибили тела к древесным стволам — по обеим сторонам тропы, в два ряда, страшной, дикой на глаз инсталляцией. Аккуратно, в равные интервалы. Глухо гудел мотор. Бега ползла по этому ряду — вперед, медленно, на малом ходу. Колеса хлюпали, скользили на мокрой траве. Руки Мии дрожали на руле, дрожь текла с ее рук, отдаваясь глухим гулом движка — яростным, гневным. Мухи вились вокруг мертвых тел. Деловито, толстые, желтые в крапинку. Над тропинкой — чуть выше голов болталась на шесте мятая тряпка. Эрвин пригляделся — и увидел кривые, алые буквы. Плакат.

«Путь к свободе».

Над тропой, среди мертвецов, аккурат между двумя их рядами. Ирина сжала кулаки. Истово, до белых костяшек. Потерянно оглянулась по сторонам:

— Эрвин, это сделали люди?

— Нет, — огрызнулся тот. Оглушительно лязгнула сталь. Пулемет в его руках — как живой. Заскрипел и рванулся со стопоров, разворачиваясь из походного положения в боевое. Резко как кобры Эви — в атаке.

Заложило уши. Волосы опалило огнем. От стволов, на три стороны, змеиной пастью — столбы огня. Барабанной россыпью, капелью по полу под ногой — рыжие, яркие дымящиеся гильзы. Потом пришел рев — оглушительный рев длинной, на пол-цинка очереди. И следом, сразу же — тишина. Хлестнула по ушам не хуже пулеметного рыка.

— Эрвин, что?... спросила Ирина, поднимая голову. Осторожно...

— Похоже, что ничего. Показалось, — ответил Эрвин. Тихо, одними губами. Глаза сошлись в нитку, губы — сведены... Тишина упала вокруг. Что-то блеснуло — вдалеке, у

кромки зеленого леса.

Машину тряхнуло, бэха ушла в поворот. Тяжело, круша волнорезом зеленые ветви. Раздвинула носом кусты.

— Нет, не показалось, — прошипел Эрвин под нос. За зеленой стеной — старые стальные ежи. И мертвецы — кучей у их подножья. Уже другие, человек десять, друг на друге, вповалку — там где накрыла пулеметная очередь. Эрвин спрыгнул, поворошил тела — оливковые, одинаковые, фабричной работы куртки, белые и зеркальные лица, перечеркнутая молния на рукавах. Брошенная газовая горелка. На треноге — тяжелый лазган. Мигнул, запрыгал в глазах солнечный зайчик. Отразился на руке мертвеца — россыпью мелких серебряных точек. Эрвин поворошил сапогом, наклонился. Увидел кресты. Маленькие серебряные кресты — штук двадцать, на тонких халых шнурках, небрежно свитых на запястье в косу.

— Эрвин, кто это? — окрикнула его Ирина — сзади, из бэхи.

Кожа шнурков — вся крови. Эрвин отшвырнул руку мертвеца, поднялся — рывком, брезгливо вытирая руки.

— Мародеры, — ответил он кратко, — бог знает, кто и откуда взялись.

— Но пушки у них серьезные, — добавил он позже, запрыгивая обратно в БТР, — не устрой они эту гадость, не блесни мне в глаза прицелом потом — выехали бы мы без задней мысли прямо под лазер. А эта машинка, — Эрвин кивнул на тупорылый, поникший на треноге лазган, — бэху разрежет пополам, не поморщится.

— Откуда? Кто они такие?

— Я знаю? — огрызнулся Эрвин — тяжело, страшно. Защицало в глазах. Дым тянулся с востока, затягивая взор, ложился серой тенью на лица.

— Вчера тихо было. А сегодня проснулись — мир обезумел, Фиделита горит, на тропах бог знает какая мерзость творится.

Ирина потянулась, коснулась пальцем щеки. Прямо по линии — черному следу «тари», еще свежему, с каплями крови. Выдохнула. Засвистела птица над головой. Эрвин сморгнул — так странно дрогнул, «поплыл» ее голос

— Эрвин, они яшень сломали....

«Какой яшень? — спросил он себя и так же мысленно выругался — по матери, страшно. Не важно, какой. На лице Иришки — слезы. Текут прямо по черной, тонкой вязи...

— Прости. Плохо у нас с тобой начался медовый месяц.

— Идем назад, — сказала она. Упрямо, не допуская возражений.

Эрвин молча кивнул, катая желваки на скулах. Затрещала ткань за спиной — Миа ходила меж мертвецов ритмично взмахивая кривым ножом. Спарывала с рукавов шевроны с перечеркнутой молнией. Бэхе на украшение...

«Хорошо хоть — не черепа» — поежился Эрвин, глядя на ее методичные движения. С востока плыл черный дым. Ветер трепал на дереве серую тряпку. Плакат, тот самый «Дорога к свободе». Миа выпрямилась, крикнула что-то. Протяжно: печальный, чуть торжественный звук. Эрвин поежился, почему-то решив, что не хочет сейчас его понимать. Срезанные шевроны повисли на нитке — ожерельем, на пулеметных стволах.

«Бэхе пойдет» — подумал Эрвин. Сплюнул и махнул своим — «выступаем»

Поляна скрылась из глаз. Но прежде пулеметная очередь разнесла на клочки грязную серую тряпку.

Весь бой за Фиделиту Лианна просидела там же, в сарае на глухой окраине. Ни жива, ни мертва — сидела, сжавшись в углу и слушая из-за стены страшный ей, непонятный шум боя. Рев двигателей, крики, треск автоматных очередей и глухое так-так старинных деревенских винтовок — все сливалось в один глухой, раздражающий душу гул. И свет — свет сочился сквозь щели в стене. Вначале белый, слепящий свет прожекторов, скоро сменившийся заревом пожара. Тусклым багровым огнем — языки света плясали, ложились тенями на лицо, красили в алый стены и руки. Холодный пот по вискам — кто-то кричал там, в огне, залиvisto, страшно. Пролаяла автоматная очередь. Совсем близко. Вопль затих, оборвавшись на верхней ноте.

Хлопнула дверь.

Пламя взвыло, сноп искр взвился вдаль — в ночи вспышкой злого алого света. Силуэт на пороге показался Лианне сплошным облаком тьмы. Черной, густой тьмы, слепящей глаза светом фонарика. Вдох в горле застрял — противным липким комком. Щелкнула рация — маленькая коробочка на плече.

— Передайте Абиму, мы нашли... — бросил застывший на пороге штурмовик, мазнув лучом фонаря по замершей Лианне. Посмотрел еще раз, хмыкнул под нос, растягивая в улыбке толстые губы, добавил, — Уарре тоже передай. Пусть порадует — как-никак его девка...

«Сам ты девка», — невольно окрысилась Лианна. Страх сошел, она пригляделась — и вздрогнула, разглядев поближе штурмовика. Невиданный ей прежде человек — черный, толстогубый, страшный...

— Вы кто? — спросила она, осторожно переводя взгляд подальше от плоского, черного лица с глазами навывкате. Оливковая рубашка, шеврон — как у ДаКосты — на рукаве... только с перечеркнутой молнией, вместо ромба.

— Тебе сообщат, — оскалился штурмовик, — сиди пока тихо...

— Уарра с вами? — осторожно спросила она, пряча глаза.

— Кому Уарра, а кому господин проводной...

Странное, калечащее слух слово. Ударение на второе о... По спине — холодок... Странно было слышать его рядом с родным с детства именем,

— С нами, не беспокойся. Только забудь — тобой интересовался сам Абим, а он куда постарше твоего Уарры...

Штурмовик лениво сплюнул... Глухо пролаял автомат — в сторону, в глухую тьму за порогом. Чей-то крик полоснул по ушам... Тонкий, пронзительный. Лианна дернулась — не зная куда...

— Сиди тихо, — окрик пригвоздил ее к месту.

— Сам Абим приказал — его дожидаться. Целой...

Окинул взглядом, сплюнул, добавил лениво:

— А жаль....

Лианну передернуло. Минуты текли. Медленно, клубясь дымом под плоской крышей. Крики и шум стрельбы за стеной — взвились и затихли, лишь глухое винтовочное так-так-так летело еще с улиц — с каждым разом все дальше и тише... Лязгнуло железо. За спиной, громко — Лианна вздрогнула. Штурмовик оглянулся на звук. Скользнул по ней взглядом,

усмехнулся опять:

— Сиди тихо.

А потом мир посерел, обрел форму и выцвел — пришел рассвет. Лианна услышала шаги за стеной. Сквозь вязкую тишину — четкие, уверенные шаги. Загудели за стеной голоса — приветствия, отрывистый лай военных команд. Сердце забилося в груди — узнала, услышала знакомый голос. Скрипнув, распахнулась деревянная дверь. Свет ударил в глаза... Сердце замерло, пропустило удар. Рванулось опять, выбив из губ долгожданное:

— Наконец-то.

Она узнала его... Узнала сразу, несмотря чужую форму. Те же широкие, бугрящиеся мышцами плечи, над лбом челка — вечно вразлет. Косой шрам на скуле — еще в детстве, когда она шутки ради попросила его забраться на яблоню.

— Уарра, здравствуй. Я ждала тебя...

Поперек скулы, поперек давнего белого шрама — косой, змеящийся след. Алая молния. Мир в глазах потемнел — Лианну рванули за плечи и сильно. Аж ноги оторвались от земли. Свет брызнул в лицо. Серый, тусклый свет пропахшего дымом рассвета.

— И с кем ты была?

Лицо у Уарры незнакомое — злое, закаменевшее, не свое. Побелевшие губы, глаза стянуты бешенством в нитку...

— С кем? Не вижу...

— Ты что? — спросила Лианна. Тихо, не веря ушам. Тонкий белый шрам на его скуле — змеится еще, еле виден за алой печатью татуировки.

— О чем ты? — повторила она, пытаясь стряхнуть сжавшиеся на плечах руки, — ослеп? Мое лицо чисто, ты видишь...

Лицо Уарры поплыло, зашипало соленым в глазах. Плечо дернули — со всей дури, ближе к свету. Ладонь прошла по лицу, завернула назад длинные волосы.

— Пусти, — выдохнула она, — я чиста, видишь — ничего нету.

Уарра смотрел на нее — глаза навывкате, не мигая. Зрачки налились кровью — страшно. Скрипнул зубами, спросил:

— Как так?

Ответил голос из-за спины. С угла, где стоял, подперев стену давешний штурмовик. Протяжно, лениво до ужаса.

— Забей, бро... Звездные раскрашенные лица не жалуют...

«Неправда» — промелькнула мысль. Удар по лицу. Короткий, не больный, но обидный до ужаса. Подвернулась нога. Лианна осела на землю.

— Уарра, ты что? Что с тобой?

Уарра в ответ дернул плоским лицом. Коротко, страшно... Губы побелели, стянулись в тонкую нить... Хрустнул гравий под сапогом — Уарра шагнул вперед, опять поднимая руку...

— Полегче, бро... — окликнул его штурмовик, — Абим хотел ее... Относительно целой...

— Абим... Кто такой Абим? — выговорила Лианна, осторожно переводя взгляд с одного на другого.

— Унгаан, — пояснил штурмовик, лениво дернув тяжелой челюстью... Слово полоснуло по ушам — чужое, дикое, страшное... По щеке — холод... Проскрипели по песку сапоги. Штурмовик вскинул голову, вытянулся, закинув короткий автомат на плечо. И, что

показалось Лиianne сейчас самым страшным — Уарра на ее глазах шагнул назад, вытянувшись тоже. Глаза у него стали большие и дикие.

С губ рванулся пронзительный крик.

— Кванто кхорне.

— Кор кванте... — пришел короткий ответ. Незнакомый голос, знакомые, чудные слова... Лиianne рискнула обернуться. И тут же пожалела об этом.

Черный Абим был высок и на вид страшен... Огромный — на полголовы выше немелкого Уарры, черный как смола или ночь на рассвете. Скуластое, большегубое лицо — сейчас не лицо, маска-череп из крови, пороха и засохшего белого порошка. Повязка на лбу, форменная рубашка — измята и разорвана на груди..

«Ан, крепко им здесь досталось», — подумала она вдруг с холодной мстительной радостью... Сверкнул кривой нож в черной руке. Ледяным, лунным сиянием.

— Это она? — спросил Абим вдруг.

Штурмовик молча кивнул. Абим шагнул к ней.

— Уарра, сделай же что-нибудь, — шепнула она, вздрогнув и замерев как кролик перед удавом.

Но тот так и замер, смотрел во все глаза... Не на Лиianne — на этого черного... Лунный нож провернулся, сверкнул рыбкой в тусклых рассветных лучах. Лиianne даже ничего не почувствовала — сперва. Поднесла руку к щеке — и увидела кровь на пальцах. Абим слизнул алую каплю с клинка. Замер на миг, прикрыв глаза... Щелкнула, прохрипев пару слов рация на его поясе...

— Не то... — проговорил он с едва заметной досадой. Встряхнулся, бросил короткое «иду, босс» — в коробку передатчика и повернулся спиной. Разом утерев интерес к замершей Лиianne.

— Уарра, остаешься за старшего. Зачистишь деревню, возведешь монумент — и в леса. Если попадутся ведьмы — настоящие ведьмы, не деревенские девки с подслушанным бабьим наговором — ко мне. Кванто кхорне...

— Кор кхванте... выдохнул единым духом Уарра.

Штурмовики ушли. Вокруг остались с десятков человек — такие же, как Уарра, туземцы с молниями на зеркальных лицах.

Уарра встряхнулся, махнул рукой, отдавая приказы — двое сорвались с места, побежали по взмаху его руки. Остальные вытянулись, отдавая честь. Уарра повернулся на каблуках, опять смерив Лиianne взглядом.

— Продолжим... — сказал он. Договорить не успел. Лиianne не сдержалась, вскочила и — со всей дури, люто, выплескивая страх — вломила ему ладонью по морде. Прямо по молнии на щеке...

— Скотина... Болванчик, заводная игрушка, — выплеснула она. Это было безумно и глупо, но и остановиться она не могла — весь страх последних дней рвался потоком с губ, сливаясь в слова — безумные, злые и горькие слова, — Уарра, что с тобой? Ты уходил год назад человеком. Прямым и свободным, я гордилась тобой. Я тебя ждала. Правда. А дождалась — не человека, деревянную игрушку, болвана на ниточке... Какой-то ходячий скелет меня на части режет, а ты стоишь...

Уарра вздрогнул, невольно шагнул назад, поднимая руку в защитном жесте.

.. Черножопый ходячий скелет, — с дурной, мстительной радостью уточнила она, глядя как вспыхивает огнем лицо Уарры...

Ответный удар смял и кинул ее на землю. Кулаком, не жалея, наотмашь... Лицо Уарры — незнакомое, дикое. Не лицо — маска из гнева, огня и крови... Он тоже сорвался, начал что-то говорить. Не говорить — кричать, доказывать что-то. Порывисто, дико, мешая и путая слова... Что-то про: «ты ничего не понимаешь», «священную борьбу», «захватчиков», «долг» и прочее. Слезы плыли, слова мешались в ушах... Родной голос, родной, вроде, язык, но слова — Лианна — вдруг — сморгнув, поняла, что понимает одно слово из десяти в его речи...

— Уарра, бедный ты мой, — проговорила она, медленно, глядя в любимое когда-то лицо, — они украли твою душу...

Плеснуло дымом в лицо. Дымом пожара — запершило в носу противно и кисло до ужаса... Уарра шагнул вперед, к ней. На поясе — нож. Широкий клинок мерцает — тускло, отражая хмурый солнечный свет.

За спиной Уарры — скрип тяжелых сапог. Его команда. Дикари с молниями на лицах гудели, подвигаясь ближе, сжимая кольцо. Глаза у Уарры — дики, злы и налиты — до зрачков — кровью. Рассвет отражается в них — хмурый рассвет посредине пожарища. Прогудела, коснувшись носа, оса...

— Помогите, — прошептала она. Тихо, одними губами. Оса загудела, сделала круг над ее головой.

А другая — такая же рыжая, с черными полосами на брюхе — оса, нырнула в дым за спиной, залетела в дверь — под полог, в подвал, за крепкий настил из досок. И ужалила в нос спящего там пьяным сном матроса Пабло ДаКосту...

Прогрохотала жесть — оглушительно, резко. Хлопнула дверь за спиной. Уарра шатнулся назад — на мгновение, выпучив от изумления глаза с большими белками. ДаКоста застыл на пороге — тоже изумленно, щурясь на дневной свет косыми от сна и водки глазами.

— Ну дела, — аккуратно прошептал он, оглядывая дым и руины вокруг, — нет, только не говорите, что это все я. Я столько не выпью.

— Это кто? — спросил... нет, не спросил, рывкнул Уарра, хватаясь за рукоятку ножа... Судорожно, до белизны на костяшках пальцев.

— Я тебя люблю, — сказал ДаКоста. На полном серьезе. На крыльях носа — маленькие веселые огоньки. Веснушки. Лианна встряхнула головой, бросила — дико, пьяным, безумным голосом. Уарре в лицо:

— Кто... Любовник мой. Нечего тебе было, Уарра, бродить, где ни попадя.

— Ловлю на слове, — улыбнулся ДаКоста. Ветер налетел, смял и взерошил давно не стриженные волосы. Лианна вздрогнула. Холодок по спине — поняла, что наговорила сейчас. Толпа за спиной — загудела, заговорила на все лады. Глухо, недобро. Уарра взревел — дико, на звериный манер. Сверкнул длинный нож. Кинулся вперед, поднимая клинок для удара...

— Тебя я тоже люблю, — на полном серьезе брякнул ему ДаКоста. Прямо в лицо.

Грянул гром. Глухой, раскатистый гром выстрелов двенадцатого калибра. В руках у ДаКосты — вороненая сталь. «Мир», штатное оружие флотских команд. Широкий, укороченный ствол, клеймо заводов «Итака мануфактори» на ложе, трубчатый магазин, скользящее цевье и самоспуск. Восемь патронов — восемь выстрелов, восемь яростных, рыжих столбов огня. Их рев слился в ушах Лианны в один... Рев, колючие вспышки, пеленой — сизый, удушливый дым... Лианна на миг ослепла и оглохла. А когда открыла глаза...

Когда она открыла глаза — ДаКоста все так же стоял, пошатываясь, закинув шотган на плечо. Уарра и прочие — Лианна глянула раз и отвернулась. Тут же, решив, что не хочет видеть то, что с ними сделала картечь двенадцатого калибра. Близко, почти в упор — от дикарей с молнией на щеках осталась красная, кровавая каша. Зазубренный нож лежал на земле. Длинный, прямой — тот, что выпал из пальцев Уарры. ДаКосте под ноги, прямо на флотские сапоги. ДаКоста откинул его каблуком, улыбнулся:

— Как мило с их стороны — придти с ножами на перестрелку.

Рыжим, ласковым пламенем разбежались по носу веснушки.

— Прости меня, — вырвалось у нее. Невольно. Скрипнул ремень. Шотган сверкнул полировкой в лицо, бросил в глаза солнечный зайчик.

ДаКоста просто кивнул. Перезарядил оружие — четко, руки уже не дрожали. Оглянулся... Раз, другой, недоуменно смотря вокруг, на разрушенную Фиделиту.

— Хесус Мальверде, ничего себе. Говорила Ирка — пить надо меньше. Куда бежать то теперь?

Лианна замерла, прислушалась. Рядом — тихо, на соседней улице бухают охотничьи сапоги. Бегут на выстрелы, но еще далеко. На западной околице — чуть слышное так-так-так... Лианна ткнула пальцем — туда, мол.

— Я слышу голос «вежливой леди». Яго жив. Наверное, нам туда...

— Вежливая леди? — переспросил ДаКоста, аккуратно, явно не веря своим ушам.

— Винтовка старого Яго. Он жив. Я узнала ее голос.

ДаКоста недоуменно посмотрел на нее. Пожал плечами, явно удивившись — он слышал лишь глухой стук. Но кивнул.

— Тогда, должно быть, и Эрвин рядом. Бежим туда...

И они побежали. Аккуратно, стараясь ступать тихо и держаться в тени. ДаКоста держал ее за плечо. Крепко. Да она уже и не думала вырываться, лишь пожалала плечами про себя. Усмешка богов — она сейчас бежала навстречу Ирине и Эви-королеве змей. Ладно, пусть ведьмы берут за шкурку и ведут, куда хотят. Уарра в его нынешнем виде — с перечеркнутой молнией на щеках — пугал ее теперь куда больше...

— Ох, Уарра, — не сдержавшись, выдохнула она, — ох, Уарра, что они с тобой сделали...

Подвернулась нога. Она на миг замерла, обернулась — сзади тихо. Все, лишь ворон кружит над пожарищем. У уха глухо загудела рыжая оса. Беги, мол, беги, не отвлекайся...

Там, позади, за ее спиной — Уарра воин рывком поднялся с земли. Сел, изумленно трясая головой. Поглядел вокруг, потом себе на руки — туда, где в складках кожи еще остались следы белого порошка.

— Кванто кхорне, я живой. Абимовы лоа и впрямь действуют, — прошептал он, глядя на хаос вокруг.

(на самом деле ДаКоста банально ошибся в зарядке, загнал первой в ствол шоковую, резиновую пулю, вместо бронебойной. Схватил не глядя, в темноте не заметив зеленый ободок на донце)

Ощупал себя — аккуратно, не до конца веря во все происшедшее. Рубашка порвана на груди. Левый рукав — тоже, вырван с мясом, на ниточке... Закружилась, пошла ходуном голова. Татуировка на левом плече. Давняя, детская.

Уарра замер. Пальцы будто огнем обожгло. Прикипели на миг, тихо скользнули вниз по старым знакомым линиям. Л+У...

«Уарра, что с тобой?»

Голос из памяти, тихий, знакомый голос. Уарра мотнул головой. Тяжело, скрипнув большими зубами. Оторвал руку от плеча — с трудом, пальцы упрямо не хотели слушаться. Провел по груди...

— Что со мной? Все просто. Я умер, — прошептал он, медленно проводя пальцами по линиям на груди — следам укусов лунного ножа, оставшихся от посвящения. В зомби, тела-без-души, допущенных к служению. Встряхнул ещё раз головой, разгоняя морок. Подхватил с земли рацию — коробка передатчика валялась у сапога. Вскочил на ноги и пошёл прочь, на ходу вызывая на связь. Абим приказал остаться и зачистить здесь все. Уарра не для того за год выслужился из рядовых бойцов в командиры ударного «провода», чтобы провалить за так простейшее задание.

Рация хрипела в руках, на связь, один за другим выходили командиры отделений.

В порядке... в порядке... в порядке все, шеф...

Бойцы были опытные — пять десятков своих, знакомых, прошедших тренировочный центр и — в нагрузку — сотня язычников: дикарей, пришедших из леса на запах добычи.

— В порядке, шеф... — прохрипел приемник в руках. Западный сектор, фоном в трубке — глухая стрельба — кто-то из местных еще держался, зацепившись за амбар на окраине. Засели крепко — пули стены не брали, черт бы звездных побрал вместе с их колдовским пластиком. Ничего, не поможет — амбар заблокирован, вокруг него — два десятка своих и парни из леса... Зато...

Уарра щелкнул наушником, сообразив — западный дальний дозор только что пропустил сеанс связи... Щелкнул клавишей — раз, другой... молчание...

— Дозор, ответьте мне, — рявкнул он, нутром чуя неладное, — Кхаан, почему молчишь...

Рявкнул еще раз, повторяя патрульного по имени:

— Кхаан... Ответь, лысый, тысячеглазый тебя побери...

Рация щелкнула. Из мембраны — одно короткое слово:

— Уже... Уже побрал...

И, фоном — рев. Низкий, грохочущий рев движка тяжелой машины. Уарра выругался. Уже на бегу, выкликивая по всем постам. Тревога.

Птица сделала круг над его головой — низко, едва не задев крылами еще болевшую голову...

— 31 Освящение оружия

— Ирина, мне нужны птицы, — проговорил Эрвин, с кресла стрелка. Сурово, то и дело вертя головой. Вокруг — зеленая, глухая стена. Влажный, тропических лес, зеленый и куда ни глянь — одинаковый.

— Эрвин, прости, мы опять заблудились, — подала голос Миа, отрываясь на миг от руля. Оглянулась тоже. Сверкнули ее глаза — туземные большие глаза с тонкими, вытянутыми в нитку зрачками. Ирина вздрогнула, не понимая, чего от нее хотят.

— Ирина, птицы. — окрикнул ее Эрвин еще раз. Глухо лязгнуло железо — подкова на флотском сапоге — о ребристую сталь пулеметной турели. Ирина кивнула — аккуратно и тихо. Лесная поляна все не шла с головы. Поляна, плакат, мертвые тела под ним — аккуратно разложенные в шахматном порядке тела. Кровь и желтые, толстые мухи... Потресла головой — тихо, в надежде, что все это окажется сном. Дурным сном, навеянным духотой и утренним промозглым туманом. Сейчас...

— Ирина, мне разведка нужна, — рывкнул Эрвин в третий раз, теряя терпенье. Ирина встряхнулась — и... поняла вдруг, чего от нее хотят. Дудка, короткий, тихий посвист. На него ответили — гамом, свистом и хлопаньем крыл в вышине... Закружила над головой круговерть — алые, желтые и пестрые перья.

— Где мы? — спросила Ирина, тихо, подняв голову вверх, навстречу серому небу.

В ответ свистнули — дружно, разом на десять голосов.

— Левее давай, — кивнула Ирина, машинально переводя в слова птичий свист. Хлопнули крылья, с неба спланировал, упал на борт бэхи орлан. Уселся на борт, встопорщив белые, лохматые перья на голове. Бэха дала газ. Захрустели, ломаясь, ветки, кусты раздались — машина качнулась на рессорах и замерла, посреди зеленой лесной поляны. Сверкнул — в глаза, тусклым золотом — четырехконечный латинский крест.

— Так вот нас куда занесло, — вздохнул Эрвин, оглядывая поляну. Знакомое место — часовня в лесу, они ночевали тут в ночь перед въездом в Фиделиту. Всего день назад...

Закричали птицы в вышине, орлан каркнул им в небо — задрал вверх кривой клюв, хрипло и яростно.

— Эрвин, поселок сгорел. Полностью. Нападавшие ушли. Эрвин я не понимаю...

Еще одна птица налетела, захлопала крыльями. Крик полоснул по ушам... Птичий крик, тонкий, пронзительный. Пичуга зависла в воздухе, тряхнула перед лицом Ирины крылом — белые перья по краям почернели, обуглились.

— Эрвин, ушли не все. Хуан убит. Старый Яго еще дерется.

— С кем?

— Не знаю, птицы видели лишь молнии на их лицах... Их много, человек двести. Эрвин, я не знаю — кого. И... Эрвин, там Маар и Лианна...

— Идем назад, — бросил Эрвин и длинно, забористо выругался. Сплюнул, прыгнул через борт, оглядел горизонт — внимательно, холодными, злыми глазами. Ветер налетел, кинул дымом в глаза, смешал на его голове короткие светлые волосы.

— Но не слепо, — проговорил он, наконец, глядя, как качается на ветру драконий клык на лобовом стекле бэхи. Медленно, в окружении бумажных лент. Диких на вид — их яркий, праздничный цвет резал глаз — сейчас, на фоне дождевого, посеревшего неба.

— Мне понадобятся твои птицы, Ирина. Скажи им — мне нужен ближний дозор. От

бэхи, кругом, по секторам, где-то на километр от нас, не далее. И дальний — пусть пара летунов пролетит над дорогой. Осмотрит кусты вокруг, свежие ямы — не дай бог мину днищем поймаем. И над деревней — кто, там, где и в каком количестве. Мне разведка нужна.

— Эрвин, нельзя приказывать «договорным». - начала было Миа. Ирина собралась, выдохнула. И оборвала ее одним коротким:

— Сделаю.

Дудка запела в ее руках- протяжно, грозной, переливчатой песней. Хлестнул по щекам ветер, защекотал нос черный, прокисший дым... Орлан распушил хвост, пронзительно закричал, запрокинув ввысь белую голову. Стая сорвалась — под крики и хлопанье крыл, вихрем, во всех направлениях сразу. Лишь яркие перья, кружась на ветру, медленно падали вниз, на черную, взрытую колесами землю.

Лязгнула сталь. Один раз, другой, третий — Эрвин поднимал откидные борта, закрывая броневой скорлупой лоб бэхи вместе с Мией и местом водителя.

— Эрвин, я так ничего не вижу, — пискнула было та. Не договорила — Эрвин поставил на место последний броневой лист, запрыгнул в кузов. Поймал Мию, без лишних слов ухватил за плечо, выдернул с кресла, напялил — не слушая протестов — каску и тяжелый бронезилет. И — почему то ватник. На такой-то жаре. Миа жалобно пискнула, вмиг покрывшись тяжелым потом

— Эрвин, жарко же.

— Не спорь. Тебе сейчас видеть ничего не надо — я сверху скажу, куда рулить. Тут есть камеры и связь. Только в бою оно все отказывает вечно...

Сказал он, кивнув, будто бы это что-нибудь объясняло. Не договорил, запрыгнул наверх, на место стрелка. Лязгнул стопор, медленно провернулись вдоль горизонта стволы. Лязгнули затворы, солнце сверкнуло — на миг, отразившись тусклым золотом на длинной патронной ленте. Ветер рванул с реки.

— Эрвин, каску одень, — окликнула его снизу Ирина.

Эрвин и одел. На Ирину, прежде чем она успела что-то сказать. Щелкнул пряжкой, дернул под подбородком ремень — крепко, у той аж слезы из глаз брызнули. Ухватил за плечо, втиснул на пассажирское кресло, обложил ящиками со всех сторон и велел не высовываться. Страшно, Ирина смогла в ответ лишь кивнуть. Хрипло закричал орлан с высоты.

— До надолбов путь чист, — перевела Ирина

Эрвин кивнул. В руках у Мии лязгнул рычаг, глухо зарычал мотор разбуженной бэхи. Рука замерла на руле — подрагивая, в ожидании команды «на старт».

— Девчонки, минуточку еще, — сказал Эрвин, спрыгнув вдруг обратно на землю. Ирина обернулась за ним — посмотреть. Ласково мигнул в глаза золотом крест над дверями лесной часовни.

Плеснул в глаза полумрак. И теплый свет — он здесь, внутри часовни, не тек, просачивался по капле сквозь листья. Ложился мерцающим ореолом, короной, на статуи у алтаря.

Взгляд с иконы — тяжел и прям. Эрвин поежился вдруг. Пожал плечами, сказал вдруг ни с того ни с сего, глядя в темные глаза Спасителя на иконе:

— Господи, прости. Стремно на бабах в драку ехать...

Взгляд с центральной иконы — будто корабельный капеллан, изрекающий любимую

приказку:

«С чем дали, юноша, с тем и работайте».

У ног статуи, на алтаре мелькнула вороненая сталь. И темное, блестящее полировкой дерево. Туземная винтовка, увитая покрывалом торжественных, исписанных рунами лент. «Имя ей, — Эрвин вспомнил давний разговор, — имя ей Лаав Куанджало, та что говорит по делу. Возьми ее, пусть скажет то, что может сказать. На благое дело».

Вспомнились утро, Ирина и ее недавние слова — страшные, пахнувшие бедой и непонятные. «Эрвин, беда.... Они яшень сломали». Лесную поляну, кровь на траве, дерево и мятый серый плакат. Иренино недоуменное: «как так?». И на глазах — слезы. По ложу винтовки — четкие, черно белые буквы. Надпись. «Так хочет бог».

Эрвин молча кивнул и подхватил с алтаря винтовку. Прошелестели, опадая, ленты, иконы и статуи словно кивнули ему. Ворчливо лязгнула сталь под ладонью — клац-клац. Затвор открылся легко. Все полным порядком — на вид, несмотря на время. Впрочем, время с трудом берет оружейную сталь, а смазывать Лааву Куанджало здесь явно не забывали. Эрвин закинул ствол за спину, не глядя, сгреб россыпь патронов в карман и шагнул прочь. В затылок мигнул теплый свет. Обе иконы улыбнулись ему на прощанье — так жена машет рукой, провожая мужа на работу утром.

Заурчал, разогреваясь, мотор. Ирина кивнула, Миа помахала ему. Замерла на миг, увидев винтовку. Губы ее дрогнули, расширились — удивленно — глаза. Потом она оторвалась от руля, сложила руки, кивнула еще раз. Даже не кивнула — поклонилась и низко. Винтовке в его руках.

— Рояне, — проговорила она, осторожно касаясь пальцем вороненой стали...

«Титул, как у живой. На местном языке: мудрая женщина, — сообразил Эрвин, даже не удивившись, — здесь, в языке просто нет среднего рода»

Запрыгнул рывком в БТР. И кивнул Мие, аккуратно уложив ствол — под рукой, поперек сидения:

— Имя ей Лаав Куанджало

Миа кивнула, протянула руку — аккуратно, коснувшись ладонью наплечного ремня. Будто поздоровалась. «Путь чист» — прокричали птицы из вышины. Эрвин махнул — «вперед». Беха взревела и пошла, раздвигая кусты — под лязг стали и птичий, пронзительный свист. Клубы черного дыма все плыли по небесам. С востока, от Фиделиты.

Их пытались остановить. Дважды, оба раза без толку. В первый — в глухом зеленом лесу, у второго ряда надолбов. Все произошло очень быстро. Птичий свист с неба, сзади — Иренин отчаянный крик. Сапог сорвался с подножки, прежде чем успела сообразить голова. Миа — прямо в затылок. Сквозь каску и ватник — не больно, а девочка — молодец — смогла быстро сообразить, рывком переключив рычаг передач с переднего хода на задний. Беха заскрипела, рывкнула и — как живая — скакнула назад. Вспыхнули и бессильно разбились о волнорез яркие вспышки. Грохот в ушах.

— Снайпера... в засаду попали, — рывкнул Эрвин, рывком разворачивая вдоль горизонта стволы. Заскрипела турель, в сетке прицела замелькали деревья. Толстые ветки, зеленые листья, густые и на вид одинаковые. Вновь свистнула птица, вновь рывкнул сердито мотор. Пуля пропела над головой. Другая разбилась о борт, выбив яркую белую искру.

— Эрвин, ищи желтого, на метр ниже, — прошептала снизу Ирина. Эрвин поймал глазами маленького летуна — желтая, похожая на попугая птица зависла над зеленой кроной вдали — почти неподвижно. Каркнул, кивнув головою орлан. Застучал в руках

Эрвина пулемет — короткой, хриплой от гнева очередью. Трассеры умчались вдаль, хлестнули по дереву, разнося в щепу ветки и листья вдали. Мелькнула черная тень. Там, вдали- неловко, дважды перевернувшись — полетело вниз и ударилось о землю тело.

— Один есть

Новая пуля звякнула о броневой борт, выбивши искру почти над головой склонившейся над рычагами Мии. Птица свистнула в вышине.

— Эрвин, алый, левее — шепнула Ирина еще раз. Проревел пулемет. И еще, и еще пока не затих птичий крик над поляной.

— Черт. И угостить даже нечем, — прошептал себе Эрвин ощупывая карманы. Не завалилась ли корка на угощение маленьким летунам: пестрым, желтым и алым.

Вторая стычка — на поляне, у пруда. Там, где еще день назад они с ДаКостой весело шутили насчет яичницы. Весело, да... А сейчас земля изрыта — вся, разбиты вдребезги драконьи яйца. Голова длинношеего Чарли — отдельно от шеи, на земле, вбита рогами вниз в разбитый грунт у дороги. Эрвин сморгнул — раз, потом два, гадая, кому мог помешать безобидный в общем-то ящер. Хрипло проорал с неба орлан. С востока, по дороге — топот множества ног, еще тихий, чуть слышный. Уарра гнал две «нити» — звена пехоты вперед — перехватить бэxu в узости у надолбов. Это было удобное место, но — птицы крикнули вовремя, бэxa свернула, затаилась в кустах — и длинная пулеметная очередь буквально снесла не успевшую развернуться колонну. Снесла, измолола вмиг — в красную, кровавую кашу.

— Вот вам, гады и яичница. Приятного аппетита, — сплюнул Эрвин, радуясь, что дым и черная пороховая гарь от стволов укрыли от Ирины подробности. Миа затянула песнь. Гортанную туземную песнь. Эрвин прислушался и улыбнулся, невольно. Туземка простодушно хвасталась небу, какие у нее, маленькой, грозные мужья и не менее простодушно жалела тех, кому не повезет оказаться у них на дороге. Проехали дальше. Песня Мии сменила тон — с гордого на жалобный, тонкий. Миа просила прощения. У убитого ящера, за то, что они, люди, не успели раньше. Эрвин на полном серьезе кивнул. Замер на миг сняв с головы шляпу. Это было глупо, но правильно — так. Поляна скрылась из глаз, и песня Мии вновь пошла веселее.

Потом была окраина Фиделиты, роща и поле — празднично-желтое от подсолнуха. Еще вчера. Сегодня — изрытое и перепаханное гусеницами до черной земли (флайера Дювалье использовали его, как взлетную площадку) Сломанные зеленые ветви, налитые желтые круги — разломаны и вмяты в сырую землю. Орлан хрипло, тяжело закричал — сверху, от волнореза. Убрал голову под крыло, не в силах видеть эдакое безобразия. Посмотрел на Эрвина — тяжело, топорща на голове лохматые белые перья. В глазах — больших черных птичьих глазах читалось недоуменное:

«Вы что, люди, совсем с ума съехали?»

Ирина пропела, Эрвин кивнул. Да, мол, съехали брат. Только не мы. Бэxa рванула вперед. Грянул ружейный залп. Вдалеке, на холмах замигали маленькие, яркие вспышки.

Прорваться с налету не удалось. Поле на окраине поселка — ровное, бэxa как на ладони. Стрелки с холмов били густо и точно, пули бились о стальные борта, высекая яркие рыжие искры из закаленной стали. С Эрвина снесло шляпу, Ирине оцарапало щеку отскочившей от борта чешуйкой брони. Эрвин, озлившись в момент, открыл огонь на подавление — щедро, длинными очередями, поливая трассерами холмы, башни и вспышки вдали. Насилу опомнился — от пулемета на таком расстоянии толку чуть, а зарядные ящики бэхи не

резиновые. По броне — дождем — частая дробь прямых попаданий. Машину тряхнуло. Спереди — облако искр, хруст и стеклянный звон — разлетелись в осколки оба курсовых фонаря. Миа издала испуганный крик — по триплексам, прямо перед ее лицом — побежала звездой паутина трещин. Захрустело под ногою стекло. Противным, тоскливым до ужаса звуком. Новый залп, новый дождь пуль по броне. Бэха дрогнула, затряслась от носа до кормы. Полоснул звоном жести и запахом гари — лопнул радиоприемник на полу, обдав людей потоком искр, дыма и вони сгоревшей проводки.

— Задний ход, — рывкнул Эрвин, швыряя прочь дымовую шапку, — Миа, крути обратно.

Смотровое стекло разлетелось, ветер завыл, неся внутрь гарь и пороховой дым. Прямо Мие в лицо. Над головой Ирины, в стальном листе — корявый звездчатый шрам. Пуля нашла-таки уязвимое место.

— Назад, — рывкнул он еще раз, глядя, как еще одна такая дыра разворачивается в броне рядом с его головою. Бэха, сердито лязгнула коробкой, дрогнула и поползла прочь на задней передаче. Медленно, пока не скрылась обратно за холм. Вспышки выстрелов еще мигали вдаль. Густо — с патронами у налетчиков было все хорошо. А с дисциплиной плохо — толку от стрельбы на такой дистанции чуть. Эрвин оглянулся. Над поселком плыл густой дым, густо, затягивая низкое серое небо. Черный, маслянистый дым, густой и плотный. Горел поселковый склад ГСМ.

«И будет гореть еще долго, — скрипнул зубами Эрвин, глядя на эту картину, — у Хуана этого добра... Кстати, как он?»

Каркнул с дерева ворон. Хрипло...

— Убит... Эрвин, Хуан убит... — прочла его мысли Ирина, — и мама Кураж... а собор взорвали.

— Суки...

Западный ветер разгонялся над озером, свистел над воронками, дул, прижимая к земле черный, удушливый дым. И небо сейчас — тягучее, серое, дождевое. Раньше он не видел такого здесь. Птицы кричали с небес, да глухая стрельба — резкое винтовочное так-так-так все билось в ушах, не утихало.

— Эрвин, птицы говорят — у Яго патроны кончаются.

— Пройдем... - ответил Эрвин, упрямо скрипнув зубами. Орлан спланировал вниз, сел у ног, клюя с земли сбитые колесами семечки. Склюнул, скривился, помотал головой. Под пальцами — Эрвин машинально полез в карман — по пальцам скользнула жесткая шерсть. Захрустели ветки, застучали шаги за спиной. Эрвин обернулся на звук и увидел знакомую звериную морду. Давешний «котик» — рогатый муур-зверь. Только еще один шип на воротнике обломал и выражение на морде — такое же недоуменно-дикое. Что, мол, за фигня, человек?

Эрвин пожал плечами и брякнул, неожиданно для себя:

— Мужики, выручайте.

Орлан с «котиком» переглянулись. В две головы, одна — изящная, с кривым клювом и белым, топорщимся вверх хохолком, и вторая — вытянутая, мощная, с двумя короткими кривыми рогами. И кивнули. Оба. Выразительно так. Едва ли не прежде, чем Ирина высвистела на дудке перевод Эрвиновых слов на звериный.

Над истоптанным полем плыл дым. Тяжелый маслянистый дым и копоть горелого масла. И рев. Мерный, оглушительный рев дизеля на больших оборотах.

Дикари открыли стрельбу — опять. Истовую, сполошную стрельбу на звук, не видя цели. Рация в руках Уарры-воина будто взорвалась — захрипела, захлебываясь криком, шумом стрельбы и короткими, невразумительными докладами.

... с севера, трое, один горит...

... Западный фас — один подбит, еще два удирают. Кванто кхонте...

... Северный пост, нас обходят, — шлите подкрепление.

... тысячеглазый, их много...

Уарра не мог понять. Дальние посты в джунглях успели доложить об одной «звездной» машине, патрули на поле — о двух сгоревших и трех — отбитых и ушедших назад в облаке дыма. А пока он недоумевал — орлан и «котик» успели сделать вокруг него полный круг. Орлан — с чадящец дымом шашкой в когтях, «котик» — с подвешенной на рога «шумелкой» — имитатором. Аккуратно, не залезая под дикий, бесцельный огонь. А бэха...

Бэха в руках у Мии прибрала газ и — на пониженной, медленно, стараясь без нужды не шуметь — пошла вперед. Тихо, прячась от чужих глаз облаке дыма. Черного маслянистого дыма от склада ГСМ. Западный ветер нес его, прижимал к земле, заботливо кутал ползущую наощупь машину. Через поле к озеру, сквозь сухо трещащие под днищем заросли камыша. Прямо на площадь, к разрушенному вчера собору святой Фотинии...

Бой в поселке для Эрвина распался на ряд ярких, бессвязных картин. Серое, давящее небо небо, клубы дыма, неровная груда камней — все, что осталось от собора святой Фотинии. Так и не достроил его председатель Хуан. Западный ветер гудел в разрушенных трубах эоловой арфы — уже не ангельски, низко, тягучим жалобным воем. Искореженный, смятый в лепешку джип — рядом, кверху колесами. Срубленный, разнесенный лазерными лучам забор, еще вчера такой аккуратный. В грязи, на земле — белые цветы. Кто-то прошелся по ним сапогами. Топот множества ног — быстро, почти бегом. Птичий свист в вышине, Иринин шепот:

— Эрвин, это не наши...

Пулеметный рев. Перед глазами — двумя столбами — стена огня и черного дыма. Черного дыма, рыжего, злого огня. Трассера хлестнули змеиным хвостом по земле, бэха, утробно взревев, буквально прыгнула вперед, разминая колесами остатки пехотной колонны. Восемью черными, шипастыми колесами, каждое — почти в человеческий рост.

Кнутом хлестнула по ушам тишина — звонкая и оглушительная, после недавнего рева. Миа в водительском кресле качнулась вдруг, затянула — горлом, на одном выдохе, дико.

— Грозны враги мои, грозны, крики громки, а поступь их по земле — страшна, как шаги сотрясателя-зверя. Были, я больше не слышу ее... Спасибо, мужа мои...

Наклонилась и поцеловала руль, еще красный от крови, хлестнувший через разбитый триплекс, Эрвин изумленно сморгнул... Справа неровный пенек — рухнувший ясень, сбитый, оцетинившийся белой влажной щепой. Ирина подхватила песню, вывела — на два голоса, хором с Мией — последнее слово.

«Спасибо»...

Эрвин поежился: почему-то стало не по себе. По небу плыл черный дым. В воздухе, сквозь тугую, вязкую тишину пробрался гул. Низкий, тоскливый гул, стон плакальщика на похоронах — западный ветер выл в эоловых трубах разрушенной церкви.

Ладонь у Ирины — бледна, на лице — тоже бледность и следы копоти. Черные разводы почти укрыли ажурную вязь. Только дрожали чуть изтончившиеся враз губы:

— Так правильно, Эрвин, не спорь... И еще... Помнишь — я спрашивала тебя — кто они, откуда? Забудь. Это неважно. Совсем. Я хочу, чтобы их — не было.

Это было сказано просто, спокойным, будничным — таким диким здесь — тоном. Молоко поставь в холодильник, мусор вынеси, врагов- закопай. Подальше, в лесу. Может, новый ясень вырастет, взамен сломанного.

Эрвин только кивнул. Сделаем, мол. Мотор взвыл опять, бэха пошла вперед — качнувшись, словно тоже кивнув Мие ножом волнореза.

Потом были деревенские улицы, повороты, разрушенные стены и дикари бросавшиеся на бэху из-за углов. Бездумно, истово, вопя на бегу «кванто кхорне». Пули звякали о броню, уходили в небо яркими звездами рикошетов. Ревел пулемет, редела дизелем бэха, Миа за рулем тянула тягучую песню. Эрвин потерял шляпу, орлан разнес клювом лицо дикарю, почти запрыгнувшему с ножом в зубах на открытый борт.

Разворот, хруст дерева — они въехали задом в старый, разрушенный двор. Рухнувшая крыша, обгорелые, измочаленные пулями балки опорных столбов. Дом местного кузнеца. Эрвин свернул сюда, чтобы оглядеться перед финальным рывком. До амбара и Яго осталось

всего — ничего. Каких-то двести метров по прямой, не хотелось нарваться по глупому перед самым финишем.

Бэха проскрежетала днищем, зацепила и отбросила в сторону кровельный лист. Ирина сзади — ойкнула вдруг. Чудным, булькающим в горле звуком. Машина затихла, Эрвин — рывком — перегнулся, посмотрел вниз, под колеса. И тоже с трудом удержал на месте желудок. Светлые косы, ободком вокруг лба — белые, трепещущие цветы. Будто бы даже пахнут еще — тонким, щекочущим нос ароматом. Лицо уцелело, Эрвин узнал ее — тогда, на площади, девчонка с венком на голове. Что-то спросила тогда, засмеялась, вогнав Ирину в краску. Эрвин не понял — что. И уже не поймет. Голова и лицо уцелело, а то, что ниже — нет. Насильников было много, и на воображение они не жаловались.

— Эрвин, это как? — лицо у Ирины — бело, все от шеи до корней волос. Губы дрожат.

— Никак... — рявкнул Эрвин. Спрыгнул с машины, кинул обратно кровельный лист. Прикрыл тело, аккуратно, бережно. Еще не похороны, просто — подальше от глаз... Рядом, в углу — небрежно отброшенная старая совковая лопата, вся, от лезвия до черенка — тоже в крови. Должно быть, именно ей и убивали.

Почему-то вспомнился давешний теплый вечер, целая еще Фиделита, прогретые солнцем камни и тихий голос отца Вениамина:

«Ветхий завет потому и ветхий, юноша, что люди с тех времен чему-то, да научились»

Бинокль лег в ладонь, провернулись, настраиваясь на резкость, окуляры.

— Только кто-то, похоже, остался на второй год, — хищно прошептал Эрвин под нос, оглядывая сквозь цейсовское стекло боевые порядки осаждавших амбар и Яго налетчиков.

Не так уж и много, человек тридцать. В две цепи, одна залегла в укрытиях лицом к амбару, к серым высоким стенам — сторожат Яго. Стены — всера блестящие, новые, теперь изрыты прямыми попаданиями и выщерблены, но держатся. Другая цепь поспешно разворачивается поперек улицы... Еще группа — точнее, тесный кружок — на коленях, в углу, под кровлей разрушенного сарая. В центре — какой-то здоровый, голый по пояс хмырь с прической, закрученной кверху, на манер оленьих рогов. Эрвину он поначалу напомнил десантного замполита — тот так же смешно говорил, помогая себе руками. На лица, с пальцев «рогатого» брызнул, потек волной порошок. Толпа рявнула вдруг «кванто кхорне»... Эрвина передернуло. Глаз уколол тихий блеск. Слева, на дальнем краю села, в тени под навесом... Аккуратно подкрутить окуляр...

— Черт... — прошипел себе Эрвин под нос, — едва не вляпались.

Из-под навеса, из тени балок и перекрытий щерила с треноги беззубую пасть дуло безоткатной, автоматической пушки.

— О, черт... прошипел Эрвин еще раз, оглядывая поле. Толково поставили, не обойдешь... А переть в лоб — на ровном месте, на ствол калибра сто миллиметров — от бэхи останется рваная, пустая коробка. Бессмысленная, черная, выгоревшая изнутри. Разве что...

Сзади — стук дерева и звук осторожных шагов. Эрвин обернулся — и увидел Ирину. Она спрыгнула с брони... На минуту замерла, присела, закрывая глаза убитой.

— А ведь я помню ее... — сказала она вдруг тихо... — вчера, на площади. Она еще на предмет твоего гарема шутила... спрашивала, есть ли места... Но господи, лучше бы я согласилась тогда...

— Ир, не надо сейчас...

— Я в порядке, Эрвин, не думай. От Эви гонец — Яго просит поторопится.

— Гонец? — переспросил Эрвин. И замер, недоговорив. У Ирины на рукаве — серебристая, тонкая лента. С трещоткой на гибком хвосте... Хрипло каркнул сверху орлан. Змея подняла голову, зашипела.

— Передай Эви, мы скоро...

Эрвин на полном серьезе кивнул. И добавил, глядя прямо в черные змеиные глаза:

— Вот только с пушкой придумаем, что делать...

Змея зашипела опять, мелькнул длинный язык меж клыков — раздвоенное, тонкое жало.

— Эрвин, ты посмотри выше...

Выше укрытого в руинах ствола, в тени, скрытая от глаз за искореженной кровлей, почти над головой пушкарей вилась кольцами толстая, изумрудно — зеленая лента.

— Ага... — оскалился Эрвин — хищно и зло. Запрыгнул обратно в бэу, посадил Ирину, махнул рукой Мие — «заводи». Глухо взревел мотор. Рев пролетел над головами людей, над полем до стен и обратно. Тяжелый и яростный рев. На поле перед амбаром — «рогатый» хмырь поднял руки, завопил своим — нечеловеческим, яростным криком. Эрвин не разобрал — что. Довернул вдоль горизонта ствола и поймал врага сеткой прицела.

Мир качнулся в глазах. Вверх и вниз — машина рванулась вперед, завывая и кренясь на рессорах. Серое небо, черная земля. В черной рамке прицела. Короткая, яркая вспышка, «рааашшшш» — короткое, вкрадчивое пенье воздуха. Близко, у самого уха. И только потом — громкое «бум». Вспышка, маленький рыжий огонь впереди. Пушка успела выстрелить. Эрвин, обернувшись, увидел, как — медленно — отлетает прочь яркая, блестящая гильза, как щерит зубы в улыбке чернявый наводчик, как — тоже медленно, плавно, как под водой — доворачивает на цель дымящееся, тонкое дуло. У наводчика — кожа белая, в алебастр или прокисшее молоко. А над губой смешной клок волос — недобрился.

Лязгнул стопор. На мгновение заклинило пулемет. Как на грех — обеими стволами в другую сторону.

А потом сверху свесилась изумрудная гибкая плеть. Длинная, толстая — куда шире дымящегося дула — и гибкая. Живая, увенчанная треугольной головой. Упала, оплела кольцами станины, зарядные ящики, дуло пушки, людей. И сжалась, перемешав все в миг в одну красную, кровавую кашу. Бэха качнулась, время на глазах ускорила обратно, до нормального хода — резко, толчком. Визг тормозов хлестнул по ушам. В глазах — серые стены, дым, искаженные лица и рыжее пламя — колесом. Бэха проскочила поле насквозь, развернулась — лихо, с заносом, под вой сирен и отчаянный скрип дымящихся черных покрышек. Миа из-за баранки крикнула — в тон машине, лихо и яростно:

— Ахой. Эрвин, мочи собак...

Глухо выл пулемет, поливая огнем из стволов чужие, украшенные перечеркнутой молнией цепи. Ответный огонь слабел — глухое винтовочное так-так еще летело с разных сторон, но уже реже и реже. Бэха чуть сбавила ход, Эрвин как бешенный крутил стволами туда-сюда, щедро поливая свинцом каждый серый дымок и каждую рыжую вспышку. Еще разворот. Пластиковая, серая стена амбара — уже рядом. Лязг стали, четкий, отрывистый залп — коммандо вступило в бой. Эви махнула рукой, высунувшись на миг из укрытия. Рано — пуля чиркнула по гребню, рядом с ее головой. Скрип турели, оба ствола — в разворот. Налево, на вспышку. Полыхнула короткая очередь, брызнула в небо желтая кирпичная крошка, чужой стрелок дернулся, упал и затих. А рядом, на поле....

Эрвин невольно сморгнул. И еще раз. И еще, видя, но не понимая. Зеркальнолицый.

здоровенный дикарь — тот самый, огромный, с волосами, скрученными на затылке на манер оленьих рогов. Он стоял во весь рост, с ухмылкой, щеря на Эрвина крупные желтые зубы. Под ногой — камень, перепаханный вдоль и поперек очередями. Эрвин выругался люто, сквозь сжатые зубы. Довернул пулемет, поймал «рогатого» сеткой прицела, мягко, привычным за сегодня жестом, спустил оба курка. Сверкнули молниями трассера, пули пропели, выбили фонтан брызг на земле. Дикарь подпрыгнул на месте, захохотал, показав замершему Эрвину средний палец. Подпрыгнул опять — смешно, дернувшись обеими ногами на месте. А потом развернулся и побежал. Большими прыжками, к бэхе, смеясь на ходу как безумный. А в руках его...

В левой руке дикарь держал длинный нож, а в правой — круглый предмет, до ужаса похожий на противотанковую гранату. Застучал, забился в руках у Эрвина пулемет. Пули запели, прошли прямо в грудь дикарю. Земля закрутилась, брызнула фонтаном у самых ног, но без толку — выше и ниже. Опять... Дикарь крутанулся на месте, опять подпрыгнул и радостно заорал. Ни одна пуля его не задела.

— Господи, помилуй... — прошептал Эрвин, наводя в третий раз пулемет... Оба ствола уже багровы от перегрева. Звонко щелкнул боек. — лента кончилась, зарядный ящик пуст. На груди дикаря, от плеча к поясу — длинная белая полоса. С алой каймой, надета торжественно, как орденская лента... На секунду... Зеркальнолицему осталось десять шагов. Эрвин понял вдруг — шестым чувством — что это на нем за трофеем. Юбка содранная с той, деревенской девчонки. Той, что Эрвин оставил лежать на дворе позади, укрыв листом мятого, кровельного железа.

— Собака дикая, — прошипел Эрвин под нос. Мягкое, полированное дерево скользнуло в ладони, приклад вжался в плечо. Дикарь взмахнул рукой — правой с зажатой в кулаке гранатой. Заорал, готовясь к броску. И упал на землю. Тихо, грязным, смятым кулем. С дырой калибра 7,62 в голове. Эрвин опустил ствол. Тот самый, «Лаава Куанджало», винтовку подобранную в часовне — пригодилась таки. И, воистину, она была дамой, умеющей говорить по делу.

Эрвин передернул затвор, посмотрел на полет отброшенной экстрактором гильзы. И с удивлением сообразил, что уже мгновение ничего не слышит. Потряс сперва головой — решил, что ненароком оглох. А потом понял, что все проще — поле затихло, кончилась стрельба наконец. Птица запела вдали. А в остальном — стало так тихо...

Уарра-воин оскалился вдруг, отрывая на миг взгляд от сетки прицела. Круук, проводный унгаан получил свое наконец, таки да, несмотря на лоа и всю их магию. За дело — приставленный Абимом к Уарре шаман битый месяц не сколько работал, сколько писал Абиму доносы. И на рядовых парней, и на него, Уарру — носит де, боец великого кхорне на плече постыдную для воина татутуировку. Лучше бы он лоа своих так же ревностно ублажал — глядишь был бы жив и крестовые, там, внизу, не вытирали бы сапоги о его тело. И тысячеглазый с ним, роль наживки в засаде горе — унгаан отработал. А потом лоа съедят его череп и уйдут к Уарре, став лишь сильнее от смены хозяина. Крестовые шевелились внизу. Еще настороженно, аккуратно оглядываясь по сторонам, но — с каждой минутой все смелее и беззаботней. Вышли из амбара, поздоровались — Уарра сверху видел поклоны и церемонные пожатия рук. И начали расходиться — кто куда, все дальше и дальше от входа в чертов амбар. Еще чуть-чуть... Железная машина вообще замерла, страшные стволы вертелись туда-сюда, бессмысленно уставившись дулами в серое небо. Уарра усмехнулся — тихо, одними губами, придвинул винтовку к себе. Невиданную здесь — тяжелую,

снайперскую, с треногой и оптическим, мощным прицелом. Подарок Абима — проводному Уарре за отличную стрельбу. Даже отсюда, с вершины холма — сквозь линзы оптики стрелок бэхи был виден ясно. Лохматый светловолосый, нескладный парень. Рукав надорван, под глазом — синяк и лицо — все — в тонкой черной вязи свежих ожогов «тари». Раззява звездная. Даже не верится что такой мог — сейчас, у Уарры на глазах — положить в два ствола всю дикую банду Круука... Ладно, тысячеглазый с ним — думал Уарра, глядя, как ветер гоняет волосы у звездного на голове — светлые на фоне желтых и черных полос прицельной сетки. На руке чуть слышно хрипнула рация

— Долго еще, командир?

— Ждать... пока ждать. Я скажу... — прошептал Уарра в ответ. Своему заму, туда вниз, в развалины Фиделиты. Еще после первой стычки с бехой на подсолнечном поле Уарра понял, что дело идет не так. И выдернул из боевых порядков человек тридцать самых надежных и опытных — к себе под руку, в личный резерв. А потом, когда по вспышкам внизу стало ясно, что бесноватая машина звездных рвется к амбару — Уарра решил убить всех одним махом — то есть бесноватого Круука, железную машину и засевших за стеною людей. Всех. Засада на позиции и ждет сигнала. Поле ровное, чужие люди внизу видны четко, как на ладони. Светловолосый пулеметчик меняет стволы. Голова в прицеле, ветер гоняет и мнет волосы на непокрытой голове. Попасть, даже с такого расстояния — винтовка надежная, пара пустяков. Только... Уарра замялся на миг. Если звездный сумел завалить Круука, со всеми его лоа — удачи у него на добрый коммандо хватит. С такой лучше не связываться, может и опять повезти. А вот...

Уарра прижал винтовку к плечу и слегка усмехнулся. В лобовом скате бэхи — дыра... Черный провал, похожий на синяк под глазом... Удобно — под таким углом винтовочная пуля пройдет машину насквозь — прямо в топливную капсулу. Триплекс выбит, кресло и тонкий настил не задержит остроносую зажигательную пулю, водитель — Уарра прошептал сердитое «ведьма», увидев внизу зеркальное лицо, точеные скулы и улыбку. И длинные черные волосы — волной, расческа скользит вверх и вниз в тонких пальцах. Каска снята и небрежно брошена рядом, расстегнута пуговица на высокой груди. Щелкнул под пальцами тумблер. «Автоматический огонь». Водитель ему точно не мешает...

Западный ветер гулял там внизу — налетал, подкидывал, крутил Мие волосы. Разгонял дым. Завыл в трубах, задул сильнее — на миг раздвинул, развел облака. Сверкнуло солнце. Уарра повернул ствол, чуть-чуть, аккуратно, беря поправку.

Все произошло быстро. Очень быстро, Эрвин так и не успел ничего понять. Просто — раскричалась птица вдали, над холмом — далеко, маленький желтый комок на фоне серого неба. Ирина вдруг замерла, запнулась на полуфразе. Ветер раздвинул тучи, солнце блеснуло в глаза — от холма, стеклянным, мертвенным блеском. Эрвин ничего не успел понять. Просто — тяжелый флотский сапог рывком сорвался с подножки, ударил, впечатал Мию в плечо — смял, вдавил головой в руль, не думая, с маха. Мимоходом сорвался рычаг передач, коробка лязгнула, бэха взревела словно живая, чихнула мотором, прыгнула на первой вперед. Расцвела яркая вспышка — цветком на броне. У триплекса, Мие — почти у лица. Глухо пропел рикошет. Эрвин зарычал, выпрямился, вскинул ружье — и быстро, почти не целясь, выпустил пулю вверх, туда, где на склоне холма меркнул на мгновение солнечный зайчик. Грохот полоснул по ушам. Заныло плечо. Отдача у Лаавы была просто зверская... А затвор ходит легко. Клац-клац... Выстрел, еще один... солнечный зайчик вверху дрогнул, разлетелся на брызги. Еще выстрел... погас... Еще один — быстро, пока стрелок не

опомнился...

— Эрвин, это все.

Голос Ирина — оглушительно-тихий, вязкий. Слишком тихий для Эрвиновых оглохших напрочь ушей... Холмы молчали, солнце скрылось, стеклянный отблеск погас. Птицы метались, кричали вдали — шумные, ярко-желтые, алые. Тяжело хлопнули крылья — орлан взлетел ввысь. Прозвенели мониста, кивнул головой изумрудный питон. Орлан хрипло каркнул им с вышины. Миа поднялась, вытерла кровь с разбитой губы. Аккуратно провела пальцем по изрытой броне — по засечке от пули, тянущейся по стали вверх, почти самого триплекса. И поклонилась. Даже не Эрвину — винтовке в его руках. На лице — синяк, от щеки до глаза, дугою. След от руля.

— Прости...

— Ничего. Главное, бой закончился.

Это и впрямь было все... Командира засады потом нашли в кустах с посиневшим лицом — подданные Эви ползали медленно, зато жалили больно. Поселок молчал. Лишь эоловы трубы выли вдали, да — тихо, закрывая платками глаза, плакали навзрыд уцелевшие женщины. Облако искр взлетело в небо, глухой треск вдалеке — рухнула, прогорев таки, крыша склада...

— Что это было? — спросил еще раз Эрвин. Ошалело трясая головой — будто все хотел и не мог вытряхнуть из ушей тишину — вязкую и глухую, как вата. Обвел взглядом вокруг — раз, другой. Руины, обломки, рядами — обгоревшие опорные столбы домов — словно черные пальцы тянутся в небо. Грозят... Детский, нелепый жест — ведь небо сейчас — такое высокое...

— Что это было? — спросил Эрвин в третий раз.

— Не знаю, — ответил ему, подойдя ближе, старый Яго. Винтовка лежит на плече, а глаза — в тон небу, серые, непроницаемые. Кривится, щерит зубастую пасть на скуле нарисованный мелкий котенок...

— Не знаю, — повторил он, — Они пришли ночью, как падальщики. Сожгли все. Я видел много людей, машины — не наши, запрещенные здесь, видел налетчиков — их бесноватые крики и лица украшенные молнией. Сколько живу — не видел таких лиц и не слышал таких криков. Раньше бывало — поселки гибли, деревни горели, людям приходилось прятаться или бежать. Но это делали звери, вроде сотрясателя, а не люди. Были перестрелки с людьми — ваши, ушедшие из городов, или местные — если коммандо чего не поделят. Но такого... Я даже не знаю таких слов в языке...

— Это война... — хотел было сказать Эрвин. И не сказал, не смог. В туземном языке было тысяча и одно слово для охоты на зверей, одно — яростное, но милосердно-короткое — для перестрелки с бандитами. И еще с десятков — для обозначения ритуализированных донельзя разборок между туземными «коммандо».

«Теперь появится» — подумал он, оглядывая руины. Яго повторил за ним — на земном, чужое горло добавило резких, шипящих звуков земному слову. Будто по стеклу — сапогом...

— Старый я — новые слова учить... — добавил Яго потом, когда последний звук отскрежетал в его горле, — но делать нечего теперь — придется.

Эрвин молча кивнул. Потом добавил

— Знать бы, с кем...

Их прервали. Окриком слева, из-за длинной, обгорелой стены. Эрвин глянул туда — и, совсем неожиданно для себя напоролся на нескладную фигуру ДаКосты...

— Черт, а я его уже похоронить успел... — прошептал Эрвин раз, потом другой — радостно было видеть его длинную, нескладную фигуру. Лианна рядом, в руках — короткий флотский шотган. И...

Увидев Эрвина, ДаКоста улыбнулся вдруг, оскалил желтые зубы:

— Да вот, уж думал, совсем заблудился, гляжу — бегут. Быстро бегут, аж сапоги сбили, бедные. И, судя по битым мордам — от тебя. Ну я их и тормознул. Спросить, значит, дорогу как водится.

И точно — перед ДаКостой — трое. Плоские скулы, зеркальные лица, перечеркнутая молния на щеках... Потерянные, невидящие ничего глаза. А руки — за головой, согласно уставу конвойной службы...

Щелкнула бусина переводчика. Вызов... ответ... В ухе — голос Ирины:

— Что случилось?

— Ир, подойди сюда. Мы взяли пленных...

Когда Эмми проснулась — за окнами был уже день. Серый, пасмурный день — неяркий свет тек, струился столь круглые окна. Эмми зажмурилась даже сперва, сморгнула — до того необычен он был сейчас, после стольких дней синевы и яркого солнца. Стены вокруг — тоже серые, гладкие, без излишеств. Не похожи на те, что были вчера. В груди глухо бухнуло сердце. Эмми зажмурилась, потом открыла глаза еще раз, огляделась, спрашивая себя — куда же ее занесло? Черный Дювалье, летающий дом, мягкий шелк простыней и, на потолке — слепящий глаза блеск золотой лепнины. Уж не сном ли все это было? Но со стены текли на пол знакомые, измятые абстрактной картиной часы. Нет, не сон. Слева, от двери донесся тихий, настойчивый стук. И клацанье замка — сразу, без паузы. Эмми повернула голову. Вошел Черный Гарри — Абим. Молчаливый секретарь Дювалье — как всегда огромный, прямой, стальная двутавровая балка. На голове белый бинт — перевязана. И бледен еще — антрацитовая обычно кожа посерела, в тон сумеркам за окном. Вспомнилась ночь, схватка, стук пулемета, крики «Абим убит». Значит, не сон... Но тогда — почему вокруг не знакомые, расписанные золотом стены гостевой комнаты?

Абим замер на пороге и поклонился. Ей. Это было неожиданно. Как и слова, последовавшие потом, когда черная голова распрямилась:

— Босс распорядился перевести Вас в комнаты для персонала.

— Для персонала?

— Да. Это командное крыло. Все начальство здесь. Я живу через стену, по коридору, если хотите знать...

— А... — Эмми хотела спросить «А Дювалье?», но в последний момент замялась. Абим угадал — улыбнулся, кивнул, показав рукой на щель в дальней стене. Скрытую, неприметную дверь.

— Спальня босса. Прямой ход.

— Но... Это... — Эмми не нашла, что сказать. Абим кивнул еще раз. В его руках прошелестела, разворачиваясь, плотная белая бумага.

— Вы правильно поняли, мэм. Босс распорядился предложить вам контракт. Берет на работу... Если согласны, конечно.

Эмми с минуту смотрела в лицо Абиму — не шутит ли тот. Но лицо того оставалась ровным, лишь в руке появилась бумага — пачка сшитых листов и толстая, перьевая ручка. Не шутил. В голове не укладывалось.

— Но... таких, как я, федеральный закон брать на работу запрещает..

— Забудьте про федеральный закон. Босс сам устанавливает правила. Потому он и босс. Берите, не сомневайтесь...

Эмми машинально взяла бумагу из его рук. Пролистнула — стандартный, бессрочный контракт на ее имя. Проживание, транспорт, оклад... Стандартно — в федеральных долларах и местной валюте пятьдесят на пятьдесят. Только — губа Эмми дернулась, а глаза — запнулись, ища среди ряда нулей пропущенную запятую.

— Нет, это не опечатка, — усмехнувшись, успокоил ее Абим, — подписывайте, не сомневайтесь.

Скрипнуло по бумаге золотое перо. Завитушка росписи, расшифровка — по правилам, через тире. И только потом Эмми бросила взгляд вверх. На шапку. Дювалье и впрямь

наплевал на правила или просто — шутил. В графе «должность» красовалось знакомое слово.

«Брамимонда»...

«В переводе с туземного — смерть...» — подумала Эмми, невольно сглотнув. Подняла глаза. Абим еще раз кивнул

— Не волнуйтесь, это не шутка. Вам потом объяснят... А пока...

Бумага исчезла, вместо нее, в руках у Абима — прямоугольный длинный предмет. Шкатулка. Еще поклон.

— Это за вчерашнее. Босс благодарит Вас, мэм. И он просил передать подарок...

Мягко стукнула крышка, ледяной блеск уколол глаза. Эмми сморгнула раз и другой. Вздохнула — глубоко, гоняя по легким застрявший враз воздух.

— Та самая, мэм. Теперь ваш — так сказать, инвентарь... — подмигнул ей внезапно Абим, сверкнув белыми зубами в улыбке.

На бархатной подушке лежала нейроплеть — та самая, судя по Абимовым словам. В выключенном состоянии — железный стержень, стальная сорокасантиметровая рукоять с генератором поля внутри и кнопками управления у кольца-гарды. От сизой, кованной стали наверхья, потом — вниз — рукоять — шершавая акулья кожа, белое золото и желтая медь — Мастера Дювалье постарались за ночь, сменив вытертые ладонями щечки захватов. На яблоке — льдистый, злой блеск. Буква Б, выложенная сверкающими камнями.

«Нафига здесь стекло?» — машинально подумала Эмми. Заслезились глаза. От камней шло мерцание и вкрадчивый, неяркий блеск. Радужный, мягкий, колдовской — стекло в жизни не даст такой игры оттенков. Эмми выдохнула еще раз и обозвала сама себя дурой. Абим кивнул, заметив ее удивление:

— Настоящие камни, не сомневайтесь. Работа Сваровски. У босса все первый сорт, я говорил.

Сказал он, чуть дернув от обиды лицом. И отступил на шаг, давая понять, что разговор окончен. Но не ушел, замер у двери статуей — ожидая. Чего? Эмми замялась — на миг. Инстинкт требовал бросать все и прыгать в секретную дверь, к Дювалье, желательно — избавившись по пути от мягкой теплой пижамы. Алмазы на рукояти мерцали, складываясь в слова...

«Достойная коса для моей смерти. Всегда остра...»

Эмми подняла глаза, спросила — четко и твердо, неожиданно для себя.

— Здесь есть тренировочный зал?

— Конечно... — кивнул Абим. Чуть расширил глаза — Эмми показалось: во взгляде его мелькнула тень уважения...

На экранах — вспышки света сквозь густой полумрак. Одна за другой — багровые всплески, яростные, мерцающие радугой на глазах. Прямая трансляция из тренажерного зала — стрелковые боты старались вовсю, поливая огнем тонкую, почти неуловимую глазом человеческую фигуру. Эмми Харт...

— Рожу себе попортит — вычту из жалования... — сердито подумал про себя Дювалье, делая пометку в блокноте. На экране — серия вспышек. Близко, почти у лица. Убить тренировочный заряд не мог, но ожог бы оставил изрядный...

— Ха... — крикнул из-за плеча босса Абим — задрав голову, в запале, хрипло. Фигура на экране ушла в сальто, уклонилась от лучей одним резким, неуловимым взглядом движением. Хлопнул раздираемый воздух, по экрану — змейкой — зеленый огонь.

Нейроплеть. Запахов экран не передавал, но Дювалье его почти почувствовал — острый, щекочащий нос запах озона. Разворот — изящный, почти балетное па. Удар наискось. Взрыв. Просто негромкий хлопок — и стальной бронированный куб легко развалился на две половинки.

— Вычесть из жалования, босс? — спросил Абим, глядя на дымящиеся обломки.

— Разумеется, нет, — усмехнулся в ответ Дювалье, — награди. И закажи новый.

По экрану — рябью, чередой вспышек. Роботы усилили стрельбу. Фигура Эммы на экране завертелась — и волчком, яркой лентой вокруг нее забилося хищное зеленое пламя. Еще один робот перевернулся, взлетел, рассеченной зеленой молнией надвое. Рухнул вниз, обдав экран клубом дыма.

— А она хороша... — усмехнулся Дювалье, глядя, как скользит, изгибаясь, в дыму ее тонкая фигура.

— Да, босс... — вдруг улыбнулся Абим... Широко... Дювалье даже чуть удивился, глядя сквозь полумрак, как белеют во тьме его ровные зубы... С экрана — короткое так-так-так... От Эммы, от левой руки — серия коротких, огненных вспышек. Последний робот затих, бессильно уронив длинные руки. Вспыхнул свет, вентиляция взвыла, черный дым закружился — спиралями под потолок. Эммы на миг замерла, сквозняк взьерошил и смял отросшие в гриву рыжие волосы. В опущенных руках — погасшая нейроплеть и пистолет, отливающей вороненой сталью.

— Ствол я добавил от себя. Нейроплеть хороша, но для ближнего боя, — поспешно сказал Абим, слегка поклонившись. Быстро, Дювалье даже не успел удивиться. Только кивнул:

— Хорошо. Не вижу марки. Наш штатный Буйвол?

— Нет, босс... не по ее руке. Кисть у нее маленькая, наш штатный ей бы всю ладонь вывернул. Мой старый люггер, помните, босс? С Эрзул Дантор на рукояти?

Дювалье молча кивнул. Он помнил этот люггер у Абима в руках — иногда, на миссиях, когда требовалась надежность и точность, а не убойная сила. И поддержка лоа — недаром на костяной рукояти парабеллума был выложен идол — лицо с тремя шрамами. Эбеном по белой слоновой кости. Странно даже, что Абим расстался с таким пистолетом сейчас. Впрочем, в последнее время, черный гигант был не в ладах с женской веткой выдуманной им же религии...

Может быть... Эммы на экране повернулась, оглядывая зал. Откинула со лба волосы — они взлетели и упали назад, обвилились кольцом огня вокруг шеи. На рубашке — сорвана верхняя пуговица. Чуть сбито дыхание — сейчас, боком к камере в профиль видно, как белой волною вздымается и опадает высокая грудь. Дювалье пробарабанил пальцами по столу. Сказал, тихо, чуть хрипло:

— Вызови ее.

— Я дал коммуникатор, босс. Литера Б на клавиатуре. И...

Тут Абим нагнулся через, дернул ящик стола — верхний, с маузером. Открыл и тут же закрыл, убедившись, что оружие на месте. Сказал — осторожно:

— Я буду рядом...

— Не дури, — оборвал его Дювалье, — это моя смерть, я сам с ней и справлюсь.

«Моя личная смерть» — улыбаясь, думал сам себе Дювалье, глядя, как вспыхивает на экране ее лицо. Улыбкой на алых губах, волной румянца — от шеи к волосам, к самым их кончикам. Как судорожно вздымается, хватая воздух, высокая грудь, и чуть не срываются на

бег длинные, точеные ноги — и все после короткого «зайди» небрежно брошенного в коммуникатор.

Поднял глаза — отцовский взгляд с портрета угрюм и тяжел. Мертвый Дювалье мерил живого глазами. Словно предупреждал:

«Смотри, сынок, доигаешься»...

Звон воды по стеклу — в окно хлестнул упругий дождевой шквал. Щелчок ключа. Стол, верхний ящик — тот, с хищно блестящим маузером. На экране — Эмма — почти бежит. Ворот распахнут, упруго колышется грудь — вторую пуговицу на бегу потеряла. Дювалье усмехнулся — портрету в лицо:

«Нет, папа, такие мозги я и без железа вынесу»

Вбежавшая Эмми явно приняла эту улыбку на свой счет. Замерла на пороге, улыбнулась в ответ. Дювалье встал. Хрустнув, отлетела с ее груди третья пуговица.

Ропот из-за двери, глухой и грозный. Дальний пост, охрана, обход — штурмовики приветствовали командиров привычным здесь:

«Кванто кхорне».

— Кстати, а что это значит? — спросила она... Уже потом, переводя напрочь сбитое любовью дыхание. Первой, безумной, уносящей голову прочь. Дождь звенел по стеклу, черный дым клубился внизу — комком, все не желая распадаться. Накинула рубашку, тихо ойкнула — пуговицы не уцелели, разлетелись прочь по углам. Попыталась завязать в узел на высокой груди...

— Просто клич. Не бери в голову, детка... — усмехнулся ей в лицо Дювалье, одним взмахом руки распуская узел на груди обратно...

— Хорошо, босс. Кванто кхорне, — улыбнувшись, прошептала она, вспыхивая и растекаясь в его руках. Капли дождя звенели и бились в раму окна, стекали вниз по стеклу — близко у самого уха. Крупные, будто слезы..

**

— Кванто кхорне, вот мерзость... — старый Яго тяжело сплюнул в пыль, — клянусь своей винтовкой и своей женой — убью любого, кто еще раз крикнет эту дурь мне в уши.

Эрвин скрипнул зубами — лишь. Качнулся на каблуках, с трудом удерживая равновесие. Усталость тянула мышцы, плавила мысли, звенела кровью в ушах — тягучим, похоронным звоном. Крики отдавались звоном в мозгу. «Яго прав, — угрюмо подумал он, — в ушах уже звенит от этой дурацкой кричалки»

Пленный затих. Один, самый молодой и самый горластый. Зато другой оскалился вдруг, лязгнув на Яго зубами...

— Не тебе говорить, крестовый. Ведьму слушаешь, у бабы под юбкой засел.

Лицо Яго не дернулось, лишь руки — старик шевельнул кистями слегка. В уши — ойканье и сухой, отрывистый хруст. Приклад винтовки описал дугу и с маха врезался крикуну под колено. Тот упал. Винтовка опустилась, глухо стукнув прикладом о землю.

— Ее зовут «вежливой леди», сынок, — сказал Яго, глядя крикуну прямо в глаза. Все так же тихо, — и она тоже баба. Говори вежливей.

Пленный ойкнул, прошипел под нос, корчась на земле и баюкая разбитое колено. Загудела толпа — в Фиделите выжило не так уж и мало людей. И все они собрались вокруг. Толпой, точнее кругом — тесным, гудящим недобро кольцом людей вокруг троицы пленных. Избитых от души, оборванных, но упорно не желающих говорить по делу, Теперь они уже не казались страшными, отнюдь. Один — помоложе — тихо скулил, другой ругался, третий —

просто молчал и смотрел в небо поверх голов, размеренно почесывая высокую скулу с перечеркнутой молнией. Уже не страшные дикари — неистовые, воюющие, от души обвешанные гремящим железом. Просто люди. Люди? Эрвину вспомнилась поляна в лесу — тела, желтые мухи и, поверх дороги, серая тряпка — плакат. На груди одного — черная тряпка с красной, кровавой каймой. А глаза — большие, красивые. И удивленные донелья. Эрвин протянул руку, сорвал тряпку с груди, повертел. На пальцах осталась багровая полоса. Кровь. И блестящая, яркая бусина. Такие нашивают здесь — внизу по подолу. Эрвин невольно сглотнул. И спросил, с трудом узнавая свой собственный голос:

— На хрена?

Пленный сморгнул. Ответил, запинаясь и подбирая слова:

— Унгаан говорил — поможет. Заклинание от пули...

— Унгаану твоему — не помогло. Я спрашиваю, зачем вы это все сотворили?

И услышал ответ. До звона в ушах — безумный и дикий.

— А что? Это ж все враги...

У того округлились в немом изумлении глаза, приоткрылся рот — как, мол, так, очевидного люди не понимают. Эрвина прорвало — шагнул, с маху врезал тому сапогом по мягкому боку. Ирина дернула что есть силы, оттащила его за рукав. Орлан сел ей на плечо, захлопал сердито крыльями.

— Враги — чьи? Расскажи мне...

От взгляда Ирины пленный дернулся — отползти — и заорал, округлив глаза еще больше:

— Уберите ведьму...

Эрвин стукнул его опять. Не помогло. Тот мотнул головой, заорав опять надоевшее Эрвину за день «кванто кхорне»

— А что это за хрень, это кванте как там дальше его? Кто-нибудь знает? — спросил Эрвин, переводя дух. И услышал голос старого Яго в ответ.

— Не знаем. Первое слово, «Кванто» — оно похоже на местную «славу». Только звучит неправильно, огласовки кривые, будто его десять раз туда-сюда перевели. С земного на местный и обратно, машиной, без разума...

Яго замялся, замер на миг, шевеля губами. Махнул рукой. Лязгнул шарик на затворе «вежливой леди»

— А «кхорне» — я не знаю таких слов. Сколько живу — не слышал.

— Это единство, — сказал вдруг третий из пленников — тот, что молчал до сих пор, — единство, то, что рождает силу. И власть... Власть единого народа... От моря до гор. Ни чужеземцев с машинами, ни хитрых ведьм, ни черных попов, чьи слова заставляют воинов склонять спины и пахать, как бабы, на полях. Одна сила, одна власть — и свобода...

— от чего...

— тебе не понять, звездный. Ты не...

— Я поясню, — сказал вдруг Яго, — я помню этого хмыря. Пять лет назад. Хуан выгнал его в шею из Фиделиты.

— за что?

— За пьянку. Ибо сказано: «Кто не работает — тот пусть и не ест»...

— Я воин а не баба или тягловой скот. Мне неместно, — рявкнул пленный, разом побагровев. Яго лишь усмехнулся:

— Воин? Я смотрю на твое лицо. И не вижу. Ни знаков побед на лбу, ни росписей жен

на щеках- в благодарность. Только знак твоего непонятного кхорне.

— Это — свобода, я тебе говорю. От машин, рабства, черных попов и ведьм, что ломают людское достоинство.

Эрвин присвистнул аж:

— Лихо. Ведьм, значит, долой, звездных с их машинами — тоже долой. Скажи, а работать кто будет?

Пленный смолчал. Судя по его виду — гордый воин непонятного разуму «кхорне» работать лично не собирался. И пусть... Ирина остановила его:

— Эрвин, подожди, пусть повторит еще раз. Для лесного язычника он слишком гладко говорит, похоже — по методичке.

Пленный повторил. Гладко, даже охотно. Слова звенели в ушах, сталкивались, гремели как банка с гвоздями. Яго сморгнул, прошептал "не понимаю". Ирина протерла виски.

— Ну точно, методичка. Половина слов в ней — местные, половина земные. А по смыслу — калька с речей одного древнего хмыря. То есть политика, извини. Я читала в истории. Помню только — его повесили.

— Ничего себе, — Эрвин замялся. Пленный мотнул головой, упрямо рявкнул в лицо свое «кванто кхорне».

Ирина потерла лоб. Эрвин замер вдруг, выругался — сердито и страшно... Потом хлопнул себя по лбу:

— Я вспомнил. Слово это вспомнил — еще по «Венусу». Третий трюмный пост, там пленный с Аздарга работает. Он так ругался хитро — я записывал от нечего делать. На их языке это значит «болото»...

Каркнул с плеча Ирины орлан — пленным в лицо, злым, издевательским смехом. Яго улыбнулся, Ирина замерла. Проговорила — недоуменно:

— Ничего себе...

Яго засмеялся, Эрвин сплюнул, договорил — сердито и зло, глядя в округлившиеся лица пленных:

— Слава нашему болоту, выходит. Их хозяин — шутник. И не местный, теперь понятно. Комиссионер узнает — голову ему оторвет.

И добавил, чуть погодя, мягко беря Ирину под руку:

— Пошли, Ир, видеть больше не могу эти рожи.

Ирина кивнула. Тучи плыли над головой. Тяжелые, черные, налитые... Загудела толпа. Пленный рванул скулу — будто хотел ногтями сорвать перечеркнутую молнию. Помотал головой. И вдруг сказал, неожиданно:

— Эй, звездный. В гремящих скалах будешь — брату моему передай. Пусть дома сидит. А то помрет, как я, собачьей смертью...

Глухо стукнул затвор. Полил дождь... Капли ударили Эрвина по лицу — крупные, похожие на слезы...

Эпилог. Культурные особенности

Дождь лил и лил — косой, крупный и густой, словно плотный. Мир за стеной воды стал сер и непроницаем на вид — будто затянут маскировочной сетью. Земля размокла, в жиже вязли колеса и глухо шлепали сапоги. Сквозь шелест дождя по листве, временами летело шипенье и гадючий, предупреждающий треск. Из под ног. Ходить приходилось осторожно, внимательно глядя вниз — подданные Эви жались под брезент, поближе к теплу дизелей и своей королеве. Иринины птицы перекликались вверху, роняя людям на голову мокрые, смятые перья.

Беха шла на север. Медленно, вначале вдоль тракта, потом пришлось свернуть, взять к востоку, сквозь густой лес — автомобильная трасса была забита наглухо. Колонны пехоты, повозки, тягловые звери, разномастные трофейные грузовики — на север шла то ли армия или то ли настоящая орда. Зеркальнолицые, раскрашенные туземные воины. Одетые по-земному штурмовики. Белокожие, разномастные полукровки. Все со знаком перечеркнутой молнии на лбу. Эрвин и Яго разгромили пару отрядов, взяли в плен еще с десятков таких дикарей. На одном трупе нашли методичку — связку истрепанных серых и бурых по краю листов. То ли гримуар, то ли памятка — заклинания и лозунги вперемежку. На привале Ирина — волосыв хвост, губы в нитку — злая, и необычно молчаливая все это время — засела с добычей в углу, на доску под колесами бэхи. С карандашом, аккуратно переписывая в тетрадь и подчеркивая красным непривычные для туземного языка обороты. «Народ», «племя», «раса» и прочая странно звучащая на туземном языке лабуда... Планета всю жизнь обходилась семьей и профессией, ей хватало. Старый Яго подошел, посмотрел ей через плечо — внимательно, на ползущий по листу вверх ряд красных линий.

— Будто лестница... сказал он наконец, шевеля губами в раздумье, — лестница из пустых слов, по которой кто-то лезет на небо.

— Как только верят в эту фигню...

— Верят. Охотно. Этот кто-то, их шеф очень грамотно строит пропаганду. Каждый мечтает быть кем-то лучше, чем он есть. Возьми человека, покажи ему это «лучше», заставь представить — зримо, яростно. А потом наври, что это «лучше» кто-то украл. И все. Мозги отрубаются напрочь.

Ирина фыркнула, тряхнула головой — тяжело, откидывая со лба влажную черную прядку. Выдохнула — глухо, устало:

— И бог с ними. Только дайте мне добраться до связи — и эта лестница из слов приведет их всех в петлю. Они нарушили мир и поставили экспорт тари под угрозу. Флот здесь все порвет на куски.

— Дай бог, звездная, дай бог, — проговорил Яго, медленно поднимая глаза.

— Только дайте мне добраться до связи, — огрызнулась Ирина, еще раз тряхнув мокрой от росы головой, — Эрвин, нам долго еще?

Хлюпнули по мокрой земле сапоги. Подошедший Эрвин лишь тихо поежился — холодная струйка воды протекла сквозь брезент, хлестнула его по загривку. По карте им было недалеко. Переход через драконий тракт, потом степь и Сан-Торрес. Переход, действительно, подземный, как в городах — сеть кастовых пещер в горе, приспособленная «крестовыми» для того чтобы развести зверей и машины. Потом два дня по ровной степи — и все, Сан — Торрес де Ультрастелла. Цель пути. Город, манивший их весь путь — издали,

блеском золотых крестов далеко, над линией горизонта. Но напрямик не пройдешь... Дорога забита. Захлопали над деревьями крылья — орлан подлетел, тяжело, разбрызгивая капли воды с оперенья. Птиц мотнул белой головой, встряхнулся — по собачьи, разбрасывая влагу вокруг. Ирина потрепала его по голове. Эрвин щелкнул приемником. Экран лениво мигнул, поползла картинка с камер под птичьим крылом — кривая, не в фокусе. Серый, затянутый вуалью дождя горизонт, лес, дорога. Вытянутые силуэты грузовиков. Много, очень. Охряная и черная, заросшая мхом и ветвями скала. Вход в пещеру — исполинский, черный провал. Сбитый отбойник, поваленные знаки, комья взрытой земли. И... На площадке — отстойнике, перед входом — хищные двулапые тени. Стройными рядами — Эрвин вначале их принял за эскадрон «сотрясателей» Бес местных знает, могли и этот ходячий кошмар к делу поставить. Картинка приблизилась, стали видны угловатые силуэты, командные башенки, шарниры на лапах и вороненая сталь орудийных стволов. Шагающие танки. С десяток — легкий разведывательный эскадрон. С экрана мигнула вспышка. Изображение пошло ходуном. Орлан сердито каркнул, распушив пышный хвост, слегка оплавленный лазерным залпом.

— Ты молодец, — Ирина улыбнулась, пригладила белый хохолок на его голове. Ласково. На экране — лазерный сполох. Еще и еще.

— Мазилы, — проворчал Яго, скривив лицо. Орлан задрал голову, клекотнул. Догадка, интуиция или параноя, но палили танкисты по всему, что идет, летит или ползает.

Эрвин прикинул на глаз калибры и число стволов. Поежился, скрипнул зубами короткое:

— Не пройдем, проще сразу повеситься.

— Надо. Надо пройти... — голос Ирины дрогнул. Слегка. И губы — белые, даже сквозь дождь. И дрожат. Эрвин мягко шагнул назад, прежде, чем она сорвется в истерику.

Дождь хлестнул по лицу. Теплый — было жарко, даже сейчас. Деревья вокруг тонули в водяной пыли. Темная, шелестящая листвою громада. Станислав, насвистывая, возился в грузовике. В кузове — темным квадратом — рояль. Тот самый рояль, заботливо укутанный брезентом в два слоя. Ирина уперлась, категоричным тоном потребовала от мужиков — вывезти чудом уцелевший инструмент из разрушенной Фиделиты. Строго, погрозив пальчиком. Мужики пожали плечами и пошли грузить. Не особо понимая — почему. Это было безумием и клинической глупостью — громоздкий деревянный куб серьезно тормозил их марш. Пару раз Эрвин честно хотел выкинуть его на ходу — но всякий раз почему-то руки замирали.

Хлюпнул по грязи сапог. Эрвин обернулся, увидел Ирину. Дождь хлестал по лицу, стекал белыми струями по скуле, прямо по черным, тонким линиям татуировки.

— Укройся, ты сама не своя...

Бросил Эрвин, дернувшись навстречу. Брезент скользнул под ладонью, Эрвин потянулся к ее плечам... Ирина мягко отстранила его руку.

— Ничего. Все равно уже мокрая, вся. А дождь — теплый. Эрвин... Забыла тебе отдать Возьми.

Мягко хрустнула пуговица, по глазам белой тенью — расстегнутый ворот. «Укройся, промокнешь» — хотел сказать Эрвин, но не успел. Куртка застегнулась опять, а в руки Эрвину скользнула деревянная палочка.

— Что это? — Эрвин взял. Машинально. Кусок дерева в две ладони длинной. На толстом конце рисунок — в пару умелых линий ножом, скупых и точных. Знак Фиделиты —

дева, ведущая коня в поводу. Красиво. И ниже, по белому дереву — недлинный ряд черных зарубок — штрихов.

— Это палочка, — пояснила Ирина и замерла, видя его недоумение, — Ой, забыла объяснить. Так в Фиделите отмечали трудовни, заработок. Эта твоя, за пластиковый ангар — еле выбила из Хуана тогда. Эрвин, я ведь хотела там остаться. Совсем. Договорится с Хуаном, поставить дом и зажить — просто. Подальше от всего — уставов, приказов интриг и стальных коридоров. С тобой. Просто...

— Ириш, ты чего?

— Ничего. Уже ничего. Совсем заклевала всех. Прости, я скоро приду в норму... А еще я накладную на этот рояль нашла. В Сан Торрес, для музыкальной школы квартала святой Инны. Как в одном мире может существовать музыкальная школа и этот кровавый кошмар — прости, в голове не укладывается.

Они не заметили, как обошли лагерь. По кругу, скользя по черной, размокшей земле. Дождевой полог раздвинулся. Беха показалась на миг — вся. На волнорезе что-то белело. Губы у Иры — белые и дрожат. Насчет «остаться» — это она, конечно, сгоряча. Блажь, глупость клиническая, с ее-то происхождением и карьерой — идиотизм, но... Эрвин честно собрался это сказать. Но, вместо — скрипнул зубами:

— Никак. Держись, родная, кошмар — кончится.

— Обещаешь? — а у нее улыбка — тихая. Доверчивая, какая-то детская. Такая, что захотелось улыбнуться в ответ. Прижать, погладить по голове, сказать — ласково:

— Да... Любой кошмар кончается, рано или поздно. Однажды проснешься — и будешь гадать, не приснилось ли тебе все это.

«Вот только народу для этого придется перебить, — угрюмо подумал Эрвин. Ирина улыбнулась. Вдруг. Мысль скользнула по голове — от висков к черепу, гремучей змейкой, — сколько бы не было. Всех. Сами напросились»

Ирина кивнула. Под ногами зашипела змея. Эрвин повернулся — на миг стало не по себе. Сверху, на капоте — белая кость, зубы, черные провалы глазниц. Череп. На самом верху, шапкой на тупом ноже волнореза. Кто-то- ДаКоста, наверно, глумясь, вставил в зубы мертвецу размокшую сигарету.

— Миа все-таки сделала это, — тихо сказала Ирина, проследив его взгляд, — и пусть. Это парень со снайперкой, тот, что целился в Мию — тогда, у ангара, на поле. Их командир. Был. Больше он никого не убьет, а живые — дай бог — увидят и одумаются. Если, еще осталось — чем.

— Культурные особенности, курца их мать, — выругался Эрвин. Хлюпнули по воде сапоги. Ирина ушла, махнув рукой на прощание. Череп смотрел высоты — провалы глазниц, темные и пустые, как чужие слова. Те, красные, из методички. Обломилась и упала в грязь размокшая под дождем сигарета.

— Курить вредно... — сказал Эрвин ему. Строго, на Иринин манер погрозив Уарре — воину пальцем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net